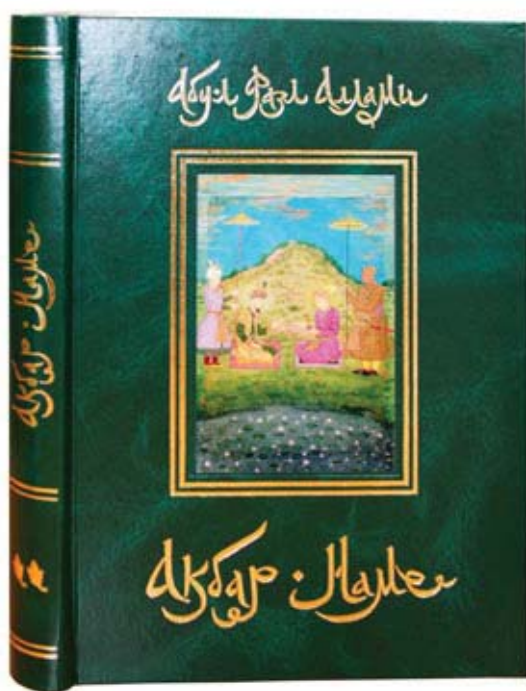

THE AKBARNAMA

of

Abu-l-Fazl

**Translated from Persian
by H. Beveridge**

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга вторая

Самара
Издательский дом «Агни»
2005

ББК 63.3(5)
А17

*Издательство выражает глубокую признательность
Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения РАН,
Государственному музею Востока (г. Москва)
и Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург)
за содействие в подготовке издания*

Ответственный редактор *В.В. Гаврилов*
Научный редактор *С.Н. Воробьёва*
Перевели с английского: *А.Е. Дунаев, И.О. Клубкова*
Художник-оформитель *Е.Е. Кольянова*

Абу-л Фазл Аллами

А17 Акбар-наме. Книга вторая. — Самара: Издательский дом
«Агни», 2005. — 368 с.: ил.

ISBN 5-94650-023-6

Вторая книга «Акбар-наме» продолжает впервые предпринятое на русском языке издание монументального труда, написанного в XVI веке Абу-л Фазлом Аллами, и рассказывает о детстве падишаха Акбара. Через полные драматизма события периода междоусобиц и войн раскрывается история Центральной Азии середины XVI века. Запечатленная другом и советником Акбара история его жизни позволяет понять, как формировался характер будущего великого правителя.

Текст дополнен фрагментами из «Аин-и-Акбари» («Установления Акбара»), уникального свода документов по управлению и организации армии и хозяйства в Индии времен падишаха Акбара. Книга сопровождается подробным научным комментарием, именным и географическим указателями, проиллюстрирована репродукциями уникальной персидской и индийской миниатюры XV–XVII вв. из собраний Государственного музея Востока, Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Книга будет интересна любителям истории, литературы и искусства Востока.

ББК 63.3(5)

ISBN 5-94650-023-6

© ООО «Издательский дом «Агни», 2005

С.Н. Воробьева

ДЕТСТВО АКБАРА «ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА» ОТ АБУ-Л ФАЗЛА

Мы продолжаем рассказ о жизни падишаха Акбара, вошедшего в историю как Акбар Великий (1542–1605). Повествование первой книги «Акбар-наме» завершается в момент, когда падишах Хумаюн, наследник Бабура, получил известие о рождении долгожданного сына, предсказанном ему в чудесном сне¹. Предсказанность, предопределенность свыше рождения Акбара и его деяний — эта мысль красной нитью проходит через весь труд Абу-л Фазла Аллами. Но особенно ярко она прослеживается в тех главах, что посвящены предкам Акбара, его рождению и детству, полному драматичных событий и испытаний. Приступая к работе, Абу-л Фазл стремился создать книгу, которая, подобно великим эпосам, определяла бы, программировала бы поведение людей на века. И тогда уже не важно, что в ней — история, а что — миф. Неразрывно связанная с личностью Акбара, через его деяния и слова книга должна была постулировать моральные, а зачастую и юридические нормы, обосновывая отмену старых и установление новых правил, необходимых для дальнейшего развития общества.

Великая книга! Для христиан таковой стал Новый Завет, выросший из великой книги иудеев — Ветхого Завета. Для мусульман — это Коран, а для зороастрийцев — Авеста.

Создать книгу, подобную им по воздействию на умы людей, мечтал Абу-л Фазл. И не случайно уже в названии ее был заложен двойной смысл: то ли «Книга Акбара», то ли «Великая Книга», поскольку *акбар* означает «великий». «Великая Книга», рассказывая о жизни и деяниях этого великого правителя, должна была помочь погрязшим в заблуждениях людям освободиться от мрака, порождаемого фанатизмом и устаревшими нормами. Именно Акбар должен был стать тем маяком, который проведет через рифы разных культурных традиций и укажет путь истинной веры — веры в Единого для всех народов Господа — *дин-и илахи*.

Был ли замысел Абу-л Фазла лишь отражением его низкопоклонства по отношению к Акбару, дескать, претворявшему в жизнь задуманные Абу-л

¹ Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. Цитаты в статье указаны по этому изданию.

Фазлом реформы? Так полагала К.А. Антонова, посвятившая научный труд Акбару и его реформам². Так отчасти считал и Г. Беверидж, более 30 лет переводивший «Акбар-наме» с фарси на английский³. Но вряд ли всё так просто и однозначно. Ведь зачастую мы судим с позиции читателя конца XX — начала XXI века, привыкшего к динамичности изложения, конкретности деталей и эпитетов, но, что немаловажно, оперирующего прежде всего привычными терминами и образами иудео-христианской, греко-романской или кельто-германской мифологии. А мир Востока всё так же остается экзотикой йогов и единоборств в сочетании с привлекательно-заманчивой в своей «туманности» философией суфиев, даосских монахов, буддистов и пугающим фанатизмом современных мусульманских террористов. И потому, вырвав книгу из ее культурно-исторического контекста, мы не сразу осознаём за непривычной для европейца витиеватостью слов и образов древнюю литературную традицию с ее сложным миром ассоциаций, символов, игрой слов. И лишь сравнивая с такими образцами арабской и персидской литературы, как сказки «Тысячи и одной ночи», «Шах-наме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами, «Тути-наме» Зийа ад-Дина Нахшаби, понимаешь, что пышная риторика в отдельных местах «Акбар-наме» — лишь следование литературной традиции. Но этот прием как внешняя форма изложения мыслей позволял многим писателям и философам средневековья и в мусульманском и в христианском мире излагать в понятной и привычной читателю и слушателю системе образов и символов новые мысли и идеи, достигая их самого широкого распространения в народных кругах, особенно быстрого на благодатной почве традиционных ожиданий. Была ли книга Абу-л Фазла попыткой ответа на эти чаяния? Несомненно. Но какими были настроения в индийском обществе, на которые стремился ответить историк и государственный деятель Абу-л Фазл Аллами?

Итак, весна 1589 года. 38-летний Абу-л Фазл приступает, с согласия и по наказу падишаха Акбара, к работе над книгой. Событие значительное, особенно если принять во внимание, что по мусульманскому летосчислению идет 997 год, а значит, кончается первое тысячелетие. Мусульманский мир уже много лет будоражат слухи о предстоящих катаклизмах, о скором приходе Даджжала (аналог Антихриста), а затем Махди, который спасет мир. Сейчас, пережив ливень пророчеств, связанных с наступлением третьего тысячелетия от Рождества Христова, мы в некоторой степени можем представить себе настроения, царившие в мусульманских странах на протяжении всего XVI века.

Для тесно переплетенных в истории судеб народов Средней Азии, Ирана и Индии начало XVI века ознаменовалось новыми войнами. Одряхлевшая

² Антонова К.А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 7, 225.

³ Abu-l-Fazl Allami. The Akbarnama. Vol. III. Trans. by H. Beveridge. Calcutta, 1939. P. IX.

держава Тимуридов, раздираемая междоусобицами многочисленных потомков Тимура, всё больше ослабевала и уже не могла противостоять ударам степняков, возглавляемых умным и жестоким Шейбани-ханом, потомком Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Сравнительно быстро завоевав огромную территорию от Каспийского моря до Ферганской долины, Шейбани-хан в борьбе за контроль над Хорасаном столкнулся в 1510 году с войсками Исмаила I Сефеви (1502—1524) и пал в сражении под Мервом. Эта победа иранских войск позволила молодой династии Сефевидов распространить свою власть на всю территорию Ирана, включая Хорасан, и, по сути, определила границы сфер влияния Сефевидов в Иране и Шейбанидов в Мавераннахре (Средней Азии). Тимуриды были окончательно вытеснены за пределы Мавераннахра, несмотря на неоднократные попытки Бабура (1483—1530) вернуть Самарканд — столицу среднеазиатских Тимуридов, отняв его у наследников Шейбани-хана. Поняв сложность борьбы за Мавераннахр, Бабур направил свои усилия на завоевание Индии, легендарной и манящей. Еще во время первого похода в Индию в 1518—1519 годах Бабур был поражен тем, насколько природа этой страны и традиции населяющих ее народов отличаются от Мавераннахра и Афганистана. Подробно и восторженно описав животный мир и растения Индостана в своих воспоминаниях (Бабурамнаме, 270 а—292 б), Бабур не скрыл и того, как его влекла Индия. Но лишь в пятом походе, в битве при Панипате 21 апреля 1526 года, Бабур одержал победу над султаном Дели Ибрахимом Лоди, поставив тем самым точку в истории Делийского султаната (1206—1526). Быстро завоевав почти всю Северную Индию и значительную часть Центральной, Бабур умер 26 декабря 1530 года, передав власть старшему сыну Хумаюну и предварительно взяв с него слово жить в мире с братьями — Камраном, Хиндалом и Аскари. Перипетии борьбы за власть между сыновьями Бабура, а также афганским военачальником Шершахом Суром, захватившим власть в Индии и надолго изгнавшим Хумаюна за ее пределы, подробно описаны Абу-л Фазлом в первом томе «Акбар-наме» (главы 20—61). Разрушенная экономика, разоренные города, обездоленные горожане и крестьяне — всё это было естественным результатом непрекращающихся военных действий, когда враждующие армии то и дело прокатывались по стране. И неудивительно, что всё больший отклик в народе находили слухи о скором приходе в мир праведного царя Махди, который восстановит справедливость на земле.

В исламе образ ал-Махди как справедливого правителя будущего первоначально связывался с приближением Судного дня. Перед его наступлением в мир должны прийти ал-Махди и Иса (Иисус Христос) и возвестить близость конца света. Тогда Махди, как праведный царь, восстановит первоначальную чистоту веры, победив Даджжала. Но если в суннизме Махди являлся скорее мифологическим символом справедливого государя, то для шиитов Ирана вера в пришествие Махди была неразрывно связана с верой в возвращение

«скрытого» имама, происходившего из рода Али ибн Абу Талиба, племянника и зятя пророка Мухаммада. Поэтому ожидание Махди, вера в его возможный скорый приход всегда теплились в душах иранцев. Особенно усилились эти ожидания в начале XVI века, когда власть в Иране перешла в руки вождей кызылбашских племен, которые возвели на престол малолетнего Исмаила I Сефеви. Воинственные кочевники, кызылбаши, стремились подчинить и распределить между своими племенами все земли, пригодные для их способа хозяйствования, изгоняя прежнее население с обжитых мест. Подобная внутренняя политика, а также войны, которые вели Исмаил и его преемник, старший сын Тахмасп I (1524—1576), вызвали резкое обнищание коренных жителей, создав почву для роста махдистских настроений. Грядущий конец первого тысячелетия по хиджре еще больше подогревал веру в скорый приход Махди. Движение махдистов в Иране, поначалу не выходившее за границы традиционного шиизма, охватывало всё более широкие слои общества, включая духовенство, прежде всего суфийских шейхов. Формируясь под лозунгами традиционной догматики, махдизм быстро перерос границы Ирана, распространившись по всей Центральной Азии. В Северной Индии махдистские настроения начали шириться после того, как Хумаюн, обратившись за поддержкой к шаху Тахмаспу, получил от Ирана военную помощь. Вслед за иранскими войсками шли торговцы, бывшие часто и проповедниками.

В Индии, разоренной непрекращающимися войнами между наследниками Бабура и Шер-шахом Суром, а затем и его сыновьями, искры народного ожидания скорого пришествия праведного царя, тлевшие в XV веке, всё более разгораются. В Агре, а также в городах Гуджарата, Бианы и других областей шейхи проповедуют скорый приход Махди, находя поддержку среди городских слоев. Конечно, движение махдистов было разрознено, но и шах Тахмасп, и правившие до 1555 года в Индии Суры прекрасно осознавали опасность для власти имущих, скрытую в этом массовом ожидании справедливого правителя, тем более что нередко махдисты вели себя весьма воинственно. Так, в 1548 году шейх Абдулла Ниязи фактически установил свою власть в Биане и попытался наладить связь с махдистами Гуджарата, послав для этого очень уважаемого в народе шейха Алаи. Его сопровождали 600—700 семейств последователей, вернувшихся, правда, с полпути обратно. Ислам-шах Сур, наследник Шер-шаха, попытался «урезонить» лидеров махдистов, вызвав шейха Алаи ко двору. Но его независимое поведение и публичный отказ отступить от своих убеждений вызвали лишь раздражение высших кругов знати и духовенства. Созванные Ислам-шахом улемы (знатоки законов) постановили казнить шейха за ересь, но шах не осмелился и сослал его в Деккан. После этого начались расправы над махдистами. Сначала до полусмерти был избит палками престарелый шейх Абдулла Ниязи, которого Ислам-шах уговорил приехать ко двору без охраны. После выздоровления Ниязи отошел от активной политики и до конца своих

дней жил в безвестности в Сихринде. Затем вновь вызвали ко двору шейха Алаи, недавно переболевшего чумой. После повторного отказа отречься от веры в скорый приход Махди шейха Алаи по приказу Ислам-шаха начали бить палками, и тот умер уже после третьего удара. По стране прокатилась волна жесточайшего преследования всех подозревавшихся в принадлежности к махдизму. Пострадала и семья шейха Мубарака Нагори, отца Абу-л Фазла, осмелившегося открыто защищать идеи махдизма перед самим Ислам-шахом: семье пришлось несколько лет скитаться по Индии, скрываясь от расправы. Сам Абу-л Фазл написал об этом в автобиографии в III томе «Аин-и-Акбари»⁴, но практически не упомянул в «Акбар-наме», рассказывая о событиях, происходивших с Хумаюном и Акбаром. Видимо, он посчитал историю махдистов и своей семьи выходящей за рамки основного повествования.

Несмотря на то что Ислам-шах сумел подавить массовое махдистское движение, саму идею возможного прихода Махди было невозможно изгнать из умов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Мубарак Нагори передал эту веру своим шести сыновьям. И неудивительно, что народное ожидание пришествия праведного царя, который восстановит справедливость и порядок в мире, столь ярко выражали в своих трудах Абу-л Фазл и его старший брат Абу-л Файз Файзи, поэт и крупный государственный деятель. Ведь именно Файзи первым пытался в задуманной им поэме «Акбар-наме» воспеть Акбара как воплощение справедливого государя. Поэма осталась незавершенной, но строфы из нее включил в свою книгу Абу-л Фазл, сохранив их для потомков.

Среди ученых до сих пор не утихают споры о том, был ли Абу-л Фазл идейным вдохновителем проводимых Акбаром реформ или лишь их искренним и ревностным сторонником. Несомненно, что приступая к работе над «Акбар-наме», он ставил своей целью обосновать через описание жизни Акбара неизбежность всех происходящих перемен как волю Господа, пославшего пострадавшим людям праведного царя в лице Акбара. Это оказалось нелегкой задачей, ведь труд Абу-л Фазла изначально был адресован не узкому кругу образованных мусульман, а представителям всех слоев многонациональной и многоконфессиональной Индии. Если отбросить предвзятый взгляд на автора «Акбар-наме» как на придворного панегириста, становится очевидным, что он стремился, в рамках стереотипов мышления своего времени, доказать, что именно Господь, единый для всех людей независимо от того, как они его именуют, возложил на Акбара бремя восстановления в мире попорченной ранее справедливости.

Мог ли в таком случае Абу-л Фазл обойтись без длинного перечня предков Акбара и рассказа о жизни его отца, падишаха Хумаюна? Нет. Ведь эти кажущиеся излишними подробности — дань древней традиции, когда

⁴ Abu-l-Fazl Allami. Ain-i Akbari. Vol. III. Trans. by H.S. Jarrett. Calcutta, 1894. P. 263–266.

родословие призвано подтвердить законность (и закономерность) рождения конкретного исполнителя Божьего предназначения. Она отражена и в памятниках персидской литературы, таких как «Карнамак-наме» и «Шахнаме», и в жизнеописании пророка Мухаммада, написанном Ибн Хишамом — «ас-Сира ан-набавийа». Рассказ о предках занимает значительное место и в индийских эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна», и в «Рагхуванше» (Род Рагху) Калидасы. Происхождение от достойных предков, из достойного рода, еще до недавнего времени во многом определяло на Востоке положение человека в обществе, доступный ему круг занятий, общения. «Он из хорошего рода» — эти слова часто были достаточной рекомендацией. И потому Абу-л Фазл уделяет столько места рассказу о почтенности рода, к которому принадлежит Акбар. Но внимательный читатель заметит, что и новозаветное «Евангелие от Матфея» начинается с родословия Иисуса Христа (1:1–17), а в «Евангелии от Луки» родословие Иисуса от Адама помещено сразу после рассказа о его крещении (3:23–38).

Итак, рассказ Абу-л Фазла о предках Акбара начинается от Адама как первого человека на земле (Акбар-наме. Кн. 1, гл. 8–9). Но прекрасно зная не только мусульманскую традицию, также выводящую родословие пророка Мухаммада от Адама, но и христианскую, Абу-л Фазл сознательно делает упор на линию, не идущую от старшего сына Ноя (коранич. Нух) — Сима (коранич. Сам, Шам), к которому возводили родословные как Иисуса, так и Мухаммада⁵, двух особо почитаемых пророков. В основу линии Акбара положена тюркско-персидская традиция, исходящая от другого сына Ноя — Иафета (коранич. Яфис). Родословие, идущее от сына Яфиса — Турка (эпонима всех тюркоязычных народов), позволяло, с одной стороны, избежать обвинения оппонентов в прямом уподоблении Акбара Иисусу и пророку Мухаммаду, с другой стороны, придавало большую правдоподобность рассказу о предках, а с третьей, делало естественным включение рассказа об Алангоа и передачу через нее божественной благодати, воплощенной в солнечном (божественном) свете, к ее потомкам. Выстраивая генеалогию Акбара, Абу-л Фазл стремился избежать явного параллелизма с христианством и исламом, подчеркивая самостоятельность линии Акбара, но сохраняя узнаваемость общих корней от Адама до Ноя. Одновременно выделяется следование сложившейся исторической традиции вести родословную Тимуридов параллельно с родословной Чингизидов — от двух сыновей Тумана-хана (совр. чтение — Тумбинай-сечен) Кабула и Качули. От Кабула (Кабала, Хабула) в «Сборнике летописей» Рашид ад-дина идет родословная Чингиз-хана⁶. А через Качули (Каджули) в «Автобиографии Тимура» («Тузюк-и Тимур») выстраивается родословная Тимура, а значит, и его потомков⁷.

⁵ Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммада. Пер. с араб. Н.А. Гайнулина. М.: Умма, 2002. С. 10.

⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 29, 31.

⁷ Автобиография Тимура//Тамерлан. М.: Гураш, 1992. С. 61.

Мифологизация родословной Акбара в изложении Абу-л Фазла для нас несомненна, но для современников ее достоверность, подкреплённая более ранними свидетельствами, и прежде всего жизнеописаниями великого Тимура, была достаточно высока, чтобы формировать определённую направленность восприятия личности самого Акбара. Но при этом Абу-л Фазл понимал, что рассказа о предках, даже самых достойных, недостаточно, чтобы подвести читателя к осознанию богоизбранности Акбара. И вновь он обращается к уже сложившимся в религиозной и эпической литературе схемам: рассказ о деяниях должен предваряться рассказом о детстве и чудесных проявлениях, отмеченных современниками. Учитывая, что рядом с Акбаром было достаточно много людей, знавших его с детства, можно сказать однозначно, что Абу-л Фазл не мог позволить себе прямую подтасовку фактов. Напротив, приступив к написанию книги, он бережно собрал все воспоминания очевидцев, испросив для этого у Акбара специальный указ. Конечно, в текст оказались включены лишь те из них, которые вписывались в задуманную Абу-л Фазлом канву, но при этом создавалась видимость определённой беспристрастности.

Итак, повествование должно было строиться по привычной для средневекового мышления схеме. А она требовала, чтобы за рассказом о предках следовал рассказ о чудесных событиях, предшествующих рождению главного героя. Так, о грядущем рождении Иисуса говорят пророчества Михея (Евангелие от Матфея, 2:6), Исайи (Евангелие от Луки, 2:26–32), пророчества Даниила, Аггея, Захарии и др. Архангел Гавриил благовествует Марии о рождении у нее Сына (Евангелие от Луки, 1:26–38). А рождению Акбара предшествует пророчество, передаваемое из поколения в поколение, — чудесный сон Качули, в котором из его груди после семи звезд появилась восьмая, осветившая весь мир. Рассказ о сне Качули Абу-л Фазл повторяет дважды — в главе 1 и главе 15, стремясь подчеркнуть мысль о предопределённости рождения Акбара задолго до самого этого события. В христианских апокрифах, достаточно хорошо известных мусульманским богословам, Благовещение описано даже более эмоционально («Первоевангелие Иакова», «Книга о рождении блаженнейшей Марии и детстве Спасителя»). Момент благовещения имеется и в рассказе о рождении пророка Мухаммада: «...к матери его явился во сне дух и сказал: «Ты беременна сейчас господином нации. Когда ты родишь его, скажи: «Поручаю его под покровительство Всеединого, чтобы защищал его от злого умысла всех завистников. Потом назови его Мухаммадом» (Ибн Хишам. «ас-Сира ан-набавийа»). Но особую важность приобретает факт благовещения отцу. В «Евангелии от Матфея» ангел обращается не к Марии, а отцу Иисуса по роду человеческому Иосифу: «...Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (1:20–21). Этот же мотив — благовещение отцу о рождении великого

сына — открывает и повествование об Акбаре (Акбар-наме. Кн. 1, гл. 1). За два года до рождения Акбара, еще до брака с его матерью Хамидой Бану бегим, Хумаюн видит сон, в котором один из прославленных святых Ахмад-и Джам предсказывает ему рождение сына, «чье величие сиянием озарит чело и чей свет славы будет сверкать с висков». Он же говорит, что мальчика должны назвать Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар. Это произошло в Лахоре 10 июля 1540 года.

Да, Абу-л Фазл сознательно создает параллели между своим рассказом об Акбаре, евангелиями, преданиями о пророке Мухаммаде. Но здесь Акбар — это воплощение справедливого государя, пришедшего для всех людей, независимо от их вероисповедания. Рассказ о пророчествах, связанных с рождением Акбара, также сознательно перекликался и со знаменитыми строками «Шахнаме» — с пророчествами о рождении Фаридуна, которому суждено освободить Иран от злобного тирана Зохака⁸, или о рождении Кей-Хосрова, отомстившего за убитого отца Сиавуша и восстановившего попорченную справедливость:

...И видит Пиран удивительный сон:
Как солнце, сияющий светоч зажжен.
На троне сидящий с мечом Сиавуш
Взывает: «Что дремлешь, о доблестный муж!
Ты сладкие грезы от глаз отгони
И мыслью проникни в грядущие дни.
День праздничный встанет и молод, и нов.
Сей ночью рождается шах Кей-Хосров»⁹.

Образы героев «Шахнаме», близкие ираноязычным народам Центральной Азии, были чужды индусам, составлявшим основное население Индии, но в рассказе о детстве Акбара они узнавали мотивы «Хариванши», повествующей о жизни Кришны, или сказаний о Раме, в котором воплотился Вишну. Калидаса в своей поэме «Род Рагху» возвышенно описывает чудесный сон, который увидели жены царя Дашаратхи перед рождением Рамы и его братьев¹⁰. Буддисты же вспоминали волшебное сновидение Майядевы, матери принца Сиддхартхи, будущего Будды, о белом слоне, вошедшем в ее лоно.

Новый ряд ассоциаций Абу-л Фазл начинает выстраивать от рассказа о рождении Акбара. С одной стороны, он вновь рисует параллель с образом Иисуса, как в «Евангелии от Луки» (2:1–21) и ряде апокрифических евангелий: Акбар рождается ночью в пути, во время остановки в Амаркоте (Умаркоте) его

⁸ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М.: Ладомир—Наука, 1993. С. 51–55, ст. 1330–1459.

⁹ Фирдоуси. Шахнаме. Т. II. М.: Ладомир—Наука, 1994. С. 255, ст. 8137–8144.

¹⁰ Калидаса. Род Рагху. Песнь X, 60–65. Пер. с санскрита, введ. и коммент. В.Г. Эрмана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. С. 194.

матери, следующей на значительном расстоянии за отрядом Хумаюна; в момент рождения Акбара сквозь решетку окна в комнате Хумаюна сияет необычный свет, а затем Хумаюн видит восхождение сияющей звезды, свет которой «охватил огромную часть мира» (Акбар-наме. Кн. 1, гл. 1. 15–16; гл. 2. 19–20). Эта параллель не случайна, ведь Иса — Иисус почитаем не только христианами, но и мусульманами. Он — последний пророк перед Мухаммадом, он предвестил приход Мухаммада, и он сам есть проявление Божественного духа — «слово от Аллаха, имя которому Мессия Иса» (Коран, 3:40/45). Иса вместе с Махди вновь явится в мир перед концом света, чтобы восстановить попранные Даджда-лом и его приспешниками веру и справедливость. А первым проявлением его чудесной природы стали слова новорожденного Исы в защиту своей матери: «Я — раб Аллаха. Он дал мне писание и сделал меня пророком» (Коран, 19:31/30). Сопоставление с Исой усиливает официальное титулование, принятое для матери Акбара Хамиды Бану бегим — Мириам-макани, т.е. «равная Марии», «та, которая пребывает с Марией»¹¹.

Абу-л Фазл опять не ограничивается сюжетами только ислама и христианства. В рассказе о рождении Акбара прослеживается и мотив чудесного рождения пророка Заратуштры, последователи которого, при своей относительной малочисленности, играли активную роль в экономике средневековой Индии. По преданию, новорожденный Заратуштра громко рассмеялся, а затем произнес молитву «Ахуна Вайрья» (Денкарт. VIII. 3. 2-3). А описание праздника по случаю рождения Акбара, скорее символическое, чем реальное, сравним с описанием рождения Рамы: «Музыка, отличающая рождение сына, зазвучала — и первыми загремели божественные литавры на небесах, и, открывая торжество, дождь из небесных цветов пролился на царские чертоги»¹².

Но всё же, говоря о многочисленных параллелях, которые выстраивает Абу-л Фазл, повествуя о детстве Акбара, необходимо подчеркнуть, что он тщательно избегает буквальных совпадений. Он словно выделяет для читателя ключевые моменты детства Акбара, не увязывая их тесно ни с одним преданием, а обращаясь к народной вере в то, что сокрытая до назначенного Богом часа Божья благодать время от времени проявляется в детстве чудесными знамениями и происшествиями. Первым таким знамением в повествовании Абу-л Фазла стал свет звезды, увиденной Хумаюном в момент рождения Акбара. Человек, знающий евангелия, сразу отмечал параллель с Вифлеемской звездой. Для зороастрийца очевидной была ассоциация со светом, озарившим селение, в котором

¹¹ Подробнее см.: Воробьева С.Н. Родословная падишаха Акбара в «Акбар-наме» Абу-л Фазла: создание мифа // Россия — Индия: перспективы регионального сотрудничества (Самара). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 44–53.

¹² Калидаса. Род Рагху. Песнь X, 65–70. С. 195. Сравни: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 45–46.

родился Заратуштра. Индиец же видел аналогию со светом новорожденного Рамы, что «сиянием, в котором ему не было равных, затмил блеск светильников в покое роженицы» (Калидаса. Род Рагху. Песнь X, 70—75), и золотым сиянием новорожденного Кришны, озарившим темницу его родителей, Деваки и Васудевы («Сказание о Кришне»).

Дальнейшие события детства Акбара описаны Абу-л Фазлом как знаки, указывающие на великое будущее, на предопределенность верховной власти. Выстраивается целая цепь. Младенец Акбар хватает рукой висящую на шее его дяди Камрана печать, символ власти, — это знак грядущего правления. Акбар по инициативе Камрана борется с Ибрахимом, сыном Камрана, за барабан, также символ власти, и побеждает того — это знак грядущей победы. Акбар среди многих женщин безошибочно узнает свою мать — это знак наделенности духовным видением, умением различать внешнее и внутреннее. Мирза Камран пытается подставить Акбара под огонь стрелков Хумаюна, осаждающего Кабул (гл. 43). Но внезапно гаснут фитили и у стрелков (речь идет еще о фитильных ружьях, а не кремневых), и у пушкарей. И лишь после этого Сумбул-хан видит Акбара, стоящего на крепостной стене, и приказывает прекратить огонь. Этот знак Божественной защиты можно сравнить и со спасением младенца Иисуса, по слову ангела увезенного Марией и Иосифом в Египет, и со спасением Заратуштры от дэвов и злых карапанов, и, что особенно важно, со спасением маленького Кришны от происков злобного царя Кансы.

Повествуя о событиях детства, Абу-л Фазл создает такой образ Акбара, который близок людям разных культур — мусульманам, христианам, индусам. Соединив в рассказе о детстве Акбара различные мифологические и фольклорные мотивы, он рисует образ одновременно и реальный, и несколько сказочный — прием, и сейчас используемый в предвыборной борьбе политтехнологами. Но было ли это повествование всего лишь панегириком придворного в адрес Акбара? Конечно, в «Акбар-наме» достаточно сухое повествование об исторических событиях часто перемежается с восторженными поэтическо-философскими отступлениями. Но для литературы Центральной Азии эти отступления, кажущиеся сегодня чрезмерно длинными и напыщенными, были необходимым элементом, поскольку именно в них проявлялась авторская позиция, разъяснялся замысел, читатель подготавливался к верному восприятию дальнейшего повествования. Достаточно сравнить текст «Акбар-наме» с другими историческими трудами XIV—XVII веков, чтобы убедиться в этом. Авторское предисловие (*дибаче*) было обязательным не только для историков, но и для поэтов и литераторов, а его высокопарность, многозначительность, насыщенность литературными образами, символами, религиозными и философскими понятиями, мастерски вписанными в текст, были показателем образованности и мастерства, причем не только автора, но и читателя. И не случайно Абу-л Фазла современники считали мастером изысканного языка. Это с одной стороны. А с другой стороны,

в отличие от многих придворных историков, Абу-л Фазл не стремился просто воспеть славу Акбара. Соратник Акбара, он активно участвовал в его реформах и был не только последователем, но и идеологом установления новой, общей для всех Божественной веры — *дин-и илахи*. Выросший в атмосфере ожидания скорого прихода праведного царя Махди, он искренне видел в Акбаре его воплощение, а в реформах Акбара — стремление восстановить попорченную неправедными царями справедливость. Для Абу-л Фазла провозглашение Акбаром *дин-и илахи* — это естественное для Махди стремление к обновлению веры, но не путем ее отрицания, в чем нередко обвиняли Акбара и Абу-л Фазла их политические противники, а путем восстановления *изначальной веры* в Господа, единой для всех живущих на земле людей. Но подобное восприятие и личности Акбара и его действий не было общепризнанным даже в окружении падишаха. Потому-то Абу-л Фазл так стремился разъяснить правильность своего понимания предназначения Акбара, его роли в истории человечества.

Зная биографию Абу-л Фазла¹³, одного из образованнейших людей своего времени, невозможно не видеть, что приемы, используемые им в «Акбар-наме», и в частности в рассказе о детских годах Акбара, позволяли достаточно доходчиво, понятным и привычным для современников языком продемонстрировать предопределенность свыше и власти Акбара, и его реформ. Само создание «Акбар-наме» должно было, по замыслу Абу-л Фазла, стать ответом противникам Акбара, прежде всего из числа правоверных мусульман, среди которых известно немало талантливых полемистов, таких как Ахмад Сирхинди. А ведь именно рассказ о детских годах делал возможным, наиболее полно используя богатый мир образов и символов как мусульманской, так христианской и индийской культуры, попытаться создать образ, понятный и близкий носителям всех этих культур. Стремясь обосновать право Акбара на духовную власть, одним из проявлений которого для Абу-л Фазла была веротерпимость Акбара, Абу-л Фазл создает своеобразное «Евангелие детства», перекликающееся с христианскими евангелиями и апокрифами, описаниями детства Мухаммада, Заратуштры, Кришны, Рамы. В сложном мире образов и метафор вырисовывался образ царя, посланного Господом ко всем народам, и не только Индии, царя, равного Мессии — *Масихавар*.

При подготовке русского издания «Акбар-наме» мы стремились сохранить примечания Г. Бевериджа, сделанные при переводе текста с фарси на английский язык. Но поскольку некоторые из них, в частности географические, устарели, было необходимо привести их в соответствие с современным политико-административным делением, добавив целый ряд новых комментариев. Все

¹³ Воробьёва С.Н. Абу-л Фазл и «Акбар-наме». Книга и эпоха // Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 5–14.

дополнения, внесенные при русской редакции, заключены в квадратные скобки. Текст также сопровождают именной и географический указатели, составленные С.Н. Воробьевой.

В качестве органичного приложения к основному тексту «Акбар-наме» в книгу включен перевод фрагментов из «Аин-и-Акбари», написанной Абу-л Фазлом именно как пояснения к «Акбар-наме». На них часто ссылаются исследователи этого периода индийской истории. Эти фрагменты, рассказывающие о некоторых особенностях жизни двора Акбара, символах власти и проч., переведены на русский язык впервые. Книга иллюстрирована индийскими и персидскими миниатюрами XVI–XVII веков из собраний Государственного музея Востока, Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, дающими читателю наглядное представление об отдельных моментах быта людей того времени.

Глава 28

Необычайное проявление Его Величества, Царя Царей, на восьмой месяц после возвышенного момента его рождения (*шараф*), явившееся сияющей гранью чудес (*карамат*) и предзнаменованием успеха (*макамат*, букв. «стадии» или «этапы»)

На страницах Божественного знания, извечно являющихся «Хранимой скрижалю»¹, утверждается, что, когда в мирском и духовном храмах возведения на престол на дивное чело украшающего мир создания возлагается венец избранности, то с момента благословенного рождения этого великого мужа от скрепленных листов его летописи исходит чудесный свет (*баварик-и-халат-у-хаварик-и-адат*). Каждая из этих страниц — таинственный вестник, громогласно возвещающий человеческому разуму о величественном приближении его власти, приумножая этими откровениями счастье смертных. Одним из чудесных доказательств сему является то, что, по прошествии полных семи месяцев с момента благополучного рождения Его Величества, Царя Царей, на восьмой месяц его счастливого существования произошло необычайное событие. Однажды вечером, пронизанным светом зари счастья, Джиджи Анага — верх непорочности — кормила грудью первый плод из свя- 187 щенного сада и горевала из-за враждебности по отношению к ней со стороны покровы целомудрия — Махам Анаги и многих других [кормилиц]. Она была очень опечалена, ибо те представили Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни дело так, будто жена Мира Газнави (т.е. она сама) занималась колдовством для того, чтобы Его Величество, принц рода человеческого, не принимал ничьего молока, кроме ее

собственного. В это время, когда рядом не было ни души, Его Величество [Акбар], видя, что они остались наедине, заговорил с ней и подобно Мессии открыл свои дивные уста², чтобы утешить страдающее сердце Джиджи Анаги. «Успокойся, — сказал он, — ибо небесный свет Халифата поселится в твоей груди и одарит ночь твоей печали лучезарной радостью. Но смотри, не открывай этот наш секрет никому и не объявляй преждевременно об этом таинстве Божьей воли, ибо в нем заложен скрытый смысл и великие предвидения». Джиджи Анага признавалась: «Это преисполненное жизни сообщение повергло меня в восторг, и око-вы печали сразу же спали с моего сердца. Это предзнаменование, наде-лившее меня от вечного трона единственной и неоспоримой заботой о ребенке света, увеличило мое сердце, ставшее сотней, а сотня — тысячью сердец³. День за днем врата веселья и радости открывались передо мной всё шире и шире, и, возблагодарив [Аллаха] за это великое счастье, я сердцем и душой обратилась к своим обязанностям. Слава и власть двух миров были открыты мне. Но я хранила эту тайну до тех пор, пока дитя власти не украсило собой трон всемирного завоевания. Однажды он [Акбар] отправился охотиться из Дихли в районе Палама⁴, и предстал на его пути огромный и ужасный змей, пред которым затрепетали бы даже сердца бесстрашных⁵. И сотворил тогда Его Величество чудо, подобное чуду Моисееву; без колебаний, которым подвержены даже благородные сердца, протянул он белоснежную руку⁶ и, подойдя к змею, смело и подвижимый волей свыше схватил его за хвост своей праведной рукой и уничтожил. Юсуф Мухаммад-хан⁷, брат мирзы Ази-за Кокалташа, узрел сей знак могущества и в изумлении пришел ко мне и рассказал о случившемся. Тогда поведала я своему дорогому сыну хранимую мною тайну о том, что сама видела и слышала, и сказала: «Его Величество совершил столь поразительную вещь еще в нежном возрасте, и неудивительно, что в зрелости он сотворил такое чудо, ибо каждому деянию свое время, а каждому изречению — свое место. Причина, по которой я не упоминала об этом до сих пор, состоит в том, что никто, кому бы я это ни рассказала, не поверил бы мне, а наоборот, обвинил бы в слабости ума. Вкус от сего рассказа обернулся бы горечью для [моих] жаждущих уст. Более того, я не вольна была раскрывать это. Теперь же, сын мой, услышав от тебя историю о змее, я разомкнула уста

свои, чтобы поведать о тайне, отметившей его нежный возраст, в то время как другая [тайна] являет собой пример более зрелых лет. Мой благородный сын! Для этого вершителя чудес такие признаки и стадии совершенствования (*аламат у макамат*)⁸ неудивительны». Хотя Абу-л Фазл, создатель сей благородной летописи, услышал эти две истории от заслуживающего доверия человека, он также узнал их непосредственно от вместилища непорочности (Джиджи Анаги). Однако то, что автор видел собственными глазами и постиг в результате собственного размышления относительно совершенств и чудес сего питомца Божественного света, превосходит предположения смертных и человеческое понимание. Поистине то, что было поведано почтенной матерью мирзы Азиза Коки, удивляет лишь непосвященных (*асхаб-и-захир*),⁹ у посвященных же (*арбаб-и-батин*)¹⁰ то, чему стала свидетелем эта смиренная женщина, вызывает трепет.

Глава 29

Отбытие Его Величества
Джаханбани Джаннат-ашияни
в Кандагар с целью отправиться
оттуда в Хиджаз и его решение
посетить Персию

По Вечной воле и Божественному промыслу бесчисленные бедствия в обличье упадка и застоя предстают на пути монарха, когда великолепные покровы его судьбы украшаются кружевом бесконечности, а опоры его величественного престола и верховной власти укрепляются и возвышаются на колоннах устойчивости и прочности. Воистину, являют они [бедствия] собой лишь видимость, а не реальность, а сами препятствия служат в итоге поводом для благодарности. Недальновидные смотрят на них как на нечто вредоносное и изумляются, но проницательный распознает в них родинку на щеке Судьбы и сочтет знаком подчинения дурного глаза. Счастливый человек каждое бедствие, встающее на его пути, воспринимает как средство к совершенствованию, в то время как несчастный видит в нем свою погибель, как духовную, так и физическую, и разражается потоком стонаний. Попытное движение планет¹ — правителей семи небесных сфер² — является тому подтверждением и служит типичным примером сего замысла. Даже если освещающее мир солнце будет сокрыто от взора облаками и туманом, всё же, поистине, не существует непроницаемой завесы для глаз смертных, и ни одно несовершенство не достигнет его (солнца) величественных чертогов. Когда есть причина для сокрытия, мощный порыв Божественной силы стремительно образует туман и ниспосылает его на грешную землю. Солнечный восход и закат также являются яркими тому свидетельствами, так как Сокровищница Света остается той же самой, независи-

мо от того, находится она на востоке или на западе. И его [солнца] состояние в зените или в отклонении от меридиана является абсолютно таким же, как и его состояние в *надире* в полночь³. Разница существует лишь в земных наблюдателях и в умах погрязших в мирской суете. Несомненно, вершина его славы станет лишь праведнее от того, что пагубные мысли коснулись ее края. В соответствии с этими утверждениями тот, кто замыслит недоброе против увенчанных тиарой повелителей счастья и коронованных властелинов судьбы, будет в назидание наказан своими же деяниями и станет первопричиной собственной гибели. Эти истины отражены в полной пророчеств истории Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, ибо в [этом] коротком промежутке времени [заклучался] край судьбы Его Величества, запятнанный неудачами, омытый и очищенный в источнике успеха, в то время как неблагодарные были наказаны собственными умыслами и деяниями. Сонм⁴ их жизней и судеб испепелила молния Божественного гнева, а след существования этих несчастных был стерт из Книги Времени. Таким образом, трудности (*масаиб*) и тяготы (*матаиб*) превратностей судьбы (*уср*), а также этапы (*маварид*) и восхождения (*матали*) процветания (*йуср*) происходят в свое время и в нужном месте.

Наконец, когда исполненная благочестия душа Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни устала от суетного проявления этого мира и отвела царственный взор от земель Синда, его священный разум принял решение предложить правителю Татты мир, а самому отправиться в Кандагар. Когда величественная кавалькада прибудет туда, он вверит Его Величество, Царя Царей, и избранных придворных покровительству Аллаха, дабы самому встать на путь аскетизма и уединения, возвысить поступь воодушевления и восторга и, подобно фениксу (*хумавар*), объять вершину любви крыльями духа. Когда же, приблизившись к алтарю сердца, он приобретет духовное богатство, то направит священный паланкин (*махмил*)⁵ к *каабе* праха по видимости и содержанию. Когда же духовная галерея будет возведена, он также украсит видимый храм. Таким образом, сердца обретут умиротворение, а бесхитростным последователям [внешних] форм будет предоставлено истинное руководство.

Он был занят этими мыслями, когда правитель Татты, поняв его намерения и осознав собственную выгоду, отправил прошение о мире.

Как только парящий сокол гения Его Величества распростер крылья для преследования феникса (*анка*) и отвел пристальный взгляд от мелкой дичи, обратив его на величественные орлиные гнезда, прошение [правителя Татты] достигло места назначения. Аргуны, чьи дела шли неважно, возликовали [букв. «подкинули шапку радости до небес»], услышав радостные известия о мире, и посчитав это достижением своих желаний и непредвиденным даром, послали [в ответ] большой подарок⁶ и принесли всевозможные извинения.

Его Величество благополучно отбыл из Джуна в Кандагар через Сиви (Сиби)⁷ 7 раби ал-ахира 950 г.х. (11 июля 1543 г.). Мирза Аскарри, услышав о подходе царского каравана и руководствуясь приказами мирзы Камрана, а также собственной злобой, усилил крепость (Кандагар) и с низкими намерениями проследовал с большой группой войск по направлению к лагерю, чтобы злодейски захватить Его Величество в плен. Между тем Амир Аллах Дост, один из ученых мужей века, который несколько раз исполнял роль уполномоченного (*вакил*) мирзы Камрана, и шейх Абд-ал-Ваххаб⁸, потомок Пурана⁹ отправились от имени мирзы Камрана просить в жены дочь Шах Хусейн бека Аргуна. Услышав о приближении величественной армии, они укрылись в крепости Сиви. Его Величество Джаханбани отправил возвышенный приказ Мир Аллах Досту, призывая его к себе, но тот по своей ничтожности отказался от этой чести, оправдываясь тем, что войско не позволит ему уехать.

Когда армия вступила на территорию Шала¹⁰, расположенного примерно в 30 *фарсах*х (150 миль) от Кандагара, Джалал-ад-дин бек, военачальник мирзы Камрана, у которого в тех местах было жалованное владение, оставил людей, чтобы те взяли кого-нибудь в плен, и они схватили и доставили двоих царских слуг, посланных вперед в Сарчашму¹¹. Одному удалось вырваться из их когтей, и он пришел и доложил о том, что узнал о злых умыслах [этих людей], наблюдая за их поведением и [слушая] их речи. Его Величество Джаханбани, поняв неблагодарность этой шайки, отказался от мысли идти в Кандагар и повернул к Маштангу¹²; Паянда Мухаммад Вайси¹³ получил разрешение отправиться в Кандагар. С ним мирзе Аскарри [Хумаюн] послал собственноручно написанное в резких выражениях письмо, такое, какое посылают лишь малолюбимому вероломному брату, и содержащее предупреждения

и приказания. Но где был внемлющий разуму слух и куда исчезло понимающее истину сердце? Он сделал вид, что не услышал эти увещевания, и продолжил упорствовать в своих злодеяниях. Касим Хусейн султан¹⁴, Махди Касим-хан¹⁵ и многие другие слуги мирзы Аскари отговаривали его от этого, а то как бы Его Величество не отчаялся и по крайней необходимости не отправился в Персию, и не случилось бы оттого больших бед. Абу-л Хайр и [поддержавшие его] дурные люди произнесли льстивые, смущающие разум слова, внешне благопристойные, но исполненные злобы и разрушения, и укрепили мирзу в его ошибочных намерениях. Утром того дня, явившегося вечером¹⁶ его падения, мирза со злым умыслом направился к Маштангу. После того как он продвинулся вперед на один или два коса, он спросил своих слуг, знает ли кто-нибудь эту дорогу. Джай Бахадур Узбек, который был слугой Касим Хусейн султана и в этом походе поступил на службу к мирзе, произнес: «Я хорошо знаю эту дорогу и неоднократно ездил по ней туда и обратно!» Мирза сказал, что это правда, поскольку [Джай Бахадур Узбек] был там *джагирдаром*¹⁷, и приказал ему ехать вперед и показывать путь. Тот заявил, что его лошадь утомилась, и мирза подал знак Тарсун Барласу, одному из слуг, отдать ему своего коня. Последний возразил, что тот нужен ему самому, но был вынужден уступить. Джай Бахадур, который служил когда-то шаху Индии, проехал немного вперед под благоприятным водительством, а затем, пустив своего коня галопом, подъехал к шатру Байрам-хана и открыл обстоятельства этого дела¹⁸. Байрам-хан отправился с ним к Его Величеству Джаханбани и сообщил ему о дурных намерениях этого неблагодарного (Аскари). Его Величество послал к Тардибеку и некоторым другим [подданным] за лошадьми. Эти подлые узкоглазые люди не пожелали понять своего счастья (т.е. возможности служить Хумаюну) и отказались дать лошадей. Его Величество хотел сесть на коня (возможно, на коня Джай Бахадура), поехать и преподать им урок. Байрам-хан возразил против этого, так как наступил критический момент и не время было заниматься пустяками: «Предоставим неблагодарных Божьей каре, а Его Величество пусть следует своей дорогой». Услышав это заявление, Его Величество, сопровождаемый несколькими верными последователями, отправился в путь по пустыне. Он отказался от мысли о Кандагаре и Кабуле, и направился

в сторону Персии (Ирака)¹⁹ с намерением пойти в Хиджаз (Мекку), и как пересекающий пустыню [странник] вступил на путь отрешения (*фирак*)²⁰. Ходжа Муаззаму, Надиму Кокалташу, Миру Газнави, Ходжа Амбар Назиру — всем им было сказано, что Его Величество, Царь Царей, пребывает в охраняемой колыбели и под защитой Божественной любви, и прах несчастий не сможет коснуться края его судьбы, их же обязанность — любым доступным способом доставить Ее Величество Мириам-макани к царю. Эти правоверные поспешили исполнить повеление. Когда они прошли незначительное расстояние, наступила ночь — темнее сердец нераскаившихся неблагодарных. Байрам-хан сказал, что Его Величество знает о страсти мирзы Аскари к золоту и имуществу, и в это время мирза чувствует себя в безопасности и [наверняка] сидит в шатре с двумя или тремя писарями и просматривает список вещей в лагере Его Величества. Правильнее было бы им положиться на Божью милость и внезапно напасть на тот шатер и уладить это дело. И хотя мирза взбунтовался, однако все его слуги, вскормленные на щедротах Его Величества, неизбежно перешли бы к нему на службу. Его Величество одобрил это предложение с практической точки зрения, но, будучи чист по своей природе и добропорядочен, отклонил его, сказав, что они уже отправились в чужую страну, и их ждет долгое путешествие, и он не откажется от своих планов²¹. Снова доверил он Его Величество, Царя Царей, защите Господа Славы, отражателя (*дафи*) бед и защитника (*рафи*) в [минуту] опасности, и, взяв бесконечную мудрость своим проводником, а вечную милость своим помощником всегда и во всём, закрепил седло власти на коне предприятия, а стопу дальнего путешествия в стремени веры и продолжил свой путь.

Когда мирза Аскари подошел к Маштангу с дурными намерениями, он приказал своему *садру* Мир Абу-л Хасану отправиться к Его Величеству Джаханбани и, если последний намеревается уехать, обманом и хитростью задержать его. Мир прибыл как раз в тот момент, когда Его Величество Джаханбани усаживался на коня, и постарался остановить его под предлогом передачи посланий от мирзы. Его Величество, благодаря Божьему руководству, не стал слушать его пустых слов и немедленно отбыл. Позднее прибыл мирза Аскари и послал Шах Валада, Абу-л Хайра и других своих людей охранять лагерь и не выпускать

никого оттуда. Он узнал от *садра* Мир Абу-л Хасана о предупреждении Джай Бахадура и об отъезде Его Величества Джаханбани. Тардибек-хан и некоторые вероломные слуги пришли засвидетельствовать свое почтение мирзе, который передал их на попечение [под надзор] своих верных людей.

Недальновидный человек, не думающий о черном дне или печальном конце и вступающий на тропу нечестивых помыслов и бесстыдства, поистине подрывает основу собственного благополучия и расчищает путь несчастьям и ниспосылаемым свыше бедствиям. Такие примеры не сокрыты от читателей страниц истории мира! Когда Мир Газнави пришел засвидетельствовать почтение мирзе Аскари, последний сказал: «Мы прибыли выразить свое почтение государю, почему же Его Превосходительство уехал через пустыню?» Потом он спросил, где находится принц, имея в виду Его Величество, Царя Царей. Мир Газнави ответил, что тот пребывает в своей резиденции. Мирза сказал: «Хорошо, пусть из продовольственной кладовой (*рикабхана*) отправят ему навьюченного фруктами верблюда; я тоже прибуду». Ночью в своем шатре он с одним или двумя писарями осматривал некоторые вещи²², принесенные из царских кладовых (*саркар*); они записывали их, и положение дел было в точности таким, как и представлял Байрам-хан. На следующий день (около 9 часов утра) он забил в барабаны и двинулся со стоянки к царскому лагерю. Он спешил у входа в шатер (*давлатхана*) Его Величества Джаханбани и взял под стражу одного за другим всех людей, как великих, так и малых. Он поручил Тардибек-хана Шах Валаду, и отдал всех неверных слуг под стражу своим людям, и отправил их в Кандагар. Многих из них он сгубил, подвергнув лишениям и мукам, а у Тардибек-хана он забрал всё его добро, так что очень скоро тот получил по заслугам за свои злодеяния. Но нет, нет! Разве [достаточное] это возмездие за подобные преступления? Даже если мы назовем сей тайфун пороков одним витком (*гирди*)²³ в навлечении кары, то всё равно этого будет недостаточно²⁴.

193

Если дурной и несчастный человек
Становится хорошим, благодаря наставлениям учителя,
В конце концов [всё же] тайна раскрывается,
Ибо проявляется его истинная натура²⁵.

Те, кто может распознавать тайны судьбы, знают, что когда счастливая рука навеки избранного украшается печатью верховной власти, а державное чело возвеличивается венцом Халифата, лучи славы озаряют лик его успеха. Одним из удивительных предзнаменований и небесных знамений в это время, касавшихся Его Величества, Царя Царей, было следующее. Когда мирза Аскари прибыл в царский лагерь и повел себя неподобающим образом, Мир Газнави и Махам Ага²⁶ принесли к нему на плечах славы и в сердце безопасности Его Величество, Царя Царей. Хотя мирза встретил его с радостным выражением на лице и неискренней улыбкой²⁷, Его Величество, уже тогда являвший собою кладезь совершенств зрелого человека этого мира, несмотря на свой нежный возраст, не улыбнулся в ответ (*шигуфта*). Сдержанность духа была проявлена на его челе. Мирза изменил свой тон²⁸ и сказал: «Сразу видно, чей это ребенок. Почему он должен ликовать при виде нас?» С шеи мирзы свисало кольцо на красной ленте, и через какое-то время ребенок совершенно по-детски — нет! нет! направляемый рукой Провидения — потянулся к ленте и попытался ухватить ее. Мирза немедленно снял со своей шеи ленту и отдал ее Его Величеству, Царю Царей. Проницательные сразу же увидели в этом благоприятное предзнаменование того, что в будущем печать верховной власти и перстень владычества будут носить имя Его Величества, и вода, истекающая из Божественного источника щедрости, обратится в реку. Оттуда Его Величество Шахиншах отправился, хранимый Божьей помощью, в сопровождении мирзы Аскари в Кандагар. От чела Его Величества, стоял он или сидел, спал или бодрствовал, исходили лучи величия и водительства и струился свет Божественного знания. По дороге Коки Бахадур, один из доверенных людей мирзы Аскари, подъехал к верблюжьему паланкину Его Величества (Акбара) и сказал Миру Газнави, что если тот доверит ему принца, он отвезет его к царю. Мир ответил, что если царь сам не взял его, то, очевидно, была причина, по которой он оставил его здесь; кроме того, он не смеет [решать этот вопрос самостоятельно] без высочайшего соизволения. Бахадур сказал: «У меня родилось желание служить Его Величеству, и потому пришел я в сии печальные времена исполнить [данное намерение]. Мне хотелось сослужить эту службу, и теперь, коли вы не возвысили меня этим благословением, прошу

дать мне какую-либо вещь Его Величества, Царя Царей (Акбара), которую я мог бы передать Его Величеству [Хумаюну]». Мир Газнави дал Бахадуру шапку²⁹ Его Величества, венец луны благополучия, и, таким образом, возвысил его.

Мирза Аскари доставил Его Величество, Царя Царей, в Кандагар 18 рамадана 950 г.х. (16 декабря 1543 г.) и определил его в крепости недалеко от себя. Махам Ага, Джиджи Анага и Атка-хан были навеки осчастливлены служением ему и устремились к свету его благочестия. Мирза передал сего питомца судьбы, растущего под сенью Божественной защиты, своей жене Султан бегим³⁰, и эта вершина чистоты, благодаря присущей ей неиссякаемой мудрости, преданно и с любовью заботилась о нем. На первый взгляд, она лишь присматривала за ним, но на самом деле пребывала рядом с абсолютном света, и, таким образом, была освещена им, и день за днем созерцала всё возрастающий ореол (*фарр*) величия, изливавшийся со светлого чела сего благословения мира.

Дурные мысли в отношении того, кого поддерживает Аллах и в ком живет свет, питаемый Им, могут привести лишь к добру, и из противоречий не может выйти ничего, кроме пользы и выгоды. Таким образом, Предвечное Провидение заботилось о нем в то время, когда за его нужды должны были отвечать отцовское расположение и материнская любовь (*такаффул-и-мухиммат*), а сам он находился в руках своих смертельных врагов, — чтобы основание верности проницательных подданных державы мудрости могло еще более упрочиться, а в руки недальновидных и ограниченных людей попала путеводная лампа, и знамения Божественной бдительности и Небесного покровительства могли быть открыты и другу, и врагу. Я слышал из священных уст Его Величества, Царя Царей, следующее: «Я прекрасно помню, что произошло, когда мне был один год, и особенно то время, когда Его Величество Джаханбани отправился в Ирак, а меня привезли в Кандагар. Мне исполнился тогда один год и три месяца³¹. Однажды Махам Анага, мать Адхам-хана (которая всегда заботилась об этом питомце судьбы), сказала мирзе Аскари: «Существует тюркский обычай³², заключающийся в том, что, когда ребенок начинает ходить, отец, или дедушка, или кто-либо другой, заменяющий их, снимает свой тюрбан и ударяет им ребенка,

когда тот проходит мимо, так чтобы питомец надежды упал на землю. В настоящее время Его Величество Джаханбани отсутствует, вы занимаете его место, и именно вам следует совершить этот обряд, который подобно *сипанду*³³ [защищает] от дурного глаза». Мирза тотчас же снял свой тюрбан и бросил им в меня, и я упал». «Сей удар и падение, — соизволил заметить Его Величество, — ясно стоят перед моими
195 глазами. В это же время они повезли меня обрить мою голову³⁴ на счастье в святилище Баба Хасан Абдала³⁵. То путешествие и сбивание моих волос я вижу в настоящий момент как в зеркале».

Что необычного в этом или сотне других подобных событий для того, в блаженных палатах чьего сердца [горит] зажженная лампа?

Поскольку повествование наше зашло так далеко, для оживления рассказа (*сираби-и-сухан*) необходимо сообщить кое-что о событиях, происшедших с Шер-ханом, о поездке мирзы Хайдара в Кашмир, о состоянии дел у мирзы Камрана, который отправился в Кабул, о мирзе Хиндале, который поспешил в Кандагар, и о Ядгар Насир мирзе, который взбунтовался и остался в Бхаккаре, чтобы искатель наставлений был предупрежден и по воле счастливой судьбы прожил свою жизнь разумно и достойно.

Глава 30

Краткое описание плачевно завершившегося жизненного пути Шер-хана¹

Известно, что Шер-хан, переправившись через реку Биак (Беас), медленно продвигался вперед и, несмотря на [сильное] боевое вооружение, действовал с большой осторожностью. Он очень боялся, как бы герои царской армии не объединились, и вступив на поле битвы, не отомстили ему и не обратили в ничто все его коварные планы. Выслав вперед значительные силы, старался не вступать в бой. Через несколько дней, когда всем стало известно о вероломстве мирзы Камрана и об измене других братьев, он прибыл в Лахор. Оттуда направился к Хушабу² и провел несколько дней в Бхере³ и ее окрестностях. Он призвал к себе Султан Саранга Гхаккара⁴ и Султан Адама⁵, крупнейших землевладельцев сих мест, но поскольку те были подданными Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани и процветали благодаря милостям его благородного рода, они не стали слушать предложений Шер-хана. Он подошел к Хатхиапуру на территории гхаккаров⁶ и послал против них большие силы. Гхаккары храбро сражались и нанесли афганцам поражение, так что многие из них [афганцев] были пленены и проданы [в рабство]. Шер-хан пожелал выступить против них лично. Он посоветовался со своими сторонниками, и те сказали ему, что поскольку племя это проживает на отдаленной (*заминха-и-калб* — сердце земель, т.е. внутренние земли) территории, защищенной неприступными горами, следует действовать постепенно и политическими методами. Целесообразным представлялось оставить в тех краях большое войско, которое следило бы за падишахской армией и опустошало страну

гхаккаров. Кроме того, разумно было построить сильную крепость для достижения обеих целей. Таким образом, при ответном ходе эти люди [гхаккары] будут остановлены собственными препятствиями (*аз танганай-и-ху* *батанг амада*) и склонят свои упрямые головы. Ему же самому [Шер-хану] надлежит возвратиться назад и заняться управлением обширного края Индии. Следуя этому совету, он заложил основание крепости Рохтас⁷, и оставив там большое войско, повернул назад и прибыл в Агру. Оттуда направился в Гвалиор, где укрывался Мир Абу-л Касим, вынужденный сдаться из-за нехватки провизии. Шер-хан стал верховным правителем и разделил всю Индию, за исключением Бенгалии, на 47 частей. Ввел клеймение солдатских лошадей⁸ и претворил в жизнь кое-что из многочисленных планов султана Алад-дина, о которых сообщается в «Тарих-и-Фирузшахи»⁹ и о которых он слышал. После этого он выступил против Пуран Мала¹⁰, раджи Райсина и Чандири. Выманив раджу из крепости посредством обманного договора и [ложных] обещаний и при содействии ряда недалековидных законников¹¹ и презренных невежд, уничтожил тех самых людей, которых до этого обещал пощадить. Оттуда направился в Агру и подобно правителю (*хуккам*)¹² Бенгалии устроил несколько каравансараев на дорогах на расстоянии одного *коса* друг от друга.

После опасного заболевания [перенесенного] в Агре¹³ он выступил против Малдео, правителя Аджмира, Нагора и многих других городов. Обманом и хитростью¹⁴ овладев этой территорией, поспешил в Читор и Рантханбхур. Здесь также действовал при помощи обмана, в результате которого жители крепостей выслали ему ключи. Расправившись там со всеми, он вступил на территорию Дхундиры¹⁵. Оттуда пошел на форт Калинджар и, осадив его, соорудил закрытые подходы (*сабатха*) и подкопы под него. 10 мухаррама¹⁶ 952 г.х. (5 марта 1545 г.) его поглотили языки пламени, вдруг вспыхнувшие из дыма¹⁷ вздохов угнетенных. Хронограмму его сожжения обнаружили в словах (*а*)з *атиш мурд* — «Умер от огня» (=952). Хотя при взятии этой величественной цитадели жизнь его покинула свой четырехугольник элементов¹⁸, крепость всё же была захвачена. Он правил Индостаном обманом и хитростью пять лет два месяца и тринадцать дней. Восемь дней спустя¹⁹ его младший сын Джалал-хан занял место и, назвавшись

Ислам-ханом, принял титул шаха. В своих злодеяниях он превзошел даже отца. Поскольку на фоне величия месяца²⁰, освещавшего мир со знамен вечной власти, правление этих двух мятежных самозванцев выглядело подобно свету, излучаемому светлячками²¹, [то есть] видимостью без сути, то, по таинственному Божьему промыслу и ради целей, сокрытых в тайниках Его мудрости, Аллах позволил им торжествовать в течение нескольких дней, а затем сровнял с пылью руин, и, таким образом, мир избежал железной хватки этих деспотичных смутьянов²².

Глава 31

Краткий рассказ о мирзе Хайдаре

197

История мирзы Хайдара состоит в следующем. Получив помощь от Его Величества Джаханбани, он, как уже сообщалось, пошел на Кашмир. Когда же добрался до Наушахра¹, военачальники, чьи имена уже были названы, предстали перед ним, засвидетельствовали свое почтение и снова объяснили ему, как он может войти в Кашмир и захватить его. Мирза последовал указанным ему путем, положившись на Божественную помощь и царскую удачу. В это время в падишахской армии произошел раскол. Как уже сообщалось, Ходжа Килан бек, то ли по собственной инициативе, то ли по примеру мирзы Камрана, отказался от кампании и присоединился к мирзе Камрану, в то время как Музаффар Тупчи² ушел к горам Саранг³. С мирзой Хайдаром не осталось никого, кроме нескольких старых слуг и войск, которые Его Величество Джаханбани выделил ему в помощь. Но поскольку в Кашмире царили вражда, распри, смута и анархия, жители [этих мест] с готовностью его поддерживали, и 22 раджаба 947 г.х. (22 ноября 1540 г.) он прошел через перевал Пунч и взял Кашмир без боя. Поскольку там уже давно не было законного правителя, страну деспотично удерживали в руках министры, которые, наделяя властью очередного монарха, правили сами. В этот период правителем там считался человек по имени Назук-шах, который являлся царем лишь по названию⁴. При таких обстоятельствах, где бы ни образовывался союз, план, совет или суждение, там и разворачивалась политическая жизнь страны. Была зима⁵, и выпал обильный снег. Когда Качи Чак увидел, что мирза Хайдар стремится к власти⁶, он,

с присущими кашмирцам хитростью и вероломством, покинул Кашмир и предстал перед Шер-ханом. В его планах было донести на мирзу Хайдара с целью возвысить самого себя, и когда это ему не удалось, и события приняли иной оборот, он сменил тактику: отдал Шер-хану сестру Исмаила, сына Мухаммад-шаха⁷. Угодив тем самым [шаху], он взял Алавал-хана⁸, Хасан-хана Сарвани и еще 2000 человек и пришел в Кашмир. В это время Абд-ал-Макри, который был его сторонником, умер от водянки, а мирза Хайдар, оставив свою семью в Андаркоте, очень сильной крепости, сам находился в безопасном месте. Кашмирцы дезертировали, но несколько человек остались с ним. Он провел три месяца в горных ущельях, а затем в понедельник, 20 раби ас-сани 948 г.х. (16 августа 1541 г.), дал бой и с Божьей помощью одержал победу. Вражеские войска, состоявшие частью из афганских наемников и частично из вероломных кашмирцев, насчитывали более 5000 всадников, но, поскольку их действия основывались на коварстве и неверности, потерпели неудачу и были разбиты. Многих убили, часть попала в плен. Мирза стал полновластным правителем Кашмира, и кашмирский проповедник (*хатиб*)⁹ маулана Джамал-ад-дин Мухаммад Юсуф составил хронограмму *фатх-и-мукаррар* — «Победа повторилась» (= 948)¹⁰. Хотя слово «повторилась» использовано в отношении настоящего похода мирзы, сам он отметил в своей истории, что имеется в виду следующий факт: он уже однажды приходил в Кашмир через перевал Лар¹¹ как представитель Саид-хана, правителя Кашгара, и овладел им 4 шаабана 939 г.х.¹² (1 марта 1533 г.). Но к концу шаввала того же года (май 1533 г.) заключил мир с кашмирскими министрами и с Мухаммад-шахом, являвшимся в то время номинальным правителем. Дочь шаха отдали замуж за Искандер Султана, сына мирзы¹³, и мирза возвратился тем же путем, которым пришел.

Когда в этом (последнем) случае [мирза Хайдар] одержал ниспосланную Провидением победу, и Кашмир был покорен, он в течение десяти лет ревностно занимался его управлением и украшал городами¹⁴ эту прекрасную, хотя и разоренную землю¹⁵. Он посылал за художниками и ремесленниками во все стороны и трудился ради славы и процветания этого края. Очень популярно было искусство музыки¹⁶, и сюда доставили множество инструментов. Одним словом, видимое

благосостояние этой страны, т.е. ее мирское положение, упрочилось. Но из-за дикого и безумного фанатизма¹⁷ мирзы, итога [его] несовершенного развития, существенные для Кашмира ценности, а именно единоподушие и верность, не пользовались там большим спросом. И по сей день кашмирцы несколько фанатичны, поскольку [конкретный пример всегда] оказывает мощное воздействие, особенно же сильно влияет образ жизни правящих принцев. Остается надеяться, что, благодаря мудрости и милосердию (*хакикат у хакканийт*) Его Величества, Царя Царей, духовная жизнь и мирское бытие Кашмира достигнут согласия, а понятия почитания и религии войдут в обиход и очистятся от фанатизма и лицемерия.

Одной из основных и не предвещавших ничего хорошего ошибок мирзы явилось то, что, несмотря на победу, он прочел *хутбу* в честь Назук-шаха и продолжил выбивать монеты с его именем, как это было заведено у кашмирских министров. Ему же следовало исполнить свой долг по отношению к Его Величеству Джаханбани — отчеканить на *дарахите* и *дананире* [дирхеме и динаре] и провозгласить с кафедры проповедника священное имя Джаханбани. Очевидно, он лишь пытался достичь компромисса и совсем не хотел проявлять непочтительности, ибо когда был взят Кабул¹⁸, возвысил себя прочтением *хутбы* в честь священного имени Его Величества Джаханбани.

199 В 958 г.х. (очевидно, октябрь 1551 г.) во время ночной атаки кашмирцев он отправился в область небытия. Краткая история такова.

Мирза преступил закон справедливости — стража власти — и стал жить ради собственного удовольствия. Он позволил себе забыть о благоразумии и ответственности, этих двух орудиях добродетели. Коварство и мятежность кашмирцев, подавленные прежде благодаря способностям и проницательности мирзы, возродились вновь; исполненная лицемерия и порока клика встала на путь обмана и под личиной дружелюбия выполняла вражескую работу. Самый значительный удар заключался в разделении армии и [мирзы] Хайдара посредством военной хитрости и в удалении его лучших слуг. Одних отослали в Тибет, других в Пакти, а некоторых в Раджаури. Иди Рина и Хусейн Макри, сын Абд-ал-Макри, переманили к себе Ходжа Хаджи¹⁹, кашмирского торговца (*баккал*), который управлял делами мирзы. Они привлекли на

свою сторону множество других людей и выступили против мирзы [Хайдара]. Гази-хан и Малик Даулат Чак также присоединились к ним. Около Ханпура, что между Хирапуром и Сринагаром — последний был главным городом Кашмира и резиденцией правительства, они совершили ночью нападение на мирзу. Тот подошел к жилищу Хаджа Хаджи, чтобы освободить пленного Кара Бахадура²⁰. И тут его лишил жизни Камал Дуби²¹, хотя некоторые говорят, что это один из его [мирзы] слуг по ошибке выпустил в него стрелу²².

Глава 32

Краткий рассказ о жизни мирзы Камрана

Рассказав вкратце о мирзе Хайдаре, я опишу деяния мирзы Камрана. После того не предвещавшего ничего хорошего случая, когда мирза Камран порвал с Его Величеством Джаханбани и направился в сторону Кабула, он, по прибытии в Хушаб, посчитал состояние власти и превосходства (*сари у сарвари*) за бедственное, а время, этого игрока [жизни], за своего союзника¹ и прочел *хутбу* на собственное имя. Ошибки подобного рода всегда будут совершать те, кто не делает дальновидную мудрость и руководство своим советником и любимым союзником. Он не знает ни обязанностей любви, ни путей щедрости. Он считает беды других благом для себя и сеет семена зла на полях добродетельных людей. Вполне очевидно, какой урожай вырастет из такого посева и при такой пахоте. Разве сможет древо его надежд принести ему желаемые плоды? В том нет постоянства, кто не думает ни об итоге событий, ни о том, что удачу не удержать насильно. Будет ли устойчив величественный дворец без фундамента? Он моментально развалится на части, как минарет изо льда! Сколь недолговечна молодая луна, подобно спящей вспышке молнии исчезающая в мгновение ока? Власть мирзы Камрана быстро закончилась, как свежесть розы, и удача покинула его, подобно легкому весеннему ветерку!

200

Говоря кратко, он пришел через Данкот² к берегам Инда. Мухаммад Султан и Улуг мирза, которые удалились в земли Мултана, но были не в состоянии поддерживать там свою власть, явились поприветствовать мирзу Камрана на берегу реки. Мирза задержался там на некоторое время, и когда бунтовщики стали испытывать трудности

с зерном, он построил мост и пересек реку. Оттуда отправился в Кабул, и открыл там перед собой врата наслаждения, и проводил свои дни, предаваясь удовольствиям. Изречение Джамшида из Мерва³: «Пока тигр не покинет джунглей, оленю закрыта дорога к пастбищу; пока соколиха не найдет себе гнездо, куропатка не сможет свободно летать» — нашло в данном случае подтверждение. Мирза Камран отдал Газни и принадлежавшие ему земли мирзе Аскари и послал Ходжа Хаванд Махмуда с посольством к Сулейман мирзе в Бадахшан, требуя, чтобы тот подчинился, признал над собой власть мирзы Камрана и чеканил в Бадахшане деньги с его именем. Мирза Сулейман отправил посла назад, не исполнив указанного, отчего мирза Камран пришел в ярость и повел свою армию на Бадахшан. Около селения Бари⁴ состоялась битва, и когда мирза Сулейман увидел свою слабость и силу мирзы Камрана, то решил постучать в двери примирения и направил к нему посла. Он также повелел прочесть *хутбу* и выпустил монеты с именем Камрана; последний забрал у мирзы Сулеймана часть территории Бадахшана и отдал ее своим людям, а затем вернулся назад довольный успехом. Тем временем пришли известия, что мирза Хиндал захватил Кандагар. Мирза Камран собрал армию, выступил против города и осаждал крепость в течение шести месяцев. Когда у мирзы Хиндала закончились припасы, он попросил пощады и сдал крепость. Мирза Камран отдал Кандагар мирзе Аскари и возвратился в Кабул, взяв с собой мирзу Хиндала. Несколько дней он обращался с мирзой Хиндалом сурово, но затем из братских чувств и лицемерия, сокрытого под личиной согласия, пожаловал ему плодородную землю Джуи Шахи, которая носит сейчас имя Его Величества, Царя Царей, и зовется Джалалабад. Правитель Синда также подчинился⁵, и удача сопутствовала этим недостойным событиям до тех пор, пока мирза Сулейман не нарушил договор и не захватил территории, отобранные мирзой Камраном у Бадахшана. Мирза Камран во второй раз повел туда свои войска, и состоялась битва при Андарабе⁶. Мирза Сулейман потерпел поражение и укрылся в городе Калаи Зафар. Мирза Камран последовал за ним и осадил крепость. Он перекрыл поставку продовольствия, и многие жители Бадахшана пришли и склонились перед ним. Поскольку мирза Сулейман разочаровался в своих нерадивых (*чашм-и-вафа дашт*)

солдатах, а крепость испытывала затруднения в связи с нехваткой запасов, ему пришлось покориться. Мирза Камран оставил в Бадахшане Касима Бирласа, мирзу Абд-ал-лаха и многих других из числа своих сторонников под началом упомянутого Бирласа, а сам возвратился назад (в Кабул). Ходжа Хусейн⁷ из Мерва нашел дату этого события в словах: *джума хафдахум-и-мах-и-Джумад-ас-сани* — пятница, 17 джумада ас-сани, 948 г.х. (= 8 октября 1541 г.). Он [Камран] держал мирзу Сулеймана и его сына мирзу Ибрахима в заточении. Вернувшись, устроил в городе месяц празднеств, проводя дни в беззаботном веселье. Он не поминал Аллаха, не вершил правосудие для угнетенных. Пока, наконец, не зажглась на милостивых небесах счастливая звезда Его Величества Джаханбани и, воссияв властью и процветанием, не воздала ему по заслугам, о чем будет поведано далее.

(МИРЗА ХИНДАЛ)

Тот, кто ведет себя непочтительно по отношению к своему благодетелю и следует путем лицемерия, будет наказан за свои злодеяния в этом мире (букв. «в том же самом состоянии»). Рассказ о мирзе Хиндале именно об этом. В тяжелые времена раздора и мятежа он оставил службу у Его Величества Джаханбани и, ступив на путь вероломства, отправился в Кандагар. Когда Карача-хан, управлявший Кандагаром [как доверенное лицо] мирзы Камрана, услышал о прибытии мирзы [Хиндала], то вышел из крепости и с уважением обнял его. Он передал эту территорию мирзе. Через несколько дней⁸ прибыл мирза Камран и взял управление в свои руки. Заключив мирзу под стражу, обращался с ним сурово, как об этом уже было вкратце рассказано.

(ЯДГАР НАСИР МИРЗА)

Определенно, конец предателей, как и начало их деяний, — это отторжение [их] каждым сердцем (*мардуд-и-дилха*). Мудрые не возлагают надежд (*итибар*) на непостоянную верность (*итибар*). Они пребывают в ожидании того, когда эти неблагодарные получат по заслугам, чтобы те смогли возблагодарить [Аллаха] и возрадовались наказанию, заслуженному ими за поправление незыблемых устоев, поскольку это

будет предупреждением человечеству, а также поможет в покаянии вероломных. Таким образом, Ядгар Насир мирза был сбит с пути истинного хитростью и коварством правителя Татты и остался в Лохри (Рохри); он находился там около двух месяцев после отъезда Его Величества Джаханбани. Наконец ему стало ясно, что предложения правителя Татты оказались лишь предлогом, а все его заявления основывались на лжи. Очутившись в безвыходном положении, он отказался от своих планов и отправился в Кандагар, хотя Хашим бек, один из его изрекающих истину доброжелателей и преданных последователей (*ризаджуи*), говорил ему, что присоединение к мирзе Камрану и уход со службы Его Величества Джаханбани неразумны, а мир — это место воздаяния, и он должен поразмыслить над этим. Поистине, разум того, чей скорбный день уже не за горами, затуманивается так, что он набивается наглости нанести оскорбление своему благодетелю и не воспринимает серьезно советов, не внимает им слухом понимания и принимает весомые слова мудрых за выдумку и ложь. Таким образом, Ядгар Насир мирза ушел в Кандагар без благословения. Он прибыл в то время, когда мирза Камран довел крепость Кандагар до отчаяния, засвидетельствовал ему свое почтение и сопровождал в Кабул. Мирза Камран послал человека к правителю Татты с просьбой прислать [к нему] со всем уважением Ее Высочество Билкис-макани Шахр Бану⁹ и ее сына мирзу Санджара, так как они были разделены с Ядгар Насир мирзой и остались на территории Бхаккара. Правитель Татты отправил их подобающим образом в сопровождении большого количества людей, которые [также] оказались вдали от Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни и находились на той же территории. По ошибке или по злему умыслу случилось так, что этих людей послали через безводную пустыню. Многие из них погибли, а когда оставшиеся прибыли в Шал, среди них началась лихорадка. Ее Высочество Билкис-макани умерла. Из двух или трех тысяч человек, которые отправились с тем караваном, лишь нескольким удалось спастись и достичь Кандагара.

Глава 33

Поход священного войска
Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни в Хорасан
и Мидию (Ирак) и рассказ
о том, что произошло в пути

Так как быстрый конь пера повествования несколько отклонился в сторону и донес уже слова по назначению, вернем его на прежний путь и продолжим наше долгое странствие. Расскажем теперь коротко о победном походе в Хорасан и Ирак, совершённом Его Величеством Джаханбани, и о том, как он следовал, ведомый Провидением, по диким землям и безводным пустыням (*фаийафи*), подобным Сахаре.

Когда Его Величество по воле Предвечного Господа ступил в долину смирения и отправился в путь через опасную пустыню (*чул*), он пожаловал сопровождавшим его счастливое стремя титул Чули¹. Благодаря бесконечной доброте Аллаха Малик Хати Балуч [белудж], предводитель разбойников, засвидетельствовал [Его Величеству] свое почитание в этой пустынной дикой местности (*чул-и-пур-хаул*) и, сопровождая его до места назначения, всячески старался услужить. Он также стал его проводником в той ужасной долине и привел в землю Гармсир (что означает «теплая страна»). Несмотря на то что Мир Абд-ал-Хай, управитель (*калантар*) той территории, из-за неподобающей осторожности сам лично не вышел навстречу и не удостоился благодати служения, он всё же проявил усердие в соблюдении обычаев гостеприимства.

Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд² прибыл в те земли, чтобы cobrar дань от имени мирзы Аскари. Его Величество послал к нему Баба Доста Бакши, чтобы последний направил того на путь истинный и пригласил к нему на службу. Ходжа, посчитав то за великую удачу, поспе-

шил принять предложение. Он раздал всё, что у него было в сокровищнице, как в деньгах, так и натурой, войскам. Его Величество Джаханбани принял его благосклонно и вверил его благоразумной рассудительности обязанности *мир-самани-и-саркар-и-хаса*³. Его Величество провел в тех местах несколько дней, давая превосходные советы и распоряжения своим верным подданным и приводя волнующие сердца доказательства изменчивости мира и непостоянства внешних обстоятельств. Он отвратил их земные души от подобных устремлений и направил к истинной цели и подлинным задачам, на которые надлежит обращать внимание ученикам мастеров мудрости. Возвышенной душой Его Величества овладела мысль, что, вследствие растущего с каждым днем разъединения и отчужденности, ему следует найти уединенное место и, отстранившись от всех внутренних и внешних забот, посвятить себя Аллаху.

Однако врожденное благородство и человеколюбие не позволили ему опечалить сердца последователей его удачи подобным подавлением желаний. Несмотря на происшедшее его преданное войско не оставило службы и не позволило достойной истинного Халифата совершенной личности, правителю земной и небесной жизни, равного которому трудно найти в череде сменяющихся циклов, устранившись от мира и сократить срок непрерывного царствования. Все устремления этого рода (*табака*), обращенные в душе к истине, а во внешнем мире — на благо человечества, способствовали установлению всеобщей гармонии. Слава Всевышнему! Редкостная жемчужина безбрежного океана, Его Величество Шахиншах достиг подобного владычества в полной мере. Несмотря на заботы, связанные с завоеванием и управлением видимого мира, он добился полного погружения во вздымающиеся волны океана Небесной и Божественной Вселенной. И поступь его гения по устремленным ввысь склонам величия тверда и уверенна.

Итак, Его Величество по воле Аллаха и врожденному благородству принял решение написать дружественное письмо правителю Персии и обратиться к этой стране поводом своих намерений. Если правитель Персии признает [его] наследственное право и проявит любовь и щедрость, то он [Хумаюн] опять обратится к мирским делам и укрепит [тем самым] сердца своей преданной армии. Если дело примет иной оборот, то он в добровольном (*ихтияр*) уединении посвятит себя без

остатка (*би-ихтияр*) служению, к которому стремится его благородная натура. В четверг, 1 шаввала 950 г.х. (28 декабря 1543 г.), он отправил с Чули Бахадуром⁴ письмо, в котором говорилось, что по воле властелинов судьбы, относящихся к каждому делу чрезвычайно мудро и проницательно, возникла насущная необходимость незамедлительной встречи. После краткого изложения произошедших с ним событий с обратной стороны были написаны следующие строки:

Что пронеслось над нашей головой, то пронеслось,
Потоком ли, с холмов или через пустыню⁵.

Его Величество хотел провести несколько дней в Гармсире, но Мир Абд-ал-Хай из Гармсира послал к нему гонца с сообщением, что ходят слухи, будто мирза Аскари выслал большое войско, и есть вероятность — да охранит нас от этого Аллах! — что оно прибудет сюда, и тогда ситуация окажется безнадёжной. А вот если он [Хумаюн] 204 отправится в Систан, территорию, принадлежащую царю Персии, то будет в безопасности от этого нечестивого сборища. Его Величество, поразмыслив о малочисленности искренних [приверженцев] и избытке устроителей вражды и смуты, признал, что оставаться здесь было бы неосторожно, и потому направился в Систан. Он переправился через реку Хирманд (Халманд) и разбил лагерь у озера⁶, в которое впадают ее воды. Ахмад султан Шамлу, правитель Систана, расценил этот приезд как нежданную удачу, оказал достойный прием и проявил рвение в оказании истинного гостеприимства. Его Величество провел несколько дней в этой замечательной стране, поприще всадников счастливого поля брани⁷, охотясь на водных птиц⁸. Дабы успокоить сердца своих верных сторонников, он обратился к мирским делам и наблюдал необычайные проявления судьбы. Оттуда он направился в (город ?) Систан⁹. Ахмад султан направил свою мать и жен прислуживать Его Величеству Мириам-макани и предложил в качестве подарка весь доход (*амвал*) от своих земель. Его Величество принял небольшую часть, чтобы сделать ему приятное, и вернул оставшееся. Во время этого привала Хусейн Кули мирза, брат Ахмад султана, прибывший из Мешхеда засвидетельствовать почтение своей матери и брату и попрощаться с ними перед тем, как

отправиться в паломничество, был удостоен аудиенции¹⁰. Его Величество расспросил его о религии и вере. Тот сообщил, что долгое время изучал вероучения шиитов и суннитов и внимательно прочел книги обеих сект. Шииты придерживались того мнения, что оскорбление и поношение Сподвижников [Мухаммада]¹¹ — похвально и служит средством духовного совершенствования, в то время как сунниты рассматривали поношение Сподвижников как акт непочтительности¹². После рассмотрения и размышления [над данным вопросом] он пришел к выводу, что нет ничего непочтительного, если кто-то считает, что он прав. Его Величество весьма одобрил это наблюдение и с великой добротой и снисходительностью предложил поступить к нему на службу. Но так как он [Хусейн Кули мирза] собирался отправиться в паломничество и уже сделал все необходимые приготовления, то был вынужден отказаться от этой чести. Хаджи Мухаммад, (сын) Баба Кашки, и Хасан Кока покинули мирзу Аскари и вступили в доблестную армию. Они посоветовали Его Величеству отправиться в Замин Давар, потому что Амир бек, правитель этой местности, был готов служить ему, и Чалма бек¹³, правитель крепости Баст, также желал удостоиться чести быть принятым на службу; (они сказали еще) что очень скоро многие воины мирзы Аскари оставят его и поступят на службу к Его Величеству; и что Кандагар и его территория перейдут в руки царских подданных. Когда Ахмад султан узнал, что они дают такой совет и отговаривают Его Величество от отъезда в Персию, он пришел к Его Величеству и из доброжелательности и любви заявил, что путешествие в Персию достойно его [Хумаюна] гения, а те, кто отговаривает его от похода, руководствуются лишь обманом и предательством. Поскольку Ахмад султан, благодаря своей преданности и искренности, был дорог сердцу Его Величества Джаханбани, он согласился с ним и последовал его совету. Падишах решил отправиться в Ирак. [После этих событий] Хаджи Мухаммада Коку на несколько дней удалили от двора. Ахмад султан же остался служить у стремян [падишаха] и вызвался указывать дорогу через Табас Килаки¹⁴. Так как Его Величество всем сердцем желал посетить Герат, он выбрал путь через крепость Ук¹⁵.

Когда дружественное письмо Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни дошло до шаха Тахмаспа, он воспринял благоприятную

весть о прибытии Его Величества как неожиданное благословение и возрадовался. Он пожелал, чтобы славная тень благой [птицы] *хума* (*хума-и-саадат-и-хумаюни*) коснулась вершины его собственной судьбы, и благодать сей милости положила начало летописи величия его рода¹⁶. В знак признательности за сие благословение он отдал приказ в течение трех дней радостно бить в барабаны в Казвине¹⁷. Он написал ответ, преисполненный уважения, почтения и надежды на скорейшее прибытие Его Величества, а также содержащий пожелания [завоевания] тысяч стран и всевозможные хвалебные речи, и отправил письмо вместе с разнообразными дарами и диковинными вещами со своими избранными придворными. На краю письма (*анван*) было написано следующее двустилишие:

*Хума, благостно парящая, в наш попадет синок,
Если ты в обитель нашу случайно забредешь*¹⁸.

Оказав ему особые почести, он [Тахмасп] отослал посыльного обратно и выразил всяческую благодарность и признательность и воскресил старую дружбу. Он также написал управителям больших и малых городов, чтобы в каждом городе и месте, где царственная процессия остановится на отдых, правители и граждане высокого и низкого сословия устроили праздник — день падишахского рода — и вышли поприветствовать Его Величество и приняли участие в царских торжествах; а также чтобы везде предоставлялись все необходимые вещи, еда, питье и свежие фрукты, достойные внимания Его Величества. Далее привожу точную копию указа, адресованного Мухаммад-хану, правителю Герата, и пусть она послужит сводом уложений для знающих; те же, что живут по законам человечности, взглянув на этот образец

206 почтительности, пусть действуют с состраданием, уважая и почитая тех несчастных, которые волею судьбы испытали взлеты и падения, и да ни на секунду не покинет сердца их доброта по отношению к ним.

ПРИКАЗ (ФИРМАН) ШАХА ТАХМАСПА ПРАВИТЕЛЮ ХОРАСАНА

Этот августейший указ издан с тем, чтобы опора власти, источник величия и светило могущества и влияния, Мухаммад-хан Шараф-ад-дин

Угли Таклу¹⁹, наставник²⁰ нашего любимого и благородного сына²¹, управитель Герата — центра верховного господства — и мир диван²², возвеличенный различными царскими милостями и щедротами, мог узнать, что его сообщение, отосланное недавно ко двору, твердыне славы, через Камал-ад-дин Шах Кули бека, оплота благородства и брата Кара султана Шамлу²³, было доставлено 12 зу-ль-хиджжа²⁴ (8 марта 1544 г.), и его важное содержание стало известно и понятно от начала и до конца.

Что касается написанного относительно прибытия счастливого наместника (*Наваб-и-карийаб*, т.е. Хумаюна), небесного всадника, солнечной вершины, жемчужины успеха и океана верховной власти, прекрасного дерева, украшающего сад управления и мирового владычества, освещающего мир света в галерее верховной власти и славы, возвышающегося кипариса источника процветания и счастья, благоухающего дерева славы и розового сада величия, плода дерева Халифата и справедливости, царя земли и моря (*баррайн у бахрайн*), согревающего мир солнца блаженных небес, возвышенной полной луны зенита Халифата и мирового господства, алтаря и образца справедливых правителей, величайшего и лучшего среди *хаканов*, господина величия, высокорожденного повелителя верховного трона, благородного правителя державы справедливости, подобного Искандеру *хакана*, славного властелина, возведенного на престол Сулеймана, господина водительства и неустрашимости, стража мира, господина венца и трона (*тадж у тахт*), Сахиб-Кирана (Господина Соединения) мира удачи и почета, венчающей диадемы знаменитых *хаканов*, поддерживаемого Аллахом, защитника Веры (Насир-ад-дина) Мухаммад Хумаюна падишаха, то пусть Всемогущий дарует ему до скончания его дней столько величия, сколько пожелает сам падишах! Невозможно описать, какую радость и восторг это вызвало.

Благие вести, о зари посланник²⁵, ты доставляешь
о приезде друга.

Пусть сообщенное тобой свершится, о ты, наперсник
друга вечный.

Пусть день такой настанет, когда в усаде встречи,
Сердечное желание осуществив, сидеть я буду,
с другом в унисон дыша!

Да будет известно, что, осозная великое благо беспрепятственного продвижения и приближения сего властелина, ангела чести, мы даровали оплоту власти (т.е. Мухаммад-хану) землю Сабзвар²⁶ как награду за радостные вести в начале восхождения Овна в год Кролика²⁷. Пусть он вышлет туда своего *дарогу* [управителя] и везира, чтобы очередные поступления и дополнительные налоги с населения были собраны уже в начале текущего года и потрачены на нужды победоносных войск и на удовлетворение его собственных потребностей. Осушествляя изо дня в день пункт за пунктом установленную данным указом (*нишан*) процедуру, да не будет нерадивости в исполнении сих предписаний первостепенной важности.

Пусть он назначит пятьсот рассудительных и опытных воинов, у каждого из которых будет по крепкой лошади²⁸, верховому мулу и необходимому личному снаряжению, чтобы они могли выехать вперед и встретить царя, повелителя судьбы, с сотней²⁹ быстроногих коней, посылаемых от возвышенного двора в распоряжение Его Величества, вместе с золотыми седлами; и пусть оплот власти отберет из собственной конюшни шесть резвых скакунов, спокойных, хорошей масти и крепких, таких, что достойны сего царственного всадника поля славы и удачи; и пусть он наденет на них лазурные, украшенные вышивкой седла с золототкаными парчовыми попонами, приличествующими верховым коням сего величественного царя; и пусть вверит он каждую лошадь двум своим слугам и отправит их с ними. Великолепный, необыкновенный поясной кинжал, украшенный изысканными драгоценными камнями, доставшийся нам от счастливого наместника, помилованного князя возвышенного трона, царя, отца нашего — да будет Аллах им доволен! — вместе с позолоченной саблей (*шамшер*) и украшенным самоцветами поясом направляется царю, равному Александру Великому, для побед, завоеваний и добрых предзнаменований. Посылаются четыреста кусков бархата и сатина из Европы и Йезда, из которых можно будет сшить сто двадцать одеяний для царя³⁰, а остатки отдать слугам, приставленным к победоносному стремени счастливого правителя; также посылаются два золототканых ковра, покрывала (*намад такийя*³¹) из козьей шерсти с сатиновой подкладкой и три пары больших ковров в двенадцать локтей, четыре *гошкани*³² из тонкой шерсти³³ и двенадцать мали-

новых, зеленых и белых шатров. Да придут они на место назначения в целости и сохранности!

Пусть изо дня в день готовятся сладкие и приятные напитки и белые хлеба, замешанные на молоке и масле и приправленные семенами фенхеля и мака. Пусть они будут хорошо приготовлены и отправлены Его Величеству, а также каждому его приближенному и слугам. Пусть также позаботятся о том, чтобы в тех местах, где остановится Его Величество, заранее разбили и обустроили чистые, удобные, белоснежные, расшитые шатры и навесы из шелка и бархата, а также кладовые, кухни и другие необходимые помещения, дабы всё было наготове. Когда же он [Хумаюн] во славе и удаче прикажет сделать привал, пусть готовят и подадут шербет из розовой воды и живительного сока лимона, охлажденный снегом и льдом. После шербета пусть предложат варенья из яблок *маскан*³⁴ из Мешхеда, арбузы, виноград и проч., а также белый хлеб, приготовленный по уже указанному рецепту; и пусть позаботятся о том, чтобы все напитки были проверены охранителем верховной власти³⁵, и чтобы к ним добавили розовую воду и серую амбру. И да будет каждый день представлено пятьсот различных блюд с напитками. Пусть оплот власти, Каззак султан³⁶, и вершина благородства, Джафар султан, вместе с вашими (другими (?)) потомками и вашим родом, общим числом до тысячи человек, отправятся в путь через три дня после того, как отбудут первые 500 человек, дабы приветствовать [Его Величество]. В течение трех дней пусть проводят тщательный осмотр вышеназванных воинов и различных родов войск. Не забудьте одарить ваших слуг *типучком* и арабскими скакунами, ибо нет лучшей награды для воина, чем хорошая лошадь; и пусть форменная одежда этой тысячи будет цветной и нарядной. И пусть будет заведено так, чтобы офицеры при посещении Его Величества припадали губами уважения к освященной славой и служением земле и выполняли свой долг один за другим. Да проследят за тем, чтобы во время верховой езды не происходило ссор между слугами военачальников и Его Величества³⁷, и чтобы не случилось каких-либо неприятностей с царскими слугами. Всё время похода и верховой езды пусть военачальники остаются со своими войсками и служат падишаху на расстоянии, но в час несения караула³⁸ пусть каждый из них проявит усердие близ покоев (падишаха); и пусть они,

208

взяв в свои руки бразды служения, служат так, как служили бы своему царю, и пусть руководствуются и действуют с величайшей предупредительностью. Пусть с этим распоряжением ознакомится правитель каждой местности, которую он (Хумаюн) может посетить, и пусть проследят, чтобы этот военачальник выполнил порученное. Пусть угощения готовят так, чтобы еды, засахаренных фруктов и напитков хватило бы не менее чем на 1500 человек. Несение службы и сопровождение оплота верховной власти возлагается на оплот правления [Мухаммад-хана] вплоть до Мешхеда, чистого и святого. Когда же вышеуказанные лица прибудут для служения падишаху, пусть каждый день готовят для величественного пира сего владыки 1200 разных блюд, достойных царского стола. И пусть каждый из вышеназванных лиц в день, когда его очередь принимать гостя, преподнесет в дар девять лошадей, три из которых лично для царя, одна для верховного амира Мухаммад Байрам-хана Бахадура³⁹, а пять других — для избранных военачальников, которых посчитают достойными. Пусть все девять лошадей подготовят для его благословенного осмотра, а также укажут, какие из них предназначены для удачливого *Наваба*, а какие для того или иного военачальника. Всё это следует организовать заблаговременно, и хотя такие речи и могут показаться неуместными, они верны и не будут ложно истолкованы. Сделайте также всё возможное, чтобы сопровождающие [царя] слуги были довольны, и проявляйте величайшее радушие и усердие. Любовью и расположением смягчите омраченные крутыми поворотами несправедливой судьбы сердца этих людей [и сделайте это] так, как это надлежит делать в подобных случаях, чтобы доставить радость. Следуйте этому на протяжении всего пути, пока они ни прибудут к нам. Затем же мы сами исполним надлежащее. После трапезы пусть приготовят и подадут сладости и конфеты⁴⁰ из леденцов (*канд*) и рафинированного сахара (*набат*), а также различные сухофрукты и *ришта-и-хатай* (китайские нити)⁴¹, ароматизированные розовой водой, мускусом и серой амброй⁴². После исполнения своего долга и оказания гостеприимства правителю провинции⁴³ (*вилаят*) надлежит отвлечься от дел своих владений и сопроводить (Его Величество) до столицы [области] Герат, не пренебрегая ни малейшими обязанностями несения службы и сопровождения [царской особы]. Когда он [Хумаюн] будет находиться

в двенадцати *фарсах*⁴⁴ от вышеназванной провинции, пусть оплот власти (т.е. правитель) предоставит одного из своих опытных военачальников⁴⁵ в распоряжение нашего славного и прекрасного сына, чтобы тот мог заботиться о городе и служить последнему. Остальная часть победоносной армии из города, провинции и ее окраин, состоящая из хазара, никодари⁴⁶ и других [народов], количеством ровно в 30 000 человек, пусть отправляется вперед вместе с оплотом власти, дабы оказать гостеприимную встречу. Палатки, навесы и необходимый инвентарь пусть доставят караванами верблюдов и мулов, чтобы перед благословенным взглядом падишаха предстал хорошо обустроенный лагерь. Когда (правитель) удостоится чести сопровождать Его Величество, прежде чем заговорить о чем-либо, пусть передаст ему от нашего имени, что мы возносим множество молитв о его благополучии. И в тот же самый день, когда он будет возвеличен несением службы, пусть сделает привал в соответствии с армейскими правилами (*тузак*) и порядком. Пусть оплот власти, приступив к своим обязанностям, испросит позволения отбыть, чтобы можно было оказать достойный прием Его Величеству, и пусть расположится на три дня в том же лагере. Пусть в первый день облачит он всё его (Хумаюна) войско в прекрасные халаты из сатина и парчи (*камхаб*) из Йезда и из шелка (*дараиха*) из Мешхеда и Хафа; и пусть им всем раздадут бархатные плащи (*балапош*)⁴⁷, а каждому воину и слуге выдадут два табризских *тумана*⁴⁸ на ежедневные расходы, а также предоставят различные яства в соответствии с предписанными выше правилами. И пусть состоится царственное собрание, дабы хвала прозвучала из уст [присутствующих], а возгласы превозношения достигли людских ушей. Пусть составят список его войск и отошлют к высочайшему двору. Пусть из [моей] личной казны возьмут 2500⁴⁹ табризских *туманов* и, отправив их в вышеназванную столицу, потратят на необходимые нужды. Пусть величайшее рвение проявится в служении, и пусть переход от указанного ранее лагеря до города займет четыре дня, а увеселения каждый день будут такими же, как и в первый. Также надлежит, чтобы на каждом увеселительном мероприятии благородные сыны оплота власти, подобно слугам и придворным, опоясывали свои чресла служением, и проявляли величайшее старание, и в знак благодарности за то, что подобный властитель — дар от даров Аллаха, стал

нашим гостем, демонстрировали высочайшее рвение в несении службы. Да не сопутствуют сему неудачи, ибо чем больше усердия и преданности будет проявлено по отношению к Его Величеству, тем выше будет наше одобрение. Пусть за день до его прибытия в город у входа в аллею (*хийабан*)⁵⁰ Баг Идгаха установят шатры, отделанные изнутри малиновым сатином, тонким полотном посередине и исфаханским полотном (*мискали*) с внешней стороны, которые приказано подготовить в эти дни. Везде, где возрадуется милостивое сердце Его Величества — в каждом цветнике, известном своим ароматом, ручьями, красотою и очарованием, почтительно приблизьтесь к Его Величеству, с преданностью держа руку уважения на сердце, и сообщите, что и лагерь, и армия, и всё ее личное имущество — дар (*пешкаш*) счастливому *Навабу*. Во время похода постоянно радуйте его умиротворяющей беседой. За день же до его прибытия в город оставьте свой пост и, предварительно получив позволение, отправляйтесь служить нашему сыну. На следующее утро сопроводите [нашего] дорогого сына из его покоев, дабы он мог приветствовать [Его Величество]. Облачите его в одежды, которые мы послали ему в прошлом году по случаю Нового года [Навруза], и, оставив в столице одного из умудренных годами и преданных воинов из рода Таклу (*Уймак-и-Таклу*), заслуживающего одобрения и доверия оплота власти, посадите сына на коня. Пусть на время следования к городу оплот власти возложит служебные обязанности (связанные с Хумаюном) на Каззак султана, и пусть подготовят шатры⁵¹, верблюдов и лошадей, чтобы, когда на следующий день счастливый *Наваб* сядет на своего коня, стан мог двинуться дальше, и пусть вышеупомянутый оплот власти⁵² будет проводником. Когда сын покинет город, проследите, чтобы все войска выстроились в предписанном порядке, и пусть они следуют к месту приветствия. Когда они приблизятся к царю, Палатам Величия, то есть когда разделяющее их расстояние будет равняться дальности полета стрелы, пусть оплот власти выступит вперед и попросит царя не спешиваться. Если тот согласится, пусть он немедленно вернется и поможет счастливому сыну сойти с коня, и пусть последний сразу подойдет и поцелует колено и стремя сего властелина Палат Сулеймана и выкажет всевозможные признаки преданности, уважения и почтения. Если же счастливый *Наваб* не согласится и спешится, пусть сын сойдет

пред ним с коня и засвидетельствует свое почтение, и если после этого Его Величество первым сядет в седло, пусть наш сын поцелует царскую руку, и [тоже] сядет на коня, и направится дальше, согласно этикету, к лагерю и отведенной резиденции. И пусть оплот власти сопровождает царя и находится рядом с сыном, и если царь задаст сыну какой-либо вопрос, а сын по застенчивости не сможет ответить, то пусть оплот власти даст надлежащий ответ. И пусть в вышеупомянутом лагере сын проявит гостеприимство по отношению к царю в соответствии с заведенным порядком, то есть около 9 часов утра 300 разновидностей блюд будут поданы в качестве закуски. Между двумя молитвами (в полдень) пусть подадут 1200 различных кушаний на блюдах [типа] *лангари*, известных как *мухаммад хани*, а также на фарфоровых, серебряных и золотых тарелках с крышками из золота и серебра. После этого пусть будут поданы всевозможные сладости, леденцы и засахаренные фрукты. Затем пусть из конюшен сына возьмут семь добрых и выносливых коней и уберут их бархатом и атласом, подпругу пусть изготовят из тонкого льна, расшитого шелком, и белую подпругу поместят на красную, а черную — на зеленую бархатную попону. Необходимо, чтобы там постоянно присутствовали Хафиз Сабир Как⁵³, Маулана Касим Кануни — арфист, Устад Шах Мухаммад — гобоист, Хафиз Дост Мухаммад Хафи, Устад Юсуф *Маудуд* и другие знаменитые певцы и музыканты, имеющиеся в городе; и когда бы Его Величество ни пожелал, они должны радовать его своим пением и игрой. И пусть отовсюду придут достойные сего собрания мужи, чтобы были они неподалеку, если их призовут, и дабы скрашивали они всеми возможными способами его часы. Затем пусть преподнесут в качестве подарка кречетов (*шункар*)⁵⁴, ястребов, соколов (*чаргх*), ястребов-перепелятников (*баша*), царских соколов (*шахин*), сапсанов (*бахри*) и других птиц, имеющихся в хозяйстве сына, оплота власти или сыновей последнего, и пусть у всех его слуг будут шелковые халаты разнообразных видов и расцветок, соответствующие каждому — из разноцветного бархата, расшитого шелка (*хара*)⁵⁵, *такма-калабаттуна*⁵⁶ и золотой парчи. По прибытии в лагерь пусть слуги его предстанут перед нашим сыном, который с щедростью, унаследованной им от предков, почтит их всех подарком, состоящим из одежд и коня, приличествующих положению каждого, и пусть стоимость подаренного

(каждому) не превышает трех *туманов*. Пусть также возьмут двенадцать раз девять отрезков шелка, включая бархат, атлас, европейский и йездинский *камхаб*, *бафта-шами* (сирийское полотно) и другие лучшие ткани, и пусть поместят 300 золотых *туманов* в 30 кошельков, [и преподнесут их] вместе с вышеупомянутым шелком⁵⁷, и пусть каждому воину и слуге дадут три табризских *тумана*, равных 600 *шахи*⁵⁸. Пусть он проведет три дня в аллее и в местности подземных источников (*каризгах*). Также прикажите, чтобы различные ремесленники возвели *чахар-так-банди*⁵⁹ от ворот Чахар Бага — царского дворца, до аллеи Баг Идгаха. И пусть один из вышеназванных военачальников оказывает помощь ремесленнику, дабы в результате совместного труда проявилась искусность и было создано превосходное сооружение. Прекрасно, что царь, возвысивший страну своим блистательным приходом, сначала должен посетить город, являющийся светом очей человеческих. Пусть же предстанут пред его волшебным взором талантливые и красноречивые подданные города, дабы доставить ему радость. На третий день, когда разум твой не будет более занят *чахар-так*, [вопросами, связанными с обустройством] аллеи и Чахар Бага, назначь глашатаев в городе, его районах и окрестностях, а также в близлежащих селениях, дабы огласили они [указ], что наутро четвертого дня всем женщинам и мужчинам города надлежит собраться в аллее (*хийабан*), и в каждой лавке и на *базаре*, где следует расстелить в ряд ковры и полотна, должны расположиться женщины и девушки⁶⁰, и, как заведено в этом городе, женщины будут петь и танцевать для всех желающих⁶¹. И пусть отовсюду придут мастера⁶² мелодий, равных которым нельзя найти ни в одном городе мира. И прикажи всем людям выйти для приветствия [царя]. Когда всё будет подготовлено, пусть царя почтительно попросят вдеть стопу верховной власти в стремя благополучия и взойти на коня. Наш сын будет ехать рядом с Его Величеством, но так, чтобы голова и шея коня последнего были впереди⁶³. Ты, оплот власти [т.е. Мухаммад-шах], будешь ехать непосредственно позади них, ибо так ты сможешь дать надлежащий ответ, если у [Его Величества] возникнут вопросы относительно строений, дворцов и садов. Когда же он благополучно прибудет в город, то посетит Чахар Баг. Пусть он спешит в небольшом саду, известном ныне как Баг Шахи, заложенном во время нашего пребывания в этом восхитительном

городе, где мы проживали, предаваясь чтению и сочинительству. Подготовьте бассейны [хауз] в Чахар Баге, а также другие водоемы, дабы были они прозрачны и чисты и благоухали от розовой воды и мускуса, чтоб нашлось где ему отдохнуть, когда ни пожелает.

В первый день наш сын проявит радушие, устроив роскошный пир, и когда он отправится отдыхать, ты, оплот власти, окажешь гостеприимство так, как это описано далее⁶⁴. Когда он (Хумаюн) вступит в город, ты в тот же день составишь донесение и отправишь его к высочайшему двору. Пусть Муиз-ад-дин Хусейн калантар (градоуправитель) из Герата назначит хорошего и опытного писца для создания подробной хроники, начиная с того дня, когда [названные ранее] пятьсот [воинов] окажут прием (*истикбал*), и заканчивая днем его (Хумаюна) прибытия в город, и пусть будет она скреплена печатью и отправлена [шаху] оплотом верховной власти; и пусть все рассказы и слова, хорошие или плохие, услышанные на этом собрании, будут записаны и посланы с доверенными лицами, дабы мы⁶⁵ были полностью осведомлены о происходящем.

Оплоту власти надлежит оказать гостеприимство следующим образом: должны быть приготовлены три тысячи блюд, сладости, сиропы (*шира*) и фрукты. Необходимо также осуществить следующее: во-первых, по случаю его [Хумаюна] чествования оплот власти преподнесет в дар 50 шатров, 20 навесов, большой шатер для припасов⁶⁶, который, как уже доложили, был приготовлен специально для Его Величества, двенадцать пар ковров в 12 и 10 локтей и семь пар ковров в 5 локтей, девять верениц верблюдиц, 250 больших и маленьких фарфоровых блюд, а также другие блюда и горшки яркой расцветки, оловянную посуду (*калкали карда*) и две вереницы мулов. [Во-вторых,] пусть военачальники выразят свое почтение, как описано далее: пусть подадут они кушанья, леденцы и засахаренные фрукты на 1500 блюдах, а также преподнесут трех коней, вереницу верблюдов и вереницу мулов, которых предварительно осмотрит и одобрит оплот власти. Правители Гуриана, Фушанджа⁶⁷ и Каршу проявят гостеприимство в своих землях. Правитель Бахарза⁶⁸ в Джаме и правители из Хафа, Таршиза⁶⁹, Завахи и Мухаввалата⁷⁰ окажут прием [падишаху] в Сарай Фархаде, что в пяти *фарсангах*⁷¹ от Мешхеда⁷².

213

Когда Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни приблизился к Фараху⁷³, прибыли посол шаха и посланец Его Величества, и Его Величеству доложили, что царь Персии посчитал его прибытие великим благом и возрадовался. Его Величество, являясь источником учтивости, не мог не поехать в Ирак, доставив тем самым радость своим верным спутникам. Он поместил стопу решимости в стремя власти и с твердым намерением направился к Герату. На каждой остановке его приезжал приветствовать кто-то из знати и сановников Хорасана, и они служили ему так, как если бы были его собственными придворными. Звук царского кортежа распахнул врата радости для народа, и люди из многих городов, таких, как Джам⁷⁴, Турбат⁷⁵, Сарахас⁷⁶, Исфараин⁷⁷, съехались в Герат в ожидании величественного прибытия. Когда гонцы Татар султана⁷⁸ и хорасанских сановников, отправившиеся вперед приветствовать [падишаха], доложили Мухаммад-хану, что величественная процессия приблизилась к Зияратгаху⁷⁹, последний сам выехал в сопровождении своих сановников Ваис султана и Шах Кули султана, а также выдающихся ученых мужей — Мир Муртаза *садр*, Мир Хусейн из Кербалы — и иных именитых личностей и в окружении другого люда. Они встретили его у моста Малан⁸⁰ — прославленного в Герате места — и передали ему поздравления шаха и исполненные почтения [слова] приветствия, поистине являющиеся вершиной величия души. Предварительно был издан указ, чтобы от моста Малан до сада Джаханара все дороги подмели и полили водой, и сановники и выдающиеся люди (*зурафа*)⁸¹ города пришли и служили ему. Когда царская процессия прибыла на одну из стоянок⁸², приветствовать его [Хумаюна] и засвидетельствовать ему свое почтение приехал Султан Мухаммад мирза. Счастливый принц и другие великие военачальники оказали ему [падишаху] великие почести и внимание. От Зияратгаха до Пул-и-Малана, а оттуда до сада Джаханара — на территории 3 или 4 лиги — вся равнина и холмы были полны народа из городов и селений, а количество людей и [всеобщее] ликование могли сравниться лишь с тем, что бывает на Ид [Ид ал-Фитр — праздник разговенья] и на Новый год [Навруз]. Первого числа месяца зуль-каада⁸³ 950 г.х. (27 января 1544 г.) он остановился в Баг Джаханара. Мухаммад-хан дал царский пир и преподнес ценные дары. На первом собрании Сабир Как, выдающийся декламатор Хорасана и Ирака, ис-

полнил оду Амира Шахи⁸⁴ на мелодию Сихгах⁸⁵ так, что даже восторженные поклонники были ею глубоко тронуты. Поистине, она чрезвычайно соответствовала моменту и впечатляла. А начиналась так:

Благословенно то жилище, которое подобная луна
своим присутствием почтила.

Велик тот мир, в котором царь подобный есть.

Когда он дошел до слов:

Пусть не печалят и не радуют тебя земные удовольствия и боль,
Ибо закон мирской порой такой, порой — совсем иной, —

Его Величество Джаханбани был тронут и взволнован до глубины души и излил дары благодарности на полы его надежд.

Так как Герат и его достопримечательности очень ему понравились, и приближался праздник Новый год [Навруз], он остался там на несколько дней. Всякий раз, когда он выезжал осматривать окрестности, его сопровождал Мухаммад-хан, и [всеми средствами] выражал ему свое почтение, и рассыпал золото с обеих сторон от Его Величества. Каждый день он посещал какое-нибудь известное место, и каждый раз там происходило торжественное собрание. Всё шло по предписанному плану. Иногда сердце его обретало безмятежность в Каризгах (местности подземных источников), а иногда он посещал Баг Мурад, Баг Хиябан, Баг Заган⁸⁶ и Баг Сафед⁸⁷. В каждом благословенном уголке собиралось разностороннее [букв. «пестрое»] общество. В эти дни он также посетил усыпальницы великих святых, особенно Ходжа Абд-аллаха Ансари, святого из Герата. Да славится его могила!⁸⁸ Он почтил своим присутствием отшельников, служителей веры, святых и знаменитых ученых мужей.

Когда празднование Нового года подошло к концу и все достопримечательности были осмотрены, он направился в священный Мешхед через Джам. В это время Ахмад султан, правитель Систана, до сего момента сопровождавший Его Величество, покинул его, отправившись в свои земли. На пятый день месяца зу-ль-хиджжа⁸⁹ он [падишах] достиг Джама и посетил усыпальницу Его Высочества Зинда Пил Ахмад-и-Джама. Когда он приблизился к Мешхеду, Шах Кули султан Истаджлу,

215

правитель этой провинции, вышел приветствовать его в сопровождении знатных сайидов, и они все выразили ему свое почтение. Пятнадцатого числа месяца мухаррам 951 г.х. он достиг священного Мешхеда и посетил усыпальницу (имама) Ризави — да благословит его Аллах! Он провел несколько дней в стенах этого величественного сооружения. Затем он отправился в Нишапур. Шамс-ад-дин Али султан, правивший там, пришел со знатными и простыми [людьми] засвидетельствовать свое почтение [падишаху] и с готовностью выполнял различные поручения. Его Величество посетил бирюзовые копи⁹⁰ тех мест и оттуда направился в Сабзавар, а затем в Дамаган. Среди чудесных диковин тех мест есть древний источник, который исстари обладает защитной особенностью, то есть когда что-либо нечистое попадет в него, поднимается буря, и небеса меркнут от мощных порывов ветра и пыли⁹¹. Его он также изучил проницательным взором. Каких только диковин нет в чудесной мастерской Создателя, понимание которых находится за пределами возможностей наших мыслей и воображения. Из Дамагана он отправился в Бистам⁹², и хотя усыпальница Бахртами⁹³ шейха Баязида Бистами — да будет священна его могила! — была не по пути, он свернул с дороги, дабы посетить ее. Оттуда он продолжил путь в Самнан⁹⁴ и сделал остановку в Суфиабаде⁹⁵, где находится могила шейха Ала-уд-даула Самнани⁹⁶ — да будет священна его могила!

В походе или во время остановок Его Величество имел обыкновение посещать усыпальницы почитаемых святых и черпал вдохновение в рассказах о духовной и земной жизни сих пробужденных сердец. Везде, где он останавливался, правители и сановники приходили засвидетельствовать ему свое почтение, а от шаха нередко доставляли теплые послания и великолепные подарки.

Когда процессия достигла Рея⁹⁷, шах [Тахмасп] покинул Казвин с целью посетить летнюю резиденцию и направился к Султани⁹⁸ и Сурлику. Его Величество Джаханбани остановился в Казвине, который в то время был столицей шаха. Сановники и жители вышли приветствовать его. Он провел там несколько дней, посещая знаменитые сооружения и святые места города, остановившись в доме Ходжа Абдул-гани, главы городского управления (*калантар*), где ранее проживал сам шах. Оттуда он [Хумаюн] послал Байрам-хана к шаху, чей кортеж

уже почти достиг места назначения, когда прибыл Байрам-хан. Он передал послание [падишаха], а затем благополучно вернулся назад⁹⁹. После этого Его Величество отправился в Султанию. Шах [Тахмасп] расположился лагерем между Абхаром¹⁰⁰ и Султанией. Когда Его Величество приблизился к этой стоянке, один за другим стали подходить к нему великие военачальники, дабы засвидетельствовать свое почтение. Затем пришли Бахрам мирза и Сам мирза, уважаемые братья шаха, и приветствовали его. В джумада ал-аввале 951 г.х. (июль 1544 г.) шах лично встретил его¹⁰¹, проявив уважение и почтение, и был удостоен беседы, во время которой соблюдались все правила почтительности и преклонения. Беседа с Его Величеством Джаханбани в великолепном дворце, чьим золочением многие годы занимались искусные мастера, и в котором они продемонстрировали чудеса¹⁰² искусства, ознаменовала открытие чарующей картинной галереи. Состоялась царственная встреча; и, в соответствии с правилами хорошего тона и после выражения соболезнований и учтивых расспросов о благополучии, установилось взаимопонимание, и последовала беседа. Распахнулись врата искренности и уважения, и открылась дорога для благожелательности и веселья, и начался возвышенный разговор. Мирза Касим¹⁰³ из Гунабада в своем сборнике стихов («Маснави»), в котором он прославляет шаха, так передает беседу между двумя прославленными властителями:

Два Господина Соединения в одном пиршественном зале
Образовали сизигию, подобно солнцу и луне,
Два ярких зрелища для взора Судьбы,
Два благословенных Ида [праздника] для месяца и года,
Две звезды, освещающие небеса
Друг подле друга, подобно Фаркадайн¹⁰⁴,
Два дружественных ока мира,
Сведенные приветливо, как брови,
Два благостных знамения в едином знаке (*бурдж*),
Две чудные жемчужины в одном ларце (*дардж*).

Шах заметил: «Великий Создатель и Даритель Миров сделал завоевание Индии, осуществленное Его Величеством Гити-ситани

Фирдус-макани, ключом к сокровищнице всемирного владычества для вашего покоряющего мир меча. Все неудачи и препятствия, возникшие в эти дни в делах правления и всемирного руководства, проистекают из мятежности и противодействия вероломных братьев. Над этим у вас нет власти. В земных делах важную роль играет братское единодушие, ибо оно есть решение проблем. В сложившихся обстоятельствах считайте нас вашим младшим братом¹⁰⁵ и рассматривайте как помощника и сторонника, так как — клянусь собственной жизнью — мы будем поддерживать вас на пути к высотам ваших желаний. Мы признаем старые связи и окажем всё необходимое содействие. Если потребуются, чтобы мы лично пришли вам на помощь, — мы придем». Он произнес много искренних слов, исполненных великодушия. В течение нескольких дней продолжались торжества, подобные празднествам Кира. Его Величество шах лично руководил всеми приготовлениями и каждый день устраивал новое увеселение. Он преобразился как внешне, так и внутренне, и с каждым днем становился всё дружелюбнее и приветливее. Разве можно описать пиршества, поставкой провизии для которых занимался сам великий шах? Какие там были расшитые золотом бархатные и шелковые навесы! Сколько шатров с отделкой и величественных палаток!

Всё пространство, какое только мог охватить взор, покрыли дорогими коврами и шелковыми ковриками и, тем самым, разостлали наслаждение и радость¹⁰⁶. Разве можно передать словами то, как шах лично уделял внимание важному вопросу, связанному с преподнесением подарков и редкостных вещей? Как описать благородных скакунов из Мидии¹⁰⁷ с украшенными вышивкой и золотом седлами, великолепными попонами и сбруей или отборных мулов из Барда, необычного вида верблюдов¹⁰⁸ и верблюдиц с дорогими чепраками, множество тюркских сабель и кинжалов, инкрустированных драгоценными камнями, тонкое полотно и одежды (*постин*) из меха куницы (*кеш*) и красной лисицы¹⁰⁹, горноста́я (*санджаб*), белки (*тин*), а также платья из золотой парчи, бархата, шелка (*таджа*), атласа, узорчатого шелка из Европы (*мушаджжар-и-Фиринги*), Йезда и Кашана? Пред священные очи Его Величества принесли множество чаш, кувшинов и подсвечников из золота и серебра, украшенных рубинами и жемчугом, множество золотых

и серебряных блюд, узорные шатры, великолепные ковры, столь огромные и прекрасные, что [поистине могли считаться] чудом своего времени, и другие богатые дары. Деньги и товары были розданы всем сподвижникам [падишаха], и произошел обмен царскими приветствиями.

В день великого празднества Его Величество Джаханбани преподнес шаху в качестве дара путешественника бесценный алмаз¹¹⁰, чья стоимость была равна доходу [всех] стран и сторон света, вместе с 250 бадахшанскими рубинами. Без сомнения, все расходы шаха, возникшие по случаю приема Его Величества Джаханбани со времени приезда последнего в страну и до его отъезда, из его ли [шаха] собственного кошелька или из кошелька его военачальников, окупились, таким образом, четырехкратно. Оттуда они отправились в Султанию, и там были устроены торжества, подобные празднествам Кира. В перерыве между этими славными временами счастливого союза сердца обеих сторон омрачили подстрекательства различных смутьянов¹¹¹, однако неприятности длились недолго, и их смыли воды очищения. Его Величество шах [Тахмасп] каждый день организовывал новые развлечения и увеселения. Среди прочего он приказал устроить загонную охоту (*шикар-и-камарга*), и его войско в течение десяти дней загоняло степных зверей к источнику, известному как Савук Булак, у истоков Яйлак Билака¹¹². Его Величество Джаханбани и шах въехали в район охоты вместе и продемонстрировали величайшее мастерство верховой езды и охоты. После этого вступить в *камаргу* было позволено Бахрам мирзе, Сам мирзе, а вслед за ними присоединились Байрам-хан, Хаджи Мухаммад Коки, Шах Кули султан *мухрдар* (хранитель печати)¹¹³, Рошан Кока, Хасан Кока и многие другие верные сторонники Его Величества Джаханбани. Были приглашены также несколько военачальников шаха, такие, как Абдалла-хан Истаджлу, зять великого шаха Исмаила [отца шаха Тахмаспа], Абу-л Касим Халфа, Сиундак султан¹¹⁴, Курчи-баши Афшар, Бадар-хан Истаджлу и некоторые другие. Через некоторое время это позволили всем. Каждый воин и всадник принял участие в ловле и захвате дичи. В это время Бахрам мирза, затаивший злобу против Халфы, намеренно застрелил его из лука, и тот умер¹¹⁵. Из уважения к мирзе никто не сообщил об этом шаху. После этого войска были отосланы, дабы подготовить новую *камаргу* около Пруда Сулеймана (*Хауз-и-Сулайман*).

218

Когда все собрались, охота, по обычаю предков, возобновилась, и они также провели некоторое время, играя в поло¹¹⁶ и развлекаясь стрельбой из лука¹¹⁷. В тот день, когда состязания в стрельбе были в самом разгаре (букв. «кабак-базар был накален»), Байрам бек получил титул хана, а Хаджи Мухаммад Коки — титул султана. В конце этой дружеской встречи Его Величеству представили [для ознакомления] список¹¹⁸ двенадцатитысячной кавалерии¹¹⁹, которой было приказано сопровождать царя под началом сына шаха, принца Мурада, а также перечень припасов, которые надлежало отправить вместе с Его Величеством Джаханбани. Вот список знатных людей, назначенных принять участие в этом великом походе:

- 1) Мирза Мурад
- 2) Бадаг-хан Каджар, наставник мирзы
- 3) Шах Кули султан Афшар, управитель Кирмана
- 4) Ахмад султан Шамлу, сын Мухаммад Халифы
- 5) Санджаб султан Афшар, управитель Фараха
- 6) Яр Али султан Таклу
- 7) Султан Али Афшар
- 8) Султан Кули Курчи-баши, родственник Мухаммад-хана (управителя Герата)¹²⁰
- 9) Якуб мирза, *тагай* (дядя по материнской линии) Султан Мухаммада Худабанда (старшего сына Тахмаспа)
- 10) Султан Хусейн Кули Шамлу, брат Ахмад султана, управителя Систана
- 11) Адхам мирза, сын Део мирзы
- 12) Тахамтан мирза, сын Део султана¹²¹
- 13) Хайдар султан Шайбани¹²²
- 14 и 15) Его сыновья Али Кули и Бахадур
- 16) Максуд мирза Ахтабеги, сын Зайн-ад-дина султана Шамлу
- 17) Мухаммади мирза, внук Джахан Шах мирзы¹²³, известный как Шах Езди бек¹²⁴
- 18) Качал Истаджлу
- 19) Али султан Чулак¹²⁵, сын сестры Мухаммад-хана
- 20) Абу-л-фатх султан Афшар
- 21) Хасан султан Шамлу¹²⁶

- 22) Ядгар султан Мослу (т.е. из Мосула)
- 23) Ахмад султан Алаш Агли Истаджлу
- 24) Сафи Вали султан, потомок суфиев¹²⁷, халифа Румлу
- 25) Алибек Зульфикаркуш¹²⁸
- 26) Мухаммад бек Китабдар (библиотекарь) Каджар

Было также выделено 300 гвардейцев из личной охраны шаха¹²⁹ с соответствующим снаряжением. Когда эта встреча подошла к концу, прозвучал приказ организовать третью охоту¹³⁰ в Ак-и-Зиярат — последней стоянке перед летней резиденцией в Сурлике. Были устроены различные увеселения и празднества, полные всевозможных удовольствий. В чудном местечке Мияна¹³¹, известном целебными свойствами, шах пришел в резиденцию Его Величества Джаханбани и пожелал ему удачи, и два властелина в благоприятный час попрощались друг с другом с выражением взаимного уважения.

Оттуда Его Величество Джаханбани направился в Ардабил и Табриз, в соответствии с обычаем, начало которому положил Его Величество Сахиб Кирани [Тимур]¹³². Паланкин Ее Величества Мириам-макани, вместе с ее свитой, был отправлен по прямой дороге в Кандагар; Хаджи Мухаммад-хана назначили командующим войсками и послали сопровождать паланкин вершины целомудрия. Двенадцатитысячная кавалерия, посланная служить победоносному стремени, была отправлена получить личное снаряжение и т.д., дабы, когда Его Величество Джаханбани прибудет в Хилманд, принц (Мурад) с войском мог присоединиться к нему. Сначала Его Величество Джаханбани направился осмотреть Табриз, и когда он приблизился к нему, правители и сановники [города] вышли приветствовать его около плотины, возведенной мирзой Миран Шахом¹³³ на реке, текущей к Табризу со склонов Саханда¹³⁴. В соответствии с приказами шаха управитель [Табриза] устроил в городе празднества, и украсил его для просветленного взора Его Величества, и лично исполнил все обязанности, связанные с оказанием гостеприимства. Игры в мяч¹³⁵ и волчий гон¹³⁶, которыми был знаменит Табриз, запрещенные из-за [вызываемых ими] беспорядков, возобновили по приказу шаха, дабы доставить Его Величеству радость. Его Величество посетил великолепные строения, мемориалы царей прошлого и парки города. Разум его наполнился яркими картинками

древних (*гузаштаган*) памятников земли, перемен (*саргаштаган*), небесных дворцов, смерти (*гузаштаги*), изменчивой Вселенной и разломов (*гусистаги*) неустойчивой земли¹³⁷; и наделили они его уста правдивыми словами о достижении благосклонности Создателя. Падишаха восхитило одно древнее четверостишие, и он в восторге прочел его вслух:

Увы, суть сия соскользнула с ладони,
И много сердец (букв. «печеней») облилось кровью
при виде смерти;
Никто еще не вернулся из мира иного, кого б я мог спросить,
Как с путниками туда она добралась.

Мулла Кутб-ад-дин¹³⁸ Джаланджу из Багдада служил ему в этом прославленном городе и сопровождал до священного Мешхеда. Утонченный и бесподобный Ходжа Абд-ус-самад¹³⁹ Ширинкалам (сладостное перо) также поступил на службу в этом городе и был высоко оценен сим знатоком совершенства. Но из-за превратностей судьбы он [Ходжа] не смог сопровождать его [Хумаюна]. Чудесный добрый знак заключался в том, что по прибытии в Табриз Его Величество, любивший астролябии, сферы¹⁴⁰ (*кура*) и другие приборы наблюдения, приказал своему конюшему беку Мухаммаду поискать как следует в городе сферы (*кура*). Этот же простофиля привел несколько жеребят (*карра*) с их матерями!¹⁴¹ Его Величество не проявил недовольства и купил их, посчитав за хороший знак. Покинув Табриз, падишах отправился в Ардабил. Когда он прибыл в Шаммаси¹⁴², все шейхзада и иные сановники и знать явились выразить ему свое почтение. Он пробыл в Ардабиле неделю, а затем отправился в Халхал, оттуда в Тарам¹⁴³, а затем в Харазбил¹⁴⁴. Так как та местность славилась живительным воздухом и превосходными фруктами, в особенности бескосточковыми гранатами¹⁴⁵, он остался там на три дня. В Сабзаваре он вновь присоединился к своему лагерю. Там Ее Величество Мириам-макани родила дочь¹⁴⁶. С самого начала похода в Кабул и Кандагар на каждой стоянке правители и сановники преподносили ему подарки и оказывали радушный прием. На этой стоянке свой долг подданного исполнил мир Шамс-ад-дин Али султан, а в день празднеств свое искусство продемонстрировали танцоры на канате. Когда он [Хумаюн]

прибыл в священный Мешхед, управитель [города] и знать всеми силами постарались оказать ему почести. Он пробыл в этом городе некоторое время¹⁴⁷, дабы дать возможность собраться шахской армии. Оттуда он послал некоего Абд-ал-фаттах Куркирака собрать налоги (*савари*) с Герата, но последний умер по пути назад. Оттуда же он направил маулану Нур-ад-дин Мухаммада Тархана вызвать шейха Абу-л Касима Джурджани и маулану Илиаса из Ардабила — мужей, наделенных как внешними, так и духовными достоинствами. Последние предстали перед ним в Кабуле. Он был чрезвычайно рад приезду этих двух выдающихся людей и обсудил с ними «Дуррату-л-тадж»¹⁴⁸. Пребывая в Мешхеде, он постоянно беседовал с учеными и красноречивыми подданными, многое почерпнувшими из магии общения с ним. Например, маулана Джамшид, составитель загадок и вместилище достоинств, неоднократно имел честь посещать его. Однажды Мулла Хайрати¹⁴⁹ представил перед утонченным взором Его Величества следующие строки:

Пока мое сердце, пока моя печень изнывают от любви
к ненаглядной,
Каждую секунду любовь оставляет новый шрам;
Я, точно летящий на огонь мотылек,
Приблизжусь — и крылья (*бал-у-парам*) свои опалю.

Его Величество, обладавший огромным поэтическим дарованием (*халлак-и-маани*) и тонкостью ума, дал на это [четверостишие] блестящий ответ (*масарруф*):

Я двигаюсь вперед, хотя [знаю, что] крылья свои опалю.

Маулана искренне преклонился перед совершенным ответом Его Величества. Из Мешхеда он [Хумаюн] отправился в караван-сарай в Тарке¹⁵⁰, а оттуда — через крепость Гах¹⁵¹ — в Систан. Там к нему присоединились принц и шахские воины. Оттуда они направились в Гармсир. Мир Абд-ал-Хай из Гармсира выехал из крепости Лаки¹⁵² с колчаном, привязанным к шее, и засвидетельствовал свое почтение, извинившись за нанесенные оскорбления и собственное постыдное

поведение, ибо остался в стороне от исполнения долга службы, когда Его Величество отправился в поход (в Персию). Так как Его Величество пребывал в снисходительном и доброжелательном расположении духа, он принял его извинения и осыпал милостями.

Поскольку повествование наше зашло уже довольно далеко, необходимо сказать несколько слов и о воинах, служивших государству во время их [вынужденного] изгнания.

Главой этих преданных слуг был Байрам-хан, который, подобно удаче (*чун саадат*), издавна служил у стремена Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Вторым был Ходжа Муаззам, единоутробный брат¹⁵³ Ее Величества Мириам-макани. С самого рождения он отличался буйным характером и горячим нравом. Постепенно его заносчивость (*бибаки*) и кровожадность (*саффаки*) перешли всякие границы. Последнее из его деяний будет описано в надлежащем месте. Третьим был Акил султан Узбек¹⁵⁴, сын Адил султана, который со стороны матери приходился внуком Султан Хусейн мирзе. Хотя сначала он находился среди тех военачальников, что получали жалованье, впоследствии имя его исключили из их числа (*бахирман маусум гаши*).

222 Четвертый, Хаджи Мухаммад Коки¹⁵⁵, приходился братом тому Коки, что был одним из величайших военачальников Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани. Хаджи Мухаммад отличался исключительной отвагой, и шах часто говорил, что царям необходимы такие слуги. В день [игры] *кабакандази* он поразил [цель] *кабак* и получил от шаха подарок (*джальду*).

Пятый, Рушан Кока, молочный брат Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. На время пути ему доверили драгоценности. Однако он не оправдал оказанного доверия, и его пришлось поместить на какое-то время в тюрьму. Но впоследствии он получил прощение и свободу.

Шестым был Хасан бек, брат Махрама Коки. Хотя он приходился молочным братом Камран мирзе, однако долгое время служил Его Величеству Джаханбани. По природе своей это был щедрый, приветливый и верный подданный. Он утонул во время переправы через Чаузу.

Седьмой, Ходжа Максуд из Герата¹⁵⁶, человек честный и прямой, славился своей надежностью и прямодушием и являлся одним из испы-

танных слуг Ее Величества Мириам-макани. Он всегда проявлял усердие в исполнении своих служебных обязанностей. У него было два благословенных сына, приходящихся шахиншаху [Акбару] молочными братьями. Один из них — Саиф-хан, испивший полную чашу мученичества в год завоевания Гуджарата. Другой, Зайн-хан Кока, известный своей преданностью и умом, стал объектом благосклонности Царя Царей и одним из величайших военачальников.

Восьмой, Ходжа Гази из Табриза, — искусный счетовод, а также был знаком с историей и хрониками. Когда величественная армия покинула Лахор и направилась в Синд, он ушел от мирзы Камрана и присоединился к Его Величеству. Его назначили *мушраф-и-диваном*¹⁵⁷ (счетоводом). После этого он на долгое время был удален от двора. В конце своей жизни, когда сила его разума ослабла, его вновь допустили ко двору шахиншаха.

Девятый, Ходжа Амин-ад-дин Махмуд из Герата, превзошел всех в мире в науке счета (*фанн-и-сияк*), а также превосходно писал [почерком] *шикаста*¹⁵⁸. Он был чрезвычайно искусен (*мушигаф*, букв. «цепетилен») в области торговли и в арифметике.

Его Величество [Акбар] сделал его на какое-то время *бакиши* [здесь — казначей] Царя Царей. Во время правления последнего он достиг высокого положения и был возвышен пожалованием титула Ходжа Джахан.

Десятый, Баба Дост Бакши, также славился своими познаниями в счете и всегда демонстрировал большие способности в делах *дивана*.

Одиннадцатый, Дервиш Максуд Бангали, происходил из Зияратгаха в Герате и был неподкупным человеком. Его оставили с Джахангир Кули беком¹⁵⁹ в Бенгалии, и он стал единственным, кто спасся. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни был особенно милостив к нему, а впоследствии Его Величество, Царь Царей [Акбар], испытывал к нему величайшую благосклонность. Он прожил долгую жизнь среди возносящих молитвы (за Акбара).

Двенадцатый, Хасан Али Ишик Ака¹⁶⁰, был известен своим мужеством и предприимчивостью. Он хорошо служил, но однажды некто по имени Якуб¹⁶¹, являвшийся любимцем Его Величества Джаханбани, сказал что-то непристойное, и несколько враждебно настроенных

кызылбашей (персов) устроили юноше [Якубу] засаду в пустынном селении близ Табриза и убили его¹⁶². Так как его отношения с Хасан Али сложились напряженными, было доложено, что последний подстрекал к убийству. По этой причине он не смог сопровождать величественное войско и остался в Персии. Когда Кабул стал падишахской резиденцией, ему позволили вернуться к царским порогам.

Тринадцатый, Али Дост Барбеги¹⁶³, являлся сыном вышеупомянутого Хасан Али. Он прибыл позже и присоединился [к войску] в священном Мешхеде. Всю его жизнь он был известен в Герате (?) своей службой и преданностью.

Четырнадцатый, Ибрахим Ишик Ака, стал преданным слугой двора.

Пятнадцатый, шейх Юсуф Чули¹⁶⁴, называвший себя потомком шейха Ахмада Ясави¹⁶⁵, был скромным и приятным человеком.

Шестнадцатый, шейх Бухлул¹⁶⁶, утверждавший, что он потомок тюркских шейхов, являлся хорошим слугой.

Семнадцатый, маулана Нур-ад-дин, был сведущ в математике, астрономии и умел управляться с астрольбией. Он поступил на службу к Его Величеству Гити-ситани Фирдус-макани вместе с Кази Бурханом из Хафа. Он стал одним из придворных Его Величества Джаханбани. Его Величество Шахиншах наградил его титулом тархан.

Восемнадцатый, Мухаммад Касим Мауджи, поступил на службу к Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни в Бадахшане. Он был родственником Мир Мухаммада Джалабана¹⁶⁷ и в Бадахшане служил паромщиком (*джалабани*). В Индии же, во время правления Его Величества Шахиншаха, стал командующим флотом. В очаровательном доме на берегу Джумны корабль его жизни пристал к берегам утасания.

Девятнадцатый, Хайдар Мухаммад Ахтабеги¹⁶⁸, являлся старым слугой.

Двадцатый, Сайид Мухаммад Пакна¹⁶⁹ (отважный (?), был храбрым человеком и мастером на все руки (*сахиб-и-кабза*). В Герате он выиграл *кабак* [приз].

Двадцать первый, Сайид Мухаммад Кали, какое-то время пребывал *мир адлом* [начальник правосудия] в Бхаккаре. У него было право сидеть в прославленном собрании.

Двадцать второй, Хафиз Султан Мухаммад Рахна, приехал в Бхаккар в одеждах факира и поступил на службу. Он декламировал трогательные стихи¹⁷⁰. Со временем его назначили послом¹⁷¹, и он достиг славы во времена правления Его Величества Шахиншаха. В Сахринде (Сирхинде) он заложил пленительный сад, достойный восхищения.

Двадцать третьим был Мирза бек Балуч, чей отец служил в Хорасане *хазара-и-балучем* [тысячником белуджей].

Двадцать четвертый — его сын Мир Хусейн. Оба известны как превосходные слуги.

Двадцать пятый, Ходжа Амбар Назир, евнух, пользовался доверием Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани. От Его Величества, Царя Царей, он получил титул итибар-хана (верный хан). Он был приставлен к паланкину Ее Величества Мириам-макани.

Двадцать шестой, Ариф Тушакчи, находился в списке купленных (или захваченных) рабов, но утверждал, что он сайид. Благодаря милости Его Величества, Царя Царей, он получил титул бахар-хана¹⁷² и достиг высокого положения.

Среди верных слуг и рабов были Михтар-хан, казначей (*хазинадар*), Михтар Фахир Тушакчи, мулла Балал, библиотекарь, Михтар Таймур, глава приготовителей шербетов (*шарбатчи*), Михтар Джаухари, носильщик кувшинов [водонос]¹⁷³, Михтар Вакила, казначей (*хазанчи*), Михтар Васил и Михтар Сумбул *мир атаи* (начальник артиллерии). Кроме того, там были Султан Мухаммад Каравал беги (охотник), Абд-ал-ваххаб (смотритель продовольственной кладовой), Джабай Бахадур и Тулак Ятишнавис¹⁷⁴.

Слава вам! О счастливыцз звезды удачи, что продвинулись с благими намерениями и твердой поступью по пути Божественных заветов, преодолев испытания Всевышнего, и послужили своему благодетелю.

Я не знаю, почему медлят помощники,

Ибо лишь служением человек достигает своего положения.

Глава 34

Возвращение Его Величества
Джаханбани Джаннат-ашияни
из Персии и прибытие Его
Величества Шахиншаха из
Кандагара в Кабул

Когда доставили приятную (букв. «рассеивающую тень»)¹ весть о приближении Его Величества Джаханбани, и известие о [движении] его войска облетело весь Кабул и Кандагар, от дуновения весенних победных ветров раскрылись бутоны чаяний надеющихся, а поток решительности колеблющихся пришел в движение.

Вечное изобилие неисчерпаемой сокровищницы
Одарило город вестью о его прибытии.
Поле надежд отчаявшихся оживилось улыбкой,
Зазеленел счастливый сад неудачливых.

225 Громкое эхо нарушило душевное равновесие мирзы Камрана, и поскольку пора пробуждения и раскаяния миновала, он продвинулся дальше по несправедному пути и дал волю дурным помыслам. Первым делом он отправил брата Хизр-хана Хазара и Курбана Каравалбеги (предводителя передового отряда) доставить питомца света, то есть шахиншаха, из Кандагара в Кабул. Когда те прибыли, мирза Аскари держал совет со своими людьми, стоит ли отсылать Его Величество [Акбара]. Обладавшие здравым умом сказали, что это было бы неправильным [решением], и что, когда прибудет Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни, необходимо со всем почтением отправить к нему дитя власти, дабы посредством сего прекрасного букета из цветника удачи он

[Аскари] мог добиться для себя прощения за нанесенные оскорбления. Другие же советовали отправить его к мирзе Камрану, дабы не потерять благосклонность последнего, ибо, как они это объясняли, теперь уже поздно искать примирения с Его Величеством Джаханбани. В конечном итоге мирза пренебрег здравым советом и отправил Его Величество Шахиншаха — в разгар зимы, по снегу и льду — в Кабул. Вместе с ним отправили его сестру, Бахши Бану бегим², а также Шамс-ад-дина из Газни, носившего титул атка-хана, Махам Анагу, мать Ад-хам-хана, Джиджи Анагу, мать мирзы Азиза Кокалташа, и других слуг. Для того чтобы их не узнали, на время пути питомца света называли Мираком, а его сестру — Биджой³. Прибыв в Килат (*Келат-и-Гилзай*), они остановились на ночь в доме одного хазара. Из-за сияния (*фар*) и величия, проявленных на челе Его Величества, люди узнали его сразу же как увидели, и утром хозяин дома изрек, что привезли принца. Как только брат Хизр-хана услышал эти слова, тотчас собрался и поспешил в Газни. Час за часом, минута за минутой наблюдали слуги проявляющиеся у принца с самого раннего возраста знаки величия и изумлялись Божественному Промыслу, лицезрея чудесный свет его развития. После того как они покинули Газни и прибыли к месту привала, в доме погасили свет, и всё погрузилось во тьму. Его Величество, сущность природы которого неразрывно связана со светом, расплакался, испугавшись темноты, и хотя *анаги* и няни старались изо всех сил, они никак не могли успокоить его. Но как только принесли лампу, сердце его утешилось, а на щеках появились огоньки радости. Это было явным знаком уси-

226

ления света и рассеивания тьмы, как внешней, так и внутренней. Когда Его Величество Шахиншах прибыл из Кандагара в Кабул, мирза Камран привел любимца сада судьбы в дом вершины целомудрия Ханзады бегим, сестры Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани. На следующий день он провел царственное собрание в саду Шахр-ара и засвидетельствовал свое почтение Его Величеству.

Глава 35

Его Величество Шахиншах
побеждает в поединке
Ибрахим мирзу и радостно
бьет в барабан славы

Когда мирза Камран увидел этот истинный кипарис из розария удачи в саду Шахр-ара, то, по злой иронии судьбы, смутился и изумился при виде блистательного чела, излучавшего свет вечной власти и удачи. И так как Аллах, Устроитель Мира, желал процветания господина власти и духовного и мирского поражения мирзы, что бы последний ни принимал за источник радости, оборачивалось для него огорчением. Однажды — когда мирза устроил празднество и послал ради собственного прославления за Его Величеством Шахиншахом — согласно традиции и по случаю Шаб-и-барат¹ для его сына Ибрахим мирзы² доставили украшенные литавры. Его Величество Шахиншах захотел, чтобы в соответствии с установленным порядком оркестр всемирного завоевания заиграл в его честь, а барабан мировой власти и вселенского украшения забил на крыше его покоев. Не понявший этого мирза не захотел отдать ему [литавры] и, в расчете на то, что мирза Ибрахим старше и явно сильнее, использовал желание [Акбара] получить барабан в качестве предлога для поединка и состязания в силе. Барабан получит тот, кто победит. Его Величество, которого поддерживали небеса и кому сама вечность была опорой, не обратил внимания ни на напыщенность мирзы Камрана, ни на более старший возраст Ибрахим мирзы, а возрадовался, услышав условие, назначенное мирзой ради собственного удовольствия, и приумножил печаль последнего. Несмотря на свой нежный возраст, по причине которого подобные

действия могут показаться необычными, он без колебания, движимый Божественным вдохновением и Небесным руководством, подпоясал свои чресла, закатал рукава и [преисполнившись] силой, ниспосланной вечной властью, смело выступил вперед. Он схватился с мирзой Ибрахимом по правилам искусных [бойцов] и мастеров борьбы и, ухватив его за пояс, так поднял и бросил на землю, что среди собравшихся раздался крик и повсюду послышались возгласы: «Молодец!» Это было лишь началом победоносного и завоевательного боя барабана Его Величества Шахиншаха, Тени Аллаха, раздавшегося над высочайшими вершинами земли и под изумрудными сводами небес (*сипихр-и-хазра*). Мирза Камран, который надеялся, что итог этого поединка станет предзнаменованием исхода его соперничества с Его Величеством Джаханбани, усмотрел в результате [боя] дурной знак и пал духом, тогда как доброжелатели и друзья Его Величества Шахиншаха ликовали и радовались счастливому знаку. Его Величество бил в барабан, завоеванный силою его рук, и восхитительный звук наполнял радостью сердца царских слуг. Так как дела обернулись неблагоприятным образом³, и брошенный жребий определил противоположно желаемому, мирза замыслил недоброе против алтаря судьбы (Акбара) и начал с того, что приказал отлучить Его Величество, который всё еще находился на грудном кормлении, от груди⁴. Он забыл, что тому, кто черпает молоко из источника Божественного изобилия и получает пищу от Небесной кормилицы, не будет вреда от подобных действий, и эти дурные замыслы не причинят ущерба [ребенку,] оберегаемому самим Истинным Защитником.

Глава 36

Прибытие армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Гармсир и взятие крепости Баст

Свидетели событий и наблюдатели явлений, чьи глаза остры и подведены сурьмой бдительности, знают, что когда возвышенные знамена Его Величества Джаханбани вместе с союзными войсками персов достигли Гармсира, Али Султану Таклу и другим верным подданным было приказано взять [крепость] Баст¹, относящуюся к Гармсиру и подчиненную Кандагару. Шахам Али Джалаир, отец Тимура Джалаира, и мир Халадж, являвшиеся джагирдарами мирзы Камрана, укрепили крепость, осаждаемую теперь падишахской армией. В ходе осады мушкетная пуля из крепости попала в Али Султана, лишив жизни. Воины последнего назначили на его место двенадцатилетнего сына [Али Султана] и ожесточили осаду. Об этом доложили царю Персии и спустя некоторое время доставили предписание об утвержденных им действиях. Постепенно гарнизон оказался в безвыходном положении, и так как помощь не приходила, взмолился о пощаде. Падишахское милосердие явило ее, и крепость сдали. Когда она перешла в руки царских слуг, Его Величество Джаханбани расположился лагерем неподалеку, а Шахам Али и мир Халадж повязали колчаны вокруг своих шей и пришли засвидетельствовать свое почтение. Его Величество по природной доброте простил им их преступления и зачислил в список собственных слуг. Тогда же распространились слухи, что мирза Аскари намеревается бежать со своей казной в Кабул. Кое-кто из персов и царских слуг попросили разрешения отправиться за ним в погоню. Его Величество узнал от достойных доверия разведчиков, что слухи эти

228

ложные, и мирза Аскари собирается сражаться и защищать крепость Кандагара. И даже если бы сообщение оказалось правдой, Его Величество по присущей ему доброте не пожелал бы преследовать Аскари. Однако, будучи не в силах себя обуздать² и получив позволение уехать, те поспешно отправились в путь, чтобы не упустить мирзу. Когда в невероятной спешке они [в расстроенном боевом порядке] достигли окрестностей Кандагара, стало ясно, что сведения об отъезде мирзы были ложными. Большое войско выступило им навстречу, а из крепости велась стрельба из пушек и мушкетов. Множество персов и других [людей падишаха] убили, многих ранили. Ходжа Муаззам, Хайдар султан, Хаджи Мухаммад, сын Баба Кашки, Али Кули, сын Хайдар султана, Шах Кули Наранджи и некоторые из рода Чагатаев и персов доказали свою храбрость и отбросили врага назад в крепость. Хотя Джамиль бек³, один из доверенных людей мирзы Аскари, отправил мирзе послание с просьбой выступить лично, так как [у врага] остались незначительные силы и не составит труда уничтожить тех, кто уже однажды потерпел поражение, мирза отказался и отправил сообщение, гласящее, что «они знают, какова численность и состояние наших войск, и не собираются сокращать свои силы до бывшего числа людей, а наоборот, у них, вероятно, есть скрытый резерв, с помощью которого они собираются разбить нас. Мы не позволим себя одурачить, а укрепим крепость и не вступим в сражение, пока не прибудет мирза Камран». Поскольку Аллах благоволил армии Его Величества Джаханбани, мирза Камран так и не появился, и было одержано несколько побед, явившихся прелюдией к бесчисленным успехам. В эти дни убили Баба Сихринди, одного из выдающихся военачальников мирзы Камрана, находившегося в гарнизоне Кандагара.

Глава 37

Прибытие армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Кандагар, его осада и взятие

Когда героями была одержана такая [блестящая] победа, Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни возблагодарил Аллаха и прибыл в Кандагар через пять дней после этого радостного события, в субботу, 7 мухаррама 952 г.х. (21 марта 1545 г.), в благословенный час, совпавший с благоприятным аспектом. Он сделал привал возле (*дар зила*) ворот Машур¹ и расположился лагерем в саду Шамс-ад-дина Али, *кази* [судьи] Кандагара. Батареи распределили и [к каждой] назначили командиров. Между отважными людьми с обеих сторон шли ежедневные бои. Однажды Хайдар султан, два его сына — Али Кули-хан² и Бахадур-хан — и Ходжа Муаззам оттеснили врага от Ходжа Хизр³ к усыпальницам старого города и заграждению (*куча банд*)⁴, совершив при этом великие подвиги. Хайдар султан был впереди всех и руководил наступлением. Примечательным явилось то, что Баба Дост Ясавал расположился с группой людей среди усыпальниц и обстреливал [противника] из лука. Хайдар султан задумал убить его своей пикой и уже занес руку, но в этот самый момент стрела попала ему в подмышку⁵. Исмаил султан⁶ из Джама, присланный мирзой Камраном на подмогу, стоял на Белой (*акча*) башне, обращенной фасадом к гробницам, рядом с мирзой Аскари и наблюдал за сражением. Находясь слишком далеко, чтобы различать детали, он всё же заметил, что «человек, из чьих рук выпала пика, вероятно, Хайдар султан, ибо однажды, когда я ездил с Убайд-ал-лах-ханом⁷ в город Тус, мы вместе⁸ с Хайдар султаном участвовали в атаке, во время которой я потерял два пальца. По манере сражаться я предполагаю, что это он». Когда впоследствии доставили

пику, на ней обнаружили имя (Хайдара). Прочитав его, все восхитились догадливостью Исмаила. В этом сражении ранили много знатных людей, и среди них — Ходжа Муаззама, которому посчастливилось остаться в живых. Примерно в это же время доставили известия о том, что Рафи Кока, молочный брат мирзы Камрана, расположился за холмом близ Заминдавара⁹ на берегу Аргандаба с силами, состоявшими из хазарейцев и накодаров [никодари]. Байрам-хану, Мухаммади мирзе, Хайдар султану, Максуд мирзе Ахтабеги, сыну Замин-ад-дин султана Шамлу и другим приказали выступить против него. По счастливой случайности Рафи Кока попал плен, и были захвачены огромные запасы продовольствия, скота и оружия, [благодаря чему] скудость в лагере сменилась изобилием. Храбрые воины также успешно выиграли и другие битвы.

230

Поскольку мирза Аскари из-за собственного грехопадения утратил контроль над развитием событий и был непреклонен в своем упрямстве, Его Величество с присущим ему милосердием и братской любовью решил, что необходимо послать мирзе Камрану письмо шаха и свой наставительный *фирман*¹⁰. Возможно, это поможет ему пробудиться от сна нерадивости, и встать на путь истинный, и при помощи добродетельных поступков искупить свои преступления. В результате чего многие люди могли бы избежать напрасной гибели, а братское согласие привело бы к великим свершениям, затаенным в глубине его [Аскари] праведной души. Таким образом, Байрам-хан был послан в Кабул в качестве посла. Когда он достиг перевала Ругни и Аб-Истада¹¹, что между Кандагаром и Газни, путь ему преградил отряд хазарейцев. На исходе дня состоялось сражение, в котором люди падишаха вышли победителями, нанеся поражение недостойным хазарейцам. Многие из них были убиты. Когда Байрам-хан подъехал к Кабулу, Бабус и другие [люди Камрана] вышли приветствовать его и сопровождали [к мирзе]. Мирза Камран давал прием в Чахар Баге, откуда и послал за Байрам-ханом. Последний справедливо решил, что не стоит вручать мирзе обе бумаги, когда тот, что наиболее вероятно, будет сидеть, и весьма сомнительно, что он встанет, чтобы оказать подобающее [в таких случаях] почтение. Поразмыслив над положением дел, он взял Коран и преподнес его в качестве подарка. Увидев Коран, мирза встал из почтения к нему (Корану), и в этот момент Байрам-хан вручил ему оба документа.

Так было обеспечено должное уважение. Дары царя и шаха были преподнесены подобающим образом, и Байрам, сев рядом с мирзой, произнес слова, исполненные истины и искренности. По завершении собрания он испросил разрешение засвидетельствовать почтение шахиншаху [Акбару]. Он также получил позволение увидеться с мирзой Хиндалом, мирзой Сулейманом, Ядгар Насир мирзой и Улутбек мирзой. Мирза (Камран) отпустил его и назначил Бабуся сопровождающим на эту встречу. Байрам-хан отправился сначала поцеловать порог Его Величества, Царя Царей, который находился в *баг-и-мактаб* (саду при школе) с вершиной целомудрия Ханзадой бегим, старшей сестрой Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани. Махам Беги, кормилица (*анага*) Его Величества, привела питомца Божественного света из внутренних покоев. Посетители выразили свое почтение и исполнили обязанности послов¹². Честь предстать перед Его благословенным Величеством доставила великую радость Байрам-хану и его спутникам. Лицезрение Божественного света, проявленного на челе Его Величества, возвысило их зрение, и они возблагодарили Провидение. Покинув их [Акбара и Ханзаду бегим], они направились к мирзе Хиндалу, находившемуся под наблюдением в доме своей почтенной матери Дилдар бегим. Они вручили ему милостивый *фирман*, почетную одежду и коня. С соблюдением тех же формальностей они посетили на следующий день мирзу Сулеймана¹³ и мирзу Ибрахима, пребывавших в заточении в крепости — в доме Касима Мухлиса¹⁴. В тот день по приказу мирзы Камрана их доставили оттуда в сад Джалал-ад-дин бека, что неподалеку от сада Шахр-Ара. Там Байрам-хан заключил этих двух сановников в объятия и порадовал дарами и милостивыми словами царя и шаха. Попрошавшись с ними, они [Байрам-хан и Бабус] направились к *джалке* Сиях Санг¹⁵, где проживал Ядгар Насир, и подарили ему надежду на прощение его злодеяний и преступлений и на различные царские милости¹⁶. Точно так же они посетили и обнадежили Улут мирзу¹⁷ и других сановников, передав им в надлежащей форме утешительные послания. Мирза Камран держал Байрам-хана под надзором более месяца, будучи слишком слабым, чтобы противостоять, и недостаточно мудрым, чтобы покориться. В этом замешательстве он [Камран] пребывал до тех пор, пока, через полтора месяца и после многочисленных прошений, ему (Бай-

раму) не было дозволено уехать. Настойчивыми просьбами он уговорил Ее Высочество Ханзаду бегим поехать в Кандагар под предлогом убедить мирзу Аскари, который якобы не был с ним заодно, передать Кандагар людям Его Величества Джаханбани, но в действительности же для того, чтобы — если для [Аскари], который удерживал и не сдавал крепость по приказу мирзы Камрана, дела обернутся плохо, и ему придется крепость сдать — вершина целомудрия [Ханзада бегим] стала для мирзы Аскари заступницей и добилась для него свободы. Поскольку мирза Аскари свернул с праведного пути и в своей преданности мирзе Камрану повернул поводья намерения в сторону мятежа и враждебности, он занялся укреплением крепости, разместив повсюду пушки и мушкеты. Крепость оказалась очень мощной, ибо была глинобитной, и, таким образом, пробить в ней брешь (*кила у кама*) представлялось довольно трудным делом. Толщина стены составляла 60¹⁸ ярдов (*газ*). Немногочисленные герои победоносной армии сражались так мужественно, что туркмены были изумлены и испытали зависть. 232

Однажды Его Величество Джаханбани устроил прием для избранных, на котором пользовавшиеся доверием приближенные распахнули врата поэзии и взяли в свои руки нить повествования. Особое удовольствие собранию доставили многочисленные забавные истории и веселые рассказы. Чудодейственный эликсир слов, изливаемый храбрецами, стал проверкой подлинности их отваги и придал мужества тем, кто не обладал подобным богатством в достаточной степени. Тем временем память Его Величества Джаханбани посетило нежное воспоминание о Его Величестве Шахиншахе. Как сейчас дела юного кипариса [у] потока Халифата, находящегося в разлуке с друзьями и окруженного врагами? Что замышляют завистники, глупцы и недоброжелатели против сего благословенного розового куста? С разрывающимся сердцем и душой, терзаемой надеждой и страхом, он вознес молитву перед великим Храмом, исполняющим желания страждущих, моля о благополучии и долголетьи прекрасного дерева Султаната. Так принес он облегчение своему измученному сердцу.

Всевышний! Жемчужину царскую Ты сохрани
Вдали от злодейств нечестивых людей,

Водой источника мудрости его одари,
Теплом светила познания его награди.

Так много оборотов в небесах Светило [за века] свершило,
Что свет его излиться мог бы за предел [ночных] покровов.
У стольких звезд благоприятные проявлены аспекты,
Что [мрачный] свет Луны возможно отвратить от локонов его.

Столь долго Небеса Священные вращались,
Что с горизонтами могли бы поделиться своим Светом.
Да будут слава и величие его уделом,
Да не проникнет тьма в его пронизанное Светом сердце!

233 Дабы успокоить свою встревоженную душу, он приказал составить гороскоп, сию «Хранимую скрижаль», таящую в себе секреты любимца судьбы, и внимательно изучил его. Этот образец благополучия предвещал ему [шахиншаху] личную безопасность, долголетие, великую удачу, победу над врагами и крушение [коварных] планов недоброжелателей и нечестивцев. Радостно вскинув голову, он [падишах] воскликнул: «Хвала Аллаху, мое сердце совершенно свободно от тревог. Есть надежда, что вскоре я буду иметь счастье лицезреть Божественного любимца и под звездой этого благословленного [Небесами ребенка] одержу победу над всеми своими врагами». Возблагодарив Господа, он вернулся к завоеванию крепости. Мирза Аскари прилагал все усилия, чтобы удержать ее, и каждый день и каждую ночь заменял воинов на батареях, дабы осаждающая сторона не смогла предложить им мир¹⁹ и не ослабила, таким образом, их бдительности.

Так как осада затянулась, и никто из подданных падишаха не пришел и не присоединился к нему, персидские военачальники умерили свои старания и начали подумывать о возвращении домой. Его Величество Джаханбани прочел этот замысел в их поведении и с еще большими усилиями принялся за осаду крепости. Однажды ночью он покинул батарею и, подъехав к воротам со стороны старого Кандагара к месту, называемому Чахар Дара, на расстояние брошенного камня, установил там [еще одну] батарею. Когда на следующее утро туркмены увидели это, они воспрянули духом и двинулись на крепость, сузив

кольцо вокруг крепости. Мирза Аскари был ошеломлен и приведен в отчаяние и истово молил даровать ему передышку до прибытия вершины целомудрия (Ханзады), дабы последняя могла наставить его на путь истинный и дать возможность вернуться на службу (к Хумаюну). Он направил свое прошение через Мир Тахира, брата Ходжа Доста Хавинда. Его Величество Джаханбани, источник великодушия и милосердия, внял его мольбе и на несколько дней приостановил осаду. Коварный мирза, прикинувшись [раскаившимся] просителем, тайком принялся укреплять крепость и, когда прибыли Ее Высочество и Байрам-хан, возобновил сопротивление. Несмотря на все попытки благородной женщины удержать мирзу Аскари от его дурных планов и убедить поцеловать священный порог, он, в силу помутнения рассудка, не внял ее советам и продолжал упорствовать, удерживая ее в крепости и препятствуя отъезду в лагерь Его Величества. Таким образом, упрямство и подлость мирзы стали известны Его Величеству Джаханбани. Положившись на милость Аллаха — опору для уповающих на Него, — он активно принялся за осаду крепости. Тем временем сын Мухаммад Султан мирзы — Улуг мирза, ведущий свой род от Султан Хусейна через дочь [последнего], сын Куч бека Шер-афкан бек, брат Муним-хана Фазайл бек, а также мир Барка и Мирза Хасан-хан — сыновья Мир Абдаллаха из рода сайидов Бани-мухтар из Сабзавара и многие другие прибыли из Кабула под покровительством счастливой звезды и засвидетельствовали свое почтение. Причина их бегства [от мирзы Камрана] была следующей. Мирза Камран держал Улугбека в заточении и из соображений предосторожности менял каждую неделю стражника. Когда подошла очередь [охранять] Шер-афкану, оказалось, что тот также остерегается мирзы. Он объединился с другими и освободил Улуг мирзу, осчастливив себя благородной службой. Его Величество Джаханбани принял прибывших благосклонно и одарил одеждами почета, а также пожаловал мирзе Улугбеку Замин Давар. Хотя Касим Хусейн султан поехал вместе с ними, однажды ночью он заблудился и наткнулся на хазарейцев. Спустя несколько дней, ограбленный и собитыми ногами, он пришел пешком [в лагерь шахиншаха]. Его Величество заметил ему: «Должно быть, твоя преданность оказалась недостаточной, если ты сбился с пути и попал в такие неприятности». Вскоре

прибыл Дава бек Хазара со своими соплеменниками. Также доставили прошения от кабульских военачальников. Приезд [нового] отряда и доставленные прошения от военачальников и знати вызвали воодушевление в лагере. Кызылбаши (персы), встревоженные до этого [состоянием дел], успокоились и выразили готовность продолжать осаду, предводители же гарнизона пребывали в нерешительности, и стопа их твердости соскользнула с крепостной стены обороны. Обитатели крепости писали ежедневные донесения о мирзе Аскари и, привязывая их к стрелам, посылали со стен²⁰. В них сообщалось, что гарнизон испытывает трудности, и осаждающим следует удвоить натиск, не ослабляя своих усилий. В конце концов дошло до того, что военачальники мирзы Аскари начали бежать из крепости один за другим, так же поступали пушкеры и пехотинцы. Первым из укрепления, расположенного недалеко от лагеря Его Величества, бежал Хизр Ходжа-хан²¹ и, припав к благочестивым ногам Его Величества Джаханбани, в раскаянии молил о пощаде. После него из крепости по веревке спустился Муайяд бек²² и был удостоен чести произнести клятву верности Его Величеству. Затем прибыли Исмаил бек, служивший некогда военачальником у Гити-ситани Фирдус-макани и известный своей рассудительностью и отвагой, Абу-л Хусейн бек, сын брата Карача-хана, а также Мунаввар бек, сын Нур бека²³. Однажды ночью из крепости бежал Хизр-хан Хазара, и два или три хазарейца унесли его на своих спинах по направлению к Кохлаку («горной стране»). Поскольку оборона была уже практически сломлена, а мирза Аскари никак не мог решить, остаться ему в крепости или, набравшись мужества, отдаться на мироохраняющий суд Его Величества, Хизр-хан Хазара предпочел удалиться в надежное место, дабы избежать опасности. Утром в лагерь доложили, что он [Хизр-хан] покинул крепость и обратился в бегство. В погоню за ним послали людей. Преодолев некоторое расстояние, он [Хазара] укрылся за скалой. Некоторые заслуживающие доверия люди сообщают, что [впоследствии] Хизр-хан Хазара рассказывал, как отправленный на его поимку отряд проехал так близко от него, что один из [преследователей] коснулся полы его плаща, но решил, что это зверь, а сам Хизр-хан в это время чуть дышал от страха. Когда наступила ночь, он вышел из-за скалы и добрался до безопасного места.

Поскольку возраставший с каждым днем успех Его Величества Джаханбани был очевиден, а войско убедилось, что благодаря удаче Его Величества Джаханбани и усилиям его преданных слуг оборона крепости будет сломлена, мирза Аскари пробудился от сна легкомыслия и забеспокоился, но не мог ни уйти, ни остаться там, где был. Поначалу он испросил позволения сдать Кандагар и отправиться в Кабул, но Его Величество Джаханбани на это не согласился, и нелепая идея мирзы ни к чему не привела. Он был вынужден направить Ее Высочество Ханзаду бегим к Его Величеству, дабы она вымолила прощение за его преступления. По просьбе семьи вершины целомудрия прощение было начертано поверх списка его преступлений, и в четверг, 25 джумада алахира того года (952 г.х.) (3 сентября 1545 г.), он выехал из крепости, сокрушенный и раскаявшийся, в сопровождении вершины целомудрия. Его Величество Джаханбани созвал собрание в *диванхане*, где чагатайские и персидские военачальники были построены в шеренгу согласно своему званию. В соответствии с царским приказом Байрам-хан подвесил меч к шее мирзы Аскари и ввел его. Его Величество Джаханбани, несмотря на нанесенные ему смертельные оскорбления, отступил от правил верховной власти, и с присущей ему добротой и величайшим милосердием принял заступничество вершины целомудрия, и, зачеркнув всепрощающим пером список его злодеяний, окружил завесами благосклонности и безмерной любовью. Возблагодарив Аллаха за начало успеха, он приказал снять с шеи мирзы меч и, после того как тот выразил свое уважение, предложил ему сесть. Затем вперед вывели с привязанными к шеем саблями и колчанами²⁴ Мухаммад-хана Джалаира, Шахам-хана, Муким-хана, Шах Кули Систани, Тулак-хана Курчи и других, общим числом тридцать человек, дабы могли они засвидетельствовать [падишаху] свое почтение. Муким-хана и Шах Кули Систани отправили в тюремное заключение с кандалами на ногах и деревянными колодками на шеях²⁵.

236

Восхитительное собрание длилось от заката до рассвета — времени прихода славы небес. Были рассказаны поучительные истории, а Мир Каландар и другие декламаторы и музыканты исполнили превосходную музыку, удалив тем самым ржавчину с мироукрашающей души Его Величества. На собрании по приказу Его Величества мирзе

Аскари представили точную копию письма, написанного им своим сторонникам белуджам в то время, когда Его Величество направлялся в чужие края через пустыню. Жизнь мирзы наполнилась горечью, а радость сменилась печалью. В результате пришлось отдать приказ содержать его под наблюдением и время от времени приводить для выражения почтения [падишаху], дабы после получения прощения, дарованного благодаря присущей Его Величеству доброте, он в течение нескольких дней мог поразмыслить [о своих злодеяниях] наедине с самим собой. На следующий день озаривший ночь месяц победы пронизал светом тех, что пребывали во мраке цитадели. Мухаммад Мурад мирза и чагатайские и персидские военачальники приехали в город, чтобы служить Его Величеству. Три дня и три ночи город радовался свету августейшего прибытия Его Величества и пребывал в мире и спокойствии. На четвертый день, в результате таинственной работы всеобъемлющего ума Его Величества, город был пожалован Мухаммад Мурад мирзе, а Его Величество разместился в своей резиденции, в Чар Баге Его Величества Фирдус-макани, что на берегу Аргандаба, и набрался новых сил в здешних приятных рощах. В этом чарующем местечке ему представили отчет: подробный список собственности мирзы Аскари, составленный со всех владений последнего. Однако Его Величество не счел это дело достойным внимания и роздал всё тем храбрым воинам, что пребывали в нужде.

Узнав о взятии Кандагара и походе Его Величества Джаханбани на Кабул, мирза Камран заволновался и забеспокоился и приказал доставить Его Величество Шахиншаха из дома вершины целомудрия Ханзады бегим в собственный, поручив его своей старшей жене, Ханум бегим. Он также заточил Шамс-ад-дин Мухаммада Газнави, больше известного как Атка-хан, в не приличествующее последнему место и держал совет со своими военачальниками, как ему поступить с мирзой Сулейманом. Мулла Абд-ал-Халик, учитель Камрана, и Бабус, занимавшийся политическими вопросами, посоветовали обойтись с мирзой мягко и позволить ему уехать в Бадахшан, так как он, при случае, мог оказаться полезен. К счастью для мирзы Сулеймана, за несколько дней до этого Мир Назар Али, Мир Хазар Тешкани, Мир Али Балуч и другие

237 объединились и захватили крепость Зафар, заточив Касима Барласа

и других [беков] в тюрьму. Они послали мирзе Камрану ультиматум: если тот отпустит мирзу Сулеймана, они передадут ему Бадахшан, в случае же отказа они убьют всех пленников и передадут землю узбекам. Потому мирза Сулейман, мирза Ибрахим и Харам бегим были отправлены в Бадахшан²⁶. Когда они достигли Пай Минара и селения Мамура, мирза Камран пожалел, что отпустил мирзу Сулеймана, и послал людей вернуть его под тем предлогом, что [забыл] ему кое-что сказать. Мирза Сулейман заподозрил неладное и направил в ответ извинительное письмо, в котором говорилось, что, поскольку он в благоприятный час уже покинул [мирзу], с его стороны было бы ошибкой вернуться назад, но он уверен, что мирза Камран будет столь любезен, что напишет ему то, что желает сказать, в письме и отправит последнее с надежным человеком, и тогда он [Сулейман] исполнит всё в соответствии с сообщенным. Сам же тем временем поспешил в Бадахшан. Прибыв в Бадахшан, он тотчас разорвал свое обязательство. В это самое время из Кабула в Бадахшан бежал Ядгар Насир мирза. Так как судьбе было угодно, чтобы мирза Камран получил по заслугам за свои злодеяния, возможности для этого предоставлялись ежедневно. Из всех князей с ним остался только Хиндал. Тому он приказал отправиться в погоню и захватить Ядгар Насира и прельстил его тем, что пообещал отдать третью часть всего, что у него есть или будет впоследствии, при условии, что тот не свернет с пути верности и братской поддержки. Заключив этот договор, он отпустил мирзу, находившегося прежде под наблюдением. Мирза Хиндал, испытывавший множество неприятностей вследствие враждебных [по отношению к нему] действий Камрана, на словах согласился на это, ибо [возможность] вырваться из его когтей была для него великим счастьем. Прибыв в Пай Минар, он под мудрым руководством [Господа] направился к Его Величеству Джаханбани. Сообщение об этом поразило мирзу Камрана, и нить его намерений была разорвана. У него не стало больше слуг или друзей, которые могли бы дать ему совет или сказать правду. Взор большинства его людей затуманился, а ясность разума была отравлена слепотой нерадивости. Они не видели ни спасительного пути, ни прямой дороги. Те же, кто видел истинное [положение дел], оказались не в состоянии выразить свое отношение. Тому имелось две причины: 1) у некоторых не хватало

мужества сказать об этом; 2) другие же, хорошо зная характер мирзы, считали неразумным делать подобные заявления, ибо пребывали в уверенности, что он по самонадеянности не прислушается к хорошему совету, а наоборот, проявит недовольство из-за одного лишь его упоминания. Недовольство же это пошатнет влияние и положение говорящего. Преданность в таких ситуациях — это когда не медлят и не следят за словами, а также не тратят попусту время на пренебрежение [долгом] и на сомнения. Ибо плачевные последствия [вышеназванных] ошибок отражаются в конечном итоге на всех и губительны для всеобщего благополучия. Результат же плохого совета — величайшего и худшего из измен — проявится в будущем. На щеке их действий появится родинка ненадежности и лести — мрачных²⁷ [спутников] предательства и вероломства. Люди, остерегающиеся сказать правду или произнести искренние, но неприятные слова, должны понять, что подобная возможность — часть их удачи, и [им следует ей] возрадоваться, не позволяя морщине молчания появиться на челе откровенности. Хотя с виду великие [мира сего] проявляют недовольство, всё же благородный ум всегда готов выслушать обе стороны. Если даже покажется, что советники противоречат своим господам, на деле они всего лишь выполняют свой долг и совершают добрую службу и будут вознаграждены словом и делом теми, кто ценит результат и принимает во внимание исход [событий]. Мирза Камран из-за недостатка предостерегающей мудрости и отсутствия здравомыслящих советников совершал ошибку за ошибкой.

Глава 38

Завоевательный поход армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Кандагара в Кабул и покорение этой территории

Когда Его Величество освободился от забот о Кандагаре, он поставил перед собой задачу завоевать Кабул и с этой целью покинул сад Его Величества Фирдусмакани и сделал привал у Гумбаз Сафеда («белого купола») выше мавзолея Хасан Абдала. Мысли о походе неотступно занимали его ум, и он постоянно совещался об этом с дальновидными соратниками. Многие персы были утомлены длительным пребыванием на чужбине и уехали без позволения, а другие отбыли, добившись разрешения [лишь] своей назойливостью. Будагхан¹ и другие, бывшие в услужении у сына шаха, по недомыслию простерли десницу угнетения и тирании над населением, думая обогатиться таким несправедливым способом. Люди всякого звания часто приходили из города, моля о справедливости, и Его Величество Джаханбани пребывал в затруднении: ибо если станет он выговаривать притеснителям, шах будет раздосадован; но если он не свершит правосудие, рука несправедливых останется простертой над покоренными, и это вызовет недовольство Аллаха. Из-за неопределенности положения он не смог разрешить сомнений и отложил исправление зла до другого времени.

239

Когда решение о походе на Кабул было принято, ему пришлось попросить Будаг-хана приютить нескольких женщин, а также разместить его добро и имущество. Он искренне признал, что, согласно своему обещанию, передал Кандагар персам, но сказал, что не может начать действовать до тех пор, пока не разместит где-нибудь своих людей²,

чтобы освободить собственный ум от забот о них. Будаг-хан, не зная состояния дел, начал возражать и, поступая немудро, не проявил усердия ни в исполнении приказов шаха, ни в повиновении предписанию царя, что было хуже всего. Главные военачальники заявили, что им предоставилась великая возможность, и сейчас самый подходящий момент для захвата Кандагара. Таким образом, они с легким сердцем исполнили бы всё, что задумали. Его Величество напомнил о доброте шаха и решил не сердить слуг последнего, полагая, что им [царским слугам] придется примириться с неблагоприятным поведением слуг шаха. Он [царь] начал раздумывать: не следует ли ему отправиться в Бадахшан и присоединиться к мирзе Сулейману, прежде чем обрушиться на Кабул. Но поскольку поспешность с завоеванием Кабула происходила от сильного желания лицезреть шахиншаха [Акбара] и разделить в полной мере [радость от созерцания] этого света сада Халифата, и он знал, что волею небес все предопределенные победы зависят от благословенного существования этого великолепного, его величайшее желание осуществить это время от времени проявлялось. Как раз тогда сын шаха узрел сады (рияз) милосердия и пребывал у бассейнов (хияз) прощения (т.е. умер). Пользующиеся доверием военачальники указывали на то, что с наступлением зимы невозможно будет провезти с собой женщин, детей и багаж (партал) в высокогорную страну³. Сын шаха умер, и было бы неразумно оставлять Кандагар туркменам, особенно теперь, когда они стали так своевольны и своей тиранией губили страну, подрывая основы мира. Более того, хотя им надлежало препоясать талию своей души поясом доброй службы и неустанно служить величественному походу, они, опьяненные вином пренебрежения, проявляли несговорчивость и не выказывали усердия в подчинении указам. Напротив, нарушали приказанья свыше, сопротивляясь и тайно и явно, и опустили на лицо завесу бесстыдства. Его Величеству подобало укоротить их угнетающие руки, чтобы они не смогли дотянуться до бедных и обездоленных в этом городе, который стал первым плодом Божественной милости. Аллах не позволил этому праведному намерению омрачить ум шаха. Ввиду того что предстоял долгий поход в Кабул, а хазарейцев и афганцев было больше, чем муравьев или саранчи, и поскольку они (персы) стали камнем преткновения на пути [армии] и, главное, вступили в сговор с мир-

зой Камраном, первой задачей стало найти надежное место [для женщин], чтобы умы их [царских слуг] успокоились. На тот момент ничто не подходило для этого лучше, чем Кандагар. Следовательно, и с благоразумием, и со справедливостью согласовалось решение оповестить Будаг-хана о том, что ему волей-неволей придется отказаться от Кандагара. Если же он не согласится, то город будет осажден и захвачен; помимо этого следует написать любезное письмо шаху с объяснением фактов этого дела и необходимости такого решения, которое должно быть составлено в искренних и дружеских выражениях. Поскольку благородный шах является источником мудрости и справедливости, он считает это дело достойным одобрения. Вдохновителем всего был Хаджи Мухаммад, сын Баба Кашки. Его Величество Джаханбани промолвил: «Я принимаю всё это, но было бы низостью осадить город, обнажить меч битвы и умертвить множество людей. Хотя и сошли они с пути умеренности (*итидал*), я не одобряю неумеренность (*бе-итидал*) моих слуг. Если мы пойдем этим путем, то погибнут люди Будаг-хана, а такой исход будет выглядеть дурным в глазах достойных людей. Гораздо лучше, чтобы вы придумали план, как нам завладеть крепостью без войны и шума». Соответственно он отправил посланника к Будаг-хану с просьбой держать мирзу Аскари в заключении в Кандагаре, чтобы ум Его Величества был спокоен — поскольку он выступает на Кабул. Будаг-хан счел предложение выгодным и согласился. [Царские слуги] условились, что прославленные герои битв отправятся в окрестности Кандагара и устроят там засаду, ожидая возможности внезапно ворваться в крепость. Байрам-хана во главе первого отряда послали к Гандиганским воротам⁴, тогда как Улуг мирзу и Хаджи Мухаммада, возглавлявших другой отряд, назначили к воротам Машур, а Муайяд бека и других расположили возле Новых ворот. Эти тигры джунглей храбрости совершили быстрый ночной переход и засели в засаде возле Кандагара. Когда занялся рассвет, Хаджи Мухаммад первым появился перед воротами Машур⁵. Случайно туда как раз входили несколько верблюдов, груженных кормами; под их прикрытием он, подобно тигру⁶, вошел в ворота. Один стражник, заметив его, окликнул. На его вопрос Хаджи Мухаммад отвечал, что по приказу Будаг-хана везет мирзу Аскари для заточения в крепости. Однако уловка не удалась — стражник начал закрывать

ворота, и тогда Хаджи Мухаммад ударом сабли отсек ему руку. Тут же подоспели царские солдаты, и все персы, находившиеся там и готовые дать бой, были изрублены. Байрам-хан вошел через Гандиганские ворота, и крепость оказалась в руках царских слуг; персы же бежали, укрывшись в цитадели. В полдень прибыл Его Величество Джаханбани; пройдя в Гандиганские ворота, он занял позицию у Белой (*акча*) башни. Таким образом, слава его прибытия сделала этот счастливый город обителью мира и спокойствия, и здесь воцарились справедливость и благожелательство. Все от мала до велика запели песнь радости при этом счастливом пришествии. Стараниями Хайдар султана Будаг-хан предстал перед царем и, пристыженный, засвидетельствовал свое почтение, извинившись за нанесенные обиды. Его Величество, осыпав хана царскими милостями, отпустил его. Он передал город Байрам-хану и написал шаху, что, поскольку Будаг-хан действовал наперекор его [шаха] приказам и пренебрегал своим долгом, он отнял у него Кандагар⁷, поручив город Байрам-хану, который был подданным шаха⁸.

Тем временем мирза Аскари, забыв о царском великодушии и о том, что ему сохранили жизнь, бежал. Спустя несколько дней появился неизвестный афганец и доложил, что мирза находится в его доме. Он просил послать людей и схватить мирзу, но не разглашать, от кого поступили эти сведения. Его Величество Джаханбани послал Шах Мирзу и Ходжа Амбар Назира, и те нашли мирзу [Аскари] под шерстяным ковром (*паласом*) в доме афганца и доставили его к царю. Его Величество, руководствуясь присущим ему милосердием и соблюдая завет Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани — относившийся ко всему роду человеческому, но в особенности к братьям⁹, — вновь простил его преступления и ошибки и передал его Надиму Кокалташу, который был одним из доверенных лиц царя. Территорию же Кандагара он поделил между своими военачальниками. Тири¹⁰ он отдал Улуг мирзе, а *парганы* [округи] Лаху¹¹ назначил Хаджи Мухаммаду за его стойкость. Замин Давар [под Кандагаром] был пожалован Исмаил беку, Килат¹² — Шерафкану¹³, Шал — Хайдар султану. Таким образом, все военачальники получили *джагиры* [поместья] соразмерно своему положению. Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд, обиравший¹⁴ в городе людей мирзы Аскари и других, был передан Мир Мухаммаду Али¹⁵.

Когда благочестивое сердце освободилось от [груза] дел Кандагара, и с Божьей помощью и благодаря царским усилиям веления судьбы пришли в созвучие с земными помыслами (*такдир муафик-и-тадбир амед*), царь в благоприятный час оставил Ее Величество Мириамакани в Кандагаре и обратил помыслы к покорению Кабула. Одним из бесконечных подарков и неожиданных милостей [судьбы] стало прибытие каравана из Индостана и заключение купцами выгодной сделки — о покупке иракских лошадей у туркмен (персидских наемников Хумаюна). Поскольку свет успеха исходил от сложившихся обстоятельств, пришли хозяева каравана и сообщили, что, если их лошадей возьмут на нужды великой армии и дадут расписку об оплате, которую произведут после завоевания Индостана, они будут несказанно довольны и счастливы. «Славна станет наша судьба,— произнесли они,— если эта помощь позволит нам войти в число приверженцев величественной династии». Его Величество Джаханбани счел это предложение поддержкой небес и содействием Провидения и, вняв их просьбе, приказал составить торговый договор о покупке лошадей по расценкам, желательным продавцам, и вручить его им. Он же сам приблизился к валу близ [мавзолея] Баба Хасан Абдала и приказал Улут мирзе, Байрам-хану, Шерафкану и Хайдар Мухаммаду Ахтабеги (знатоку лошадей) отобрать сначала лошадей для царских конюшен, а оставшихся распределить между военачальниками в соответствии с их положением. Тысячу лошадей, купленных на средства из личной казны царя (*саркар-и-хасса*), раздали в соответствии с пожеланиями каждого. Сердца купцов и солдат утешились и возрадовались¹⁶. Дава бек Хазара, желая отличиться тем, что приносит служению не только себя, но и свою собственность, под покровом ночи провел¹⁷ [войска] к крепости Тири, где находился его род. Когда армия прибыла туда, предводители [рода] доставили в качестве подарка лошадей и овец, соразмерно их богатству. Они сослужили хорошую службу, а поскольку пастбища (*аланга*) там были прекрасны, Его Величество задержался на несколько дней, чтобы укрепить свою армию [откормить лошадей] и отдохнуть. Ее Высочество Ханзада бегим здесь слегла и спустя некоторое время умерла¹⁸. Его Величество совершил траурные обряды и, сжав крепкие поводья терпения — эту жемчужину пробужденных сердцем и признак светлых умов, занялся

раздачей милостыни и благотворительностью, которые приличествовали царской семье и пришлись бы по вкусу душе этой щедрой госпожи. Затем, не покидаемый возвышенной удачей, он отправился в Кабул. У Кандагара мирза Хиндал засвидетельствовал свое почтение и был принят с безграничной добротой. Его Величество весьма обрадовался его приходу, который предвещал прибытие многих других. Из Кабула в войска поспешили военачальники. Но по причине несовместимости и смешения [разнородных] воздушных потоков во время похода в лагере разразились болезни и мор, и множество людей отправилось в путешествие в мир иной. Среди них оказался и Хайдар султан. Поскольку
243 воздух был очень неблагоприятен, а ряды войск поредели, мирза Хиндал заявил, что им следует вернуться зимовать в Кандагар, а на Кабул выступить в начале весны, после того как армия станет боеспособной. Его Величество ничего не ответил, но после окончания совета передал ему через мира Сайид Барку следующее устное сообщение: «Даже не зная, что ты присоединишься, а Ядгар Насир мирза покинет (Камрана)¹⁹, я отправился в Кабул, положившись на милость Божию. Так почему же я должен медлить теперь из-за того, что вмешалось это непредвиденное обстоятельство (чума)? Если эта мысль пришла тебе на ум из-за усталости и бедствий твоих людей, ты можешь уйти и переждать зиму в Замин Даваре, который я тебе отдал, а когда я разберусь с делами Кабула, можешь снова присоединиться к нам». Мирза был очень пристыжен этим посланием и попросил прощения. Его Величество двинулся вперед с благими помыслами и твердой надеждой, укрепив свое сердце для исполнения замысла. Во время похода прибыл Джамиль бек, младший брат Бабуса, которого мирза Камран приставил стражником к Ак султану²⁰ — своему зятю — и послал в Газни. Поцеловав порог, Джамиль бек взмолился о прощении преступлений Бабуса. Его просьба была удовлетворена.

Когда армия сделала привал во владениях (*юрт*) Шейха Али, что по соседству с Пагманом (*наман* в тексте) и Арканди, мирзу Камрана встревожило приближение завоевательных знамен, и он выслал навстречу Касима Барласа с войсками. Своему начальнику артиллерии, Касим Мухлису Тарбати, он [Камран] велел доставить орудия в Джалка Даури, что возле дома Бабус бека, и расположить их там. Помимо

этого, он перевел в крепость все семейства, которые жили вне ее. Укрепив крепость, он с пышностью и беззаботностью вышел из Кабула и расположился лагерем возле жилищ (*юрт*) Бабус бека. Здесь он занялся проверкой и построением войск. Касим Барлас во главе своего отряда направлялся к Тактия Химару²¹, когда из царского лагеря быстро выступили Ходжа Муаззам, Хаджи Мухаммад и Шерафкан и продемонстрировали свое превосходство. Невзирая на [ниспосланную] помощь Аллаха, знаменующую славную судьбу, Касим Барлас не выдержал и обратился в бегство. Когда расстояние между двумя армиями сильно сократилось, мирзу Хиндала в исполнение его просьбы назначили в авангард. Армия миновала узкий проход Хребта Ходжи и остановилась близ Арканди, когда Бабус и Джамиль бек со множеством своих людей явились изъявить свою покорность. С ними же был Шах Барди-хан²², который держал Гардез, Бандаш и Нагз. Всех приняли благосклонно. После этого прибыл Мусахиб бек, сын Ходжа Калан бека, ведя за собой значительное число людей; он удостоился счастья служения и был осыпан царскими милостями. Тем временем Бабус заявил, что нельзя медлить, и Его Величеству следует сесть в седло, поскольку все присоединялись [к его армии]: [ведь] Его Величество Джаханбани оседлал быстрого скакуна удачи. Поэтому он послал за Али Кули Сафарчи и Бахадуром — сыновьями Хайдар султана, носившими траур по своему отцу, и окружил их щедростью и добротой. Спустя некоторое время пред ним предстал Карача-хан и засвидетельствовал почтение. На страницах удачи царя мирза Камран прочел свое поражение и послал Ходжа Хонд Махмуда и Ходжа Абд-ал-Халика просить прощения за обиды; через них же он передал различные просьбы. Ходжи прибыли, когда обе армии разделяло меньше мили. Его Величество принял покорность мирзы, отложив решение о [поданных] прошениях²³. Ходжам он пообещал дальнейшую благосклонность и с почетом отпустил, по гуманности и доброте приказав повременить с военными действиями. Посылая Ходжей, мирза хотел оттянуть события, заставив солдат падишаха замедлить продвижение, а самому выиграть время. Он ждал темноты, чтобы, совершив ночной переход, отдалиться на [значительное] расстояние. Когда покрывало ночного мрака погрузило землю во тьму, он в помутнении рассудка и темноте души не решился

испытать радость принесения присяги и со всей поспешностью ретировался в цитадель. Там он забрал своего сына мирзу Ибрахима и жен и отправился через Бини Хисар²⁴ в Газни. Его Величество Джаханбани, услышав о побеге, послал в Кабул Бабуса с верными людьми, чтобы предотвратить насилие над жителями и сипаями²⁵ и вдохнуть в них надежду на царскую милость. Он повелел мирзе Хиндалу с отрядом пуститься в преследование мирзы, а сам направился в Кабул, сопровождаемый победой и удачей, [шествующими] у его стремени. В благословенный миг барабанщики власти забили в великий барабан (*курака*), а знаменосцы победы вознесли к небесам подобные звездам²⁶ знамена славы. Ночью 13 Джалали месяца Азар, что соответствует ночи среды, 12 рамазана 952 г.х. (18 ноября 1545 г.)²⁷, с Небесной помощью свершилось завоевание Кабула, что явилось началом бесчисленных побед, и сердцам рода человеческого открылись врата радости и успеха. С этого события миновали два часа, когда Его Величество почтил равнину

245 Кабула лучами своего пришествия. Навиди²⁸ обнаружил хронограмму этой победы в фразе *Кабулра гирифт*, что означает: «Он взял Кабул», а также в полустишии: *бе джанг гирифт мулк-и-Кабул аз ве* — «без боя отобрал он у него землю Кабула».

[Однако] когда врата радости и ликования раскрылись при славных проявлениях личности Его Величества Шахиншаха, и тем самым обновились основы власти, Его Величество Джаханбани не думал ни о поражении мирзы Камрана, ни о завоевании Кабула, пребывая в ожидании благодетных шагов Его Величества Шахиншаха. Наконец, в благословенный миг [их звук] донес ему весть о приближении этого [воплощения] Всемирного Разума, возраст которого, если рассматривать его в земном исчислении, в то время был три года два месяца и восемь дней²⁹. Его Величество, узрев этого благодетного питомца Божественного света, обрел духовное и мирское счастье и простерся ниц в благодарности за сохранность юного ростка сада фортуны и за обретение светоча семьи. Пред лицом столь славной судьбы и неиссякаемого блаженства он открыл врата благодетий и щедрости всему человечеству. Наутро после этого мироозаряющего дня Его Величество Джаханбани взошел на трон судьбы и постижения и принял знаки почтения (*корниш*) от столпов государства, а также от солдат и слуг.

В то же время народы были осчастливлены лобызанием порога и, воздевая руки мольбы, просили Аллаха о непрекращающейся славе Халифата и о возвеличивании знамен империи. Его Величество широко распахнул врата справедливости и благотворительности перед всем народом и, служа Творцу и заботясь о Его созданиях, спокойно перезимовал в цитадели, возвышающейся над городом. Среди событий, случившихся приблизительно в то же время, была смерть Юнус Али и Муид бека³⁰, являвшихся важнейшими лицами при дворе. В то же время до слуха Его Величества дошло, что Ходжа Муаззам задумал бежать вместе с Мукаддам беком³¹ и предаться мирзе Камрану. Это глубоко огорчило его благородное сердце. Он сослал Мукаддам бека в Кашмир, а Ходжа Муаззама разжаловал. Благодаря счастливому присутствию Его Величества и его щедрой тени земли Кабула стал и обителью безопасности и мира, которую не покидала милость Аллаха.

Глава 39

Празднества по случаю обрезания
шахиншаха, истолкования и чуда,
совершённые нежным цветком
сада славы

Великодушные исполнители желаний и благословенные властелины всегда пользуются возможностью проявить свою щедрость и создают возвышенные обряды, цель которых — завоевание любви [Небес] при помощи обычной [религиозной] практики, посредством чего они защищают себя от затуманенного взора недальновидных смертных. Таким образом, когда вновь задул ветерок судьбы и зацвел розовый сад постижения, обряд обрезания [суннат], совершаемый над свежим ростком сада судьбы и молодым побегом пальмы славы и величия, стал поводом для радости и обогащения рода человеческого¹. В разгар весны, когда жизнь растений пришла в движение и воспарил сладкоголосый соловей,

От берегов ручья фиалки головы свои подняли,
Земля благоухала амброю цветочных ароматов,
Казалось, свежий ветер утра
Наполнил ее недра тысячами мер мускуса.

[Падишах] приказал расположиться лагерем в восхитительном местечке Урта Баг² и, дабы завоевать еще большую любовь [Небес] — поистине возблагодарить Всемогущего, распахнул врата радости и удовольствий и, воскрешая славу Кайкауса и Кайкубада, повелел, чтобы Их Высочества бегим украсили [благоухающий] сад чарующим присутствием в соответствии со своим положением и рангом³, амирам же и городским сановникам надлежало расположиться в Чар Баге. Амиры

опоясали талию радости усердием и занялись приготовлениями. Старания городских управителей и сановников были достойны восхищения, а художники и ремесленники соревновались друг с другом в украшении лавок и придании пышности [восточному] базару. Вскоре созданное [мастерами] великолепие невозможно было описать словами. Каждый день Его Величество Джаханбани украшал пир своим присутствием, удостаивая каждого милостивым словом, соответствующим его положению и рангу. Перед праздником (обрезания) из Кандагара прибыли Карача-хан, Мусахиб бек и другие приближенные ко двору, посланные доставить Ее Величество Мириам-макани, счастливое прибытие которой приумножило радость.

Его Величество Джаханбани подумал, что следует продемонстрировать знати и простому люду избранность (*ийар-и-даниш*) шахиншаха, от чела которого исходили, несмотря на его нежный возраст, тысячи лучей Божественного света. Потому он устроил в шатрах непорочности пышный праздник. Все знатные дамы собрались на женской половине⁴. Для убеждения собравшихся Его Величество Шахиншаха внесли на плечах почета и усадили в благословенный *диван*, и в соответствии с приказом Ее Величество Мириам-макани расположилась среди других женщин, ничем не выделяясь среди них. Замысел падишаха состоял в том, что принц (букв. «свет очей Султаната») узнает свою благородную мать среди множества других женщин. По воле Божественного света Его Величество без труда, сомнения или ошибки, в силу присущего ему ума и врожденной проницательности, узнал свою непорочную мать и бросился к ней на руки. Возглас [восхищения] раздался среди собравшихся при виде этого прекрасного действия, диковинного для умов недалёковидных и для тех, чей разум погряз в обыденности, и они признали могущество вскормленного вечностью чада, образца поклонения судьбы. Все понимали, что причина заключалась не в земном осознании [действительности], меняющемся при переходе из детского возраста в юношеский. Это было, скорее, не что иное, как внутренняя интуиция и Божественное руководство, Священный Свет, вырвавшийся из своей темницы благодаря питомцу сада счастья.

Поистине, завеса расстояний не помешает тому, что предопределено вечностью, а видимая удаленность не воспрепятствует духовной

близости. Если мы поразмыслим над этим, [то поймем, что] расстояний не существует. Сей первый плод розового куста жизни неразрывно связан с первозданностью, и в нем одинаково (*дарджа ба дарджа*) сочетаются и сверкающий свет бытия, и совершенствование (*такмил*) телесной оболочки, и сияние (*маскил*) разума. Существует тесная взаимосвязь с величественным миром Всевышнего, чьи границы недоступны для мрака невежества и пучины нерадивости. Те, что способны заглянуть в глубь мира тайн, знают: хотя и кажется, что этот возвышенный властелин родился среди физических элементов и из первоматерии (*мавадд-и-хайюлани*), источник его природы и корень бытия таковы, что его праотцы и праматери произошли от него самого, то есть в духовном и сокровенном смысле он является отцом праотцев. Его Величеству Джаханбани, этому открывателю небесных тайн, было ясно, что Создатель внешнего мироздания привел сего любимца Источника Творения в материальный мир, дабы, во-первых, он смог пережить все стадии земного пути, а во-вторых, усмирить и успокоить волнения мира. Итак, он (*Хумаюн*) под видом обряда обрезания возблагодарил Дарителя духовных и преходящих благ. Каждый день начинался новым царским празднеством и возносились молитвы благодарности украшающему мир Создателю. Со всех концов страны съезжались великие служители государства и религии, и их награждали царскими дарами. Среди них чести засвидетельствовать свое почтение удостоился Ядгар Насир мирза⁵. Краткая история его такова. Как только у границ Кандагара показались счастливые знамена, он, как уже сообщалось ранее, ушел от мирзы Камрана и направился в Бадахшан. Там удача не сопутствовала ему, и он отправился поступать на службу к Его Величеству Джаханбани. В то время когда возвышенное войско выступило из Кандагара на завоевание Кабула, мирза, испытав множество лишений, прибыл в Кандагар. Байрам-хан проявил величайшее гостеприимство, а затем, в соответствии с приказом, он [Ядгар Насир мирза] удостоился чести засвидетельствовать свое почтение Его Величеству Джаханбани во время радостного события (празднования обрезания). Он также имел счастье выразить свое уважение шахиншаху и был одарен благосклонным взглядом.

В счастливый час — в разгар весенней поры удовольствий и период воздвигания сада власти и влияния, когда светила, находив-

шиеся в благоприятных аспектах, излучали на смертных свет, под тысячи радостных возгласов состоялась церемония украшения молодого цветка Божественного розового сада, а именно обрезание Его Величества Шахиншаха. Был собран урожай (*асбаб*) счастья для народа, а перед смертными распахнулись врата (*абваб*) удачи. Все от мала до велика получили дорогие подарки, люди всех званий и сословий удостоились падишахской милости. Мирские страдания (*кулфатха*) обратились в радость (*улфат*), а разобщенность мира сменилась согласием. Беки преподнесли свои дары и были возвышены великой благосклонностью. В разгар этих празднеств Его Величество направился к Ходжа Рег Равану⁶ и устроил там торжества, дабы порадовать сердца [народа и поддержать, таким образом,] верховную власть. Был издан указ устроить состязание в борьбе между амирами⁷. Его Величество лично провел осмотр [борцов], отобрав равных [по весовой категории] противников. Его Величество боролся с Имам Кули Курчи⁸, а мирза Хиндал — с Ядгар Насир мирзой. Затем он отправился к Ходжа Се Яру⁹ посетить рощи *аргавана*¹⁰, после чего возвратился и повелел устроить великий праздник. Он награждал землями, подарками и почетными одеждами слуг своих порогов в зависимости от их заслуг. Мирза Хиндал стал обладателем Газни и подчиненных ему земель, а Замин Давар и Тири были пожалованы Улуг мирзе. Все придворные получили подарки в соответствии со своим положением, а племена рода человеческого в умиротворении и с легким сердцем пребывали в тени изобилия и свете благожелательности.

249

Среди происшедших во время праздника [знаменательных] событий был приезд послов шаха Тахмаспа. Они передали поздравления по случаю победы и вручили надлежащие дары. [Посольство] возглавлял Валад бек, которого Его Величество принял с царской благосклонностью. Среди вновь прибывших был также Шах Касим Тагай¹¹, который доставил прошение и дары от мирзы Сулеймана. Но, вследствие того что сам мирза не приехал, Его Величество не принял извинений и отдал не терпящий возражений приказ, чтобы тот явился лично. Ему [мирзе] дали понять, что отношение к его искренности и преданности будет зависеть от его самоличного появления. Приблизительно в то же время прибыл Мир Сайид Али, занимавший высокое

положение в Афганистане и Белуджистане благодаря своему богатству и своей честности. Он проживал близ Дуки, подчиненного Синду¹². Взойдя на падишахские пороги преданной поступью и с искренним челом, он удостоился царских милостей. Дуки был пожалован ему. Примерно в это же время прибыл Лаванг Балуч, вождь [белуджей], со своими людьми и выразил свое уважение [падишаху]. Он был встречен Его Величеством так же милостиво и получил Шал и Мастанг. Желания этих посетителей осуществились, и их поскорее отпустили, а то как бы горячая натура этих жителей гор (*руста парвардан*) не оказалась сильнее их [разума] и не навредила им.

250 Среди других событий, произошедших в это время, было следующее. Ядгар Насир мирза по воле злого рока и [природной] порочности пренебрег всеми милостями, прошлыми и будущими, поместив их на алтарь забвения, и окончательно встал на путь порока и измены. Он послушал нечестивцев, во главе которых стоял молочный брат мирзы Аскари Музаффар, постоянно вынашивавший коварные планы. Когда один за другим эти факты дошли до Его Величества и были подтверждены заслуживавшими доверия свидетелями, и особенно когда Абд-ал-Джаббар Шейх, самый надежный человек [падишаха], приятель одного из заговорщиков, принимавший участие в обсуждениях последних, пришел и подробно изложил в ответ на заданные вопросы все обстоятельства дела, святое сердце Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни наполнилось отвращением, и он приказал схватить и казнить Музаффара Коку. Затем он послал за Ядгар Насир мирзой, передав через Карача-хана свои увещевания. Суть упрека состояла в следующем: «Простив твои тяжкие преступления и одарив безграничными милостями, мы надеялись, что ты прислушаешься к предупреждению и искупишь свои грехи, прошлые и настоящие, ибо [мы полагали] всякая неблагодарность имеет какие-то пределы и не выходит за рамки благоразумия». Мирза потерял всякий стыд и либо молчал, либо [все] отрицал, либо изображал недоумение. Его Величество, зачитав не подлежащий сомнению список (его преступлений)¹³ и объявив царский приговор, приказал Ибрахиму Ишик Аке и другим заключить его в кабульскую цитадель (Бала Хисар) — в темницу рядом с той, где содержался под стражей мирза Аскари.

В это же время умер Джагатай Султан, молодой могольский принц, славившийся своей необыкновенной красотой и [добрым] нравом. Его Величество Джаханбани любил его и окружал милостями. Он глубоко переживал утрату, но, поразмыслив над волей Небес, наделившей иной мир истинным существованием, а этот [земной] — лишь иллюзорным, мудро нашел прибежище в смирении и повиновении. Мир Аmani создал следующую хронограмму:

Розой сада Прекрасного был Султан Джагатай,
Но внезапно смерть унесла его в рай,
Задумал сад он покинуть в роз цветенья сезон,
Сердца разрывались от горя по этому розы бутону,
Соловей опечаленный дату смерти его мне открыл,
Вздыхая, сказал он: «Роза сад свой покинула»¹⁴.

Глава 40

Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни на Бадахшан, победа и другие события этого года

251

Когда неверность мирзы Сулеймана стала очевидной, и все убедились, что он сошел с пути выполнения приказов и, обуреваемый жаждой власти, тешит себя пустыми мечтами, Его Величество Джаханбани в начале 953 г.х. (март 1546 г.) повернул поводья устремлений к Бадахшану. Одним из мятежных действий мирзы было следующее. После завоевания Кабула [Хумаюном] он прибрал к рукам Хуст [Хост] и Андараб, принадлежавшие мирзе (Камрану)¹ и назначенные одному из падишахских слуг. Более того, так как по закону Бадахшан не был собственностью мирзы Сулеймана, Его Величество хотел передать Кандуз [Кундуз] и подвластные ему территории одному из своих сторонников, а мирзе Сулейману — приказание довольствоваться тем, что было пожаловано его отцу Его Величеством Гити-ситани Фирдус-макани. Когда же [в будущем] земельные владения Его Величества расширятся, увеличатся и владения [мирзы Сулеймана]. Однако приняв во внимание состояние дел мирзы, он оставил ему Кандуз. Мирза же был столь невежествен, что отвернулся от своего истинного благодетеля и открыто постучал в двери мятежа, приказав прочесть хутбу в свою честь. Вследствие всего вышесказанного Его Величество принял решение погасить пламя бунта. Он оставил Его Величество Шахиншаха под покровительством Аллаха и выступил в благоприятный час [на Бадахшан], разбив лагерь близ Юрат Чалака². Он взял с собой мирзу Аскари. Его сильно беспокоил Ядгар Насир мирза, и когда [падишахское] войско достигло Уланга в Кара Баге³, он принял решение освободить [Ядгар Насир мирзу] от мук жизни и, таким образом, установить мир и спокойствие в стране, ибо огниво распрей и искра смуты [последнего] могли истре-

бить всю семью [Тимуридов]. Приказ осуществить этот замысел был послан Мухаммад Али Тагаю, управителю Кабула. Тот, из простодушия и желания получить подробные инструкции, ответил: «Я в жизни даже воробья не убил, как же я убью мирзу?» Его Величество оставил без ответа это наивное [письмо], приказав исполнить приказ Мухаммад Касиму Мауджи, который ночью, натянув тетиву, послал стрелу смерти⁴. Когда священное сердце перестала беспокоить опасность со стороны мирзы, Его Величество под Божественным руководством направился в Бадахшан (*Бадахшанат*). Когда он достиг Андараба⁵ и расположился лагерем в саду Али Кули Андараби, мирза Сулейман на свое несчастье решил дать бой и выстроил войска около деревни Тиргиран, подвластной Андарабу. Узнав об этом, Его Величество выслал вперед мирзу Хиндала, Карача-хана, Хаджи Мухаммад-хана и многих других отважных воинов. Состоялась великая битва между царской армией и войском мирзы. Последний выкопал в качестве укрепления ров и стойко удерживал свои позиции, в то время как Мирза Бек Барлас и отряд лучников, расположившись позади, могли осыпать стрелами [падишахскую армию]. Мирза Хиндал, Карача-хан, Хаджи Мухаммад-хан проявили величайшую отвагу, а Ходжа Муаззам и Бахадур-хан были ранены стрелами, и им пришлось сойти с коней. Валад Касим беку⁶, Джафар беку, телохранителям, а также Ахмад беку и Дуган беку⁷ из личной охраны шаха [Тахмаспа], вместе с послом сражавшимся в этой битве на стороне Его Величества, пришлось спешиться вследствие гибели их лошадей. Перевес был достигнут лишь тогда, когда отряд преданных слуг, таких, как шейх Бухлул, Султан Мухаммад Фаврак, Латифи из Сахринда, Султан Хусейн-хан, Мухаммад-хан Джалаир, Мухаммад-хан Туркаман, Мирза Кули Джалаир, Мирза Кули, брат Хайдар Мухаммад-хана, и Шах Кули Наранджи, положившись на невидимого Начинаящего [*ал-Мубди*], атаковали Мирза Бека. Благодаря помощи Господа они перешли ров и, обнажив мечи, внезапно напали на врага. Последний не смог устоять и, не выдержав натиска, обратился в бегство, создавая панику и расчищая путь. Со всех сторон отважные воины и храбрые львы лесных сражений продвигались по равнине победы. Прежде чем Его Величество успел взойти на своего быстрого коня, эхо победы докатилось до его слуха. Раздался возглас восторга. Мирза Сулейман

потерпел поражение и бежал через Нарин⁸ и Ишкамиш⁹ в ущелья Хоста. Тулак из Таликана, Мирза Бек Барлас¹⁰ и Авис Султан, потомок правителей Моголистана, ушли от мирзы Сулеймана и засвидетельствовали свое почтение [падишаху]. Мирзе Хиндалу и отряду героев поручили схватить беглецов, а Его Величество самолично принял участие в погоне. Множество бадахшанских лошадей было захвачено отважными воинами, и Его Величество достиг долины Хоста через перевал Шашан¹¹. Мирза Сулейман малодушно бежал с горсткой людей к Кулабу¹². Знать и воины Бадахшана толпами приходили выразить свое почтение [падишаху], и все удостоились внимания и милостей в соответствии с их положением. Так как Хост¹³ славился изобилием фруктов, Его Величество остался там на несколько дней, осуществив тем самым желания [своих] людей. Он направился в Вараск¹⁴ порыбачить и поохотиться на водную дичь и куропаток. Там он наслаждался ловлей птиц сетями¹⁵ (*ганджишк*), которая была популярна в тех местах. Оттуда он поехал в Калаоган¹⁶, а затем в Кишм¹⁷. Мирза Сулейман посчитал неразумным оставаться в таком опасном соседстве и вместе с несколькими сторонниками переправился через Аму[дарью], пребывая в смятении. В Кишме произошло одно [прискорбное] событие. Дело в том, что на службу к Его Величеству Джаханбани перешел Хусрау¹⁸, слуга шаха Тахмаспа. Он непристойно высказался о шахе [Тахмаспе], и когда Дуган бек, Хусейн бек и Джафар бек из личной охраны шаха, служившие в то время Его Величеству, услышали это, они подкараулили его на базаре Кишма и убили. Его Величество осудил эту расправу и заключил виновных в тюрьму, но через несколько дней, по просьбе Хусейн Кули султана мухрара, зачеркнул чертой прощения совершённое ими преступление.

Когда все дела в Бадахшане уладились, Кандуз и его провинции были пожалованы мирзе Хиндалу, а значительная территория Бадахшана разделена среди военачальников. Муним-хана назначили *тахсилдаром* Хоста, а Бабуса послали собрать налоги в Таликане¹⁹. Его Величество принял решение, что для более успешного управления Бадахшаном и для блага подданных и войска ему следует сделать Кила Зафар своей зимней резиденцией. Он отправился в том направлении, но, подойдя к Шахдану, что между Кишмом и Кила Зафаром, заболел и был вынужден провести там два месяца. В начале болезни он пролежал без сознания четыре дня,

в результате чего поползли нехорошие слухи, и люди, покидая свои владения, направились к нему. Мирза Хиндал оставил свои позиции с недостойными намерениями и, объединившись с другими беками, подошел к берегам реки Кокча, в то время как повсюду стали появляться воины мирзы Сулеймана. Прибыл Карача-хан со множеством преданных [падишаху] людей, и разбив свой шатер на царском дворе, арестовал мирзу Аскари, который мог начать подстрекательства к бунту, и поместил последнего в собственной палатке. Карача лично заботился о [царе] и не отходил от Его Величества во время всей его болезни. Никому не позволялось входить в покои [падишаха], кроме Ходжа Хонд Махмуда и Ходжа Муина²⁰. На пятый день, ознаменовавший улучшение [состояния] Его Величества, когда проявились признаки выздоровления, засвидетельствовать свое почтение вошел мир Барка. Когда взгляд Его Величества коснулся его, тот взволновался и выразил желание принести себя в жертву в знак благодарности [Господу] за выздоровление Его Величества²¹. Его Величество ответил: «Мир!²² Аллах пощадил (*бахшид*) меня». Мир описал состояние дел и рассказал о преданности Карача-хана. Его Величество призвал последнего и удостоил доброжелательной беседы, выразив свою благодарность за [добрую] службу. В тот же час он отправил с Фазил беком благосклонное письмо украшению власти, нежному цветку потока верховного владычества, источнику и проводнику весенних вод судьбы, а именно Его Величеству Шахиншаху, дабы ни одна недобрая весть не достигла и не омрачила лучезарное сердце сего питомца Божественного света и не вызвала беспорядков в стране. По счастливому совпадению Фазил бек доставил *фирман* на следующее утро после того, как тревожные слухи о болезни Его Величества достигли Кабула. Радостные новости развеяли печаль и восстановили всемирный порядок и равновесие. Пламя разногласий потухло, мирза Хиндал поспешил восвояси, а все остальные вернулись в свои *джайгиры* [земельные владения].

254

В этот же год произошло убийство Ходжа Султан Мухаммада Рашиди²³, занимавшего пост везира. Краткое описание случившегося таково. Ходжа Муаззам вместе с некоторыми бродягами, потерявшими разум, проникся фанатичными идеями религиозных взглядов неких еретиков²⁴ — недостойных глупцов, абсолютно лишенных способности мыслить и запутавшихся в словесной демагогии, не способных вдохнуть

аромат истины и справедливости и на древе постижения которых из цветов знаний не созрело ни одного плода. Приняв, таким образом, недостойный фанатизм за веру, [Ходжа Муаззам] пришел в покои Ходжи [Рашиди] в ночь на 21 рамазана [953 г.х.] (16 ноября 1546 г.), когда закончился дневной пост. Он завершил этот пост, дав ему в последний раз испить воды²⁵ от своего невежественного меча. Испугавшись падишахского гнева — отражения Божественного наказания, он бежал. Когда эти новости дошли до слуха Его Величества, он послал людей схватить Ходжа Муаззама и его подручных, а также направил соответствующий строгий приказ властям Кабула, в котором проживали эти нечестивцы. Мухаммад Али Тагай, Фазил бек и ряд других людей, что состояли на службе у Его Величества Шахиншаха и управляли Кабулом, получив приказ, схватили Ходжа Муаззама и его соратников и посадили их в темницу.

255 Когда в Шахдане в страдающем организме (*мизадж-и-вах-хадж*) Его Величества Джаханбани стали заметны признаки выздоровления, он взошел на находившийся под Божественным покровительством паланкин и направился прямо в Кила Зафар. Маулана Баязид — знаменитый врач, назначенный наставником к Его Величеству Шахиншаху, чей дед служил еще подобному Александру и Аристотелю (*Сикан-дар-макани Аристо-нишани*) мирзе Улугбеку²⁶ и слыл выдающимся математиком, — прекрасно зарекомендовал себя во время болезни. Когда Его Величество прибыл в Кила Зафар, он очень быстро восстановил свое здоровье, и самочувствие его улучшилось. После окончательного выздоровления Его Величества Джаханбани радость и счастье снизошли на страждущих смертных. Был отдан приказ построить из соломы дом²⁷, в котором [падишах] вершил правосудие и одаривал милостями. Там же Шерафкан, сын Куч бека, получил во владение Кахмард, Зухак и Бамиан²⁸. Будучи чрезвычайно щедр, Его Величество объявил, что когда войска придут в Кабул, он пожалуеет ему еще и Горбанд²⁹. Его Величество наслаждался *таскавалом*³⁰, охотой, которую на бадахшанском языке называют *шикар-и-нихилам*.

Грозное пребывание Его Величества в Бадахшане заставило затрепетать весь Туран. Узбеки собрались все вместе и были преисполнены ужаса, но так и не смогли найти подходящего противоядия своему страху.

Глава 41

Рассказ о том, как мятеж мирзы
Камрана [способствовал] раскрытию
тайн [Божественного] замысла,
и о правлении [Камрана] Кабулом

Это древний закон и установленное правило, что, когда Господь, Создатель мира, желает возвести на трон управления всеми смертными своего избранника и, утвердив его на этом украшающем державу месте, вложить в его могучие руки поводья от человеческих сердец, Он испытывает его в начале пути всевозможными трудностями и бедами, чтобы тот в полной мере мог оценить благо вечных милостей, которые ожидают его в невидимом мире; чтобы этот избранник, узнав различные стороны бытия, на личном опыте познал бы милосердие и гнев, спокойствие и тревогу, радость и горе. Всё это ясно для тех, кто знаком с древними записями и сведущ в преданиях старины. Но поскольку этот священный сын — творение слияния двух стихий¹ — Божественного могущества (*Джалал*) и Божественной красоты (*Джамал*)², то есть Его Величество Шахиншах, был в силу Вечного закона предназначен для всех ступеней знания, и мироукрашающее Божество создало его умудренным сердцем Учителем с прозорливой и просветленной душой, не нуждавшимся в наставлениях сынов человеческих, то явления тех бедствий не были нацелены на то, чтобы познакомить его с милосердием или гневом либо уничтожить земные пороки и соблазны. Скорее, высокие проявления благородных — хотя и противоположных — качеств и противоречивые черты этого правителя оказываются естественными и предстают во всём своем великолепии. Пример этому можно найти в его детстве, ибо уже тогда сия святая душа чуждалась ненужного обучения³. Эти правдивые записи покажут мудрым и опытным, что лишь в глазах поверхностных [людей] такие явления⁴

256

выглядят как следствие избытка обучения и излишка знаний. В то время как для видящих истину они [эти явления] предстают лишь неизменным сиянием сущности, насыщенной давней мудростью. [Вместе с тем] когда горькие воды несчастья⁵ вливаются в уста того, кто держится в отдалении от дворов Единения и как потерянный блуждает в пустыне изумления, складка надменности ложится на его лоб⁶, и он превращается в вершителя всевозможных неблагодарных деяний, в носителя тирании и несправедливости, покуда не будет застигнут неиссякаемым гневом и вечным наказанием. Именно так можно изобразить участь мирзы Камрана, поссорившегося со своим благодетелем и старшим братом, неизменно превосходившим его избранником Аллаха, царем этого века и справедливым правителем, результатом чего стала потеря жизни, достоинства и чести многими служителями Аллаха.

Короче говоря, нежданное бедствие произошло во время всеобщей радости, когда широкая душа Его Величества являла собой небесный сад счастья и веселья. Пришло досадное известие, что мирза Камран восстал, внезапно напал на Кабул и захватил его, а Шерафкан, не задумываясь о последствиях, перешел на сторону мирзы. Священное сердце Его Величества было встревожено судьбой шахиншаха и наполнилось состраданием к жителям города, всегда уповавшим на Аллаха и нуждавшимся в заботе так же, как дети. И наконец, оно обеспокоилось мятежом мирзы и последствиями этого. Свой небесный гений он обратил на решение этих проблем и проявил [всю] необходимую заботу, чтобы погасить вспыхнувшее пламя. И Абу-л Фазл, автор этих благородных записей, покидает просторы многословия, чтобы рассказать о событиях, и переходит к повествованию, давая мимоходом и кратко изложение обстоятельств, чтобы насытить губы жаждущих влаги слов.

257

Описание событий таково. Когда армия судьбы взяла Кандагар и подошла к окрестностям Кабула, все воины и жители этого города радовались добрым новостям о прибытии Его Величества Джаханбани, и многие тогда отделились от мирзы и пришли засвидетельствовать свое почтение. Мирза сошел с тропы благоразумия, с пути повиновения и покорности и превратился в путника, заблудившегося в пустыне беспорядков; он задумал захватить дорогу на Газни. Он презрел возможность служения и бежал. Мирза Хиндал, Мусахиб бек и некоторые другие

были посланы за ним, как уже упоминалось в рассказе о взятии Кабула. Но когда стало ясно, что того и след простыл, и никто не знал, куда он отправился (букв. «ни пылинки не поднялось на его пути»), преследователи, повинаясь царскому указу, повернули назад и возвратились в Кабул. А мирза тем временем со всей поспешностью приближался к Газни. Удача сопутствовала правителям и жителям той страны: они усилили крепость и не открывали врата поклонения ему [Камрану]. Фальшивые речи мирзы не принесли ему успеха, поэтому он поторопился оттуда к дому Хизр-хана Хазара. Тот принял мирзу очень гостеприимно и сопровождал его в Тири, а оттуда в Замин Давар. Хисам-ад-дин, сын Мир Халифы, находился в то время в Замин Даваре. Он усилил крепость и отважно оборонялся, мужественно оказывая отпор мирзе. Когда эти новости дошли до Его Величества Джаханбани, тот передал Газни мирзе Хиндалу, а Замин Давар с прилегающими территориями мирзе Улугу, даровав им знамена, литавры и *тумантуз* [штандарт]. Он также направил повеление Байрам-хану объединить Ядгар Насир мирзу, явившегося в Кандагар во исполнение долга верности, с мирзой Улугом и послать их против мирзы Камрана. После чего он послал Ядгар Насир мирзе послание с приказом действовать в согласии с мирзой Улугом для подавления мирзы Камрана и тем самым продвигаться по пути искупления своих прошлых преступлений. Мирзы вместе поспешили из Кандагара в Замин Давар, и когда новости об их приближении дошли до лагеря мирзы, хазарейцы рассеялись по степям, а сам мирза отступил. Он направился в Бхаккар и нашел убежище у Шах Хасана Аргуна. Мирза Улугбек захватил владения мятежника, и Ядгар Насир мирза предпринял путешествие ко двору Его Величества. В Кабуле он познал счастье служения, как уже говорилось. Мирза Камран сделал остановку в Синде и женился на дочери правителя Татты, с которой обручился до этого. Он оставался там некоторое время, замышляя злые дела, когда пришли известия о болезни Его Величества, одолевшей его в Бадахшане. После этого пришли и другие дурные вести. Мирза обратился за помощью к правителю Татты и решил отправиться в Кабул. Правитель Татты счел это удачной возможностью и дал войско мирзе. Некоторые [военачальники] придерживались мнения, что сначала следует захватить Кандагар, а потом идти на Кабул. Но так как Кандагар был под надежной защитой Байрам-хана, то Камран вначале решил

захватить Кабул и поспешил туда. Около Килата он повстречался с купцами, торгующими лошадьми; мирза деспотично отобрал у них лошадей и передал своим людям. После этого он быстрым маршем направился в Газни и появился там, когда его не ждали. Захид бек охранял крепость от имени мирзы Хиндала и проводил время в беспробудном пьянстве, пренебрегая своими обязанностями. В ночь, когда напал мирза, он был совершенно пьян. С помощью одного мясника по имени Абд-ар-рахман люди мирзы тайно проникли в крепость и захватили ее. Пьяного Захид бека привели к мирзе, и негодяи бросили его, хмельного, с вершин жизни в пропасть уничтожения. Мирза оставил в Газни своего зятя Даулат Султана с отрядом людей из Бхаккара под руководством Мулк Мухаммада, который был доверенным слугой правителя Татты, а сам быстро отправился в Кабул. Прибыв туда на рассвете без предупреждения, сначала отправился к дверям цирюльника. Он узнал, что Мухаммад Тагай принимал горячую ванну, и было очевидно, что здесь происходило то же (что и в Газни), и пьянство довело его [наместника] до болезненного оцепенения. Али Кули Углы, один из телохранителей мирзы, вошел в баню и вытащил раздетого Мухаммад Али. Мирза сделал ему омовение водой меча и вступил в крепость. Пахлан Аштар, который охранял Железные ворота, открыл их по сговору с мирзой и выпустил последнего. Мирза вошел, и город перешел в его руки. Наутро после этого Хаджи Мухаммад Асас⁷ пришел приветствовать мирзу. Последний сказал: «Как я ушел, и как я вернулся!» На что Асас ответил: «Вы ушли вечером, а пришли утром». Мирза поднялся в цитадель и обосновался там. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атка, соблюдая должную почтительность, привел к мирзе Его Величество Шахиншаха. Мирза, увидев его, место проявления чудес, невольно повел себя снисходительно и благородно. Он высказал ему много разных любезностей, но по недалекости отдал Его Величество, находившегося под тенью покровительства Господа, на попечение своим людям.

- 259 Когда мирза Камран захватил Кабул, он дал волю жестокости, обогрив свои руки кровью невинных людей и присвоив их имущество. Он ослепил Михтар Василя и Михтар Вакила, приближенных царских рабов. Из мести за стойкость в Замин Даваре он кастрировал и предал мучительной смерти Хисам-ад-дина, сына Мир Халифы, который был официально приглашен на службу к Его Величеству Шахиншаху и чьи

владения передали Улуг мирзе. Чули Бахадура, преданного и испытанного слугу, также казнили, а Ходжа Муаззам, Бахадур-хан, Атка-хан, Надим Кока и многие другие были заключены в тюрьму. Такими деяниями мирза уготовил себе и физическую и духовную погибель, и для [жителей] этой страны и верующих имя его стало притчей во языцех. Он неоднократно искушал и бесчестил людей лживыми письмами⁸. Среди них [обольщенных] был Шерафкан, который поддался и оставил [царя], а также Султан Мухаммад Бахши и Бек Кока, которых обманом склонили к отделению (от Хумаюна). Неискренние, недостойные и ограниченные, они, ради крохотной выгоды, ссыпали прах мира в чашу своей алчности и вступили на путь мятежа. И представляется, что главной причиной падения Кабула стали разногласия и небрежность, так же как недостаток бдительности и осмотрительности. Ибо в это время Мухаммад Али Тагай, который занимал должность *дароги* этого города от имени Его Величества Джаханбани, поддался беспечности и не принял надлежащих мер предосторожности. А Фазиль бек, в свою очередь, носился с эгоистичными планами и лелеял идеи независимости (от Мухаммад Али). Из-за малого ума и способностей они схватились друг с другом, готовя собственную погибель. Когда Кабул попал в руки мирзы, тот стал набирать армию, готовясь к восстанию. Вокруг него собралось значительное число [пособников]. Однажды, когда он находился на вершине цитадели, Валад бек, Абу-л Касим и многие телохранители шаха, оставившие службу и ехавшие в Персию, пришли воздать ему почести. Его Величество тоже был на этом пиру, украшая его сиянием своего присутствия. Все близкие слуги мирзы отличались прожорливостью (*дарпаи ахз у джар*), а присутствующие были похожи на мух, роящихся возле лавки свежего мяса и мешающих друг другу. Хорошая идея пришла Абу-л Касиму, и он прошептал Валад беку, что можно совершить похвальное деяние, если они, числом 30 человек, объединятся и убьют мирзу. [Тем самым] они возвеличат росток, [появившийся] в весеннюю пору судьбы и власти, — он намекал на Его Величество Шахиншаха. Валад бек, который не отличался воинственностью, показал свою нерасположенность к этому плану, произнеся: «Мы путешественники, зачем нам вмешиваться?» Ведь если высшая нить каждого действия связана [лишь] с определенным моментом, какая возможность могла открыться до срока?

Глава 42

Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Бадахшана на Кабул и осада города

Когда вести о восстании мирзы Камрана дошли до Его Величества Джаханбани, он, несмотря на сильный холод, на обилие снега и льда, решил поспешить через ущелье Абдара¹, чтобы потушить пламя мятежа. Прежде всего он послал мирзе Сулейману великодушное письмо, объявлявшее этому удрученному скитальцу пустыни прощение его преступлений и даровавшее ему позволение вернуться; мирза был также почитен возвратом ему земель, которые Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани пожаловал его отцу. Его Величество Джаханбани утвердил мирзу Хиндала в правлении Кандузом [Кундузом], Андарабом, Хостом, Кахмардом и Гори и прилегающими землями, а сам, ведомый Аллахом, в благой час повернул поводья намерения к Кабулу. Из-за сильного снегопада и обледенения дороги он остановился на несколько дней в Таликане². Узбеки сочли возвращение Его Величества [из Бадахшана] большой удачей и счастливым спасением, и мир и спокойствие воцарились в душах людей. Так весь Туран освободился от страха перед великой армией. Когда снегопад утих, Его Величество отправился из Таликана в Кандуз. Мирза Хиндал оказал ему гостеприимство, и, чтобы порадовать мирзу, Его Величество разбил лагерь недалеко от города, в саду Хусру-шаха. После [праздника] Ид-и-Курбана³ он прошел через перевал Шибарту⁴, достиг перевала Регак⁵ и остановился у Ходжа Сех Ярана («три друга»). Шер Али, один из искренних и преданных сторонников мирзы, укрепился в ущелье Абдара. Но что могут внешние силы противопоставить внутреннему (Божественному) содействию? Или человеческая сила — поддержке Аллаха? Шер Али обратился в бег-

ство перед мирзой Хиндалом и Карача-ханом, но когда победоносная армия прошла, он подкрался с тыла и напал на обоз. Когда Его Величество разбил лагерь в Чарикаране, многие [воины], забыв о милостях и о договоре, покинули его и примкнули к мирзе Камрану, за что получили высокие должности (*дараджат*, букв. «возвышения»); однако в действительности это означало лишь падение (*даракат*, букв. «понижение»). Среди них был Искандер султан, мирза Санджар Барлас, сын Султан Джунаида Барласа и сестры Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани⁶. Его Величество стоял близ границы Замзамы и на-прягал все силы, чтобы укрепить малодушных и нерешительных. Обещаниями и соглашениями он поднял дух поколебленных и созвал совет. Получившие разрешение говорить заявили, что раз Камран заперся в крепости и укрепился, то следует отступить от Кабула и отправиться в Бури и Ходжа Пуште, чтобы обеспечить провизией армию. Все согласились с этим, и войско покинуло Замзаму. Но уже в пути во вдохновенном разуме Его Величества родилась мысль, что нецелесообразно всей армией направляться к Ходжа Пуште, так как у многих [воинов] в городе находятся семьи, и следовательно, эти воины могут дезертировать. К тому же могут решить, что армия направляется в Кандагар. Лучше будет собрать всё мужество и овладеть внешними укреплениями [города] (*шахрбанд*). Если мирза выйдет сражаться, тем лучше; если же нет, то [во всяком случае] люди не дезертируют и получают [какое-то] укрытие от осеннего ненастья. Он послал за Хаджи Мухаммад-ханом и сообщил осенившую его идею. Тот одобрил ее, и всё было соответственно решено. Хаджи Мухаммад-хан с войском проследовал через перевал Минар, а Его Величество, пройдя перевалом Пайен, отправился осаждать Кабул. Победоносные войска под командованием мирзы Хиндала достигли окрестностей Дех-Афганан и находились близ мавзолея Баба Шашпара, когда [навстречу] вышел Шерафкан во главе крупного отряда, состоявшего из лучших воинов мирзы Камрана, и завязался рукопашный бой. Многие царские слуги не выдержали [и побежали]. Но мирза Хиндал остался тверд и дал доказательства своего мужества и преданности. Когда положение дел стало известно Его Величеству, он направил Карача-хана, мира Барку и многих других во главе с Шах Кули Наранджи⁷, [отдав им приказ] наступать и преподать

урок мятежникам. Во главе с миром Баркой они направились вперед, а между тем подоспел отряд Хаджи Мухаммад-хана, отправленный через перевал Минар, и враг был повержен. Шерафкана пленили и привели к Его Величеству. Тот, являясь неиссякаемым источником прощения и доброты, хотел заковать его в цепи лишь на несколько дней, чтобы дать хороший урок, а затем восстановить в обязанностях. Но, по просьбе Карача-хана и настояниям всех верноподданных, разъяренных лживостью и неблагодарностью мятежника, его предали смерти. После этих событий Его Величество направился к Кабулу дорогой *хийабан*⁸, в то время как его храбрые слуги, преследуя отступивших, подошли к Железным воротам. [Аханин Дарваза] Мирза Хизр-хан и значительная часть войск Аргунов бежали в Хазараджат. Стены [города] (*шахрбанд*) перешли в руки царских солдат, и Его Величество остановился в тот день в садах Карача-хана. Были обезглавлены многие злонамеренные мятежники, захваченные в плен на поле боя, а Шер Али пришел в замешательство⁹ и нашел пристанище в крепости. Тревога людей [находящихся в крепости] улеглась.

Его Величество после этих событий посетил *диванхану*, сады Урта Баг и разбил лагерь на холме Акабин¹⁰, что был напротив крепости. Ружья и пушки (*зарбзанха*) перезарядили и приготовили к бою. Каждый день люди мирзы Камрана делали вылазки, и происходили рукопашные схватки. Махди-хан, его родственник Чалма бек¹¹, Баба Саид Кибчак, Исмаил Куз¹², Мулла Мабталай Ауджи и другие злополучные дезертировали из победоносной армии и присоединились к мирзе. Его Величество Джаханбани приказал Карача-хану, Хаджи Мухаммад-хану и еще некоторым найти место для лагеря перед воротами Йарак¹³, так как там была лучшая позиция. Он также приказал стянуть войска ближе к крепости и распределить пушки, а мирзу теснить сильнее. В то время как названные [военачальники] искали нового места для лагеря, тридцать—сорок человек внезапно выступили из ворот Йарак. Хаджи Мухаммад-хан вступил с ними в бой, они не выдержали и побежали в крепость, но тогда оттуда выступил Шер Али и атаковал Хаджи Мухаммад-хана, нанеся тому тяжелую рану в правую руку. В ходе боя царские солдаты оттеснили противника и загнали Шер Али обратно в крепость. Они подняли Хаджи Мухаммад-хана,

потерявшего сознание и обессиленного, и отнесли его в ставку. Долгое время он был болен, и [даже] появились слухи, что он скончался. Его Величество Джаханбани отправил ему гонца с просьбой сесть в седло и выехать к батареям. Повинуясь указанию, хан сел на лошадь, и [при виде его] радость врагов приутихла. Вскоре после того мирза Санджар, сын Султан Джунаида, с клеймом бесчестия на лбу переметнувшийся на другую сторону, вышел [из крепости] и напал. Но во время боя его лошадь понесла¹⁴, и он оказался у сада Фиалок. Его взяли в плен и привели к Его Величеству: тот сохранил ему жизнь, но приказал бросить в темницу. Мухаммад Касим и Мухаммад Хусейн¹⁵, сыновья сестер Пахлван Доста Мир Барра¹⁶, ставшие впоследствии великими военачальниками и достигшие высокого положения, спустились со стен башни, находящейся между Железными воротами и башней, [обороняемой] Касимом Бирласом, и в Акабине удостоились счастья засвидетельствовать свое почтение. И, словно два орла (*акабин*)¹⁷, схватили добычу вечно счастливой судьбы.

Пока продолжалось это сражение, большой караван пришел в Чарикаран из-за границы (*вилаят*)¹⁸. В нем было много коней и разных товаров. Мирза Камран отправил Шер Али с отрядом своих приспешников за этой добычей, несмотря на то что Тарди Мухаммад Джанг Джанг, один из преданнейших приверженцев мирзы, возражал и внятно объяснил, что, если Его Величество Джаханбани узнает об этом, он пошлет своих людей отрезать путь к отступлению. Тогда отряд не сможет возвратиться и погибнет, при этом цель мирзы не будет достигнута. Но глаза Камрана зажглись алчностью, он не хотел и слушать никаких предупреждений, поэтому выслал своих людей во главе с Шер Али. Как только эти известия дошли до Его Величества Джаханбани, Хаджи Мухаммад-хану было поручено помешать негодяям совершить этот грабеж. Хаджи Мухаммад высказал мнение, что [вражеский] отряд выступил ночью и уже исполнил свое намерение, и если победоносная армия последует за ним, тот ускользнет. Поэтому он предложил захватить переправы и господствующие над дорогой возвышенности, чтобы враги не смогли вернуться в крепость. Его Величество Джаханбани согласился с этим и спустился с холма, чтобы лично дать указания по захвату проходов. Шер Али, Тарди Мухаммад Джанг Джанг

и другие напали на купцов и завладели товаром, значительную часть разграбив. Возвращаясь, они рассчитывали войти в крепость, но обнаружили, что дороги и переправы заняты [противником]. Тарди Мухаммад Джанг Джанг и Шер Али начали перебранку, и Тарди Мухаммад заявил: «Вот видишь, мои слова сбылись!» Они разведывали разные пути, однако им не удалось найти незанятой дороги в крепость. Обескураженные, они отошли, ожидая возможности проникнуть [в крепость] при помощи какой-нибудь хитрости.

Вскоре после этого Баки Салих, один из храбрецов в гарнизоне, спокойно привел мирзу Камрана к Железным воротам и похвастался, что за одну вылазку сумеет ввести Шер Али этим путем. Ворота распахнули, и выступили смельчаки мирзы. Их встретили солдаты батареи, среди них были Мухаммад Касим-хан Мауджи, Касим Мухлис и Джамиль бек. Царские воины выказали отвагу и пыл; Сумбул-хан с шестьюдесятью или семьюдесятью рабами нанесли большой урон своими мушкетами. Джамиль бека ранили, Баки Салих, причина всей сумятицы, был убит пулей¹⁹, а Джалал-ад-дин бек, друг мирзы, погиб жестокой смертью. Было ранено множество других людей. Мятежники, не достигнув своей цели, отступили, и ворота крепости захлопнули. Шер Али отчаялся попасть в крепость и спешно направился в Газни. Его Величество Джаханбани послал за ним в погоню Хизр Ходжа-хана, Мусахиб бека, Исмаил бека Дулдая и большой отряд солдат с приказом проявить мужество и пленить этих злосчастных. Преследуя Шер Али, царская армия подошла к перевалу Саджаванд, и тут разгорелась крупная битва. Царские воины одержали победу, и множество коней и товаров перешло в их руки. Многих захватили в плен. Но Шер Али с несколькими людьми удалось ускользнуть в Хазараджат и найти убежище в доме Хизр-хана²⁰. Победоносные царские войска, вернувшиеся с большой добычей, были осыпаны милостями. Ограбленным купцам, обратившимся за защитой к священному двору, было позволено забрать товары и коней, которых они узнают, и таким путем много добра и лошадей вернулось к законным владельцам. Это событие показало, что судьба вновь благоприятствует [царю]. Пленных мятежников выстроили перед батареей и публично предали смерти различными способами, дабы те, кто еще дремал в постели заблуждения, смогли пробудиться.

Когда невозможно стало войти или выйти в любые ворота, и не находилось лазеек для осуществления его замыслов²¹, когда были перекрыты все дороги, кроме пути поражения, мирза Камран в своей злобе решил отыграться на находившихся в крепости детях и подростках и осквернить чистых. Он отдал жену Бабуся базарной толпе и подверг жестоким мукам трех сыновей последнего²², одному из которых было семь, другому пять, а последнему три года. Оросив землю кровью [детей], он сбросил их тела с крепостных стен близ расположения пушек Карача-хана и Мусахиб бека. Потом он подвесил на укреплениях Сирдар бека — сына Карача бека и Худа Доста — сына Мусахиб бека, а им самим послал письмо, в котором предлагал встретиться с ним или выпустить его либо же отговорить царя от осады. В противном случае он угрожал убить их сыновей, как убил детей Бабуся. Карача-хан, бывший тогда первым министром, вскричал громким голосом: «Господи, спаси Его Величество царя! Наши дома и дети всё равно должны однажды погибнуть, и это неизбежно. Для них будет лучше окончить свой путь подле их учителя и благодетеля. Что дети, когда мы сами жертвуем собой за Его Величество! Оставь эти тщетные надежды, выходи и смиренно подчинишься, это окажется твоим спасением и украсит твою жизнь; а мы, как твои блажелатели, сделаем для тебя всё, что в нашей власти. Зачем ты пугаешь нас смертью наших детей? Если они будут убиты, месть за них не заставит себя долго ждать!» Его Величество послал за Карача-ханом и Мусахиб беком, чтобы утешить их полными сочувствия словами и знаками внимания. Мирза пытался унижить достоинство и честь своих врагов, самым недостойным образом поступая с их женами и детьми: так, он подвесил жену Мухаммад Касим-хана Мауджи за грудь²³ (*нистан баста*). Поскольку мирза был снедаем злобой и завистью, противодействие, оказываемое на первый взгляд Его Величеству Джаханбани, было в действительности мятежом против самого Всемогущего Творца. Любое начинание подобного тирана неизбежно терпит крах и, в конце концов, приводит его к физической и духовной гибели.

Глава 43

Явление великих чудес Его Величеством Шахиншахом и взятие Кабула

По своей глупости и недостатку мудрости, ради собственной защиты мирза Камран поставил Его Величество Шахиншаха, этот цветок сада верховной власти и плод новой весны Халифата, перед орудиями, поместив его в таком месте, где меткие стрелки (*кадр-андазан*) победоносной армии не давали проскочить даже муравью или кузнечичку. Человечно ли это было? Имеют ли подобное обыкновение [даже] хищники или демоны? Почему язык того, кто произнес такой приказ, не онемел или рука исполнителя не отказала в службе, когда схватила древо счастья и поместила его подобным образом? Разве мог глаз, не видящий несомненных прав Его Величества Джаханбани — старшего брата, почитаемого представителя, [замещающего] отца, и благодетеля, — постичь мироукрашающую красоту Его Величества Шахиншаха, скрытую под завесой достоинства и в начале пути еще незрелую? Как может сердце, муками зависти поверженное под стопу скорби и враждебное Всемогущему Аллаху, различить лучи Божественного света, заключенные в человеческую форму? Как может тот, кто [сам] не ведает истинного пути, указывать другому верное направление? Но, поскольку Божественная мудрость оберегала это проявление скрытых огней и охраняла [его] от зла и опасностей под кровом опеки и сенью заступничества, она, будучи залогом безопасности этого Единственного своей эпохи, не подвергла гнусных негодяев немедленному наказанию за их деяния. Скорее всего, замысел Провидения предопределил недостойным метаться по миру, и быть ввергнутыми в пепел отчаяния и презрения, и с каждым последующим витком Времени, шаг за шагом, ступень

за ступенью приближаться к [собственному] разложению (*гудазиш*)¹, а их порочным действиям неуклонно погружаться в пучину возмездия, дабы остальные грешники, узрев это воздаяние, учили бы предостережение. Для проясненного зрения очевидно, что возмездие и воздаяние, свершающиеся медленно, но неуклонно, подобны мучительной пытке.

Когда эта мерзкая шайка совершила свой злодейский поступок (то есть выставила Акбара), руки метких стрелков дрогнули, [из-за чего] полет стрел изменился, а фитильные запалы остались не зажженными. Сумбул-хан, умелый пушкарь, почувствовал, как леденеет его горячее сердце, и подумал про себя: «Что могло случиться?» Хвала Аллаху! То, что злонамеренные считают погибелью [своих врагов] и коснеют в грехе, становится средством совершенствования и безопасности. Примером тому послужило следующее. Прежде всего Божественная защита, оказанная в столь опасном месте от стрел редко промахивавшихся лучников и метких стрелков из мушкетов, навлекла позор на нечестивцев и жестокосердных, а красота [Божественного] наставничества была дарована ищущим праведности. Во-вторых, было явлено чудо: огонь стал холодным, а фитили не зажглись. Когда взгляд Сумбул-хана упал на место, где находилась цель (*маскат-и-тир* — освещенное стрелой место), его зрение обострилось, и он узнал Его Величество Шахиншаха. Ужас этой ситуации чуть не заставил души очевидцев покинуть их тела, а пушкари стали похожи на мертвых (*калаб тахи кунанд* — покинули свои тела). Тайна открылась Сумбул-хану, и он понял, почему огни погасли. Он тут же отвел руку [сделав знак прекратить огонь], и удрученная шайка предателей (*фирка-и мутафаррика-и багия*) была на время спасена от мощи царских пушек. Когда с Избранным пребывает Защита Господа, могут ли причинить ему зло людские хитрости? Хотя глупцы совершили неподобающий поступок, Божественному замыслу было необходимо раскрыть тайны и показать сию истину, чтобы смертные могли объяснить [происшедшее] чудо, и каждый, в соответствии со своими способностями и разумом, размышлял о его сущности и, в зависимости от степени собственного понимания, мог постигнуть хорошее и дурное. Одним словом, нечестивцы затеяли это, чтобы облегчить свои муки и [ослабить] натиск врагов, однако дальновидные и проницательные понимали, что такой ход повлечет скорую гибель этих злодеев.

Тем временем мирза Улугбек прибыл из Замин Давара, Касим Хусейн Шайбани² из Килата, а Ходжа Гази, оставшийся [прежде] в лагере шаха, и Шах Кули султан³, связанный родством с Байрамханом, приехали из Кандагара; многие также прибыли из Бадахшана. Его Величество поручил им пушки, располагавшиеся около ворот Йарак.

267 Эти благонамеренные приготовились к службе, и доблестные герои проявляли всё больше рвения и энергии, тесня мирзу всё сильнее. Когда все его планы рухнули, он, подобно лисе, прибег к раболепному и коварному лицемерию и выступил с торжественными и лъстивыми уверениями в своем раскаянии и стыде. Через Карача-хана он передал, что сожалеет о прошлом, жаждет служить [царю] и исправить содеянное, чтобы приобрести сердечное расположение Его Величества приятными ему услугами. Он отдает свою жизнь и имущество под защиту милосердия Его Величества как подношение стыда и раскаяния. Его Величество, движимый благородством своей натуры, принял его заверения и повелел ослабить осаду. Так как мирза Хиндал, Карача-хан, Мусахиб бек и многие другие военачальники не испили в достаточном количестве сладкой воды верности, они, думая о собственных интересах, — что являлось признаком старой, строптивой службы, — были против капитуляции мирзы. Почему я упомянул об искренности и верности? [Потому что] это — редкие жемчужины, драгоценные камни, которые невозможно купить. Если их не хватает среди жителей Турана, в стране, где они давно стали редкостью, что в этом удивительного? Но они [неверные слуги царя] не обладали даже здравым смыслом, этим залогом потерь и приобретений, чтобы воздать добром за добро. Эти слепцы отплатили злом за добро. Хуже того: они непрестанно измышляли кровопролитие и бедствия для людей ради порочной цели увеличения собственных богатств и власти. Как были сопряжены их мысли, и содержались ли в них последовательные планы? Если бы они постигли хотя бы низжайшие ступени преданности, которая дает столько благодеяний, они никогда бы не стали вредить себе подобным образом. Если им не был знаком храм верности, то что случилось с базаром здравого смысла, — ведь эта клика так его и не узнала? Если голос разума не поведал им об этом [верном пути], сие могло бы сделать угнетение скорби, и тогда они не ударили бы топором по собственным ногам.

В конце концов эта шайка [предателей] в собственных порочных целях запугала мирзу и послала ему письмо со словами: «На что вы надеетесь, оставаясь в крепости, и на что вы можете надеяться, представ перед Его Величеством? С каждым днем осада близится к завершению, [поэтому] вам следует бежать, миновав одну из батарей». И они направили его к пушкам Хасан Кули Аки. Мирза, следуя этому совету, ночью в четверг, 7 раби ал-аввала 954 г.х. (27 апреля 1547 г.), вышел через Делийские ворота в указанном ему месте и бежал. Он направился в Бадахшан, полагая, что сумеет что-нибудь предпринять с помощью мирзы Сулеймана или, если это не получится, прибегнуть к помощи узбеков. Его Величество Джаханбани поручил Хаджи Мухаммад-хану и части армии пуститься в преследование, а [сам] вступил в Кабул, являвший собой пустошь неподчинения. Своим прибытием он превратил его в приятную обитель дружелюбия. Его Величество Шахиншах, кладезь нескончаемых чудес, вышел встретить его и был ошарашен введением в Присутствие. Целомудренные дамы также засвидетельствовали свое почтение. При созерцании шахиншаха чистый свет и величие появились в сердце и [отразились] на лице Его Величества Джаханбани. Есть ли большее счастье, чем то, когда глаза Йакуба проясняются от красоты Йусуфа? И есть ли более возвышенная отрада, чем та, когда сердце подобного мудреца (*сахиб дил*) утешается встречей со своим любимцем? Из признательности [Аллаху] за спасение священной личности (Акбара) и ради его благополучия он [царь] дал обеты, молился и раздавал милостыню, прикладывая целительный бальзам к израненным сердцам человеческим, исходившим кровью под гнетом обстоятельств. Все были успокоены и умиротворены разнообразными знаками сочувствия и утешения, и тревога измученных сердец уступила место согласию. Его Величество Джаханбани и Его Величество Шахиншах, в сиянии власти и величии [всеобщего] уважения, воссели на трон победы и *маснад* достоинства. Хотя Хаджи Мухаммад-хан и другие, посланные в погоню за мирзой, настигли последнего, но, под влиянием блеска и притягательности прежней, неверной службы, отпустили его⁵, словно и не видели вовсе. Мирза ускользнул, но Ак султан⁶ и многие его приспешники были схвачены. Их справедливо судили, и каждый получил наказание сообразно своим преступлениям. Султан Кули Атка,

Тарсун мирза, родственник Абд-ал-лах мирзы, Хафиз Максуд, маулана Баки Иргу⁷, маулана Кадам Арбаб и многие другие зачинщики бунта были сурово наказаны. Мирза Камран, решившись бежать, условился со своими людьми, что найдет убежище у холма Исталифа, будет собирать войска и готовиться к новой войне. На исходе ночи он вместе с Али Кули Курчи тайно отправился в Бадахшан по дороге Санджад Дара. После тысячи (хазар) несчастий он прошел из Хазараджата, [совершив] тысячи позорных и бесчестных поступков, в Бадахшан. Мухаммад бек, один из его доверенных людей, и Шер Али присоединились к нему с небольшим отрядом близ Зуххака. Добравшись до Гори, он отправил послание Мирза Беку Бирласу, правителю той местности, вызывая его к себе. Тот ответствовал, что не совершит предательства, которое отличает нечестивцев. Мирза намеревался пройти мимо Гори, однако один из его слуг (*калакчиан ку калукчиан*) оскорбил его и спросил [остальных]: «Зачем вы идете с таким человеком (подразумевая мирзу), [ведь] если бы он был сыном Его Величества Гити-ситани и имел хоть каплю его духа, он никогда не оставил бы правителя Гори без наказания и не отпустил бы его невредимым». Мирза был уязвлен этими колкостями и возразил: «К чему напрасно болтать, и почему бы тебе не подумать? Я действую так потому, что вы не подготовлены [к сражению]; разве позволил бы я, чтобы дело обернулось подобным образом, если бы вы были снаряжены для войны?» Безумец опять упрекнул мирзу, и [тогда] тот повернул назад и напал на правителя Гори. Он был побежден, город пал и перешел в руки мирзы. Таким путем ему удалось завладеть военным снаряжением. Оставив там Шер Али, он продолжил свой путь к Бадахшану. Отправил гонца к мирзе Сулейману и мирзе Ибрахиму, предлагая оказать ему [мирзе] содействие, однако они мудро сохранили свою верность царю и остереглись помогать мирзе.

Мирза Камран, влекомый тщетными надеждами, направился в Балх, чтобы найти убежище у Пир Мухаммад-хана и с его помощью завладеть Бадахшаном. Его Величество Джаханбани определил Карача-хана в Бадахшан, чтобы он вместе с мирзой Хиндалом, мирзой Сулейманом и другими военачальниками захватил мирзу Камрана или же отогнал его. Карача-хан достиг Бадахшана и отправился в Гори вместе с мирзами. Там находился Шер Али и некоторые из людей мирзы.

Произошло несколько ожесточенных сражений, и много доблестных людей с обеих сторон пало. Среди них — Ходжа Нур, один из главных слуг мирзы Хиндала. Мулла Мир Китабдар, любимец мирзы Хиндала, был тяжело ранен. Наконец оборонявшиеся, не в силах более выдерживать натиск, обратились в бегство. Крепость перешла в руки приверженцев царя. Тем временем пришли известия, что из Балха подошли мирза Камран и Пир Мухаммад-хан. Мирзы отказались от боя и отступили в ущелье; Карача-хан проследовал к Кабулу. Его Величество Джаханбани, узнав о смятении в Бадахшане, повернул поводья в этом направлении. Достигнув Горбанда, он встретил Карача-хана, и тот засвидетельствовал ему свое почтение. Однако поскольку всё имущество Карача-хана было расхищено *аймаками* на обратном пути⁸ (в Горбанд (?)), ему позволили отправиться в Кабул, чтобы собрать там необходимое снаряжение, а затем быстро присоединиться к Его Величеству Джаханбани. А Его Величество на свой страх и риск двинулся из Горбанда и остановился в деревне Гульбихар, совершая прогулки и охотясь до прибытия Карача-хана. После приезда последнего, несмотря на то что подходящее [для похода] время года закончилось, Его Величество решил следовать своему первоначальному замыслу и отправился в Бадахшан. Но поскольку этот поход не соответствовал намерениям Провидения, перевалы Хинду Коха завалило снегом, и необычные [природные] явления произошли там, в результате чего пройти стало трудно. Руководствуясь целесообразностью, он [царь] вернулся в Кабул, решив отложить поход на Бадахшан до весны.

Глава 44

Определение Его Величества Шахиншаха в школу и другие события, произошедшие в это время¹

В Академии Божественных знаний — сей «Хранимой скрижали» вечных трудов и духовном храме, где все искусства и науки являются плодами школы просвещения, — заведено и установлено, что, научившись говорить, обладатели юного разума должны выучить буквы и их сочетания (*хуруф-и-мураккаба*) и получить общие знания, что собраны воедино совместными усилиями и [отражены] в мудрых манускриптах, и последовательно и системно пройти по проторенному пути разума. Вот почему 7 шаввала того года [954 г.х.] (20 ноября 1547 г.) сей учащийся Божественной Академии и выпускник медресе Господа, по обыкновению, был отдан в простую [для обычных детей] школу на четвертый день четвертого месяца четвертого года² от начала соединенной с вечностью жизни Его Величества Шахиншаха. Асам-ад-дин Ибрагим получил высокую должность *муллазада муллы* (учителя сына учителя). Хотя с точки зрения недальновидных наблюдателей Его Величество отдали учиться, проницательные знают, что его наделили возвышенным положением учителя. Удивительно, что Его Величество Джаханбани, сведущий в небесных науках и знающий тайны звезд, определил с помощью мудрых астрологов и особый час начала обучения Его Величества принца, который случается лишь раз в течение всего цикла и жизненного пути. Однако когда наступил решающий момент, ученик школы Аллаха облачился в одежды развлечений и исчез! Несмотря на все старания и усердные поиски придворных, его и след

простыл. Для просветленных сердцем это чудесное происшествие стало свидетельством того, что сего властелина возвышенной мудрости и ученика Аллаха нельзя вовлекать и погружать в [общепринятый] процесс обучения [обычных людей], дабы во время раскрытия [гения] этого хедива проницательности человечество увидело, что познания сего царя мудрецов — дар [Небес], а не навык. Несмотря ни на что, священный разум Его Величества являет собой вместилище грамоты и современных знаний, как полученных из трудов ученых мужей, так и приобретенных из источника Мудрости без посредства какого-либо наставления или обучения (*талим у тааллум*). Вот почему учителя мудрости, мастера математики, знатоки явленных [экзотерических] наук и наследники всех искусств, как общих, так и специальных, достигнув порогов священного Присутствия, пристыженно помещают головы в хомут сомнений и повергаются в изумление от осознания собственного невежества. Возвышенная натура Его Величества Шахиншаха всегда стреми-

271

лась к сочинению стихов на хинди и фарси, и в стихах этих прослеживается серьезное и скрупулезное отношение к тонкостям стихосложения. Среди стихотворных творений он свободно цитирует «Маснави» Маулави и «Диван» Мистического языка³, наслаждаясь их искренностью и красотой. Следующие выдающиеся строки — плод размышлений Его Величества [Шахиншаха].

Не путы безумия разум печального Меджнуна [сковали],
То любовь свою нежную руку простерла к нему.

Он также нанизал [бисер] восхитительных мыслей на хинди, которые могут поистине считаться шедевром в своем роде.

О Ты, сокровищница [всех] достоинств, как мне описать Тебя!

Итак, проучившись какое-то время у вышеупомянутого достойного учителя, чей метод заключался в посредственном заучивании, те, кто принимал во внимание лишь внешние обстоятельства, заявили о некомпетентности наставника и потребовали заменить его. В результате первый учитель был отвергнут, а на его место назначен маулана Баязид.

Они не понимали, что смотрители Небес следили, чтобы священный разум питомца Божественного света не превратился во вместилище впечатлений от написанного пером или в пристанище замаранных чернилами явленных [экзотерических] наук.

Это благословенное время Его Величество Джаханбани провел в Кабуле, занимаясь вопросами раздела земель и подготовкой к походу на Бадахшан, дабы положить конец [злодеяниям] мирзы Камрана. Мирза Камран, разочаровавшись в помощи мирзы Сулеймана и мирзы Ибрахима, направился с недостойными намерениями в Балх, дабы с помощью Пир Мухаммад-хана⁴ захватить Бадахшан. Когда он прибыл в селение Айбак⁵, местный правитель оказал ему теплый прием, но держал под наблюдением, отправив донесение Пир Мухаммад-хану. Последний посчитал прибытие мирзы благом и послал доверенных людей встретить его. Он [Пир Мухаммад-хан] со всем уважением пригласил мирзу в свой дом и проявил гостеприимство. Он также присоединился к нему в походе на Бадахшан. Мирзы, в соответствии с планом, отошли к горным границам Бадахшана, и большая часть страны перешла в руки мирзы Камрана. Пир Мухаммад-хан оставил в помощь мирзе Камрану часть своего войска, а сам возвратился в свои земли. Мирза подошел к Кишму и Таликану и отправил Рафика Коку и Халика Барди с отрядом джагатаев и узбеков на Рустак. Мирза Ибрахим и мирза Сулейман собрали в Кулабе⁶ людей и [тоже] двинулись к Рустаку. Они пришли из Кила Зафара и Хамалинкана⁷ и храбро сражались с Рафиком Кокой и остальными, но небесам было угодно, чтобы их разбили и оттеснили к холмистым землям. Его Величество дал отдых своей просветленной душе в Кабуле, приняв решение выступить на Бадахшан. Но так как сердца его слуг были неискренни, замысел задерживался завесой проволочек и промедления (*тааввук у таваккуф*). Тем временем чаша понимания Карача-хана, сослужившего ранее хорошую службу и осыпанного бесчисленными милостями, переполнилась, поскольку сосуд оказался мал для изобилия вина. Не задумавшись над своими действиями, званием и долгом и [позабыв о] высоком положении своего господина, он сошел с пути смирения. В результате по глупости, свойственной чрезмерно самонадеянным людям, он произнес слова, которые даже пьяный или сумасшедший не [осмелится] произнести. Например, он

возжелал, чтобы к нему прислали связанного Ходжа Гази, занимавшего в награду за свои способности и хорошую службу пост в *диване*, дабы он [Карача] мог казнить его⁸ [а также потребовал], чтобы на место [последнего] назначили Ходжа Касима Тулу⁹. Поскольку Его Величество [Джаханбани], воплощение справедливости и милосердия, не одобрил этого требования, Карача-хан, преисполнившись тщеславия, возомнил себя [чуть ли не] столпом победоносной власти, и заставив на свое злосчастье, увлек множество людей с [праведного] пути, изменив тем самым свой гороскоп, и направился в Бадахшан. Бабус, Мусахиб бек, Исмаил бек Дулдай, Али Кули из Андараба¹⁰, Хайдар Дост Могал, Шейхам Ходжа Хизри и Курбан Каравал вместе с тремя тысячами испытанных всадников, которых [Карача-хан] увлек за собой, направились через Котал Минар в Бадахшан, вступив [тем самым] в пустыню ошибок.

Когда Его Величество услышал об этом, он захотел незамедлительно отправиться за этими злосчастными, свернувшими с благословенного пути. Однако, дожидаясь благоприятного (для отбытия) часа, он отложил свой отъезд и отправил в погоню за негодяями своих людей. Каждый из прибывающих верных слуг направлялся [вслед за ними], и, таким образом, Тардибек-хан, Муним-хан, Мухаммад Кули Барлас, Абд-ал-лах Султан и другие преданные верноподданные один за другим бросились [преследовать Карача-хана]. Около полудня, когда благоприятный час наступил, Его Величество сел на коня победы. Множество доблестных молодцев устремились вперед и, настигнув аррьергард упрямыцев, сразились с ними, одержав победу. На закате дня они приблизились к лагерю Карача-хана близ реки¹¹, однако ночь способствовала злодеям, и они скрылись под ее покровом. Они переправились [на другую сторону] по мосту Горбанд, после чего разрушили его. Преследователи вернулись назад и засвидетельствовали свое почтение [падишаху] в Кара Баге. Украшающий мир разум его Величества Джаханбани принял решение возвратиться в Кабул, подготовиться, а [затем] выступить на Бадахшан. Недалековидные беглецы оставили в Панджшире Тамар Али Шигали, *вакила* [министра] Карача-хана, чтобы он собрал сведения о положении дел в Кабуле, а сами, миновав перевал в Хинду Кохе, присоединились в Кишме к мирзе Камрану. Его

273

Величество вернулся на следующий день, наполнив Урта Баг светом своего присутствия. Он дал меткие прозвища тем жалким [глупцам], что пренебрегли своими обязанностями перед царем и изменили своему благодетелю [букв. «его соли»]. Он окрестил Карачу — Кара Бахт (черное счастье), Исмаила — Хирс (медведь), Мусахиба — Мунафик (лицемер), а Бабуса — Дайийус (глупец)¹². Он передал мирзе Хиндалу, мирзе Сулейману и мирзе Ибрахиму указание приготовить-ся и ждать прихода величественной армии. Также был дан приказ Хаджи Мухаммад-хану прибыть из Газни к падишаху.

В то время, когда разум [Его Величества] был занят подготовкой к походу на Бадахшан, он постоянно советовался с рассудительными, умудренными годами людьми, на челе которых сверкал алмаз искренности. Те, что не обладали ни преданным сердцем, ни дальновидностью, настаивали на уходе в Кандагар, дабы провести все приготовления там, а уже затем отправиться подавлять мятеж мирзы Камрана. Обладатели же жалованной грамоты мудрости, [украшенной] гербом доблести, поддерживали царский план о [немедленном] наступлении на Бадахшан. Однажды [падишах] спросил Мухаммад Султана¹³: «Что скажешь?» Тот ответил: «Мирза Камран преуспел благодаря дезертирству тех неблагодарных. Вполне вероятно, что он опередит нас и прибудет [раньше] в эти земли. Мне кажется, что если падишахская армия первой переправится через Хинду Кох, она выйдет победителем, в противном случае — да не допустит этого Аллах! — жребий решит иначе». Его Величество Джаханбани сказал: «[Жизнь] неоднократно являла примеры гибели преуспевших. Если он преуспеет, мы станем просителями при Дворе Аллаха». Он также прочел следующие строки:

Пусть никто не гордится силой своей —
Самолюбие сбросит чалму с головы,

и закончил: «Зачем медлить — если Аллаху угодно, мы сейчас же отправляемся [в путь] через перевал»¹⁴.

Глава 45

Отбытие мирозавоевывающей армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Бадахшан и ее победоносное возвращение в Кабул

Когда поход был решен — а эта мера являлась крайне необходимой, они выступили в благоприятный час, в понедельник, 5 джумада ал-аввала 955 г.х. (12 июня 1548 г.), и расположились лагерем на Аланг Чалаке¹.

274

Спустя два или три дня они двинулись оттуда в Кара

Баг, где оставались десять или двенадцать дней, решая государственные дела. Как доброжелатель — хотя ходили неясные слухи о его вероломстве — прибыл Хаджи Мухаммад-хан; Касим Хусейн султан, который находился в Бангаше, также явился, выразил почтение и был радушно принят. В это же время с особой поспешностью прибыл ведомый счастливой звездой мирза Ибрахим и засвидетельствовал свое почтение. Чело его судьбы озарилось светом особого расположения. Одно из удивительных событий, служивших вестниками бесчисленных побед, произошло, когда Его Величество стоял в комнате для омовений, намереваясь отправиться в Бадахшан. Внезапно его просветленный ум озарила мысль: «Если эта белая птица (имелся в виду петух, который всё время находился в комнате) сядет ко мне на плечо и пропоет, это будет знаком победы». Лишь только он об этом подумал, как сулящая удачу птица, хлопая крыльями, словно хума, подлетела и уселась к нему на плечо, бросив благоприятную тень на главу его удачи. Его Величество ответил на это благодарностью, приказав надеть на лапку птицы серебряное кольцо².

Среди событий, ставших достойным провозвестием победы, было то, что, когда мирза Ибрахим дошел до Панджшира³, Тамар Шигали преградил ему путь. Малик Али из Панджшира со своим родом присоединился к мирзе, который отважно вступил в сражение с Тамар

Али Шигали и разбил его наголову. Ради предосторожности он привез Малик Али из Панджшира с собой и представил Его Величеству Джаханбани. Этот простодушный доброжелатель государства [Малик Али] из-за необоснованных опасений за свои земли был обеспокоен необходимостью поездки с мирзой Ибрахимом⁴, и ссора перешла в бой. Хотя мирза располагал лишь немногими людьми, он обнаружил неизмеримое превосходство [над противником] и привел свой отряд к Его Величеству. На следующий день Малик Али послал своего брата и принес извинения за нанесенную обиду, а также передал голову Тамар Али. Его Величество наградил посланника почетной одеждой и другими подарками и отослал ободряющее письмо его брату. Он писал, что мирза его не понял, что nasledstvennaya⁵ преданность [Малик Али] Его Величеству очевидна, и когда Его Величество прибудет на его территорию, он отнесется к нему с царской благосклонностью; Его Величество был также весьма расположен к мирзе Ибрахиму и назвал его сыном. Оделив его царской благосклонностью, он дал ему разрешение на отъезд, чтобы тот подготовил мирзу Сулеймана с его армией и боеприпасы. Ему надлежало ожидать прибытия армии падишаха около Бадахшана. Когда она приблизится к Таликану, им следует подойти и присоединиться. Благородную госпожу Мириам-макани и Его Величество Шахиншаха, свет очей Султаната и розовое дерево (*гулбун*) весеннего сада роз Халифата, отослали из селения Гульбихар⁶ в Кабул. Мухаммад Касима Мауджи назначили правителем Кабула и отправили вместе с ними. Его обязанностью стало неустанное служение Его Величеству Шахиншаху, а также заботливое управление всей округой. Когда Его Величество остановился у селения Базарак⁷ в тумане [округе] Панджшир, Хаджи Мухаммад, (сын) Баба Кушки, Касим Хусейн султан, Тардибек, Мухаммад Кули Барлас, Али Кули султан, Мир Латиф и Хайдар Мухаммад Чули были отправлены в качестве передового отряда⁸. Как только они пересекли Хинду Кох, Махди султан⁹, Тарди Мухаммад Джанг Джанг и отряд, находившийся в крепости Андараба, бежали. Согласно падишахским указаниям, Тардибек и Мухаммад Кули Барлас поспешили в Хост, чтобы задержать находившиеся там семьи беглецов. Мирза Камран, опьяненный вином тщеславия, находился в Кила Зафаре. Хотя военачальники-перебежчики в Таликане просили мирзу охранять дороги и перекрыть путь из Кабула, они не добились успеха.

Мулла Хирад Заргар, близкий тогда к мирзе Камрану и постоянно подстрекавший его, предпринял громадные усилия в этом направлении, но не смог достичь своей цели. Наконец Карача-хан и его отряд из предосторожности послали Мусахиб бека увести [свои] семьи из Хоста, ибо из Кабула могло подойти войско и захватить их в плен. В это же время Тардибек и Мухаммад Кули прибыли в Хост, а Мусахиб бек перевез семьи в Таликан. Разумеется, это было сделано с молчаливого согласия, которое является результатом долгой службы.

Когда царские знамена приблизились к Андарабу, из Кандуза прибыл мирза Хиндал и доставил под стражей Шер Али. Его Величество Джаханбани удостоил мирзу всяческих милостей. Среди них было разрешение засвидетельствовать почтение, сидя верхом на лошади¹⁰. Историю Шер Али можно вкратце изложить следующим образом. До прибытия царских войск в Бадахшанат, покуда мирза Камран имел там власть, Шер Али в своем высокомерии постоянно проявлял неуважение к мирзе; он настаивал на взятии Кандуза и взятии под стражу мирзы Хиндала. Наконец, мирза отдал ему Кандуз, и мирза Хиндал, благодаря счастливой судьбе царя, сумел взять его [Шер Али] в плен. Это произошло так. Однажды ночью множество пеших солдат окружили его жилище (шатер (?)). Он бежал, бросился в реку, сломал себе руку и угодил в собственную ловушку. Когда мирза доставил Шер Али Его Величеству Джаханбани, последний закрыл глаза на его неподобающие поступки и, перечеркнув пером прощения его преступления, даровал ему почетную одежду, назначив ему Гори. Ибо, оценив своим проницательным умом его сущность и способности, он обнаружил талант к управлению и [потому] не обратил внимания на множество серьезных преступлений, каждое из которых заслуживало наказания, и удостоил его милостей. Ибо на весах оценки он обнаружил больше поступков, достойных награды, чем требующих возмездия¹¹.

После того как мирза Хиндал был удостоен царского расположения, Хаджи Мухаммад-хану и многим другим велели наступать в передовом отряде (*манкула*) под началом мирзы. Все должны были подчиняться мирзе, которого объявили вечной опорой власти, и преуспеть в добром служении, дабы каждый мог быть вознагражден по заслугам. В середине джумада ал-ахира 955 г.х. (22 мая 1548 г.) лагерь раскинули на Аланге

Кази селения Андараба. Кази Андараба и люди племен *тукбаи*, *салканчи*¹² и *балучи* [белуджи], множество воинов-*аймаков* Бадахшана и слуг Мусахиб бека засвидетельствовали почтение и были награждены царской благосклонностью. Оттуда армия переходами двинулась к Таликану. Большинство военачальников-перебежчиков, а также мирза Абд-аллах и многие люди мирзы Камрана составляли гарнизон [этого города]. Мирзе Хиндалу и его командирам пришел приказ переправиться через реку Банги¹³ и вступить в сражение. Как раз тогда мирза Камран быстрым маршем привел своих людей из Кила Зафара и Кишма, присоединившись к нечестивой шайке¹⁴. В субботу, 15 джумада ал-ахира¹⁵, на возвышенности, которую они называют *халсан* (?), произошла битва. Царская армия еще не переправилась [полностью] через реку, и между авангардом и основными силами оказалось некоторое расстояние. Волей Провидения царский авангард был обращен вспять и вынужден снова пересечь реку. Враг занялся грабежом¹⁶. Мирза Камран с немногими людьми занял позицию на той же возвышенности. Тем временем Его Величество Джанханбани прибыл на берег реки и пожелал переправиться на глазах у врага. Верные осведомители передали, что река там образовывала [подобие] бассейна¹⁷, а милей выше находилась мельница; и, поскольку место было каменистое, переправиться там не составило бы труда. Они направились туда и, когда добрались до мельницы, захватили в плен Шайхам Ходжу Хизри¹⁸, *калантара* (предводителя) племени Ходжа Хизри¹⁹. Подчиненным Его Величеству *тинкатарам* было приказано избить неверного бродягу. Они били его руками и ногами так сильно, что очевидцы не сомневались, что его темная душа рассталась с телом. Там же они схватили Исмаил бека Дулдая и доставили к Его Величеству. Царь даровал ему жизнь и простил преступления по ходатайству Мунимхана, [которому] и передал его. Затем Его Величество отправился к той возвышенности, где находился мирза Камран. В авангард он определил Фатах Уллах бека, брата Рушана Коки, и отправил с ним преданных героев. Произошло упорное сражение, и Фатах Уллах был выбит из седла. И тогда появилось царское знамя (*каукаб*), предвещающее завоевание и являющееся провозвестием победы; мирза пал духом и не в силах был более сопротивляться. Он бежал в крепость Таликана и приступил к ее укреплению. Шахская армия начала грабеж. Среди [царских] слуг

(калакчиан) вспыхнула ссора из-за добычи, и Его Величество отдал войску приказ о *харале*, то есть чтобы каждый оставлял себе то, что попало к нему в руки, а другие не претендовали бы на это²⁰. В этой победе ни один волос не упал с головы [шахских] воинов, за исключением Али Кули-хана. Исахак (Исаак) султан²¹, Тардибек, сын бека Мирака, Баби [Баба] Джуджак и многие другие, кто дерзко преследовал победоносную армию, были взяты в плен. Мирза Хиндал и Хаджи Мухаммад доставили своих пленников в Присутствие, и Его Величество поступил с ними согласно законам справедливости и беспристрастности, распределив милость и наказание по заслугам. Он воздал хвалу Двору Истинного Управителя, безгранично великодушного и бескорыстно щедрого.

На следующий день он начал осаду и распределил пушки. Однажды выстрелом со стороны батареи, находившейся под командованием Муним-хана, Мухаммад Кули Барласа и Хусейн Кули султана мухрдара, убило Мубариз бека. Его Величество, источник сострадания, сильно горевал²² и воскликнул: «Если бы его брат Мусахиб бек был убит вместо него!» С братским чувством или, скорее, из свойственного ему дружелюбия он, несмотря на множество преступлений мирзы Камрана, возымел к нему добрые чувства и послал ему предостерегающий *фирман*, который мог стать браслетом власти и удачи и талисманом благосклонности и расположения. После различных великодушных советов там было написано: «О грешный брат и возлюбленный искатель войн, избегай путей, приводящих к конфликтам, вызывающих страдания и гибель множества людей. Имей сострадание к горожанам и воинам. Сегодня они все убиты, а завтра придет возмездие.

Кровь того рода на твоей шее,
 Рука той толпы на твоей полé,
 Куда лучше было бы мыслить о мире
 И проходить дорогами добра.

Он отослал этот благословенный наказ с Насибом Раммалом²³. Поскольку мирза, одурманенный глупостью, отвернулся от удачи и показал власти свою спину, мудрые советы были бесполезны. В ответ на этот свиток благородства и предвестник знания он произнес следующий стих²⁴.

Кто прижимал к своей груди невесту власти,
Должен целовать сверкающие губы сабли²⁵.

Насиб Раммал донес до царского слуха известие о его непокорности, и был отдан приказ усилить батареи. Тем временем со всеми своими войсками подошли мирзы Сулейман и Ибрахим и приняли царские милости. Прибыл также Чакар-хан, сын Ваиса Кибчака с людьми Кулаба, пополнив армию удачи. На протяжении месяца осады²⁶ врата победы раскрывались для падишахских войск всё шире и шире, тогда как для мирзы Камрана узел событий затягивался всё туже, и его теснили всё сильнее. Наконец он потерял надежду на успех уловок и военных хитростей и отчаялся получить помощь Пир Мухаммад-хана Узбека, на которую в своей недальновидности надеялся. Неохотно поднес он руки к поводьям (*фитрак*)²⁷ покорности и подчинения. При помощи этого средства он, на этот раз выйдя невредимым из водоворота опасности, вывел корабль надежности из буйства волн к берегу спасения. Ради этого прибег [мирза] к мольбам, взывая о помощи. Однажды он привязал письмо к стреле и пустил ее в направлении лагеря. В письме говорилось, что [ранее] он не признавал требования Его Величества почитать его: «Я увидел то, что увидел, и теперь сожалею о прошлом и хочу, чтобы мне даровали разрешение отправиться к Священной Каабе, дабы очиститься от греха мятежа, терзаний неблагодарности и стать пригодным для достойной службы. Я питаю надежду, что эта милость будет оказана мне при посредничестве Мир Араба²⁸ из Мекки». Мир выделялся среди всех преданных того века честностью и искренностью; [он] увлекался алхимией. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни уважал его, и в этом походе Мир держался близ царского стремени и был украшением священной армии (*лашкар-и-дуа*). Когда прошение о милосердии дошло до царственного слуха, он послал за Миром и завел с ним беседу об этом. Мир сказал, что напишет ответ и пошлет его в крепость. И написал следующее: «Знайте, о люди в крепости, что спасение заключается в искренности, а безопасность — в подчинении, и в мире пребудет всякий, кто идет в верном направлении»²⁹. Когда мирза Камран осознал смысл написанного, он тем же способом ответил, что подчинится любому приказу Мира. Его Величе-

ство Джаханбани, поскольку его натуре были присущи доброта и милосердие, отослал Мира, который вступил в крепость и изложил учение истины, что для хранилища разума слаще, чем прозрачные ручьи, но для чувственного вкуса горше, чем сок колоцинта³⁰. В своих разъяснениях он не пропустил ни единого пункта, и на каждую фразу порицания мирза, получивший урок головной боли от похмелья, последовавшего за его разгулом, покорно склонял голову и восклицал: «Я согрешил, я согрешил, я исполню всё, что ты прикажешь». Мир сказал: «Искупление будет в том, что ты встанешь и, с искренней душой и кающимся сердцем, пойдешь со мной и засвидетельствуешь почтение». Искренне или лицемерно, [однако] мирза последовал [за ним], но когда они подошли к воротам, Мир, понявший временный характер чувств [Камрана], увидел, что они ни на чем не основывались³¹. Остановившись, он обратился к мирзе: «Поскольку ты собрался лобызать порог, покинул круг мятежа и вышел из состояния бунта, достойно благополучия и покаяния будет, если ты отправишь перебежчиков ко двору со связанными шеями, а сам прочтешь хутбу в честь Его Величества, тайно уедешь и отправишься в Хиджаз». Мирза принял совет и согласился на всё, но добавил: «Уговори Его Величество позволить Бабусу уехать со мной, он старый слуга, и я желаю во время этой поездки искупить зло, что ему причинил». Когда Мир возвратился и доложил Его Величеству о положении дел, он попросил извинения проступкам мирзы, и Его Величество по своей неизменной доброте простил его и утвердил всё, что предложил Мир³².

В пятницу, 12 раджаба 955 г.х. (12 августа 1548 г.), маулана Абд-ал Баки, *садр*, прочел хутбу в честь Его Величества Джаханбани, и Его Величество отправился оттуда в сад по соседству³³. Пушки

разрядили, и Хаджи Мухаммаду отдали приказ во главе нескольких отрядов присутствовать [там]; мирзе, как было условлено, предстояло отбыть с несколькими людьми, и пока он не покинул владения [царя], им надлежало охранять границы. Али Дост-хан Барбеги, Абд-ал-ваххаб, Сайид Мухаммад Пакна, Мухаммад Кули Шейх Каман, Латифи Сахринди и некоторые другие были поставлены охранять ворота крепости и задерживать военачальников-перебежчиков, а мирзу с дозволенными попутчиками пропустить. Мирза вышел в соответствии с договором. По дороге один из слуг мирзы Ибрахима узнал свою лошадь, на которой

280

ехал кто-то из свиты³⁴ мирзы Камрана, и сказал об этом мирзе Ибрахиму; тот послал людей увести эту лошадь. Когда это донесли до слуха Его Величества, он, по своей учтивости, не одобрил происшедшее и вынес мирзе Ибрахиму порицание, и тот, со стыда и в силу ограниченности ума, не попросившись, отбыл в Кишм. Хаджи Мухаммад также получил выговор, поскольку оскорбление мирзе [Камрану] нанесли с его ведома. С Ходжа Джалал-ад-дин Махмудом *мир бийутатом* [глава хозяйственного ведомства] были отосланы (Камрану) благородный *фирман* с извинениями, а также почетная одежда и лошадь. Когда прошла часть ночи, привели Карача-хана с саблей, привязанной к шее. Когда он подошел к факелам, был отдан приказ снять саблю³⁵; ему простили вину и удостоили разрешения засвидетельствовать почтение. И Его Величество произнес по-тюркски: «Это удел войны, подобные случайности должны происходить»³⁶. Ему приказали встать слева, подле Тардибек-хана.

Следующим привели Мусахиб бека с колчаном и саблей на шее. Когда он подошел к факелам, последовал приказ снять оружие. Подобным образом привели также Сардар бека, сына Карача-хана. Его Величество сказал: «Это вина старших, какой же проступок совершили дети?» Таким же путем, одного за другим, доставляли других военачальников, и они выслушивали известие о помиловании. Последним появился Курбан Каравал, личный слуга Его Величества, и стыдясь, с потупленным взором, выразил почтение. Его Величество сказал по-тюркски: «Что угнетало тебя и что заставило уйти?» Тот ответил на том же языке: «Какой смысл вопрошать о цвете кожи тех, кого сделала черными рука власти Аллаха?»³⁷. Хасан Кули султан Мухрдар, которому всегда дозволялось свободно говорить, продекламировал перед собравшимися следующий стих.

Если лампа зажжена Аллахом,
Кто дует на нее, обжигает собственную бороду³⁸.

Все военачальники почувствовали себя неловко из-за справедливости (цитаты) для Карача-хана, у которого была длинная борода³⁹. На следующий день Его Величество двинулся в поход и расположился лагерем на красивом лугу на берегу реки Таликан⁴⁰. В среду, 17 раджа-
281 ба, ведомый Аллахом прибыл мирза Камран и засвидетельствовал по-

чение⁴¹. Объяснение этого примечательного события состоит в следующем. В Бадамдарах мирза Камран рассыпался в благодарностях за царские милости перед мирзой Абд-ал-лахом и выражал свое удивление тем, что Его Величество простил такое множество преступлений и проявлений неуважения. Мирза Абд-ал-лах спросил его, что бы он сделал на месте Его Величества. Камран ответил, что он бы [ничего] не простил и не забыл. «Тогда, — сказал мирза Абд-ал-лах, — у тебя есть возможность совершить искупление, и почему бы ею не воспользоваться?» Камран спросил, что он имеет в виду, и мирза Абд-ал-лах⁴² разъяснил: «Сейчас мы там, где царская рука не может нас достать. Хорошо бы нам, отправившись с несколькими людьми как можно скорее, засвидетельствовать свою покорность и, отблагодарив Его Величество, попросить прощение за наши преступления и оказать посильную услугу». Мирза Камран одобрил идею и отправился с несколькими людьми. Когда он приблизился к лагерю, то послал Бабуса выразить почтение и доложить об их прибытии. Его Величество Джаханбани обрадовался возвращению мирзы и приказал, чтобы первыми вышли Муним-хан, Тардибек-хан, Мир Мухаммад Мунши, Хасан Кули султан мухрдар, Балту бек, Тувачи Беги, Тахчи Беги и многие другие, за ними последовали Касим Хусейн султан Шейбани, Хизр Ходжа султан, Искандер султан, Али Кули-хан, Бахадур-хан и другие, а последними вышли бы мирза Хиндал, мирза Аскари, мирза Сулейман и поприветствовали его. В тот же день он приказал снять оковы с ног мирзы Аскари.

На следующее утро прибыли правители и военачальники, чтобы засвидетельствовать свое почтение в соответствии с нормами, предписанными Его Величеством, и Его Величество занял свое место на троне и провел обычную аудиенцию. Мирза Камран поспешил поцеловать ковер и выразил почтение мольбы и покорность искренности. Его Величество Джаханбани милостиво произнес: «Церемонии приема (*дидан-итора*) соблюдены, теперь подойди и давай обнимемся как братья». После чего он прижал мирзу к груди и заплакал так, что все присутствующие были тронуты. Выразив глубокое почтение, мирза сел слева⁴³ согласно царскому указанию. Его Величество сказал по-тюркски: «Садись рядом». Место справа было указано мирзе Сулейману. Подобным образом правители и военачальники садились справа и слева согласно их положению.

Все приближенные, такие, как Хасан Кули мухрдар, Мир Мухаммад Мунши, Хайдар Мухаммад, Максуд бек Ахта, сели близко друг к другу (*дар дингал*). Началось великое празднество. Касим Чанги, Кочак Гичаки, Махлас Кабузи, Хафиз Султан Мухаммад Рухна, Ходжа Камал-ад-дин Хусейн, Хафиз Мухри и другие из числа верных [падишаху] заняли свои места близ праздничного круга (*кур*)⁴⁴, беседуя о прекрасной музыке. Среди молодых людей (*иккаха*) находились Какар Али, Шахам бек Джалаир, Тулак Кочин [Каучин] и другие, стоявшие позади круга (*кур*). Фрукты и разнообразные блюда были поданы в царственном изобилии. На этом собрании Хасан Кули Мухрдар сказал мирзе Камрану: «Я слышал, вам сообщили, будто кто-то в присутствии Пир Мухаммад-хана сказал, что человек, не питающий к Мартвзу Али ненависть, большую, как апельсин, не имеет права называться мусульманином, а вы на это заметили, что слуге Аллаха подобает иметь ненависть размером с тыкву». Мирза очень рассердился и ответил: «Тогда люди, похоже, принимают меня за еретика (*хариджи*)»⁴⁵. Шел обычный разговор, и Его Величество Джаханбани рассыпал жемчуга речи. Встреча продолжалась до конца дня. На этом радостном собрании мирзу Аскари передали мирзе Камрану, разрешив отправиться в свои покои. Поскольку мирза прибыл поспешно, шатры для него поставили рядом с жилищем падишаха. На следующий день держали совет с мирзами и военачальниками относительно похода на Балх. Каждый изложил свое мнение. Его Величество приказал, чтобы, когда армия прибудет в Нариг⁴⁶, было исполнено всё, что покажется правильным. Нариг является селением, из которого одна дорога идет в Балх, а другая — в Кабул.

На четвертый день они покинули это восхитительное место и ночью расположились лагерем у источника Бандгаша, что находится близ Ишкамиша; там состоялось радостное собрание. В том памятном месте Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани бывал в прежние времена; [сюда] прибыли Хан мирза с Джахангир мирзой и склонили покорные головы на пути [исполнения] приказа. Его Величество Фирдус-макани, чтобы увековечить память о собственном пребывании [там], о приезде своих братьев и выражении ими покорности, записал на камне дату. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни, который прибыл в это восхитительное место после Его Величества Гити-ситани,

также увековечил на камне дату своего приезда, подчинения мирзы Камрана и дня, когда братья собрались вместе. И обе даты, отмеченные этими могущественными правителями и [выбитые] на одной плите, подобны письмам галереи времени на странице дня и ночи, став неразрывно связанными между собой памятниками⁴⁷. Оттуда Его Величество направился в селение Нар⁴⁸ и приступил к распределению земель Бадахшана. Мирзе Камрану достался Хатлан, известный как Куляб⁴⁹, протяженностью до (реки) Мук⁵⁰ и Каратигина. Чакар-хан, будучи первым министром мирзы Камрана, был отправлен с ним. С мирзой [Камраном] отправился также мирза Аскари, и ему во владение отдал Каратигин⁵¹. Хотя мирза Камран был недоволен пожалованием, он, помня, что ему даровали жизнь, не высказал никаких возражений⁵². Кила Зафар, Таликан и несколько других *паргана* достались мирзам Сулейману и Ибрахиму. Кандуз, Гури, Кахмард, Баклан, Ишкмиш и Нар пожаловали мирзе Хиндалу и с ним отправили Шер Али. Договорились, что поход против Балха состоится в следующем году. Когда принцы удостоились таким образом царской благосклонности, Его Величество решил двинуться к Кабулу. На последнем собрании были заключены соглашения и [взяты] обязательства, отличающие тех, кто занимается земными делами; каждый, препоручив себя Аллаху, Распорядителю людей, великих и малых, получил разрешение уехать. Он же [падишах], проникшись братскими чувствами, потребовал чашу шербета и, отпив немного, предложил ее мирзе Камрану, приказав, чтобы каждый из принцев, в свою очередь, отпил царский глоток (*алуи*) и [тем самым] подтвердил обязательство [хранить] единство и согласие. Следуя верховному указу, они вместе скрепили договором братства узел искренности и дружбы. Каждый принц принял знамя и барабан, тем самым показывая [всем], что удостоен чести доверительного родства. Мирзы Камран, Сулейман и Хиндал были почтены *тамантогами*⁵³ и отправились в свои владения. Падишах со свитой проследовал к Хусту и расположился на привал в том восхитительном месте. Затем Его Величество проследовал мимо Париана к Кабулу. Крепость Париан Его Величество Сахиб Карани заложил после того, как покарал индусов Каттура. Его Величество [Джаханбани] восстановил ее и назвал Исламабад. Когда победоносные знамена прибыли туда, Пахлван Дост Мир

Барр получил приказ устранить разрушения, а задача контроля была возложена на различных должностных лиц. Его Величество оставался там в течение десяти дней; усилиями Пахлавана крепость обрела достойный вид за неделю: были приведены в порядок ворота, зубчатые стены и бойницы⁵⁴. Его Величество оставил бека Мирака управлять [крепостью].

284 Когда украшающий мир ум освободился от мыслей о крепости, он обратил свое внимание на серебряные рудники: обнаружилось, что доходы [от них] не покрывают трудовые издержки. Покинув ту местность, он расположился лагерем на берегу реки Панджшир близ ущелья Уштар Карам. Он достиг окрестностей Кабула в начале зимы, когда земля убелилась снегом, и оставался там несколько дней, ожидая подходящего времени и благоприятного часа. Его Величество Шахиншах, чье прибытие несло тысячи благоприятных обстоятельств и добрых знаков, вышел приветствовать его. Ата-хан и множество придворных предложили ему свои услуги. Его Величество возликовал и расцвел при благословенном виде этого ока Халифата и новой луны славы, с чела которого изливалась благодать двух миров, и преклонил голову в знак признательности Всемогущему Аллаху. В пятницу, 2 рамазана, когда настало благоприятное время, он, сопровождаемый победой и завоеванием, осенил город тенью своего прибытия и упал ниц на полу молитвы. Народ приветствовал его благословениями и поздравлениями, и в это время из Кашмира прибыл Самандар⁵⁵ с прошениями и подарками от мирзы Хайдара. Письмо содержало красноречивые хвалы климату, весне и осени, цветам и фруктам Кашмира и настоятельные просьбы посетить этот чудесный край. В надлежащих выражениях там также говорилось о покорении Индостана и поощрялся миропокоряющий гений. Его Величество, от избытка великодушия, послал мирзе грамоту о победе, полную милостивых выражений. Там он упомянул о своих сокровенных планах относительно Индии. Его постоянно занимали планы усиления Халифата и улучшения [состояния] государственных дел, и он обратил свой разум к этой цели, [действуя] в соответствии с методами, которых требовало время. Среди них [действий] была отправка в Хиджаз Карача-хана и Мусахиб бека, величайших лицемеров, заслуживших любое наказание. Он рассчитывал, что, быть может, во время ссылки, которая является

обузданием для неумеренности духа, они вспомнят счастливые времена и, осознав их блага, в какой-то степени сумеют воздержаться от злодеяний в будущем. Они уехали и обосновались в землях Хазара, и, наконец, милость Его Величества Джаханбани приняла неслышимые⁵⁶ извинения тех неблагодарных. Тогда же он отправил с посольством в Персию Ходжа Джалал-ад-дин Махмуда с дарами и редкими подношениями для того, чтобы восстановить основы расположения и укрепить любовь.

Среди событий этого года была мученическая кончина мирзы Улугбека, сына Мухаммад Султана. Вкратце всё произошло так. Мирза направлялся из своего владения в Замин Даваре в Бадахшан с целью засвидетельствовать свое почтение Его Величеству Джаханбани. К нему присоединился Ходжа Муаззам из желания облобызать порог и искупить свои преступления. Когда они подошли к Газни, пришли новости о победе великой армии, и Ходжа Муаззам уговорил мирзу выступить против хазарейцев и нанести урон племени, которое постоянно совершало грабежи и разбой. По неосмотрительности, присущей юношескому высокомерию и являющей собой безрассудство гордости, они не придерживались надлежащей стратегии и в бою выказали опрометчивость. Мирза испил последний глоток из чаши [поражающего] меча, и Его Величество возвысил Тарди Мухаммад-хана, пожаловав ему во владение Замин Давар, отослав его [затем] привести тот край в порядок. В том же году с ценными подарками прибыли послы Абд-ар-Рашид-хана, сына Султан Саид-хана, правителя Кашгара. Им оказали милость и позволили вернуться без задержек. В это же время Аббас султан, один из узбекских принцев, облобызав порог, был благосклонно и радушно принят. Его положение возвысилось благодаря женитьбе на благочестивой Гульчихара бегим, младшей сестре Его Величества⁵⁷.

[Печальным] событием того года стала и мучительная смерть мирзы Шаха, брата Улугбека. Он ехал из Уштар Карама, своего владения, с намерением засвидетельствовать почтение, но около перевала Минар Шах Мухаммад, брат Хаджи Мухаммада, из мести за то, что мирза Мухаммад Султан убил в Индии Коки — дядю Хаджи Мухаммада со стороны отца, устроил засаду и на вершине перевала поразил его стрелой, на этой высоте возведя мирзу в почетное звание мученика.

Глава 46

Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Кабула в Балх, его возвращение из-за вероломства мирзы Камрана и лицемерия военачальников

Несмотря на то что завоевание Индии и уничтожение сорняков в этом саду занимали все мысли Его Величества, и хотя ему очень хотелось посетить Кашмир, он отложил эти дела и предпринял поход на Балх, ранее запланированный и подготовленный¹.

В начале 956 г.х.² (февраль 1549 г.), когда наступило теплое время года, он послал Балту бека, одного из своих доверенных лиц, к мирзе Камрану с сообщением, что он [падишах] выступает против Балха в соответствии с соглашением, а мирза Камран должен присоединиться к [походу] и встретить его у границ Бадахшана. Мирзам Хиндалу, Аскарри, Сулейману и Ибрахиму также направили приказ организовать обозы, подготовить людей и как можно скорее присоединиться [к царскому войску].

286

Начало великому походу было положено, но из-за приготовлений, состояния дел и прибытия Хаджи Мухаммад-хана из Газни пришлось почти на месяц задержаться в Чалаке³. Оттуда Ходжа Дост Хаванда направили в Куляб, чтобы он сопровождал [к царю] мирзу Камрана.

Ходжа Касим Буйутат, прежний везир, Ходжа Мирза бек, бывший *диван-и-хал*⁴, обязанности которого из-за стремления [последнего] к власти (*би рашиди*) возложили на Ходжа Гази, а также Ходжа Максуд Али, доверенное лицо мирзы Камрана, потребовали через мир Барку отчет о состоянии дел у Ходжа Гази и Рух-ал-лаха. Муним-хану, Мухаммад Кули-хану Барласу, Фаридун-хану⁵ и *садру* маулане

Абд-ал-баки было дано указание провести подсчеты. Хасан Кули султану⁶, одному из приближенных Его Величества, приказали проследить за этим делом. В результате проверки у Ходжа Гази и других виновных потребовали возмещения [недостачи]. Мухаммад Кули султану поручили провести учет собственности Ходжа Гази, а Ходжа Султан Али⁷, которому милостью Его Величества Джаханбани был пожалован титул афзал-хана (высокопочтимого), возвысился от *мушириф-и-буйутата* [надзирателя] до *диван-и-буйутата* [министра по хозяйственной части и строительству].

Тем временем спешно прибыл мирза Ибрахим, засвидетельствовал свое почтение и был радушно принят.

Когда необходимые приготовления к походу перестали беспокоить разум Его Величества, он направился в Исталиф. Там укрывался Аббас султан Узбек⁸. Его Величество двигался не спеша, так как ждал, когда к нему присоединятся мирзы. Когда он узнал, что они выступили, а мирза Камран уже готовится [к походу], он двинулся через Панджшир и стал лагерем у Андараба. Следуя примеру Его Величества Сахиб Кирани, он сделал трехдневный привал в том месте⁹, где сей счастливый князь заложил основы [власти]. Оттуда он проследовал к [городу] Нари, месту пересечения [караванных] путей. Преодолев перевал Нари, он пересек равнину Нильбар, знаменитую особой весенней красотой и превосходящую в этом все другие части Бадахшана. Недалеко от этого цветущего места мирзы Хиндал и Сулейман засвидетельствовали свое почтение и были осыпаны милостями. По просьбе мирзы Сулеймана мирзе Ибрахиму дозволили уехать в Бадахшан¹⁰, чтобы он мог охранять эту землю и присматривать за местной армией.

Из окрестностей Баклана¹¹ Хиндал мирзу и Сулейман мирзу, Хаджи Мухаммад-хана и других опытных и решительных людей отправили вперед, чтобы они освободили от узбеков подвластный Балху город Айбак, известный своим земледелием, изобилием фруктов и превосходным климатом.

В это время Шер Мухаммад Пакна — один из *ясавалов* [личных посыльных] — убил из лука леопарда и преподнес его в дар [падишаху]. Хусейн Кули *мухрдар* заявил, что у тюрков убийство леопарда во время похода считается плохой приметой, и поведал [следующую

287

историю]. Однажды [в год] когда Байрам Углан¹² взял его в плен и доставил к Кистан Каре¹³, правителю Балха, [узбеки] готовились в Джаджакту¹⁴ и Маймане¹⁵ к походу на Герат, но кто-то убил леопарда, и поход был отложен. Его Величество не обратил на этот рассказ внимания¹⁶ и остался верен своему решению двинуться на Балх.

На следующий день передовой отряд достиг Айбака. Пир Мухаммад-хан, правитель Балха, направил своего телохранителя, Ходжа Бага, и ряд опытных воинов, таких, как Иль Мирза, Хусейн Саид Бай¹⁷, Мухаммад Кули мирза и Джуджак мирза, охранять Айбак и принять меры для его защиты. Они добрались туда почти одновременно с падишахским войском, и им ничего не оставалось, кроме как войти в крепость Айбака и обороняться. Прибыв, Его Величество сам приступил к взятию крепости и расставил батареи. Через два или три дня гарнизон запросил пощады и вышел засвидетельствовать свое уважение, а Айбак перешел в руки царских слуг.

Его Величество устроил царский праздник и посоветовался с *аталиком*¹⁸ относительно завоевания Мавераннахра. *Аталики* ответили, что он не тот человек, с которым следует советоваться в таких делах, но Его Величество возразил, что он отличается [особой] честностью и [потому] без колебания должен высказать свое мнение. Тогда *аталик* сказал, что поскольку люди Пир Мухаммад-хана попали в руки Его Величества, ему следует предать их всех смерти и продолжить свой победный путь, чтобы Мавераннахр сдался ему без боя. Его Величество ответил, что недостойно нарушать свое слово, тем более если оно дано государем, и так как он уже пощадил их, то не может отступить [от данного обещания]. *Аталики* заявили, что если Его Величество не одобряет этот план, он может держать его под стражей и заключить следующий договор: вся территория по эту сторону Хулма¹⁹ принадлежит [падишаху], а (Пир Мухаммад) обязуется предоставить ему вспомогательные силы, когда бы ни состоялся поход на Индию. Поскольку оба предложения шли вразрез с вечной волей и установленным законом, Господин Намерения отдал предпочтение начертанному пером судьбы²⁰. Его Величество пробыл там несколько дней. Хотя климат Айбака и изобилие фруктов располагали к тому, чтобы провести в этих местах [побольше времени], основной причиной всё же послужило отсутствие

мирзы Камрана. Мудрые и дальновидные утверждали, что не случись этой задержки, Пир Мухаммад-хан не смог бы сопротивляться, и либо был разбит, либо был вынужден заключить мир на условиях, предложенных Его Величеством, так как Абд-ал-азиз-хан²¹ и другие узбекские ханы не смогли бы прибыть к нему на подмогу. Вследствие же длительной задержки они успели прийти на помощь врагу [падишаха]. Узбекские пленные военачальники были отправлены в Кабул с Ходжа Касимом Махласом, одним из доверенных людей двора, а Его Величество взял с собой *аталика* и выступил в путь через Хулм. Через два или три дня они прошли Хулм и сделали привал у Баба Шаху. На следующий день расположились лагерем возле мавзолея²² — достопримечательности этой местности, и разведчики доложили, что под предводительством Ваккас Султана и Шах Мухаммад Султана Хисари²³ подошли большие силы узбеков.

Его Величество построил свое войско и поместил стопу в стремя победы. Между передовыми отрядами произошло небольшое сражение, и в то время когда [падишахское войско] становилось лагерем, его атаковал Шах Мухаммад Султан Хисари с крупными силами. Свою отвагу продемонстрировали такие храбрецы, как Кабули-хан²⁴, брат Мухаммад Касима Мауджи, Шер Мухаммад Пакна и Мухаммад-хан Туркмен. Кабули пал, но враг, будучи не в состоянии сопротивляться, обратился в бегство. Укин Углан, занимавший среди узбеков высокое положение, был захвачен в плен и приведен к Его Величеству. Между Мухаммад-ханом Туркменом и Сайид Мухаммадом Пакной произошла ссора: каждый претендовал на совершение этого подвига. Его Величество спросил Укина, кто поверг его. Тот указал на Мухаммад-хана и произнес: «Он первым направил удар, которым я был выбит из седла. Когда я очнулся и поднялся, этот человек, — сказал он, указывая на Сайид Мухаммада Пакна, — ударил меня по лицу своей саблей». Его Величество осудил Сайид Мухаммада, заявив: «Его сбросил Мухаммад-хан. Ты поступил неблагородно, поразив чужую добычу (*саид*)». Он наградил Мухаммад-хана за мужество и поручил Пир Мухаммаду *ахта*[беги] охранять Укина.

Несмотря на знаки победы, лицемерные и вероломные военачальники продолжали проявлять малодушие и, неустанно высказывая

ложные слухи о мирзе Камране, распространяли их между собой. Хотя все недостойные действия, приписываемые ими мирзе, напоминали правду — ибо он [поистине] был способен не только на это, но и на большее, всё же в данном случае они клеветали на него.

289

Итак, на следующий день узбеки вступили в жаркую битву и попытались одержать победу. Абд-ал-азиз-хан, сын Убайд-хана, сражался в центре, Пир Мухаммад-хан — справа, а Султан-и-Хисар — слева. Его Величество тоже построил свое войско: сам расположился в центре, мирза Сулейман — на правом фланге, мирза Хиндал — на левом, а Карача-хан, Хаджи Мухаммад-хан, Тардибек-хан, Муним-хан и Султан Хусейн бек Джалаир со своими братьями — в авангарде. После полудня войска сошлись [на поле брани], и великое сражение кипело до вечера. Храбрые воины вступили на поле отваги и отбросили передовые ряды противника за рвы во внешние укрепления (*куча банд*) Балха. Благодаря силе духа и мудрости Его Величество принял решение преследовать [врага] и направить свои знамена через рвы. Его лицемерные слуги, изображая согласие, стали давать плохие советы, а невежественные друзья по неразумию поддержали их, и в результате [выгодное для] противника мнение перевесило. Они пытались не допустить пересечения рвов и произносили трусливые речи, ссылаясь на численный перевес врага, а также говорили, что мирза Камран собирается на Кабул, и есть опасность, что семь воинов попадут в плен, и утверждали, что им следует дожидаться мирзы Камрана. Называя эти и другие причины, они советовали отступить. Наконец, после продолжительной внутренней борьбы [падишах] принял решение отправиться в Дарагаз, имевший выгодное положение, переждать там несколько дней и набрать [войско из] аймаков и других воинов и собрать урожай победы. Во время этой передышки прибыли бы точные сведения о мирзе Камране. Если он выступил на Кабул, неразумно испытывать судьбу (*кафтан*) в этих краях²⁵. Позднее они бы с легкостью завоевали Балх и даже Мавераннахр, ибо, благодаря поддержке Аллаха, до сего дня им всегда сопутствовала удача, и так же будет и в будущем. В любом случае надо отступить и последовать в Дарагаз. Его Величество, видя общий настрой, ничего не мог поделать и приказал выступить в том направлении.

Таким образом, уже завоеванный Балх ускользнул из рук из-за противодействия вероломных [подданных]. Шейх Бахлул был послан вернуть передовой отряд, который уже переправился через водную преграду и, отбросив узбеков, вошел в крепость (*шахрбанд*). Мирзе Сулейману и другим храбрецам приказали прикрывать отход [главных сил].

Поскольку целью недоброжелателей и черносердечных являлось посеять панику в войске, это вынужденное отступление к Дарагазу, расположенному на пути в Кабул, представили как возвращение в последний, а у всех на устах были сообщения о приближении мирзы Камрана. Люди пали духом и начали разбегаться. Хотя Его Величество Джаханбани отправил Хусейн Кули султана *мухрдара*, одного из своих доверенных лиц, вместе с отрядом людей вернуть утратившую мужество толпу, всё было бесполезно, так как судьба предопределила иначе (*так-дир муафик-и-тадбир набуд*). Поистине, замысел Всемогущего заключался в том, чтобы уберечь обширную землю Индии от злодейств тиранов и притеснений угнетателей и сделать ее местом благостного прихода священной личности, вечным тронм поприща (*тахтгах-и-абд дастгах*) Его Величества Шахиншаха, Тени Аллаха; дабы многие тысячи добрых семян были посеяны на широких земных полях и наделах искренних. Иными словами, Аллах, Украшатель мира, явил победу, подобную этой под видом обстоятельств, которые могли бы послужить уроком и предупреждением мудрым, и тем самым заставил следовать путем совета и рассудительности. Не случись этой неприятности, завоевание Мавераннахра воспрепятствовало бы [торжеству] дела беззащитных жителей Индии; а наведение порядка в этом крае — пристанище паломников семи климатов — было бы похоронено за завесой отсрочки.

Итак, когда враги узнали об этом скверном [для падишахской армии] положении дел (т.е. об отступлении), они привели свои дела в порядок и начали преследование. Его Величество Джаханбани проявил великую отвагу и совершил подвиги, восхваление которых могло бы послужить примером среди величайших мировых сражений. В тех джунглях тигров войны пал, раненный стрелой, его пересекавший мир серый конь²⁶, называемый *масарру-н-назирин*²⁷, что был подарен ему правителем Герата Мухаммад-ханом²⁸ и на котором он [падишах]

ездил. Хайдар Мухаммад *ахта*[беги] отдал властелину веры и власти [дин у дунья] собственного коня и был возвышен этой службой. Поскольку Божественное покровительство простиралось над сим тронем Господина Верховной власти, [падишах] был препровожден в безопасное место. Большинство его сторонников при первых признаках неудачи начали позорно и трусливо разбегаться в разные стороны.

Вот имена старших военачальников войска: мирзы Хиндал и Сулейман, Карача-хан, Хаджи Мухаммад-хан, Тардибек-хан, Муним-хан, Хизр Ходжа султан²⁹, Мухаммад Кули-хан Джалаир, Искандар-хан, Касим Хусейн-хан, Хайдар Мухаммад *ахтабеги*, Абд-ал-лах-хан Узбек, Хусейн Кули-хан *мухрдар*, Мухибб Али-хан, (сын) Мир Халифы, Султан Хусейн-хан, Балту султан, Мусахиб бек, Шах Будаг-хан, Шахам Хан бек Джалаир, Шах Кули Наранджи, Мухаммад Касим *мауджи*, Латаф-ал-лах из Сихринда, Абд-ал-Ваххаб Ауджи³⁰, Баки Мухаммад *парванчи* и Халдин³¹.

Спустя три дня Его Величество сделал привал у вершины ущелья Четырех источников³², где Мухаммад Кули Шейх Туркмен, вставший на верный путь³³, присоединился к царскому войску, прослышав о его [приближении].

Оттуда Его Величество написал полное любви письмо Его Величеству Шахиншаху и благочестивым дамам, находившимся в Кабуле — обители мира, и отослал его с беком Мухаммадом Ахтабеги. Он также отправил дружественное послание Рашид-хану, правителю Кашгара, который всегда проявлял преданность и верность, сообщая ему о своем прибытии и о том, как его вероломный брат мирза Камран, в силу природного нрава, поднял пыль смуты над красотой согласия и, тем самым, окончательно разрушил основания [своей] любви и преданности. Многие из [падишахских] подданных также продемонстрировали недостаток мужества. Безусловно, этот поход не вызвал радости у доброжелателей; напротив, он стал причиной печали и огорчений. В том же письме он выразил благодарность [Господу] за свое спасение и дал великолепные советы — такие, что способны утешить любящее сердце.

Покинув это место, он за ночь достиг Гурбанда, а следующей ночью был уже в Ходжа Сийаране. Оттуда он отправился в Кара Баг, а затем — в Мамуру³⁴. Его Величество Шахиншах выехал навстречу

[своему отцу] и был сердечно принят. Оттуда в благоприятный час он поехал в Кабул.

Мирза Сулейман отбыл в Бадахшан, а мирза Хиндал в сопровождении Муним-хана — в Кундуз. Все другие военачальники последовали за Его Величеством в Кабул. Шах Бидаг-хан, доказавший свою доблесть, попал в плен к врагу вместе с Мир Шарифом бахши, Ходжа Насир-ад-дином Али *мустауфи*, Мир Мухаммадом Мунши, Мир Джанбеком *дарога-и-имарат* и Ходжа Мухаммад Амином Кангом. Все остальные слуги спаслись.

Когда *аталик* и другие узбеки, захваченные в Айбаке, были отпущены на свободу и, возвратившись в свои земли, рассказали о падишахской доброте и щедрости, Пир Мухаммад-хан, изумившись, милостиво отослал этих пленников в Кабул.

Его Величество, понимая, что возвращение [в Кабул] было действительно необходимо, принялся за приведение в порядок дел своего государства и урегулирование вопросов духовных и мирских. Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд, отправленный некоторое время назад с посольством к шаху Персии, но по ряду причин задержавшийся в Кандагаре, был отозван назад. Вместе с [вышеупомянутым] Ходжой прибыли Ходжа Абд-ас-Самад и Мир Саид Али, прославленные живописцы, и их милостиво приняли. Ходжа Султан Али, известный как Афзал-хан, был повышен³⁵ с должности *машириф-и-хизана* до везира; а все дела *дивана* передали Ходжа Мирза беку.

История же мирзы Камрана такова. Когда Его Величество по доброте своей и из [братской] любви простил ему тяжкие преступления и, пожаловав Кулаб и назначив Чакар бека из Кулаба, сына Султан Ваис бека, ему в помощники, отправился в Кабул, мирза очень скоро поступил недостойно с Чакар беком и прогнал его. Он поместил великие милости, оказанные ему, в нишу (*так*) забвения и, дав волю преступным помыслам, ждал удобного случая. В то время как Его Величество Джаханбани находился в Кабуле, он постоянно давал лживые обещания, что придет; а Его Величество из чистосердечия и прямолинейности, присущих благородным натурам, поверил его фальшивым словам и выступил на Балх. Мирза посчитал это благоприятной возможностью, и в его предательском сердце созрело решение направиться к Кабулу. Зародившиеся

в его голове мятежные планы всплыли на поверхность, и по его наущению недалекие и вероломные военачальники проявили во время похода лицемерие, как уже было рассказано ранее. Но так как Его Величество вернулся и простер тень своей справедливости на Кабул, мирза Камран оставил мирзу Аскарю в Кулабе и выступил против мирзы Сулеймана. Последний отступил без боя из Таликана в Кила Зафар.

Мирза Камран передал Таликан Бабус беку и отправился в Кила Зафар. Мирзы Сулейман и Ибрахим, посчитав нецелесообразным вступать в бой [с мирзой], оставили в Кила Зафаре Исхак султана³⁶ и ушли в ущелья Бадахшана. Они заняли позицию в селении Джирм [Джурм] и стали ждать [свершения] Божественного возмездия [Камрану]. Мирза Камран, отделившись от мирзы Сулеймана, направился в Кундуз. Он начал [смущать ум] мирзы Хиндала лживыми заявлениями и предложил вступить с ним в союз. Мирза Хиндал не стал его слушать, оставшись верным своему долгу. Тогда мирза Камран осадил Кундуз. Мирза Хиндал изо всех сил защищал крепость, и когда мирза

293 Камран [понял, что] терпит неудачу, он объединился с узбеками, попросив их содействия. На помощь к нему прибыл и присоединился к осаде большой отряд узбеков. Мирза Хиндал с целью вызвать смятение и обмануть врага — поистине, [хороши все] средства на пути к успеху — придумал блестящий план, а именно: написал письмо самому себе от имени мирзы Камрана, в котором сообщалось о заключении между ними мира и предлагалось обмануть узбеков. После того как [над письмом] поработали искусные умельцы, сей фальшивый документ был доверен курьеру, который намеренно попался в руки к узбекам. Когда после обыска [те] обнаружили у курьера это письмо и выяснили из его содержания, что оба мирзы собираются вступить в сговор и сделать узбеков мишенью для своих коварных стрел, они пришли в смятение и, остановив осаду, вернулись в свои земли. Крепость так и не была взята, а вскоре пришли известия, что Чакар бек ведет осаду Кулаба, и что мирза Аскарю потерпел поражение и заперт внутри [крепости]. Также говорилось, что мирза Сулейман объединился с Исхак султаном и захватил Кила Зафар, после чего взял Исхак султана под стражу. Мирза Камран был поражен этими новостями и в отчаянии оставил Кундуз, выслав Ясин Даулата и Бабуса с группой войск против мирзы Сулеймана, а сам

поспешил в Кулаб, где заставил Чакар бека отступить. Мирза Аскари вышел засвидетельствовать свое почтение мирзе Камрану, который взял его с собой и отправился разделаться с мирзой Сулейманом. Они сделали привал возле Рустака, когда большие силы узбеков под предводительством Саид бека, выступившие в поход с целью совершения разбойничьих набегов (*юртавали*)³⁷, следовали мимо их лагеря и напали на него. Мирзы Камран и Аскари, Абд-ал-лах Мугал и еще несколько человек бежали в Таликан. Когда вышеупомянутый Саид понял, что произошло, он отослал захваченное обратно мирзе³⁸, уверяя в своем уважении и принося извинения за грабеж. Мирзы Хиндал и Сулейман решили воспользоваться ситуацией и выступили против мирзы Камрана, который, посчитав неразумным оставаться в Бадахшане, направился в Хост, чтобы через Зуххак и Бамиан уйти в земли хазарейцев. Там он намеревался разведать истинное положение дел в Кабуле и проследовать либо туда, либо куда-нибудь еще³⁹. Поскольку вероломные военачальники Его Величества настаивали на том, чтобы мирза прибыл в Кабул, он притворно отправил послов ко двору, сообщая, что целью его [скорого] прибытия является желание извиниться за прошлое и служить Его Величеству. Он выразил надежду, что Его Величество с царственной добротой простит его преступления и прегрешения.

Я снова пришел припасть к праху у ног твоих:
Если приказано будет, готов заплатить.

«По этому случаю я питаю надежду, что смогу при помощи хорошей службы освободиться от тяжелого бремени стыда». Его Величество по своей врожденной непогрешимости посчитал его медную с позолотой монету чистым золотом и принял ее по цене последнего.

Глава 47

Поход Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни из Кабула,
борьба с мирзой Камраном и другие
поучительные происшествия

Когда мирза Камран приближался к границам Кабула, некоторые верные и проникательные указали, что пора положить конец простодушию и [неоправданному] оптимизму отдельных людей. Так как в обмане, лживости и неприязни этого неблагодарного убеждались уже не раз, было бы разумным и правильным не забывать более об осторожности, а приказать армии выступить и развернуть знамена победы для подавления мятежников. Если мирза действительно раскаялся в своих гнусных делах, вступил на путь согласия и желал засвидетельствовать почтение, то он получил бы знак царской милости (поскольку ему дозволили приветствовать [царя]), но если же и теперь он упорствовал в своей порочности, то с нашей стороны были бы приняты все меры предосторожности. Выслушав эти веские слова, Его Величество решил выступить к Гурбанду, который лежал на пути мирзы, и двинулся в том направлении в середине 957 г.х. (июнь—июль 1550 г.). Он оставил Его Величество Шахиншаха как [наследного] принца в Кабуле, а управлять делами назначил Касим-хана Берласа. Карача-хан, Мусахиб бек и многие другие, светлые ликом и черные душой, постоянно провоцирующие раздоры, возрадовались и отправили мирзе Камрану мятежные письма, призывая его прийти в Кабул и уверяя, что они, как и многие другие, тепло встретят его, а падишахских благожелателей рассеют с помощью ложных указаний, и Кабул легко окажется в его руках.

Удивительно то, что они совершали в отношении своего повелителя и господина все те действия, которые сами с отсутствием всякой

последовательности считали недостойными, если таковые совершались по отношению к ним их союзниками или сообщниками, к примеру, неверность слову, замышление зла и ложь. Их ослепшие глаза не увидели всей отвратительности этого — более того, они воспринимали мерзость своих поступков как красоту и считали ее частью своей мудрой стратегии. Хотя они понимали, что такое верность и правильный образ действий, и требовали их от своих слуг, но были настолько поработаны собственной низостью, что затеяли игру обмана и неверности со своим чистым сердцем повелителем! И какое упорство в заблуждениях! Я могу представить, что они не были способны воспринять всех славных достоинств этой священной личности, но где же был их здравый смысл? То, что они требовали от собственных слуг, они не проявляли по отношению к этому вместилищу благодетель, дарителю стольких милостей, каждая из которых заслуживала приношения [ей] жизни; наоборот, они действовали прямо противоположно по отношению к тому, кто был их повелителем и благодетелем, отплатив ему пренебрежением и лживым советом. Но увы! Что удивительного в том, что тот, кто затеял бунт и [лелеял] преступное намерение, ведет себя подобным образом? Какая радость слепому от рождения в великолепии сияющего солнца? Глаза искренности этой шайки подернулись пеленой лицемерия и притворства и лишились света, а любовь [обитавшая] в их груди [букв. «грудь любви»] была стеснена опухолью гордыни. Как могут такие признать право повелителя на благодарность или воспринять красоту [деяний] благодетеля? Остается ли место для признательности за безграничные милости? Дикие кони разнузданных страстей этих себялюбцев не так послушны¹, чтобы их можно было обуздать рукой упрека или повернуть их поводья разомкнутыми пальцами совета!

Его Величество в соответствии с велением судьбы тем временем выступил из Кабула и остановился лагерем в Кара Баге. Оттуда он отправился в Чарикаран² и далее к реке Баран. Так случилось, что течение в том месте было сильное, но Его Величество пересек реку верхом, тогда как следующие за ним разбрелись по берегу, выискивая место для безопасной переправы. Его Величество не одобрил этого и с укором обратился к недовольным, ставя им в пример [людей] преданных шаху Исмаилу Сефеву и поспешивших с высокой, как небо, горы, чтобы

снискать его расположение, и заложивших [тем самым] возвышенное основание славы и самопожертвования. Таково было здравое мнение Его Величества о своих спутниках в этой ситуации, и такова была их полная малодушная осмотрительность. После чего Карача Карабахт³, Мусахиб Мунафиг и другие, разжигавшие огни мятежа, прямо или намеками разъяснили, что им придется вести военные действия в горах, а там много перевалов; у мирзы якобы будет мало воинов, и [потому] верных падишаху людей нужно расставить на разных дорогах, чтобы мирза не выбрался. Целью этих злоумышленников было рассредоточить армию, чтобы мирза Камран смог достичь своей цели. Его Величество Джаханбани, по благородству своей натуры веривший только хорошему в людях, счел план этих предателей удачным и поэтому послал Хаджи Мухаммад-хана Коки, мира Барку, Мирза Хасан-хана, Бахадур-хана, Ходжа Джалал-ад-дин Махмуда, Чалпи бека, Мухаммад Хан бека Туркмена, шейха Бахлула, Хайдар Касима Кохбара и Шах Кули Наранджи в Зуххак и Бамиан, а Муним-хана с большим числом войск в Сал Ауланг. Карача и Мусахиб, Касим Хусейн-султан и некоторые другие, оставшиеся с Его Величеством, ежедневно пересылали доклад о местонахождении падишаха мирзе Камрану и продолжали уверять Его Величество, что ныне единственным желанием мирзы было служить ему [падишаху].

В то время как в окружении Его Величества осталось мало верных ему людей, а клика лицемеров усилилась, мирза Камран, озадаченный великолепием и многочисленностью царской армии и не способный ни покинуть службу (падишаху), ни пойти ему навстречу и засвидетельствовать свое почтение, благодаря пособничеству лицемеров узнал об их вероломстве, свернул с дороги на Зуххак и Бамиан и [отправился] к Дара Кибчаку⁴, зависимой территории Гурбанда. Ясин Даулат, Макдум Кока и Баба Саид двигались во главе войск, тогда как Его Величество находился в центре. Его люди были разделены на два отряда. В полдень местный крестьянин принес Его Величеству весть о приближении мирзы Камрана и о его гнусных намерениях⁵. Карача, будучи вожаком всех злонамеренных, заявил, что если слушать подобные рассказы и доверять лживым слухам такого рода, то сердца ми овладеют сомнения, и люди (сторонники Камрана) начнут опасаться.

Если эти известия вызовут стремление дать бой и армию [падишаха] начнут готовить к военным действиям, то мирза Камран, узнав всё это, отступит от желания служить Его Величеству. Тем временем сообщения о приближении мирзы и о его нечестивых умыслах приходили всё чаще и [становились] всё убедительнее. Как ни странно, ни это лицемерие, ни самая слабая мысль о лицемерах всё еще не отражались в зеркале ума Его Величества. Ничто не входило в его священное сердце, кроме добрых мыслей о людях, пока наконец не стало очевидно, что враг приближается, и приближается с враждебными намерениями. Всем, кто был с ним [падишахом], дали приказ садиться в седло. Сам он вложил ногу в стремя действия, и вскоре завязался горячий бой. Пир Мухаммад *ахта*[беги], один из преданных сторонников [царя], Мухаммад-хан Джалаир и многие другие отважные двинулись вперед. Пир Мухаммад *ахта*[беги], жаждущий потока самопожертвования, вступил в круг сечи и так омыл меч битвы, поражая врагов, что сам был унесен пеной. Мирза Кули так яростно носился на коне по полю битвы, что, зарубив множество негодяев, в давке и сумятице пал, раненный⁶, с коня. Его сын Дост Мухаммад не мог стерпеть этого и оставить отца во власти врага и бросился к нему на помощь. В [раненом] еще тлели искорки жизни, когда он [Дост Мухаммад] убил его противника и вступил затем в такие [яростные] поединки, что и сам был сметен [вихрем боя]. Его Величество Джаханбани поднялся на возвышенность, чтобы сосчитать силы своего войска и силы противника. При виде того, как одни из его слуг гибнут, а другие толпами переходят к врагу, истинность обмана и вероломства этих подлецов открылась. В нем заговорили врожденные доблесть и отвага, и схватив копье, он сам ринулся навстречу врагам. Те бросились врассыпную, но лошадь [Его Величества] ранило стрелой, а Бек Бабаи из Куляба подошел к нему со спины и, намеренно или по неведению кто перед ним, ударил его мечом. Его Величество, обернувшись, одарил его столь гневным взглядом, что тот споткнулся⁷. Михтар Сакай, известный как Фархат-хан⁸, подскакал и обратил этого негодяя в бегство, а Мирза Ниджат предложил Его Величеству свою пегую лошадь, на которую тот пересел, отдав Мирзе свою. Тем временем подъехал Абд-ал-ваххаб, один из *ясавалов*, и, доложив, что военачальники перебежали к мирзе Камрану, ухватил поводья коня

Его Величества. «Это не то время, — сказал он, имея в виду битву. — Сосуд успеха то переполняется водами надежды, то оказывается пустым, когда колесо судьбы поворачивается».

298 О извечный рок! Ты правишь нищим и царем, определяешь смену удач и падений, держишь ключи освобождения для закованных и повергаешь возвысившихся. И пока люди не пройдут темную ночь скорбей, им не познать великолепия согревающего мир солнца; и пока жаждущие губы алчут миражей пустыни, они не увлажнятся из источника желаний. И происшедшее стало доказательством этому, ибо в тот день было явлено спасение Его Величества. Затем он отправился в Зуххак и Бамиан, куда перед тем послал многих верных военачальников. Его сопровождали Абд-ал-ваххаб, Фархат-хан, Мухаммад Амин и Сабдал-хан⁹ и другие. Мухаммад Амину и Абд-ал-ваххабу было приказано войти в замыкающий отряд. Из-за слабости и недомогания, вызванных раной, он [Хумаюн] снял с себя доспехи и отдал их Сабдалхану, который по неразумию выбросил их. На следующий день многие из слуг присоединились к нему [падишаху]. Еще ранее он послал Шах Будаг-хана, Тулак Кучина, Маджнуна Какшала [и других] — общим числом десять — в Кабул, чтобы они служили ему прикрытием и следили [за округой], но вернулся один лишь Тулак Кучин. Он был принят с честью в тот знаменательный день испытаний и возведен в должность *курбеги*. Созвали доверенных слуг и провели совет. Хаджи Мухаммад-хан, владением [*джагиром*] которого был Газни и в очаге сердца которого скрытность занимала первое место, высказался за поход на Кандагар, однако этот совет не был одобрен. Несколько прямодушных посоветовали отправиться в Бадахшан, а затем в Кабул вместе с мирзами Сулейманом, Хиңдалом и Ибрахимом. Часть преданных героев предположила, что ныне мирза Камран, опьяненный коварным вином лицемеров и ограниченных, отбросил осторожность, в то время как они [герои] благодаря удаче находятся в распоряжении Его Величества. Когда еще они смогут добиться успеха?¹⁰ Самым верным сейчас было бы единодушно двинуться на Кабул. [Они] уверены, что смогут избавиться от мирзы Камрана, не отправляясь в Бадахшан. Но, поскольку недавно было получено доказательство обмана и лицемерия многих питомцев двора, на это мнение не стали полагаться: более

осмотрительным казалось направиться в Бадахшан. В соответствии с этим он [царь] приказал отправиться через Екка Ауланд¹¹. И в то же время Хаджи Мухаммад получил для своего брата Шах Мухаммада и его людей дозволение уехать, после чего отправил их в Газни! Его Величество священной рукой написал письмо Его Величеству Шахиншаху, где сообщил о своей безопасности, и вручил его [письмо] Шах Мухаммаду, дабы тот любым возможным способом доставил его по назначению¹². На словах он также передал весть о победе и обещал, что скоро явится сам. И он приказал ему (Шах Мухаммаду) быстро ехать в Газни и предпринять всё возможное, чтобы оберегать город до его [Хумаюна] возвращения, которое, как он верил, вскоре произойдет. Хотя верные [люди] указывали, что отпустить лицемеров в такой момент означает вложить бразды лицемерных действий в руки ненадежных и помочь осуществлению планов мятежа, и каждый указывал, открыто или намеками, что он (Хаджи Мухаммад) посылает своего брата к мирзе Камрану, а сам намеревается стать домашним шпионом и обманщиком легковых, Его Величество не обращал на это внимания и отпустил Шах Мухаммада. На следующий день он [падишах] выступил к Кахмарду. Много бесчестных ушло от него, но все те, кто не покинул пределов верности и заботился о своем добром имени, остались с ним и обвязали поясом служения чресла преданности.

На четвертый день пути по этой дороге Тулакджи и Санкаджи¹³, 299 предводители [племени] аймаков, обитавших там, привели и подарили лошадей и овец, сколько только смогли собрать. Они оказали достойные услуги. Его Величество остановился на ночь лагерем около одного из их селений. Когда утром он садился на коня, пришло известие, что из Сабзавара прибыл большой караван под началом Мир Сайида Али. Купцы из Ирака и Хорасана двигались с большим числом лошадей и разных товаров и направлялись в Индию. В конце дня начальники каравана были допущены в Присутствие. Ниспосланное судьбой прибытие этого большого каравана стало началом неземных побед. Разумные и дальновидные купцы увидели для себя великое благо в благосклонности столь великого властителя и в [оказании] помощи ему и поднесли в дар всех своих лошадей и товары. Его Величество понял, что это была помощь Небес, и принял часть товаров, заплатив

четвертую или пятую часть их стоимости¹⁴; он разделил их между своими спутниками и близким окружением. Помимо того, отложил подарки для каждого из принцев в Бадахшане. Оставшееся же вернул купцам, чтобы они продали товары где пожелают. А на следующий день прибыл в Кахмард. Там находился Тахир Мухаммад, сын Мир Хурда. Тот счел его приезд большой милостью для себя и засвидетельствовал ему почтение, но в отношении угощения — из скаредности или же от недостатка средств — не смог вытереть пот стыда с лица своего служения. После этого через два дня и одну ночь (*шаб дармийан*) они подошли к берегу реки Банги. [И тут] с другой стороны кто-то окликнул их: «Люди каравана, нет ли у вас каких известий о падишахе?» Его Величество, услышав это, запретил всем сообщать тому что бы то ни было и спросил, кто его послал, кто он такой и какие у него есть сведения о царе. Человек ответил, что его послал Назари из Сал Ауланга¹⁵ принести новости о падишахе, и что им рассказывали, будто падишаха в битве ранили, после чего никто его не видел. Люди мирзы нашли царские *джиба* (доспехи, латы), бывшие в тот день на падишахе, и принесли их мирзе, который возликовал и повелел устроить праздник. Его Величество подозвал этого человека к себе и спросил, узнает ли он его. Тот ответил, что Божественное сияние невозможно скрыть. Его Величество велел ему: «Пойди и передай Назари добрые вести и вели приготовиться, чтобы ко времени моего возвращения он мог исполнить достойную службу». На следующий день он пересек реку и достиг деревни Аулия Ханджан¹⁶. Здесь к нему присоединился мирза Хиндал и был возвышен подношением даров. Затем он [падишах] остановился лагерем у Андараба. Мирзы Сулейман и Ибрахим оказали ему почтение и вошли в число верных.

Так как повествование зашло уже слишком далеко, необходимо, чтобы, прежде чем Его Величество Джаханбани соберет свою армию и отправится покорять Кабул, перо продолжило рассказ о мирзе Камране от начала его предательства до исхода из Кабула, ставшего началом его наказания; чтобы губы, томимые жаждой вина слов, увлажнились из источника этого добавления [к рассказу].

Когда распорядители судьбы ради утверждения вечной падишахской власти и смущения тех мастеров лицемерия и притворства

явили из сокрытой обители такую победу под видом поражения и такую радость под маской скорби, а Его Величество Джаханбани по соглашению с преданными сторонниками направлялся к Зуххаку и Бамиану, мирза Камран был изумлен столь удивительным событием, даже подобное которому он не представлял возможным. Лицемеры толпами присоединялись к нему, и глупец был обрадован и восхищен приходом этих никчемных и протер десницу подавления над верными, крепко державшимися за вершину преданности падишаху. На поле битвы Баба Саид привел раненого Карача Карабахта к мирзе. Последний выказал милость и задал вопрос о состоянии его раны, предвещавшем скорбный исход. Тот ответил, что Баба Саид случайно ранил его, и мирза продолжал утешать этого плута пустой благосклонностью. После этого Баба Дост *ясавал* со многими другими привел Хусейна Кули *мухрдара*, одного из преданных [падишаху], и злодей [Камран] ударил этого верного слугу мечом и приказал разрубить его на куски в своем присутствии. Таким образом, на службе у своего благодетеля этот хранитель сокровищницы преданности¹⁷ обменял скоротечную жизнь и неустойчивое существование на монету верности и тем самым навеки стал одним из участников пира искренних и достойных. Привели также Тахджи бека, бывшего чагатайским военачальником и входившего в число преданных [Хумаюну]. Его также сразили мечом без всяких колебаний. После этого Бек Бабаи из Куляба вышел вперед и поведал о ранении Его Величества. Мирза ликовал и послал для преследования Ясин Даулата и Макдума Коку с отрядом. Касим Хусейн султан в этот день обнаружил вероломство и слепоту сердца. Из-за тревоги и страха, следующих как тень за неверными, он спрятался на склоне горы и в замешательстве не знал, следует ему наступать или спастись бегством. Хасана *садра* и многих других послали к нему и уговорами и убеждениями склонили присоединиться. Мирза [Камран] оставил поле битвы и прибыл в Чарикаран. Сюда один из его людей принес личные доспехи Его Величества, и мирза при виде их так торжествовал, что не мог удержаться от [шумных] проявлений радости (букв. «одежды стали ему тесны»). Он покинул это место [Чарикаран] и осадил Кабул. Касим-хан Барлас, состоявший на службе Его Величества Шахиншаха, отвечал за безопасность крепости. Хотя мирза дал ему лживые обещания, тот никогда

не разорвал бы крепкую нить преданности между ним и Его Величеством Джаханбани; но тогда были пущены ложные слухи [о гибели падишаха] и присланы доспехи (*джиба*). Крепость взяли благодаря сотням лживых обещаний и измышлению росказней. Новый плод сада созидания и букет весны, то есть Его Величество Шахиншах, напоивший век ароматом благоухания, излучавший свет Божественного Халифата с чела судьбы, был захвачен в плен. Но Божественная защита, не оставлявшая его, по-прежнему хранила этого принца, малого ростом, но поистине великого.

Мирза Камран, овладев Кабулом, занялся устройством своих дел и организацией армии. Мирзе Аскари он назначил во владение Джуи Шахи, известный ныне как Джалалабад¹⁸ — в соответствии с благословенным именем шахиншаха. Это было восхитительное место, рубеж (*барзах*) между Индией и сопредельными странами, полное преимуществ первой и избавленное от недостатков вторых. Муним-хан дал когда-то этой местности ее священное имя и колонизировал ее. Газни и его территория были отданы во владение Карача-хану, а Гурбанд и близлежащие местности получил Ясин Даулат. Таким же образом его [мирзы] сторонникам раздавались владения и награды. Царские слуги были задержаны; Ходжа Султан Али¹⁹, [министра] *дивана*, бросили в тюрьму: рука притеснения открылась [для деяния], его деньги и имущество отобрали и использовали в дурных целях. Но мирза постоянно пребывал в страхе, ожидая прихода царской армии, и был не в силах безмятежно проводить свои дни. Карача-хан и Ходжа Касим *Мир Буйутат* заправляли делами и путем притеснений и тирании собирали средства, которые в действительности мало чего стоили, и позабыли стих:

Кто силой деньги забирает, но злато отдает на украшение,
Тот подрывает основание мечети жизни²⁰ и крышу дома золотит.

Так провели они около трех месяцев, пока эхо приближения Его Величества Джаханбани из Бадахшана не раздалось в провинции Кабул. Мирза собрал солдат, *заминдаров* из хазарейцев и других и выступил в полном снаряжении. Он оставил в Кабуле Баба Джуджака

и муллу Шафай и взял с собой Его Величество Шахиншаха, — благоприятные знаки в котором были очевидны для больших и малых, друзей и врагов, — то ли чтобы привлечь удачу, то ли для большей безопасности. Он не сознавал, что по воле Аллаха — Подателя жизни и Украшателя мира — благодатный свет двух миров, воплощенный в этой священной личности, одаривал удачей друзей [Акбара], но не врагов. Поможет ли сурьма обрести свет глазам слепца?

Теперь, когда необходимое добавление к повествованию завершено, мы должны вернуться к предмету нашей истории и вкратце описать то, что далее происходило с Его Величеством Джаханбани.

Глава 48

Возвращение Его Величества
Джаханбани Джаннат-ашияни
из Бадахшана, сражение [Его
Величества] с мирзой Камраном
и вступление в Кабул после победы

Когда Его Величество Джаханбани разбил лагерь у Андараба, а мирзы, как уже (было) сказано, служили ему, он за короткое время собрал войско и приготовился двинуться через перевалы Хинду Коха. Поскольку в окружении его находилось немало предателей и лживых сердцем, Его Величество, чтобы умиротворить непосвященных и дать им отдых, сошел с вершин своей [истинной] природы (*фитрат*) и занял свое место на земле, [где всё определял] дух эпохи (*табиат*)¹. [Он] предложил дать клятву, которая почитателями формы ставится очень высоко — имея в виду, что каждый отряд (*гирох*) отдельно поклянется сопровождать [падишаха], единодушно следуя его воле. Он объявил, что, хотя Божественное перо записывало все обязанности, а Божественная помощь двигала и утверждала на правильном пути действия верных, и его охватывающий царство ум не беспокоился за них, он всё же ныне желал хоть немного просветить сердца мирян, не видевших ничего, кроме очевидности (*сабаб*), дабы лик истины мог явить свою совершенную красоту в зеркале их деяний². И тогда Хаджи Мухаммадхан Коки, не почтительный и не искренний сердцем, объявил, что, раз все они в исполнение приказа дадут клятву, Его Величество также должен поклясться, что прислушается [к их мнению] и сделает то, что они, его верные подданные, посчитают правильным и скажут ему. Мирза Хиндал, исполненный глубокой преданности и знавший положение дел, возразил: «Хаджи Мухаммад, что за сказки ты рассказываешь здесь,

и что это за клятва? Никогда еще слуги не говорили подобных слов своему владыке или рабы своему хозяину». Его Величество, сокровищница учтивости и океан великодушия, постановил: «Пусть будет так. Мы сделаем то, чего желает Хаджи Мухаммад и что он предлагает, руководствуясь своей верностью». И принеся скрепляющие клятвы и [заклучив] соглашения, они покинули это место³.

Когда великая армия подошла к Уштар Граму, мирза Камран, идя на поводу собственной глупости, приготовился к войне и, собрав войска, выступил навстречу царской армии. Когда между противниками осталось небольшое расстояние, Его Величество Джаханбани, повинуясь [велению] своей любящей души, послал Мирза Шаха⁴, родственника мира Барки, принадлежавшего к прославленным сайидам из Термеза, к Камрану и дал тому важные советы, достойные слуха избранных удаче и власти. Суть их заключалась в том, что совсем не мудро постоянно идти путем противодействия, сходя с широкой дороги согласия. Спаси Аллах, чтобы из-за Кабула происходили все эти раздоры. Уважай обязательства, прежние и новые, соблюдай пути мира и искренности, будь чистосердечен и стань соратником в завоевании Индии. Сайид выполнил свою миссию, и согласие на мир было дано, но при условии, что Кандагар остается Его Величеству, а Кабул будет принадлежать Камрану; тогда последний поступил бы на службу и принял участие в покорении Индии. Поскольку Его Величество был мягок и дружелюбен, он отправил посла во второй раз вместе с мауланой Абд-ал-баки *садром* и передал условие, что если Камран был искренен и действительно хотел вступить на путь согласия, то он должен выдать свою любимую дочь за неповторимую жемчужину Халифата — то есть за Его Величество Шахиншаха, дабы Его Величество [Джаханбани] мог пожаловать им Кабул, а они оба (Хумаюн и Камран) объединились бы для рассеивания тьмы в великой стране Индии и превратили бы ее, ставшую приноном негодяев и [ареной] бедствий, в обитель мира и спокойствия. И тогда Индия и Кабул будут поистине принадлежать им обоим. Мирза хотел принять эти предложения, но Карача Карабахт, являвшийся средоточием его силы, не согласился и ответил: «Наши головы и Кабул»⁵.

Так случилось, что в тот день мирза увидел [на небе] Восемь Звезд⁶; согласно [предсказаниям] астрологов, сражаться при таком

сочетании означает потерпеть поражение, и потому мирза хитростью сумел отложить битву на следующий день. Победоносная армия (Хумаюна) жаждала вступить в схватку, но Хаджи Мухаммад не желал этого, и Его Величество, в знак уважения к нему, задержал начало битвы. В это время Ходжа Абд-ас-Самад и многие другие, удалившиеся во время битвы при Кибчаке, воспользовались случаем и присоединились к Его Величеству; [они] донесли о нерешительности и замешательстве в армии противника. Прошло полдня, когда Его Величество вложил ногу твердости в стремя намерения и, стянув свои силы, рас-
304 пределил их на правом и левом крыльях, в центре и авангарде и приказал выступать. Центр был осиян славой высочайшего присутствия, правое крыло находилось под командованием мирзы Сулеймана, а левое — под командованием мирзы Хиндала, передовой отряд возглавлял мирза Ибрахим. Хаджи Мухаммад-хан и другие надежные воины стояли во главе резерва⁷. Со стороны противника в центре находился мирза Камран, справа мирза Аскар, слева Ак Султан, а в передовом отряде Карача-хан. Две армии двинулись навстречу друг другу, подобные двум железным горам, и приблизились [вплотную]. Михтар Сахбака и другие верные слуги, вынужденные после битвы при Кибчаке поступить на службу к мирзе, вырвались [из вражеских рядов] и влились в победоносную армию. Близ реки Мури мирза Ибрахим в порыве боевой отваги возглавил наступление. Воины с обеих сторон доблестно сражались. И в это время перед скакуном (на котором сидел Хумаюн) положили голову Карача-хана, и все были избавлены от злодеяний этого коварного предателя. По приказу водрузили повинную голову этого вероломного на Железные ворота Кабула, дабы она служила предостережением мятежникам. Так свершились слова, которые он сам произнес: «Наши головы и Кабул». Я слышал от достойных доверия людей, что один из низких приспешников мирзы схватил предателя и хотел доставить к Его Величеству Джаханбани, во искупление своих преступлений; но Камбар Али Сахари⁸, слуга мирзы Хиндала — его брат был убит Карачой в Кандагаре, последовал за ними, сорвал с него (Карачи) головной убор (*такия*), ударил его мечом по темени, разрубив голову, а затем отрезал ее и принес Его Величеству.

В разгар схватки и суматохе битвы, когда царские воины преданно сражались, видя, что приходит конец сопротивлению, мирза Камран не выдержал и обратился в бегство. Он направился в Афганистан⁹ через перевал Бадпадж (Ветреный перевал). Победоносная армия захватила обоз и завладела множеством добра. Враги государства были схвачены и зарублены; многие из них набросили на свои лица покров стыда и сделали слезы раскаяния своими заступниками, и после тысячи упреков их включили в список служителей государства. Мирза Аскари попал в руки героев армии (*аскар*). Была одержана победа, которой предстояло стать предвестником бесконечных побед, и она послужила причиной безмерного ликования. Но сердце Его Величества очень тревожилось о безопасности драгоценного камня царской короны — то есть Его Величества Шахиншаха, ибо было известно, что мирза Камран увез его с собой. Его Величество был не в силах избавиться от волнения до тех пор, пока Хасан Ахта не доставил к нему ему этот розовый куст из сада роз удачи, этот кипарис цветника независимости. Увидев в его возвращении начало успеха, он [падишах], возблагодарив Аллаха за его [шахиншаха] безопасность и за осуществление собственных надежд, с безграничной радостью прижал этого Божественного питомца к своей груди. Помолившись, он роздал милостыню — что являлось реальным выражением благодарности — и привлек сердца бедняков, вдов и сирот богатыми подарками. Он воздал должное каждому из преданных слуг — как в честь счастливого избавления зеницы Халифата, так и в награду (*джалду*) за добрую службу. Его Величество Джаханбани объявил, что отныне он никогда не разлучится с новым плодом сада Халифата, ибо тысячи добрых знаков возвещали [даже] отпечатки его следов, и признал, что блестящая победа стала возможна благодаря благословенному прибытию этой редчайшей жемчужины. В тот радостный момент на поле битвы показались два верблюда, нагруженные коробами и без погонщиков. Его Величество произнес: «Каждый получил свою долю добычи, пусть эти два верблюда станут моими!» Он сам подошел к ним и, взяв их за кольца в носу, велел опустить верблюдов на колени и открыть короба, дабы рассмотреть, что находится внутри. По счастливому стечению обстоятельств оказалось, что там в прекрасном состоянии лежат редкие царские книги, потерянные во время битвы при

Кибчаке. Этот случай послужил поводом для огромной радости. Ходжа Касим *Мир Буйутат*, разжигатель костра бунта, сам сгорел в огне этой битвы, в пламени собственных деяний, и так беспорядкам и порочности был положен конец. В этот день в Чарикаране состоялось радостная встреча.

На следующий день после того, как милостью Аллаха врата победы раскрылись, а мятежников покарали, Кабул стал местом, куда ступила благословенная нога, и обителью вечного процветания. Сначала Его Величество посетил крепость и с радостью вернул своих целомудренных женщин. После чего он, по обыкновению, отправился в Урта Баг, внеся свежесть своим счастливым присутствием. Там он сделал распоряжения относительно собственных дел и земель, наградил хороших слуг и наказал плохих. Диндар бек, Хайдар Дост Мугал Канджи и Маст Али Курчи¹⁰, не раз изменявшие, были сурово наказаны в соответствии с содеянным и ради пользы общества. Он [падишах] прилагал свой гений, утверждая справедливость. Мирза Сулейман, нагруженный дарами, отправился в Бадахшан. Мирза Ибрахим оставался еще несколько дней в знак особой милости, а затем его отпустили в Бадахшан. Было решено, что в благоприятный час он женится на дочери Его Величества Бахши Бану¹¹. Украшающее мир сердце Его Величества занялось устройством дел, и он возвысил всех своих слуг, выдавая приветливость и доброжелательность.

Глава 49

Его Величество Шахиншах
получает во владение
селение Чарх, предсказания
прорицателей на сей счет

В это время, когда помощью Аллаха трон верховной власти занял свое место в Кабуле, озарившемся лучами света Халифата, Его Величество Шахиншах получил во владение селение Чарх¹, которое относилось к *туману* Лахугар. Просветленный увидел в этом таинственном даре [доброе] предзнаменование и забил в барабан радости [звук которого разносился] над девятью сферами (*чарх*). Его Величество назначил Хаджи Мухаммада на высочайшую должность распорядителя дома (*вакалат-и-дархана* — управление дворцом) и велел ему держаться верного пути. Но тот, из-за ограниченности своего ума, был опьянен собственной храбростью и гордился своей славой; злые мысли удерживали его в тюрьме несчастий (*гам*)², и он постоянно выказывал неблагодарность и неуместные желания. Его Величество Джаханбани, по возвышенности своей природы и безграничному терпению, не придавал этому значения, ибо наивысшим принципом правителя было не выдергивать из-за каждого недостатка росток человеческой жизни, являющийся результатом Божественного мастерства и плодом древа сада судьбы, — и это касалось особенно тех, кто отличался от [обычных смертных] мудростью, мужеством либо иным прекрасным качеством. Но этот несчастный, преисполненный зла, в своей глупости и упрямстве мнил, будто то была лишь слабость (*Хумаюна*), и это толкало его на большее безумие; тогда как Его Величество закрывал глаза на подобное поведение и осыпал его почестями. В это благоприятное время Его Величество неизменно держал открытыми врата справедливости

и оказывал благодеяния, от которых зависело управление земель и ее обитателями, и собирал то, что было разбросано и рассеяно временем.

307 Мирза Камран после своего поражения покинул селение Уштар Грам в самом жалком состоянии, явившемся прямым следствием его неблагодарности и плодом забвения [оказанных ему] благодеяний, и с восемью приспешниками (то есть с Ак султаном³, братом Хизр Ходжа-хана, Баба Саидом Кибчаком, Тамар Ташем *атгой*, Катлак Кадамом⁴, Али Мухаммадом, Джоги-ханом, Абдалом и Максудом *курчи*) направился через Дих-и-сабз и присоединился к афганцам. Мирза Хиндал, Хаджи Мухаммад-хан, Хизр Ходжа-хан и другие, отправившиеся в погоню, не проявили должного рвения и вернулись [ни с чем]. Афганцы преградили путь мирзе, ограбили его, и он, боясь быть узнанным, сбрил все волосы с лица (*чар зарб зада*) и, нарядившись *каландаром* [дервишем], пришел к Малик Мухаммаду из Мандраура, одному из самых влиятельных людей в Ламганате; тот, вспомнив прежние обязательства, помог ему. Мирза Камран же не был разбужен всеми этими несчастьями, любое из которых в глазах мудрого уподоблялось [удару] сурового бича предостережения, вырывавшему из сна нерадивости, — но снова погрузился в дрему. Вокруг него собралось множество солдат, имевших человеческое обличье, но не обладавших ни сердцем, способным понять, на чьей стороне истина, ни зрением, чтобы увидеть стыд [их деяний], и всегда готовых к бунту и вероломству.

Когда эти вести дошли до возвышенного лагеря, клика лицемеров оживилась, а верные почувствовали тревогу. И в это время, когда вновь поднялись языки пламени мятежа и противостояния, Хаджи Мухаммад-хан без позволения уехал в Газни. Его Величество Джаханбани, желая выиграть время и верно оценив (того человека), счел этот бесчестный поступок [проявлением] любви к противодействию (*назджанг* (?)) и отнесся к нему с неодобрением. Он повелел Бахадур-хану, Мухаммад Кули Барласу, Кидук Султану и другим героям остановить мирзу Камрана. Когда армия удачи приблизилась к мирзе, тот отошел в ущелья Алигара и Алишанга. Военачальники [падишаха] продолжали преследование, и он, покидая те земли, обратился за защитой к афганским племенам халилов и момандов⁵. Собравшиеся было вокруг него бродяги разбежались. Победоносные войска повернули назад близ деревни

Газу-и-Шахидан. Ум Его Величества получил передышку от злобных происков мирзы Камрана, и дабы укрепить расположение мирзы Сулеймана и оказать тому еще большую честь, он предложил ему брак [с его дочерью]. Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд и целомудренная Биби Фатима были посланы сватать дочь Сулеймана Ханум, ибо если бы это произошло, разум Его Величества успокоился бы в отношении Бадахшана, и мирза Сулейман был бы удовлетворен. С Джалал-ад-дином отправили и мирзу Аскари, чтобы передать его в руки мирзы Сулеймана, повелев тому отправить Аскари в Хиджаз через Балх. Мирза Сулейман воспринял приезд посланцев как большую честь и сделал всё, чтобы оказать им почет⁶. Повинуясь царскому указу, он отослал мирзу Аскари в Балх. Последний, пристыженный и раскаявшийся, не смог оставаться там и отправился в долгий путь [поехал в Мекку], взяв с собой в спутники нетерпение. Счет его дней завершился в 965 г.х. [1558 г.]⁷ на пути из Сирии в Мекку. Мирза Сулейман же согласился, что свадьба Его Величества Джаханбани [и его дочери] произойдет по прибытии бегим (женщин двора Хумаюна) и знати, но когда его дочь станет постарше. Исполненный уважения, он отпустил послов с письмом, содержащим извинения и [выражения] покорности.

308

Глава 50

Очередной поход Его Величества Джаханбани, направленный на тушение пламени бунта мирзы Камрана

Поскольку привычка, как говорят, является пятым элементом тела¹, тот, кто тяготеет к путям зла, подобен скорпиону и жалит, не управляя собой. Но еще более велико число тех, кто по сути своей злобен, в ком привычка перекликается с сущностью. Так и мирза Камран, вновь поддавшись [велению] своей [истинной] природы и обыкновению, сделал свои злые дела орудием собственного наказания. Он собрал множество афганцев из племен халил и махманд и толпу бродяг, не отличавших добро от зла, и принялся грабить и опустошать [окрестности]. Его Величество Джаханбани, охранитель мира эпохи, понял, что покончить с беспорядками является частью служения [Аллаху], и решил действовать соответственно. Он послал в Газни Ходжа Ихтияра и мира Абд-ал-Хая, бывших доверенными придворными, с заданием вручить милостивое письмо Хаджи Мухаммаду и вернуть его из мрака порочных мыслей к свету осознания своего долга. В то время как Его Величество готовился, ему донесли, что мирза Камран с толпой своих разбойников осадил крепость около Чар Бага, неподалеку от Джалалабада. Поэтому он не стал дожидаться Хаджи Мухаммад-хана, но со всей возможной быстротой выступил к Джалалабаду. Мирза Камран, узнав об этом, поразился и обратился в бегство. Он снова отступил к ущельям, а оттуда проследовал в Бангаш и Гардиз, полагая, что сумеет объединиться с Хаджи Мухаммадом, ибо этот упрямый негодяй поддерживал связь с Камраном.

История Хаджи Мухаммад-хана такова. Поскольку время его падения подошло, всё больше и больше дурных мыслей исходило из его нечистого сердца, и он отпустил царских посланников с оговорками и ложными обещаниями явиться. В то же время он отправил посланника

к мирзе Камрану, спрашивая его, сколько еще тот намерен скитаться по горам и пустыням, и советуя быстрее двинуться к нему для совместных действий. Случайно Байрам-хан, направлявшийся в Кандагар по поручению Его Величества, прибыл в Газни. Хаджи Мухаммад, желавший [избавиться от] хана (*ба хан тавакан буд*), вышел встретить того и прельщал его, желая под предлогом праздника заманить в крепость и запереть там. Хан направился к крепости, когда Мир Хабащ, служивший Хаджи Мухаммаду, подал [Байрам]-хану знак, и тот, получив это предостережение, извинился и отказался от своего намерения посетить крепость, разбив лагерь у источника за ее пределами. Там он успокоил Хаджи Мухаммада и убедил того отправиться вместе с ним к Кабулу. Он послал весть о своем прибытии и о приезде Хаджи Мухаммада; а Его Величество, узнав, что мирза Камран приближается к территории Кабула, поспешил туда. Мирза Камран находился уже на расстоянии одного перехода от Кабула, когда, услышав о приближении Хан-ханана [Байрам-хана] в сопровождении Хаджи Мухаммад-хана, в смутении отошел в Ламган. Вскоре Хаджи Мухаммад-хан пожелал войти в Кабул через Железные ворота, но Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд, охранявший город, не позволил вступить в крепость и направил ему резкое послание. Этот темноликий почувствовал подозрение и под предлогом охоты отправился в Кара Баг; далее через Кутал-и-Минар он прошел к Баба Кучкару (то есть Баба Раму), а затем через Даман-и-кох, что в Бихзади, и Лаландар быстро направился к Газни. Как раз тогда победоносные знамена Его Величества Джаханбани, направлявшегося в Кабул сокрушить выступление мирзы Камрана, прибыли в Сиах Санг. Байрам-хан возвысился, оказав почести [падишаху]. Его Величество Джаханбани приказал никому не входить в город, ибо он преследовал мирзу, чтобы раз и навсегда освободить божьи создания от каждодневных смут. Но, так как его ум был неспокоен в отношении Хаджи Мухаммада, его [падишаха] военачальники единодушно решили, что того следует остерегаться, и затем продолжили преследование мирзы. Его Величество вошел в город, повелел Байрам-хану наблюдать за Хаджи Мухаммадом, действуя скрытно, и если покажется, что тот строит козни, немедленно взять его под стражу.

Байрам-хан развеял опасения Хаджи Мухаммада всеми возможными средствами, и тот, принеся обещания и клятвы, отправился

в местечко Гулькар² и обнял Хан-ханана. Последний представил его всепрощающему принцу, умоляя извинить его [Хаджи Мухаммада] прегрешения. Спустя четыре или пять дней они все вместе отправились в Ламганат, где отсиживался мирза. Несмотря на недавнее прощение ему стольких грехов, Хаджи Мухаммад вел себя так, будто никогда и не совершал их, и вновь дерзко вступил на путь порочных интриг. Его неблагодарное поведение внушило отвращение священному сердцу. Его Величество выступил с большим числом людей, и когда знамена судьбы достигли Джалабада, мирза ушел в ущелья Канура и Нургала³, и все мятежники разбежались. Хан-ханану было приказано следовать за мирзой, и последний, будучи не в состоянии удержаться в Кануре и Нургале, направился к Инду (*Нилаб*). Хан-ханан вернулся и засвидетельствовал свое почтение в Даке⁴.

В это время Его Величество из соображений общественной пользы и спокойствия приказал арестовать Хаджи Мухаммада и его брата Шах Мухаммада, способного толкнуть Хаджи Мухаммада на путь зла. Эти два недостойных брата, для которых в служении были важны лишь материальные блага и собственная выгода, поддавшиеся алчности и неблагодарности, запрашивавшие огромную цену за свои сомнительные достоинства, не помнившие оказанных им благодеяний, попали в ловушку собственной злонамеренности. Его Величество, следуя [велению] своей справедливой души, приказал им внести в список то хорошее, что эти продавцы услуг с низкими помыслами вольно или невольно совершили во время службы, а также, чтобы один из честных слуг [падишаха] записал все их преступления, дабы и то, и другое положили на весы справедливости, и подлинные деяния этих двух творцов зла открылись человечеству. Список их добрых дел остался ненаписанным, тогда как грехи насчитывали 102 пункта, и каждый из них мог служить основанием для заключения в тюрьму, казни или разжалования. Милостивый Боже! Есть люди, которые после безупречной службы смущаются и страшатся, что его (Акбара) взор упадет на сделанное и возникнет подозрение, что этот простодушный или продает свои услуги или склонен ко злу. И чем честнее служба [такого человека], тем больше его опасения. Но есть и другой тип — люди, которые продают несуществующее по цене истинного, выдают дурные дела за хорошие и, разукрасив свои недостатки, еще ищут милостей и рассыпаются в похвалах самим себе.

И когда тщательное расследование доказало миру, что эти двое неверных заслужили наказание за свои злодеяния, и пора очистить подол времени от мерзости их присутствия, необузданные и животные души [этих презренных], приведшие их в клетку низших представителей человечества, удавкой были изгнаны из человеческой оболочки; и так их тела — вернее, целый мир — освободились от омерзительных душ⁵. Газни передали Бахадур-хану, а прочие владения Хаджи Мухаммада распределили среди царских слуг.

Зима прошла в той же местности, в переездах и охоте, в пирах и развлечениях. В начале весны, когда умы пребывают в состоянии равновесия, проходили общие приемы, и после подачи прошений и поднесения даров многие были зачислены на царскую службу. Пыль от мятежа мирзы и беспорядков улеглась, и Его Величество Джаханбани отправился через Бадпадж на реку Баран. Однажды ночью, когда армия находилась неподалеку от Бадпаджа, пошел сильный дождь со снегом, и многие [с трудом] вынесли это. Когда охота и осмотр достопримечательностей закончились, Кабул стал местом пребывания верховной власти, а Байрам-хана послали управлять делами в Кандагаре. Вместе с ним выехал Ходжа Гази, чтобы доставить подарки, а затем отправиться с посольством к правителю Персии. Газни, Гардиш, Бангаш и *туман* Лахугар (Логар)⁶ были дарованы мирзе Хиндалу. Кундуз, принадлежавший ранее мирзе, передали миру Барке и мирзе Хасану. Мирзе Хиндалу позволили отправиться в Газни, а мира Барку отпустили в Кундуз. Джуи Шахи и близлежащие территории были отданы Хизр Ходжа-хану. Прежде чем мир Барка прибыл в Кундуз, мирза Ибрахим обманным путем захватил последний у Мухаммад Тахир-хана, и мир Барка возвратился в Кабул. Его Величество Джаханбани, приняв во внимание в прошлом добрую службу мирзы [Ибрахима], простил ему преступления и оставил во владение Кундуз. В это же время Абу-л-маали поступил на службу с помощью Абд-ас-сами. Шах Абу-л-маали восходил к сайидам Термиза. Его внешняя красота была верным отражением высоких свойств его характера, а к его высокомерию относились терпимо, учитывая его мужество. Благодаря своим качествам он стал любимцем Его Величества Джаханбани. О некоторых его дерзких и необычных поступках еще будет рассказано.

Глава 51

Следующий поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, целью которого было подавить поднятый мирзой Камраном мятеж, а также [рассказ] о мученичестве мирзы Хиндала

Мирза Камран провел несколько дней в темнице позора и бесчестия, и вновь успокоившиеся сердца [людей] были потрясены известиями о разжигаемых им распрях, а путники доставляли Его Величеству сообщения о том, что он вернулся со стороны Инда (*Нилаб*) и опять поднял мятеж в районе Джуи Шахи вместе с шайкой бродяг. Его Величество вызвал мирзу Хиндала из Газни и отдал приказ находившимся по близости *джагирдарам* выступить в поход. Вскоре мирза Хиндал засвидетельствовал свое почтение, и прибыли верные и преданные сторонники. Его Величество Джаханбани приказал начать поход, дабы погасить пламя мятежа. Мирза Камран, узнав об этом, отступил, не добившись успеха. Когда победоносные знамена приблизились к Сурхабу¹, Хайдар Мухаммад *ахтабеги*, находившийся в передовом отряде, вместе со множеством верных людей выступил вперед из царского лагеря и укрепился на берегу реки Сиях-аб, что между Сурхабом и Гандамаком². Мирза Камран, не нашедший в себе достаточно мужества сразиться [с падишахом] в открытом бою, напал на него ночью. Хайдар Мухаммад выказал львиную отвагу и доблестно сражался, получив серьезные ранения, которые по сути стали жалованной грамотой (*тугра*), начертанной кровью. Он проявил твердость и не покинул поля битвы. Успев многое разграбить, мирза всё же потерпел неудачу и был вынужден вернуться ни с чем. Через несколько дней, когда селение Джаприар,

принадлежавшее *туману* Некнахара³, стало местом стоянки царских войск, там были расставлены батареи, вырыты рвы и возведены укрепления, поскольку бдительность и осторожность — неотъемлемые качества предусмотрительности. В конце дня два афганца принесли весть, что этой ночью мирза Камран собирается совершить нападение с большим отрядом афганцев. Его Величество Джаханбани приказал усилить бдительность и расставил повсюду людей. В ночь на воскресенье, 21 зуль-каада 958 г.х. (20 ноября 1551 г.), когда четверть ночи была на исходе, мирза Камран атаковал лагерь с большими силами афганцев. Его Величество Джаханбани сел на коня и, расположившись на возвышении позади своего шатра, призвал к себе славу умов и величайшую жемчужину короны Халифата, Его Величество Шахиншаха. Слуги возвышенного порога находились у укреплений, мужественно исполняя свой долг. Полыхало пламя сражения. Среди грохота и хаоса [битвы] Абд-ал-ваххаб *ясавал*, бившийся возле укреплений, был сражен пулей и [окончил земной путь в ореоле] мученика. Бой становился всё жарче [и кипел до тех пор], пока лучезарная луна — зеркало мира — не подняла свою голову с ложа судьбы и не осветила землю [ярким] сиянием. Свет победы струился с чела власти, и противник обратился в бегство. Царские войска одержали победу, водрузив знамена мира. Сердца всех наполнились безмятежностью, как вдруг пришло печальное известие о том, что мирза Хиндал навсегда покинул сей жестокий мир. Радость обратилась в горечь, а победное ликование сменилось глубокой скорбью. Увы! Таков порядок сего преходящего мира: как только сердца наполняются счастьем, из груди страдающих сразу же поднимается дым огорчения.

313

Извечно небесное око, зарей освещенное утра,
Тонет в крови вечернего мрака.

Как нельзя проводить всё время в развлечениях, так невозможно вечно пребывать в печали. И хотя мирза оставил этот бренный мир и покинул сию тленную обитель, он обрел славу мученика и доброе имя в мире видимом и возвышенное положение в мире реальном. Приветствую Тебя! О Ты, мало берущий и много дающий, который на

исходе одолженной [Тобой] жизни даровал вечную славу! Его Величество, сей источник благодарности, был так потрясен и огорчен смертью столь благородного брата, что чувства его невозможно не только описать, но даже назвать. Однако будучи мудр и дальновиден, он обратился от горестных стенаний к смирению и обрел утешение в прекрасной обители покорности Божественной воле.

Вот рассказ об этом печальном событии. Когда мирза Хиндал узнал о готовившейся ночной атаке, он привел укрепления в порядок, а затем отправился немного отдохнуть, как вдруг поднялся шум [от налетевших] афганцев. Несметное число их атаковало каждую батарею, и множество [врагов] набросилось на мирзу. Ночь была темной. Мирза вступил в бой с негодьями, тогда как среди его людей началась паника, и они бросились к лошадям⁴. В это время мирза лицом к лицу бился с афганцами. Нурм Кока⁵ и многие другие проявили себя неблагородно. Момент, когда можно было применить лук и стрелы, миновал, и он схватился с одним из врагов и, собрав всю свою силу, поверг этого прирожденного злодея. Но брат того негодяя по имени Джаранда из племени махманд отправил мирзу в мир иной, ударив его ядовитым копьем. Кое-кто из сторонников мирзы Камрана рассказывал, что этот порочный афганец украл у мирзы [Хиндала] коробочку со специальными наперстками и принес их мирзе Камрану, не имея понятия, с кем он сотворил такую недостойную вещь. Он поведал о случившемся. И когда взгляд мирзы упал на коробку с наперстками, он понял, какая беда приключилась, и, бросив свой тюрбан на землю, провозгласил, что мирза Хиндал погиб.

314

Итак, в ту темную ночь душа мирзы переместилась в обитель небытия, и никто об этом не знал, а тело его осталось лежать там, где он упал. Тем временем некоторые его слуги стали возвращаться, и Ходжа Ибрахим Бадахши заметил черные латы (*калмак*) на [простертом на земле] теле, но так как было темно, а битва всё еще продолжалась, он не подошел к нему. Позже он вспомнил, что черные латы носил мирза Хиндал. Вернувшись посмотреть на них, сразу узнал мирзу. С осторожностью и осмотрительностью — девизом мудрых — он доставил тело мирзы в его шатер⁶ и передал стражам. [А также] предпринял благоразумные шаги, чтобы скрыть от врага это печальное происшеств-

вие, дабы противник не возрадовался и не воодушевился, а царские подданные не впали в отчаяние. Он объявил, что мирза очень изнурен и легко ранен, и никто не должен шуметь близ [шатра]. Сам же поднялся на возвышение и от лица мирзы поздравил всех с победой. Мудрый луч этой речи достиг просветленной души Его Величества Джаханбани. В итоге тело мирзы было отправлено в Джуи Шахи, а через некоторое время — в Кабул. Останки похоронили в Гузаргахе, около священной могилы Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани, у ног последнего. Мулла Хурд Заргар, состоявший на службе у мирзы⁷, сложил стихи, начинавшиеся так:

Печаль обрушилась на свет моих очей однажды ночью:
Из-за кровавой той атаки мой милый друг меня покинул⁸.

Следующая хронограмма также принадлежит ему:

Хиндал Мухаммад, царь прославленного имени,
Внезапно глубокою ночью мучеником стал.
Поскольку ночная атака (*шабхун*) — причина его мученичества,
Ищи хронограмму в слове *шабхун* (958 г.х.)⁹.

Мир Амани произнес следующую таинственную хронограмму:

Покинул кипарис сад славы¹⁰.

Мирза родился в 924 г.х. (1518 г.), и было сказано, что хронограммой является: *каукаб-и-бурдж-и-шаханишахи* (*каукаб* башни царя царей) (924 г.х.)¹¹.

На следующий день Его Величество Джаханбани выступил отсюда в Бихсуд, где расположился лагерем, чтобы раз и навсегда успокоить свое украшающее мир сердце в отношении бунта мятежников и сделать Кабул, благодаря славе своего возвышенного двора, обителью мира и спокойствия.

Глава 52

Передача территории Газни Его Величеству Шахиншаху и возвышение некоторых избранных служением ему

Поскольку с самых ранних лет знаки величия и славы [предстоящего] правления сияли с чела этого нового плода древа владычества, красы и букета сада Халифата и счастья — Его Величества Шахиншаха, то теперь, когда ему исполнилось десять лет, все слуги мирзы Хиндала, вместе с их *джагирами*, то есть Газни и остальными владениями, были переданы ему, дабы он, учась править, являл милосердие и непреклонность, повелевая людьми, и, управляя частью, привык бы управлять целым. Одним из чудесных знамений судьбы стало то, что несколькими днями ранее тюрбан этого света очей владычества [то есть Акбара] упал в толпу, когда он скакал по какому-то поручению Его Величества Джаханбани. Мирза Хиндал был рядом и с глубоким почтением снял посреди толпы свою приносящую счастье чалму (*тадж*) и надел ее на осененную звездным светом голову (Акбара). В этом происшествии проницательные усмотрели знак того, что близко время, когда шахиншах наденет корону и начнет править. Всемогущий, вознаграждая мирзу за этот поступок, возвысил его до положения мученика¹, что равноценно вечной жизни и бесконечной радости. Его Величество Шахиншах, этот Божественный питомец, выказал такие знаки величия, милосердия и понимания людей, завоевывая их сердца, что печаль о мире покинула души людей, уступив место неиссякаемой радости.

О Аллах! Покуда мир ярок и прекрасен,
Пока земля тверда и небеса в движенье,

Его Ты одари усладой юности и жизни,
Но, всего важней, даруй ему долгие лета.

Вот имена главных слуг покойного мирзы, поступивших в услужение к шахиншаху: Мухибб Али-хан²; Насир Кули; Ходжа Ибрахим; маулана Абд-ал-лах; Адина Тукбай; Саманджи Каргуджи³; Джан Мухаммад Тукбай; Тадж-ад-дин Махмуд *барбеги*; Тимур Таш; маулана Сани, ныне известный как Сани-хан⁴; маулана Баба Дост *садр*⁵, высоко ценимый мирзой; Мир Джамал⁶, также любимый мирзой; Халдин Дост Сахари. Баба Дост также входил в число слуг мирзы, но из-за своего дурного характера не был допущен служить шахиншаху — ибо, как говорится в Коране, нет ничего хуже плохого окружения. И Мухаммад Тахир-хан, старый слуга мирзы, не сумевший уберечь Кундуз⁷, был удален от взора различающих истину глаз, не став спутником на этом благом пути. Поскольку Двор этого Дарителя славы на земле был местом, где жемчужина человеческой природы подвергается проверке, то положение каждого из тех людей, кто обладал добрым нравом и благородным характером, с каждым днем становилось всё лучше, и они достигли высоких должностей. Есть надежда, что они будут занимать их до конца своих дней. С деяний всех злодеев сорвали покров, и каждого наказали так, чтобы это послужило предостережением для других порочных или легкомысленных.

Так как селение Бихсуд⁸ превратилось в лагерь шатров удачи, был отдан приказ построить надежную крепость. Его Величество Шахиншаха отправили⁹ с указанием укрепить город Кабула¹⁰, чтобы он мог там обучиться способам духовного и мирского управления. А Его Величество Джаханбани остался в Бихсуде под Божественным покровительством и не ослаблял бдительности по отношению к мирзе Камрану. Армия оставалась там четыре или пять месяцев. Обделенный разумом мирза (*аз би иститаати*) каждый день был гостем рода и каждую ночь находил убежище у [местного] землевладельца¹¹. Из-за ущербности своей души он пребывал под покровом самомнения и, лишенный благословенного служения и дружбы такого благодетеля [как падишах], оказался в вечном плену мятежных мыслей.

В это время клика недалёковидных [людей], состоявших на службе Его Величества Шахиншаха и не помнивших о сокровенной обители мудрости, написала Его Величеству Джаханбани, выражая свое недовольство Его Высочеством. Его Величество, хотя знал о сиянии души шахиншаха, заботился и о соблюдении внешних условностей и послал [ему] милостивое письмо с наставлениями и увещеваниями, полное доброты и отцовской любви, а не упреков или предостережений. Ибо какая нужда тому, кто прошел обучение в Божественной школе, в человеческих наставлениях? И какое отношение подобные поучения имеют к воспитаннику Небес? В этом письме приводились стихи шейха Низами.

Не сиди без дела, сейчас не время для игр —
Сейчас время для искусств и труда.

317 Сначала его учителем назначили муллазада муллу Асам-ад-дина. Но его страстью были голуби, и слуги донесли об этом. Его Величество [Джаханбани] отстранил его и доверил маулане Баязиду задачу земного наставничества. Тот [честно] исполнял свои обязанности, но поскольку украшающее мир Божество не желало, чтобы Его особый ученик был испорчен мирскими науками, Оно отвратило его от таких занятий и лишило внимательности по отношению к ним. Недостатком учителей была поверхностность мысли, что говорило не в их пользу, но так как людьми они были неплохими, а намерения их — благими, то на жалобы не обратили внимания. Наконец Его Величество осенила мысль, что [вопрос об] обучении ученика Божественной школы должен решить брошенный жребий, и тот [из претендентов] — мулла Абд-ал-Кадир, муллазада мулла Асам-ад-дин или маулана Баязид, — на чью долю выпадет счастье, будет возвышен, став единственным учителем. Так случилось, что [благословенный] жребий выпал маулане Абд-ал-Кадиру, и [потому] распорядились об отстранении мауланы Баязида и назначении мауланы Абд-ал-Кадира¹².

От мудрого и проницательного не сокрыто то, что назначение учителя в подобном случае вызвано традицией и обыкновением и не имеет отношения к развитию совершенств [ученика]. Для того, кто является учеником Аллаха, есть ли смысл в обычном обучении [людей]

или в стремлении к учебе? Действительно, его благочестивое сердце и священная душа никогда не были расположены к мирскому обучению. А когда пришло время проявить свет скрытых [доселе] достоинств, его познания в самых глубоких науках и нежелание изучать грамоту стали способом показать человечеству, что возвышенное восприятие этого Владыки Века достигнуто не обучением или привитием [знаний], но является даром Господа, с которым человеческие усилия не имеют ничего общего. Его Величество в этот период с избытком снискал мирскую славу и преходящую власть, но старался показать отсутствие внутренних совершенств и проводил много времени в забавах, а мудрость проявлял скрыто, и даже проницательные не смогли разглядеть ее. Но в то время как его гений парил в вышине, он сплел для себя превосходный покров из великих светских деяний. И он вкладывал сердце в дела; поэтому, хотя их красота не была очевидна для людей поверхностных, способные видеть вглубь понимали его намерения. Среди них [его черт] было непреходящее восхищение чудесами Божественной силы и постоянное внимание¹³ к удивительным созданиям — верблюдам. Он любил рассматривать их необычный внешний вид и наблюдать за поведеньями верблюдов, являвшихся самыми большими животными в этих землях, и под видом забав и сравнений делал важные выводы о природе этих животных, подобных дервишам, — об их выносливости и терпении, повиновении и покорности, их спокойном подчинении — даже если поводья находятся в руках ребенка, об их готовности питаться колючками и их способности переносить жажду. Помимо того, он отдавал должное удовольствию, [получаемому от езды] на арабских скакунах, что является атрибутом власти и возвышенного положения; ключкой Божественной помощи и вечного руководства он выиграл мяч достоинств и философии (*хунарпардази* — любовь к наукам). А иногда он расправлял крылья своего гения в бескрайних просторах размышлений об Аллахе и направлял свой созерцательный ум на изучение полета голубей¹⁴. Он разбрасывал зерна, чтобы привлечь этих робких птиц, и от внешней радости и восторга перед крылатыми комочками перьев перешел к живительному и очевидному преклонению пред владыками совершенства, тем самым участвуя в радостях мира духа. От полета земных созданий его сердце воспарило к быстрокрылым существам свя-

318

тых небес, и под видом забав он совершал обряд поклонения. Иногда он охотился с гончими — так занимал себя земными вещами. Внешне это выглядело лишь как обычная охота, но на самом деле представляло собой развитие сознания. Казалось, его сердце занято погоней за зверем, в действительности же он обучал своих товарищей методам правления¹⁵. И хотя он преследовал свою цель под покровом незнания, облеченный в одеяние поверхностного [человека], он не мог скрыть ни своего величия, ни своего блеска. Божественная слава, неизменно сияющая с его лучезарного чела, а также признаки духовного и земного первенства были очевидны на просветленном лице этого избранника Аллаха!

Однажды он охотился на склоне холмов Сафид Санг¹⁶ и поручил охотничьих собак людям из свиты, велел лечь в засаду¹⁷. Некоторых послали вверх по склону, чтобы они пригнали оленя на равнину. Но как раз когда олень наткнулся на препятствие, на слуг напала собака чревоугодия, и поскольку по глупости своей они думали лишь о нежности возраста Его Высочества и его мальчишеской внешности, то принялись за еду и вовремя не спустили собак. Когда он [шахиншах] узнал об этом, в нем заговорило его внутреннее величие, и он повелел обвязать их веревками вокруг шеи, как если бы они были собаками, и провести вокруг лагеря. И он воссел на *маснад* суровости, так что даже старые и умудренные опытом были поражены и вложили палец удивления в свои уста¹⁸. Когда весть об этом происшествии достигла ушей Его Величества Джаханбани, его сердце необычайно возрадовалось, и он заметил, что он [шахиншах] вскоре станет великим правителем и достигнет вечной власти.

Шахам-хан Джалаир рассказывал о том, как Его Величество Джаханбани повелел ему отправиться и посмотреть, что делает новый плод весны удачи. «Когда я прибыл, — говорил он, — то обнаружил его лежащим. Его лучезарное лицо было безмятежным; казалось, он спит. В действительности же он беседовал со святыми Небесного двора (ангелами). Его благословенная рука иногда двигалась, как это можно видеть у учителей созерцания, когда они проходят стадию восстановления. Время от времени его язык, ронявший жемчуг, произносил такие выражения, как: «Если на то воля Аллаха, то я соберу цвет земли под своей властью и исполню желания страждущих семи климатов». Хан

говорил, что, увидев это состояние и услышав эти слова, он был потрясен, и непреодолимый страх напал на него, и колени его подогнулись. Он отошел, но оцепенение не проходило. И подобным образом он (Акбар) говорил несколько раз.

Достойное похвалы поведение Его Высочества в это время, показавшее его возвышенный и проницательный ум, заключалось в том, что всякий раз, когда какие-либо льстецы или черные сердцем, видевшие только личную потерю или выгоду, либо принимавшие свою выгоду за потерю, говорили ему: «Да будешь ты вскоре правителем семи климатов» или «Да будешь ты Повелителем Века», он гневался и говорил: «Эти люди с их малым разумением хотят представить себя доброжелателями. Спаси Аллах, чтобы они узнали о дворце доброжелательства! Они замышляют зло против меня, думая о кончине Его Величества Джаханбани, и пытаются устроить мое земное благополучие из моих душевных невзгод. Более того, они вызывают смуту в краю благоденствия и поднимают голову мятежа. Ибо и духовное, и земное благоденствие детей заключается в их надежде и желании постоянно служить долголетию их достойных отцов, и они желают им продолжительной жизни. Ведь если человек не ведет себя должным образом по отношению к земному Божеству, как он сможет действовать правильно по отношению к духовному Божеству?» Пусть люди восхитятся возвышенным разумом, чистой природой и правильным мышлением этого великого (Акбара) и на духовном и на земном плане! Таким образом, величие и слава сияли в каждом действии Его Высочества. То, чего зрелые и опытные достигали размышлениями и заботами, он, лелеемый взором Аллаха, получил без особого труда уже в начале жизненного пути. И всякое знание и наука, которые ученые и старательные [люди] приобретали с большим трудом, попадали в руки этого обладателя чудесных сил без всякого размышления или усилия. Зрелое благоразумие оживило исполненное надежды око мира, узревшее излучаемый очами верховной власти свет, и наполнило радостью [сердца] людей, осознавших непогрешимую мудрость и глубокие познания этого питомца Аллаха. Но, до времени явления [мощи] Халифата, всё это было сокрыто [от глаз смертных], и он проводил свои дни под защитой Аллаха, не тронутый ядом обмана и предательства недоброжелателей.

Глава 53

Поход Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни из Бихсуда
против афганских племен, с
которыми замышлял мятеж
мирза Камран, и бегство
последнего в Индию

320 лено, Его Величеству следовало оставить здесь отряд и отправиться в Кабул. Но некоторые прозорливые заявили, что, поскольку погода стала благоприятной, было бы разумно обрушиться на афганцев и лишить их всего, и до тех пор пока вся эта клика — источник мятежа и раздора — не будет полностью покорена, возвращаться бессмысленно. Таким образом, в их руки попал бы и мирза Камран, тайно живший в этом племени и сеявший семена раздора, и одновременно были бы вырваны корни смуты.

Его Величество Джаханбани согласился с этим мнением и, ведомый победой, сел на коня судьбы, чтобы внезапно напасть на племена и осыпать пылью поражения их головы. Множеству стремительных героев и мастеров меча, таким, как Мухаммад-хан Джалаир, Султан Мухаммад Фавак, шейх Бахлул, Шах Кули Наранджи, под руководством Султан Хусейн-хана было поручено наступать в передовом отряде. Той ночью дул ледяной ветер, и путь был длинен, поэтому на полпути они остановились, чтобы дать отдых людям и животным. Утром они собрались и отправились дальше.

Поскольку племена расселялись здесь и там, было неизвестно, в каком из них находится мирза. Но когда возникла эта трудность, в руки царских слуг попали Махам Али Кули-хан и Баба Хизари, направлявшиеся от мирзы Камрана к Малик Мухаммаду из Мандраура. И те спросили, в каком племени находится мирза. Махам Али ввел их в заблуждение и указал совсем не то племя, где тот в действительности укрывался. Баба же сказал: «Он (Махам Али) испуган и не понимает, что говорит. Мирза находится на такой-то стоянке, я покажу путь». Передовой отряд достиг указанного места на рассвете, ударил, отправив многих в обитель небытия, и захватил множество женщин и детей. Герои вошли в палатку, где спал мирза; Шах Кули Наранджи утверждал, что он был одним из вошедших, а всего там [в палатке] находилось два человека. Один из них был пойман, а другой изловчился и ускользнул. Утром они увидели, что захвачен был бек Мулук, постоянно сопровождавший мирзу, а сам мирза бежал. Некоторые бродяги-афганцы, такие как Шейх Юсуф Карарани и Малик Санги, взялись было за мечи, но затем осыпали себя пылью позора, покинув поле боя. Их добро досталось царским слугам. Победа была одержана еще до прибытия высочайших знамен. Мирза не мог более оставаться в тех краях и отправился в Индию.

321

Когда сердце Его Величества освободилось от заботы о наказании мятежников, а по благоволению Господа была достигнута великая победа — которая могла стать предтечей [цепи] побед, он покинул эту местность и вернулся в Бихсуд. Получив известия, что мирза бежал при обстоятельствах, в которых это мог сделать лишь не ведающий благодарности человек, и ушел в Индию, Его Величество Джаханбани отправился в радующий сердце сад Баг-и-сафа¹, который можно назвать очистителем (*сафа-бахш*) галереи образов души, и устроил там великолепный и блестящий праздник.

Когда дни стали удлиняться и весна вступила в пору расцвета, а свежесть аллей (*хийабан*) и смягчающие сердца ручьи доставляли наслаждение, он послал в Кабул специально назначенных [людей] во главе с Али Кули из Андараба с заданием привести сей весенний цветок — Его Величество Шахиншаха — вместе с целомудренными женщинами, чтобы тот, созерцая чудеса ранней весны и читая страницы

сада роз, мог получить доступ к запретным [для непосвященных] порогам познания Божественного художника и положил начало вознесению благодарственной хвалы [Аллаху].

Его Высочество [Шахиншах] прибыл в кратчайший срок, и Его Величество принес в благодарность [Аллаху] множество даров, что открыло дорогу новым милостям от истинного Благодетеля. После празднеств он в благоприятный час отправился в Кабул.

Глава 54

Его Величество Шахиншах
отправляется в Газни
и возвеличивает это место
своим пребыванием

Поскольку Его Величество Джаханбани понял, что высокие качества руководства и способности к [ведению] дел у Его Величества Шахиншаха возрастают с каждым днем, теперь, когда все заботы были улажены, он решил отослать его на несколько дней — ради 322 испытания его [шахиншаха] величия, чтобы все могли узнать о его талантах, а он получил бы возможность упражняться в искусстве управления. Ибо тот, кто в молодости и по собственной воле сделает благоразумие своим проводником и выкажет великодушие во всех своих действиях, кто, не кичась величием, будет вершить правосудие и [проявлять] справедливость по отношению к простым и бедным, кому достаточно будет истинного единения (со своим родителем или наставником), а физическая отдаленность не опечалит, — тот, несомненно, сможет стать неповторимой жемчужиной Халифата. Так как великолепие этих достоинств, как полагали — вернее, знали, было запечатлено на челе Его Величества Шахиншаха, то его послали в Газни в начале 959 г.х. (в конце декабря 1551 г.). *Атка-хан*, *Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд* и все слуги мирзы *Хиндала* сопровождали его в этом счастливом походе, общее управление которым было возложено на упомянутого *Ходжу*. Он [Акбар] провел там шесть месяцев в бдении и совершенствовании; и превосходство его духа и земных [качеств] было очевидно, поэтому удачливому и ведомому счастливой звездой отроку оказались присущи столь справедливые действия и достойные манеры, каких не встретить даже у людей зрелых и опытных. Он неизменно покорял сердца

верными поступками и почитанием справедливости. Он постоянно стремился утешить страждущих. Он всегда с радостью делал приятное людям, которые обрекли себя на лишения, — тем, кто, препоясав чресла усилий ради очищения своей природы и [приобретения] знаний о Боге, избрал путь нищеты и самоотречения, отвернувшись от радостей и печалей, от похвал и порицаний мирян, и всецело посвятил себя Единственному, Господу миров, у которого нет сотоварищей (Богу).

В это время в Газни жил некий Баба Билас¹, один из восторженных почитателей Господа; погруженный в океан созерцания, он проводил свои дни в скиту, в уединенной хижине. Его Высочество часто навещал его. И этот провидец, [узревший] мастерскую святости, прочел [знаки] мирского и духовного превосходства на его челе и благословил его на [верховное] правление видимым и внутренним царством, а также предсказал долгую жизнь и невиданные почести. Когда же приблизилось время передышки от охоты и пребывания в Газни, он [Акбар], следуя указанию Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, поспешил возвратиться. Причина этого заключалась в том, что Его Величество Джаханбани в Кабуле постоянно занимался делами. Всё его время было [строго] рассчитано и распределено, и ни секунды дня или ночи не проводил он в бездействии или праздности. Но, верша правосудие, утешая сломленных [несчастьями] и следя за положением в царстве, находил удовольствие в прогулках и охоте. Однажды он поскакал в Заму², одно из восхитительных селений [близ] Кабула, и по несчастью упал с лошади и поранился. А поскольку благоразумие сопутствует власти, то поразмыслив о конце всего [земного], из осторожности отослал Его Величеству Шахиншаху письмо с призывом вернуться. Благодаря благоприятному действию его [Акбара] приезда Его Величество полностью поправился.

Глава 55

Поход Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни в Бангаш
и наказание мятежников; поднятие
знамени похода в Индию; захват
мирзы Камрана и возвращение в Кабул

Зимой в конце 959 г.х. (ноябрь 1552 г.) Его Величество Джаханбани решил отправиться в Бангаш, зимнюю резиденцию Кабула. Целью этого похода было покарать бунтовщиков, оставшихся там, а также набрать воинов в свою армию. Чтобы удача ему сопутствовала, он взял с собой Его Величество Шахиншаха — ибо от того непосредственно зависела его [Хумаюна] счастливая судьба — и направился к Гардизу и Бангашу. Афганцев справедливо наказали, а их имущество перешло в руки воинов. Первым нападению подверглось племя абдуррахмани¹, последним — [племя] бармазид². Фатх Шах Афган³, который по своему неразумию и близорукости считал себя мудрым, вводя в заблуждение и других, бежал под натиском победоносной армии и по дороге случайно столкнулся с Муним-ханом, ведущим отряд на соединение с падишахом. Всё его добро попало в руки [царских] воинов, а сам он был ранен и вынужден спасаться бегством. Во время этой сумятицы прибыли с письмом посланники (*вукала*) Султан Адама Гакхара, вождя племени гакхаров, и их радушно приняли. В письме сообщалось, что в его [султана] владения в отчаянии явился мирза Камран; Султан Адам, от чела которого исходил аромат преданности, не хотел, чтобы мирза провел свои дни в скитаниях, [и потому], если Его Величество прибудет, он готов выдать мирзу, чтобы последний мог искупить свои преступления и стать слугой порога верховной власти, а сам Султан Адам засвидетельствовал бы свое почтение.

Следует сказать, что гакхары — это многочисленное племя, населявшее край между Бихатом (Джеламом) и Индом. Во времена кашмирского султана Зайн-ал-абидина туда пришел военачальник из Газни по имени Малик Кид⁴, родственник правителя Кабула, и отнял этот край у кашмирцев. Ему наследовал его сын, Малик Калан, а затем его внук Бир (или Пир)⁵. После него [к власти] пришел Татар-хан, много враждовавший с Шер-ханом и его сыном Салим-ханом⁶. Он считал, что связан с родом Его Величества, так как во время завоевания Индии Его Величеством Гити-ситани Фирдус-макани поступил к нему на службу и хорошо потрудились. Он выказал особую преданность в войне с Рана Санкой. У него было двое сыновей: Султан Саранг и Султан Адам. После [смерти] Саранга род возглавил Адам. Сыновья Саранга Камал-хан и Саид-хан подчинились ему, но затаили недовольство. Джогги-хан, доверенный слуга мирзы Камрана, прибыл вместе с послом Султан Адама и подал прошение от мирзы, полное льстивых и пустых слов.

Абу-л Фазл, автор этого краткого изложения [свода] мудрости и летописец деяний этого благородного рода, сосредоточил свой ум на истории Его Величества Шахиншаха и на повествовании о событиях его славного правления. Лишь для удовлетворения жажды читателей этой бесценной летописи он, в качестве отступления, описал сию величественную родословную от Адама и до наших дней, являющихся эрой наследника Вселенной. Теперь необходимо коснуться злодейств мирзы Камрана и свершения возмездия, явившегося следствием его собственных деяний⁷. Хотя эта благородная хроника слишком возвышенна для описания подобных вещей, всё же ради полноты повествования необходимо обратиться наравне с высшим и к низменному.

Да будет известно слушающим рассказ об этих удивительных происшествиях — каждое из которых достойно поучения святых проповедников, что мирза Камран, потерпев тем утром поражение и с тысячью опасностей спасшийся из рук воинов, не мог оставаться нигде. По своему скудоумию — плоду неблагодарности — и вопреки неудачам, каждая из которых могла привести его на дорогу благополучия, он не подчинился господину, столь милосердному и снисходительному; и, когда пыль раскаяния и сожаления должна была покрыть его лицо, а ему во искупление своих злодеяний надлежало со стыдом и извинениями явиться

лобызать порог, он, преследуемый роком отступник, бежал в Индию, чтобы предстать перед Салим-ханом, сыном Шер-хана (у которого, помимо врожденной неблагодарности, рассудок был помутнен вином беззаботности и возбужден гордыней), и получить от него помощь для собственного уничтожения. Милосердный Аллах! Что толкнуло его обратиться к своему смертельному врагу ради замышления гибели столь надежного друга? Как мог он так унизиться из-за этого и пожелать, чтобы тот (Салим) помог ему бороться со своим благодетелем? Как бы то ни было, до этого довели мирзу злые мысли, и с несколькими сторонниками он направился в Индию. Неподалеку от Хайбера он послал Шах Будаг-хана к Салим-хану, находившемуся в Бане⁸, городе Пенджаба. Посол мирзы прибыл туда и исполнил порученное. Салим-хан понял, что осуществление желаний мирзы вне его (Салима) власти, а потому решил прибегнуть к лицемерию. С посланником он передал немного денег на расходы и распорядился, чтобы тот (Камран) ждал его там, где сейчас находится, обещая послать ему помощь и назначить пособие. Прежде чем посланец воротился к мирзе, к Салим-хану направили Али Мухаммада Аспа. Эта долгая история — лучше бы она была короче — завершилась тем, что, когда мирза приблизился к Бану на расстояние четырех *косов*, Салим-хан послал своего сына Аваз-хана, маулану Абд-ал-лаха из Султанпура и некоторых военачальников встретить его. Афганский правитель (т.е. Салим) принял мирзу так, как не принимают даже врагов или бродячих псов⁹. Его [мирзу] сопровождали Баба Джуджак, мулла Шафаи, Баба Саид Кибчак, Шах Будаг¹⁰, Алам шах, Рахман Кули-хан, Салих *дивана*¹¹, Хаджи Юсуф¹², Али Мухаммад Асп¹³, Тамарташ, Галиб-хан, Абдал Кука и много других падших, чьи имена здесь лучше не приводить. Поскольку деяния неблагодарных и мысли вероломных не доводят до добра, но оканчиваются бедой, то всё, что с ними случилось, стало следствием их поступков. Мирза чувствовал отвращение к дурным манерам этой невежественной шайки (то есть афганцев) и наедине постоянно упрекал Шах Будага, уговорившего его прибыть сюда.

Когда ум Салим-хана успокоился относительно Пенджаба, он отправился в Дихли и взял с собой мирзу, дав ему лживые обещания. Он не уставал повторять, что отпустит его, но не делал этого, намереваясь

заклучить его в одной из мощных крепостей Индии. Когда мирза увидел [истинное] положение дел и невозможность помощи или освобождения, то решился бежать. Он послал Джоги-хана, своего преданного слугу, к радже Баху, который находился в 12 *косах* от Мачивары [Мачхивары], и попросил помощи. Раджа принял посланника доброжелательно и обещал свое покровительство. Однажды, когда Салим-хан переправлялся через реку Мачивару, мирза оставил Юсуфа *афтаб-чи* в своем спальном наряде и условился с Баба Саидом, что тот будет долго читать вслух какую-нибудь книгу — чтобы думали, будто мирза прилег. Сам же он сменил свои одежды, опустил на лицо покрывало, а затем вышел с загороженной стороны [шатра] и поспешил в обещанное убежище. Раджа оказал ему хороший прием, но когда пришла весть, что на его поиски послано войско, направил его к радже из Кахлура — это было самым безопасным местом поблизости. В свою очередь последний, из страха перед врагом, послал мирзу дальше, в Джамму, дав ему проводника. Но раджа Джамму, опасаясь за свои земли, не позволил ему вступить на эту территорию. В смятении и замешательстве мирза направился в Манкот. Там его чуть не поймали, и он, снова переодевшись в женское платье, бежал к Кабулу вместе с афганским торговцем лошадьми. Замышляя дурное, он направился к Султан Адаму Гакхару, полагая, что ему, быть может, удастся убедить племя гакхаров действовать с ним заодно, совершая постыдные деяния. Но Султан Адам проявил преданность. Под разными предлогами он удерживал мирзу под надзором, а сам послал сообщение к высокому двору. Мирза, увидев неутешительные знаки в поведении этого племени, был вынужден обратиться к коварству и — как уже говорилось — отправил прошение. Он пытался убедить гакхаров присоединиться к нему, однако потерпел неудачу. Он даже не старался сбежать, ибо у него не было пристанища; помимо того, к нему была приставлена стража, и он испытывал усталость, а потому понимал, что ускользнуть будет трудно. Ему пришлось остаться в этом племени, и он понял, что любая вредоносная мысль, питаемая недоброжелателем по отношению к власти, украшенной Божественным величием и хранимой [Божественным] покровительством, теряет свою силу, а сам недоброжелатель обрекает себя на вечное наказание.

Когда посланник Султан Адама объяснил положение дел, Его Величество решил двинуться в Индию, в земли гакхаров. Он послал Ходжа Джалал-ад-дин Махмуда для охраны и управления Кабулом, а сам двинулся вперед, взяв с собой шахиншаха ради благоволения удачи. Он затянул пояс решимости на талии усилий, чтобы положить конец злодеяниям мирзы Камрана, освободив мир от его смут и пороков. Когда знамена победы достигли Инда, он послал Кази Хамида, главного судью победоносного лагеря, к Султан Адаму, прося его прибыть. Он также послал мирзе мудрый совет с призывом очистить свое сердце от ржавчины сопротивления и раздоров. Вслед за тем он пересек Инд, но не обнаружил следов Султан Адама, которого как владельца этих земель, видимо, охватили необоснованные опасения. Его Величество послал Муним-хана успокоить того и привести с собой. Он также передал мирзе несколько слов, которые могли бы вывести его с пути неудач. Кроме того, на Муним-хана возлагалась задача определить по их действиям и поведению, каковы их тайные замыслы, и доложить об этом. Он [Муним-хан] показал свои способности: с помощью уловок и военной хитрости Султан Адам доставил мирзу и засвидетельствовал почтение близ Пархалы. Его Величество устроил пир, продолжавшийся всю ночь. Несмотря на множество преступлений, каждое из которых заслуживало наказания, мирзу Камрана милостиво приняли. Все верные военачальники и благоразумные подданные считали, что, хотя доброта и благожелательность Его Величества всегда требовали облачения великих преступников в одежды прощения при высочайшем дворе, [на сей раз] предусмотрительность и твердость велят, чтобы угнетатель и тиран рода людского получил по заслугам, а пыль [его] злобы была сметена с лица человеческого благоденствия. Мудрая осторожность указывала, что внешнее благополучие одного человека, и притом недоброжелателя, не следует предпочитать благополучию многих отличившихся верных. Разве пошатнется стена правосудия, если во имя того, чтобы перевязать сломленных несчастьями и исцелить раны истерзанных душ, в картинной галерее мира уничтожат портрет тирана? К тому же это дает тысячи преимуществ. Уничтожение этого никчемного человека будет в любом случае богоугодным делом, соответствующим общепринятым законам. Подобная неблагодарность и мятеж не допускали надежды на безопасность,

и невозможно было забыть происшедшее. Эта история не вписывалась ни в какие границы, и ее невозможно оказалось теперь распутать (*такатха так шуда*). И для него [для мирзы], и для всех остальных было желательно, чтобы он отправился в мир небытия, и божьи создания спаслись бы от тысяч несчастий, а запись его деяний не стала еще ужасней. Сколько людского добра было разграблено и расхищено в смутах, вызванных этим нечестивым мятежником: имущество и честь [многих] унес ветер раздоров, а жизнь стольких людей ценилась не больше пыли; драгоценный камень искренности, украшающий шею добродетелей, затерялся во мгле беспорядков. И теперь лучше всего было бы вырвать этого человека из когтей заслуженного возмездия [в Судный день] и даровать людям спокойствие под сенью правосудия.

Его Величество Джаханбани полагался на мудрость и благосклонность Причины всех причин (Аллаха) и отказался участвовать в подобном деле. Он не хотел верить в то, что Украшающий мир Создатель, несмотря на свое могущество, был способен сотворить столь отъявленного негодяя (как мирза Камран). Поразмыслив над этой глубокой мыслью, проницательный ум [падишаха] воспользовался мудростью Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани и отверг предложенное. Его [Хумаюна] военачальники, бывшие свидетелями многочисленных кровопролитий и раздоров, вызванных этим дерзким кровопускателем, были тверды в своем требовании: они обратились к толкователям закона, и те подтвердили их решение; [и тогда] они составили документ, который подписали первые люди государства и религии, и положили этот свиток перед Его Величеством. Падишах послал его мирзе Камрану, который, ознакомившись со списком своих преступлений и (предложенным) наказанием, ответил, что те, кто поставил сегодня свои печати [в прощении] о его смерти, и толкнули его на этот путь. Дух милосердия, несмотря на всеобщие настояния и множество причин, не позволял Его Величеству пролить кровь мирзы. Наконец, во имя общего блага был издан специальный указ, и мирзу лишили зрения. Исполнителями назначили Али Доста *барбеги* (распорядитель), Сайид Мухаммада Пакну и Гулам Али *шаш-ангашта*¹⁴.

Когда они вошли в палатку мирзы, тот решил, что это его убийцы, и набросился на них с кулаками. Али Дост сказал: «Мирза, успокойся,

у нас нет приказа убить тебя. Почему ты так возбужден? Ты ослепил Сайида Али¹⁵ и многих других невинных людей, и потому правосудие требует, чтобы ты искупил это собственными глазами». Услышав это, мирза согласился подчиниться царской воле и выдержал испытание. Они выкололи оба его глаза, стражей мятежного сердца. Эти верные слуги из осторожности использовали ланцет несколько раз. Мирза, благодарный за то, что ему сохранили жизнь, не произнес ни слова протеста. С присущей ему добротой Его Величество выразил свое сожаление и двинулся дальше. Много слов любви и утешения сошло с его уст. Так в конце 960 г.х. (ноябрь—декабрь 1553 г.) произошла развязка [драмы]. Ходжа Мухаммад Муман из Фаранхуда¹⁶ вывел хронограмму из слова *ништар* (ланцет), дающую число 960.

В тот же день мирза послал за Муним-ханом, чтобы любым путем уговорить того обратиться к Его Величеству с просьбой отдать ему в услужение бека Мулука. Просьба была немедленно удовлетворена, и бека Мулука послали к нему. Мирза, сильно привязанный к беку, взял его за руки и, положив их на свои невидящие глаза, произнес эти стихи:

329

Хотя покрывает глаза мои пелена,
Я смотрю на тебя тем же взором, что так часто
твой лик лицезрел.

После этого события Его Величество решил покарать бродяг Джанухи¹⁷, чинивших препятствия на дороге. Презренные бунтовщики не пожелали надеть ворот повиновения и погибли, сражаясь с героями, не знающими поражений. Ходжа Касим Махди и некоторые другие из армии удачи достигли славы мученичества.

Когда Его Величество освободил свой разум от [тягостных] забот, он решил идти в Кашмир, ведь замысел появился у него уже несколько лет назад. Однако его военачальники считали этот поход нежелательным и стали поносить Кашмир, сравнивая его с колодцем или тюрьмой¹⁸; чтобы заставить священное сердце отказаться от смелого предприятия, они заявили: «Слухи о походе победоносной армии вызвали смятение в Индии, и Салим-хан тщательно готовится, чтобы двинуться на Пенджаб; с нашей же стороны не было настоящей подготовки»;

«Если мы выступим, и афганская армия приблизится к нам, как сможем мы обойти ее и двигаться дальше в Кашмир? Кашмирский поход может оказаться долгим, и если злобно настроенные афганцы займут перевалы, чем это может кончиться? Лучше оставить мысль о походе и вернуться в Кабул, чтобы изгнать проникшего к нам предателя. Когда военные приготовления завершатся, мы вставим стопу отваги в стремя энергии и, день за днем развивая мощь успеха, раздавим афганцев». Его Величество выслушал эти слова и не обратил на них никакого внимания; он послал Его Величество Шахиншаха со многими военачальниками защищать Кабул, а сам направил повода к Кашмиру, намереваясь тронуться в путь. Действуя по злобному наущению продажных военачальников, не заботившихся ни о чем, кроме собственной выгоды, большинство слуг и воинов покинули своих хозяев и отправились в Кабул. Служить Его Величеству остались одни высокопоставленные чины. Это позорное поведение, далекое от стези преданности и повиновения, нарушило равновесие величественной души. Он приказал верным людям возвратить воинов любыми средствами, а при необходимости без колебаний предать их смерти. Сам же он тем временем искал предзнаменований в священном Коране¹⁹. Так случилось, что это оказалась история правоверного Йусуфа²⁰. Те, кто получил дозволение говорить, 330 принялись толковать ее, продумывая [детали] с большим тщанием. Ходжа Хусейн из Мерва заявил, что сказанное о Кашмире — будто он подобен колодцу или тюрьме — истинно, ибо в истории Йусуфа упоминается и то, и другое.

Поскольку среди сторонников Его Величества возник разлад, он, вынужденный отказаться от своего замысла, двинулся к Кабулу. Когда он расположился лагерем у Инда, мирза Камран попросил дозволения отправиться в Хиджаз²¹. Так как Его Величество теперь желал сделать ему приятное, то дал свое согласие. В ночь, когда мирзе разрешили уехать, он [падишах] направился с несколькими избранными сторонниками в его шатер²². Оказав ему подобающее почтение, мирза произнес следующие строки:

Складка чалмы бедняка касается неба,
Когда тень подобного тебе повелителя упадет на его голову²³.

Чуть позже он произнес такой стих:

Всё, что случится со мной по воле твоей, — повод
для благодарности,
Будь это стрела жестокости или кинжал тирана.

Хотя второе двустопишье похоже на благодарение, внимательный заметит, что оно преисполнено осуждения. Его Величество, воплощение сострадания и доброты, не обратил на это внимания, но выразил одобрение. Он вдохновенно произнес: «Тот, кому известны тайны и то, что сокрыто от глаз, знает, как сильно я стыжусь этого деяния, произошедшего не по моей воле. Наверное, ты сделал бы это ранее со мной»²⁴. Мирза пробудился ото сна пренебрежения и постиг меру своих злодеяний, а также степень царской милости. Стыд и смирение овладели им, и он спросил Хаджи Юсуфа, кто присутствовал здесь. Хаджи Юсуф назвал их: Тардибек-хан, Муним-хан, Бабус бек, Ходжа Хусейн из Мерва²⁵, Мир Абд-ал-Хай, Мир Абд-ал-лах, Ханджар бек и Ариф бек. Мирза сказал: «Друзья, будьте все свидетелями, что если б я считал себя невиновным, я мог бы заявить об этом теперь, когда Его Величество отличает меня своим посещением; но я уверен, что заслуживал смерти. Он же даровал мне жизнь и позволил отправиться в Хиджаз. Я приношу тысячу благодарностей за милосердие и расположение Его Величества, за то, что он не подверг меня наказанию, соразмерному моим злодеяниям и дурному поведению». После этого он попросил покровительства для своих детей. Его Величество охотно пообещал заботиться о них. Одарив мирзу царственными милостями, он распрощался с ним. Ранее договорились, что мирза не будет стенать в присутствии Его Величества, и потому он сдерживался, но как только Его Величество отошел к своему шатру, он сокрушенно залился слезами.

331

На следующий день был объявлен указ, гласивший, что слуги мирзы, желающие сопровождать его, могут это сделать. Никто не откликнулся. Те, кто похвалялся своей привязанностью, забыли о ней. Чалма Кука²⁶, благодаря своей совершенной преданности и верности Его Величеству Шахиншаху носивший титул хан-алама и, как будет рассказано позже, отдавший жизнь за своего благодетеля и властелина

смертных, присутствовал [на приеме]. Прислужник у стола (*сафарчи*) Его Величества, он пользовался благосклонностью царя. Его Величество Джаханбани спросил, отправится он с мирзой или останется с ним. Несмотря на великолепие придворной службы и избыток царских милостей, тот предпочел преходящим удовольствиям стезю преданности и ответил: «Я думаю, что моему положению приличествует служить мирзе в мрачные дни его беспомощности и темные ночи одиночества». Его Величество, сей пробный камень знаний людей и источник гармоничного существования последних, очень одобрил его преданность и, хотя ценил его услуги, разрешил ему уехать. Он вручил ему деньги и товары, чтобы расплачиваться по дороге, и послал его к мирзе. Бек Мулук, несмотря на давние связи с мирзой, прошел с ним лишь несколько переходов и вернулся, чем вызвал резкое неодобрение Его Величества, который, несмотря на внешнюю доброжелательность, перестал относиться к нему с уважением²⁷.

Мирза направился в Татту через Инд, а оттуда к месту своего назначения (Мекке). Он трижды совершил паломничество и окончил земное существование 11 зу-ль-хиджжа 964 г.х. (5 октября 1557 г.) в Мекке²⁸, произнеся в ответ на Божественный зов: «Я пред Тобою»²⁹.

332 Так как цепь рассказов о мирзе Камране на этом заканчивается, я спешу вернуться к основной теме и сообщаю, что, когда злобные афганцы разрушили крепость Бикрам, известную как Пешавур, где располагался лагерь Его Величества, он решил отстроить ее и, оставив там отряд своих сторонников, двинуться в Кабул: ведь восстановление этой крепости означало начало покорения Индии. Военачальники жаждали вернуться в Кабул и ни за что не желали здесь задерживаться. Его Величество Джаханбани энергично принял за дело и в короткое время отстроил крепость. Пахлван *Дост мир барр*, повинаясь приказу, распределил работу среди военачальников, и вскоре строительство крепости было завершено. Сикандар-хана Узбека оставили охранять ее, а Его Величество проследовал в Кабул.

Некоторое время спустя афганцы предприняли мощную атаку крепости, но Сикандар-хан доблестно оборонялся и сумел отразить ее. В начале 961 г.х. (декабрь 1553 г.) Кабул был возвеличен прибытием Его Величества. Женщины [его гарема] пожаловали к нему

с поздравлениями. Он же отвечал, что поздравления неуместны, а история мирзы Камрана — не повод для них, поскольку свершившееся подобно тому, как если бы он сам ослепил себя. Военачальникам пожаловали милостивые грамоты. Одну послали Абд-ар-Рашиду, правителю Кашгара, который не забывал о родственных связях и сохранял дружеское расположение [к падишаху]. В письме сообщалось о происшедшем, и передали его через надежные руки. Пока Его Величество следил за государственными делами и раздавал награды и наказания, его целомудренная жена Мах Джуджак бегим³⁰ ночью в среду, 15 джумада ал-аввала [961 г.х.] (19 апреля 1554 г.), после прошествия 2 дангов³¹ знака Стрельца, родила ему сына. Его Величество назвал его Мухаммад Хаким. Хронограммами его рождения были *Абу-л-мафахир* и *Абу-л-фазайл*, и поэтому он получил эти родовые имена (*канийат*)³². Врата радости распахнулись, и вознеслась хвала Аллаху. Примерно в это же время Каниш бегим, дочь Джуджука из Хваризма (Хорезма), родила сына, названного Ибрахим Султаном. Вскоре он отправился в благословенную страну (*алам-и-кадс*) [то есть умер].

Он был вспышкой света высоких небес:

Рождение и смерть соприкоснулись.

Глава 56

Поход Его Величества в Кандагар и возвращение оттуда

333 В начале зимы этого года [961 г.х. — 1553 г.] Его Величество решил отправиться в Кандагар, а не в Индию, поскольку кое-кто из разжигателей распрей оклеветал Байрам-хана. Это и заставило его избрать сей путь. Управление Кабулом было доверено Али Кули-хану из Андароба, а Божественный питомец, зеница Халифата, оплот славы, Его Величество Шахиншах сопровождал своего отца до Газни. *Вакилы* принца, отвечавшие за этот город, прилежно исполнили долг гостеприимства. Когда царские знамена покинули Газни, наследник вернулся в Кабул. Байрам-хан счел прибытие царя великой честью и поблагодарил за это от всего сердца, полного преданности; он засвидетельствовал свое почтение в селении Шорандам, в 10 лигах¹ от Кандагара, и Его Величество убедился, что донесения о нем далеки от истины. В благоприятный час он прибыл в Кандагар. Устроили великолепные празднества. Из отличившихся слуг там присутствовали Шах Абу-л-маали, Муним-хан, Хизр Ходжа-хан, Мухиб Али-хан, (сын) Мир Халифы, Исмаил Дулдай и Хайдар Мухаммад Ахтабеги. Из *Ахл-и-Саадат*² (ученых или образованных) были Ходжа Хусейн из Мерва, маулана Абд-ал-баки *садр* и другие: Байрам-хан не пренебрег ни одной деталью [этикета] вежливости, и вся зима прошла в Кандагаре в развлечениях и удовольствиях. И все суммы на личные расходы царя выплачивались из казны Байрам-хана. Всех слуг двора он поселил в домах собственных подданных, позаботившись об их прятном досуге. Всё это время Его Величество Джаханбани проводил в чувственных и умственных наслаждениях³, в духовных и мирских радостях, пировал,

развлекался, посещал скиты отшельников и кельи чистых ревнителей веры, раздавая им щедрые пожертвования соразмерно их положению. Среди прочих он часто посещал маулану Зайн-ад-дин Махмуда Камангара⁴ (мастера по изготовлению луков), бывшего решительным противником всего земного, и немало святых слов было произнесено ими обоими. Они вели беседы об осуществлении желаний во времени и в вечности.

Ходжа Гази, ездивший с посольством в Персию и приехавший в Кандагар с подарками еще до прибытия Его Величества, вернулся на службу, где, благодаря своим заслугам, получил высокий пост в *диване*. Примерно в это же время Муаззам султан⁵ вернулся из Замин Давара⁶ и поступил на службу. Михтар Кара, один из преданнейших приверженцев Мухаммад-хана из Герата, также прибыл с ценными подношениями и был принят на службу. Он передал заверения в преданности и удостоился милостей. Ради государства и для сердечной улады он принял участие в охоте *камарга* в окрестностях Шорандама. Это пришлось по сердцу военачальникам, а Его Величество увидел в этом знак достижения своих желаний.

334

Одним из несчастий, случившихся в Кандагаре, стало убийство Шер Алибека, [совершённое] Шах Абу-л-маали. Вкратце дело обстояло следующим образом. Шер Алибек⁷, отец Карабека *мир шикара*⁸, без позволения покинул шаха Тахмаспа — правителя Персии и поступил на царскую службу. Шах Абу-л-маали, опьяненный благосклонностью двора, оказываемыми ему почестями и своим мужеством, вышел из круга умеренности и совершил сумасбродные выходки. И, поскольку ярый фанатизм мятежников пошатнул основы его веры, он нередко открыто заявлял при дворе Его Величества Джаханбани, что убьет этого неверного. Благоволя к нему, Его Величество принимал эти слова за шутку и не обращал на них никакого внимания. Наконец Абу-л-маали, одурманенный фанатизмом, как-то ночью напал на этого чужестранца и пролил его кровь! Его Величество был крайне недоволен, но близкое, хотя и не кровное, родство⁹ послужило завесой преступления и удержало его от наказания за злое дело.

Когда непоколебимая преданность Байрам-хана была доказана, и всем стало очевидно, что он неуклонно придерживается пути

покорности и доброго служения, Его Величество утвердил его в правлении Кандагаром, которое ранее собирался доверить Муним-хану. Он забрал Замин Давар у Ходжа Муаззама и отдал его Бахадур-хану, брату Али Кули-хана. Успокоив свой ум в отношении государственных дел, он вернулся в Кабул с намерением завоевать Индостан. Он разрешил Байрам-хану уехать, чтобы тот мог подготовиться к этому походу и присоединиться со всей возможной быстротой. Его Величество взял с собой Вали бека¹⁰ и Хаджи Мухаммада Систани¹¹, ибо о них ходили [темные] слухи, и эти люди могли поднять мятеж. Недалеко от Газни его встретил Его Величество Шахиншах, и эта встреча оказалась подобна соединению благоприятных планет¹². Мухаммад Кули-хан Барлас, Атка-хан (Шамс-ад-дин) и многие другие выразили свое почтение, и в конце 961 г.х. (октябрь 1554 г.) Кабул был ознаменован Божественной славой его прибытия.

335 В это время Муним-хана возвели в должность наставника Его Величества Шахиншаха. Хотя по традиции Его Величество даровал звание наставника (*аталик*) немолодому человеку, в действительности же он послал его учиться мудрости у этого проявления Мирового Разума, словно ребенка. Муним-хан вознес хвалу небесам за этот великий дар и устроил великолепный праздник. Он также поднес ему достойные дары и, таким образом, подготовил собственное возвышение. В том же году Улуг бек, сын Халхал султана, прибыл на территорию правителя Персии и вручил подарки, давшие повод для великой радости. Его Величество постоянно следил за отправлением правосудия и занимался приготовлениями к завоеванию Индостана. В это время один из дервишей, известный в других землях (*вилаят*), прислал в дар пару сапог. Его Величество Джаханбани объявил, что видит в этом благоприятный знак для завоевания Индостана: ведь поговорка гласит, что Туркестан — голова, Хорасан — грудь и Индостан — ноги (мира). Он сказал, что это предзнаменование подобно упомянутому Его Величеством Сахиб-Кирани, явленному в год, когда тот двинулся из Мавераннахра на завоевание Хорасана и прибыл в селение Андархой, где посетил жившего там дервиша по имени Санги Ата¹³, известного чистотой своего сердца и чудесами. Во время заранее приготовленного (*ма хазар*) завтрака дервиш положил перед ним грудную кость овцы. Его Величество

(Тимур) заметил своим придворным, что видит в этом знак для завоевания Хорасана, потому что Хорасан звался «грудью мира».

Байрам-хан вернулся на следующий день после праздника рамазана [Ид — 2 шаввала — 31 августа 1553 г.]. Его Величество, чтобы доставить ему удовольствие и из любви, питаемой к нему, дал еще один пир, [устроив] развлечение более великолепное, чем во время Ида. В этот радостный день провели состязания для наездников и искусных лучников, а царственный всадник равнины удачи, дитя весенней поры славы, Его Величество Шахиншах ощутил желание принять участие в состязаниях в стрельбе в *кабак*¹⁴ и показать собравшимся свое мастерство лучника, чтобы привести их на путь преданности. С первого же раза, прицелившись в *кабак*, в который не смогли попасть даже опытные воины, он пустил стрелу прямо в перевязь золотого мяча. При виде этого очевидцы закричали от восторга. Это казалось чудом для поверхностных наблюдателей, но что необычного было в этом для тех, кто просвет- 336
ленным взором смотрел на истинное зрелище дивного волшебства владыки мира? Что странного в том, что человек, являющийся источником истинных чудес, показывает необыкновенное на земле? Байрам-хан сочинил похвальный стих о стрельбе Его Величества в *кабак* и прочитал ее на празднике.

Первое двестишие звучит так:

Твоя стрела сорвала с крюка¹⁵ перевязь золотого мяча,
Она, как метеорит, описала дугу, касающуюся Плеяд.

Среди развлечений, когда мысли о завоевании Индостана зажгли сердца верных слуг, от преданных людей Индостана пришли жалобы, донесшие до царского слуха весть о смерти Салим-хана и волнениях в стране.

Глава 57

Краткий рассказ о событиях и невзгодах, происшедших в Индостане в дни волнений

Поскольку нить повествования протянулась уже так далеко, необходимо, чтобы летописцы вкратце поведали об Индии, дабы здравомыслящих членов разумного собрания не охватило нетерпеливое ожидание. Когда 11 раби ал-аввала 952 г.х. (23 мая 1545 г.) Шер-хан, захвативший власть жестокостью и процарствовавший как тиран 5 лет 2 месяца и 13 дней, отправился в небытие, его место через 8 дней занял при поддержке военачальников его младший сын, Салим-хан. Он правил 8 лет 2 месяца и 8 дней. Какое-то время он воевал со своим старшим братом Адил-ханом и Хос-ханом. Последний был рабом Шер-хана и завоевал среди простого люда репутацию святого¹, верша «правосудие» на публику (*аблатарази* — возможно, «успокоение волнений»), обманом (*гурбзат*) захватывая чужое и раздавая украденное у ученых мужей имущество [людям] низким и невежественным. Так как борьба с собственным господином, пусть даже недостойным, не может увенчаться успехом, планы бунтовщиков провалились. Салим-хан воевал также некоторое время с племенем нияз, правившим в Пенджабе под предводительством Хайбат-хана. Племя потерпело поражение и в ущельях Кашмирских гор погрузилось в бездну уничтожения. Он также некоторое время был вовлечен в борьбу с гакхарами, в которой не преуспел из-за того, что слуги его не смогли взять верх над [противником], а (гакхары) были преданы священному роду (Тимуридов). Он завершил строительство крепости Рохтас, начатое еще Шер-ханом. Когда он находился в горах Сивалик, его охватило дурное предчувствие,

и он заложил крепость Манкот в качестве своего убежища. Долгое время он испытывал мучительный страх перед афганскими бродягами и [страдал] по причине собственной несправедливой жизни, влача существование в крепости Гвалиар. Хотя он справедливо обращался с крестьянами, с солдатами же вел себя очень сурово. 22 зу-ль-каада 960 г.х. (30 октября 1553 г.) он умер от инфицированной язвы, образовавшейся из-за нагноения раны на ноге. Согласно его воле, наследником был назначен совсем еще юный Фируз-хан, но через несколько дней власть захватил дядя Фируза по материнской линии, Мубариз-хан, умертвив невинное дитя и приняв имя Мухаммад Адил. Он являлся сыном Низам-хана, младшего брата Шер-хана. У Низама был один сын и три дочери. Странность заключалась в том, что его сын стал правителем, а мужья трех дочерей — Салим-хан, Сикандар Сур и Ибрахим Сур достигли высокого положения. О двух последних коротко будет поведано дальше. Химу, доносами, интригами и клеветой доставлявший удовольствие правителям, которым необходимо знать всё о своих подданных², и устраивавший дело так, что получаемое удовольствие скрывало от их проницательных взоров [его] значительные недостатки и природную злобу, достиг высокого положения и стал везиром сего тирана, проводившего всё свое время в спортивных играх, увеселениях и разврате и не занимавшегося государственными делами. В мире царило смятение. Теперь, когда рассказ наш зашел так далеко, необходимо вкратце рассказать о Химу.

РАССКАЗ О ХИМУ

Пусть исследователь чудес Господней мощи изучит внимательным взором историю Химу, и да станет она ему предостережением. С виду он был человеком без роду (*хасб*) без племени (*насаб*), не обладавшим ни красотой (*сурат*), ни благородными качествами (*сайрат*). Быть может, несравненный Аллах возвысил его по какой-то тайной причине, скрытой от глаз проницательных, а возможно, Он послал наихудшего, дабы наказать неправедных людей века. Одним словом, этот порочный, жалкого вида человек с большими амбициями был мелким торговцем из Ревари³, местечка в Мевате. Родом (*насаб*) он был из племени дхусар и происходил из самого низкого сословия торговцев в Индии. В самых

задних рядах [базара] он торговал селитрой (*нимак-и-шор*) и тысячами разочарований (*ба хазаран бинимаки*), пока однажды при помощи хитрости не стал главным торговцем при Салим-хане, о котором уже вкратце было поведано ранее. При помощи величайшего коварства он привлек внимание Салим-хана доносами и деловыми качествами. Он [Химу] всегда вовлекал людей в неприятности. Он создавал видимость преданности своему господину, но на деле преследовал лишь собственные цели, приумножая богатство за счет имущества угнетенных. Прочь, прочь! Он готовил погибель своему властелину и рубил топором собственную опору. Вот в чем великие мира сего совершают большую ошибку, ибо из-за своего стремления узнать побольше о людях, они плодят коварных доносчиков [привечая последних] с целью узнать секреты и наказать недоброжелателей. И хотя они обещают себе не использовать полученные сведения для очернения и во вред добропорядочным и преданным [подданным], всё же всякие с виду достойные, но внутренне подлые и коварные люди никогда не упускают предоставляемой им возможности и в личных интересах клеветают на верноподданных лживыми языками, в то время как великие мира сего зачастую забывают о собственном обещании из-за множества дел и проявляют подозрительность, подрывая тем самым основы своей власти.

Итак, сей порочный человек благодаря наветам вскоре завоевал благосклонность Салим-хана и занял одну из высоких должностей. Когда Салим-хан завершил свой жизненный путь, а преступная власть в Индии перешла в руки вышеупомянутого Мубариз-хана, двоюродного брата Салим-хана, Химу, заметив, что тот пренебрегает земными делами, взял власть в свои руки и достиг положения главнокомандующего. У Мубариз-хана, обычно называемого Адли (тиран)⁴, остался лишь титул царя. Химу присвоил все полномочия по жалованию должностей и увольнению и по вершению правосудия. Он намеревался завладеть казной Шер-хана и Салим-хана и их слонами. Он мог свободно распоряжаться их имуществом. Его низкие должники боготворили его, исполняя любой его приказ. Некоторое время он носил титул *рай*, а потом наделил себя титулом раджи, приняв имя раджа Викрамадитья⁵. Так в своем невежестве он награждал себя великими именами. Он предусмотрительно сохранил за Адли звание правителя и воевал с его

врагами. Бесстрашие и доблесть помогли ему одержать победу и совершить великие подвиги. Он прославился своим мужеством и изобретательностью. Успех так вскружил ему голову, что он осмелился бросить вызов возвышенному войску Его Величества Шахиншаха. Но так как сия священная личность была «пробным камнем» добра и зла, фальшивую монету Химу обнаружили, а его черная жизнь оказалась уничтожена светом всемирной справедливости! Однако об этом будет рассказано в надлежащем месте.

Итак, описав одно из тысячи злодеяний Химу, вернусь к рассказу об Индостане.

Когда повелителем Индии стал Мубариз-хан, дела пошли еще хуже, чем раньше. В сущности отец и сын (т.е. Шер-хан и Салим) добросовестно занимались [государственными] делами. Увы! Они провели свои дни в неверности и неблагодарности! Если бы эти двое служили возвышенным порогам Его Величества Шахиншаха, и управление внутренними делами поручили отцу, а войска доверили сыну, они были бы окружены царскими милостями и заслужили бы доброй службой жизнь, которую мудрецы называют истинной. Такие подданные были достойны подобного господина. Что касается правления черни, к которому приводят восстания, то мудрые считают это хуже смерти.

Одним словом, когда умер Салим-хан, Мубариз-хан повел себя как никто другой! Муж сестры Салим-хана Ахмад-хан Сур, правитель Пенджаба, стал претендовать на место правителя и провозгласил себя Сикандар-ханом. Мухаммад-хан, близкий родственник Шер-хана и бывший правитель Бенгалии, также стремился к власти. Попытку захватить власть в Индии предпринял еще один родственник, Ибрахим-хан Сур, в то время как Шаджаат-хан, известный как Саджавал-хан, поднял восстание в Малве. Афганские бродяги объединились и учинили беспорядки⁶. Сикандар собрал армию из жителей Пенджаба и других бродяг, вознамерившись напасть на Агру. Мубариз-хан и Ибрахим выступили с этим же намерением. Наконец, по желанию Химу, Мубариз-хан двинулся на восток, и близ Агры произошло сражение между Сикандаром и Ибрахимом. Ибрахим потерпел поражение и был вынужден отступить, а его отец Гази-хан Сур, правитель Бианы, укрылся в крепости. Дела Сикандара шли успешно, и он захватил территорию

от Инда до Ганга. Собрав армию, выступил на восток, дабы предъявить претензии на трон и стать единоличным правителем. В это время прогремел гром наступления Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни с целью завоевания Индии. Татар-хану и Хабил-хану с огромным войском было приказано оборонять Пенджаб. Мухаммад-хан, правитель Бенгалии, решил избавиться от Мубариз-хана и других соперников. После некоторых событий возле Чаппаргаты произошла битва между ним, Мубариз-ханом и Химу, и Мухаммад-хан потерпел поражение. Сокровища Шер-хана и Салим-хана попали в руки Химу. Тот погрузился в мирские наслаждения, и дела его, казалось, пошли вверх. В это же время он вел войну с Ибрахимом и другими претендентами на трон, одерживая победу за победой. Не умея ездить верхом, [Химу] предпочитал паланкины на слонах (*синдук-и-фил* или *хауда*); смело и дерзко тратил присвоенные им деньги и вершил великие дела, которые невозможно представить. Поскольку Сикандар укрепился в Агре, он [Химу] направил [свои стопы] в Бихар и Бенгалию. Хизр-хан, сын Мухаммад-хана, занял место отца, приняв высокое имя Султан Джалал-ад-дин. Он обратился к управлению Бенгалией. Мубариз-хан и Химу решили направиться в Бенгалию, но потратили некоторое время на то, чтобы избавиться от соперников. Однако, не имея желания описывать эти подробности, я их опускаю и возвращаюсь к основному повествованию.

Глава 58

Поход Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни в Индию и победа,
одержанная им там благодаря удаче,
сопутствующей Царю Царей (Акбару)

Да не укроется от глаз тех, кто жаждет необычных впечатлений и внемлет возвышенным речам, что, когда до слуха Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни вновь дошли известия о беспорядках в Индии, мятежах и бесчинствах в этом средоточии мира и спокойствия, о которых было вкратце поведано ранее, он выступил в поход, ранее запланированный в тайных уголках его дальновидного разума. Отправив всех благочестивых женщин своей семьи в Кабул под Божественную защиту, он назначил Шах Вали бакавал-беги телохранителем мирзы Мухаммад Хакима. Заботу о женщинах и делах провинции Кабул возложили на Муним-хана, и Его Величество отправился в путь в середине зу-ль-хиджжа 961 г.х. (приблизительно 12 ноября 1554 г.) в благоприятный час, когда небесные движения сулили славу, а положение звезд — величие. Питомцу Божественного света, Его Величеству Шахиншаху, было тогда 12 лет и 8 месяцев¹ от роду. Совершенный разум сего великого мужа обоих миров не представлялось возможным измерить. Он стал авангардом воинства духовных и мирских побед. В день выступления в поход доброе предзнаменование было найдено в «Диване» Хафиза. Так как великое начинание становилось явным, глашатаи радостных событий возвестили об этом повсеместно во весь голос и тысячами языков. Следующее возвышенное и выдающееся двустиишие (*шахбайт*) на благородной странице стало провозвестником победы, словами, начертанными на челе власти.

Вы призовите власть благословенной птицы
(мург-и-хумаюн), ее тени,
Ибо не царственное оперение у ворона и коршуна².

341

Хотя мудрые увидели в этих истинных строках победу Его Величества Джаханбани, проникательные [обитатели] Дворца мудрости прочли в них предвестие великого Халифата и наступление верховной власти Его Величества Шахиншаха и пребывали у врат в ожидании возвышенного полета священной птицы³. Его Величество Джаханбани уверенно взял в свою могучую руку Божественное благословение, ухватив крепкую вервь Небесного знамения, и отправился в поход с небольшим отрядом — менее 3000 человек, сопровождаемый неисчислимым для земных счетоводов Небесным воинством. Байрам-хан испросил соизволения остаться в Кабуле, дабы уладить некоторые государственные дела и подготовить снаряжение. Его Величество Джаханбани двинулся из Джалалабада вниз по реке на плоту⁴ и расположился лагерем у Бикрама (Пешавар) в конце мухаррама 962 г.х. (приблизительно в конце декабря 1554 г.). Сикандар-хан Узбек, сослуживший хорошую службу, был осыпан милостями и в тот же день возведен в ранг хана. 5 сафара [962 г.х.] (31 декабря 1554 г.) берег реки Синд, известный как Нилаб, избрали местом стоянки, где [царская армия] провела три дня. Сюда из Кабула прибыл Байрам-хан и со слов нескольких разведчиков сообщил хорошую новость: Татар-хан Каши⁵, назначенный с большим войском охранять крепость Рохтас, несмотря на силу крепости и другие обнадеживающие обстоятельства, бежал, лишь услышав о появлении царских знамен на границах Индии. Его Величество, приняв во внимание добрую службу Султан Адама Гакхара, как в прошлом, так и в настоящем, послал ему великодушное письмо, приглашая прийти и засвидетельствовать почтение. [Султан Адам], не обладавший счастливой звездой, извинился в подобающей его положению манере и сообщил, что заключил договор с Сикандаром [Суром], так как тот забрал с собой его сына. Если он придет засвидетельствовать свое почтение, он тем самым нарушит договор и подвергнет смертельному риску собственного сына. Слуги падишаха заявили, что следует приказать [отряду] победоносной армии [остаться и] выяснить истинные намерения (Сул-

тан Адама) прежде, чем двигаться дальше, ибо неразумно продолжать поход, оставляя за спиной недружественно настроенного человека. Его Величество, источник доброты и великодушия, ответил, что поскольку [Султан Адам] принадлежит к роду, испокон веков верно ему служившему, и сам он, как уже сообщалось, недавно сослужил хорошую службу, наказывать его сейчас было бы недостойно, особенно после смиренно принесенных извинений. 342

Когда великая армия пересекла Инд, афганцы, собравшиеся в окрестностях Рохтаса, отступили, и войско двинулось дальше. Каждый день они проходили через восхитительные земли, а города и селения наслаждались тенью справедливости и величайшим миром. Поскольку повествование наше зашло так далеко, перед тем как приступить к подробному изложению событий, надлежит привести имена высокопоставленных сподвижников победного стремени.

Список⁶

- 1) Байрам-хан
- 2) Шах Абу-л-маали
- 3) Хизр Ходжа-хан (у Баязида — Хизр султан Мугал)
- 4) Тардибек-хан
- 5) Сикандар-хан
- 6) Хизр-хан Хазара
- 7) Абд-ал-лах-хан Узбек
- 8) Мирза Абд-ал-лах
- 9) Мусахиб бек
- 10) Али Кули-хан Шейбани (или Систани)
- 11) Мухаммад Кули-хан Барлас
- 12) Ходжа Муаззам
- 13) Али Кули-хан Андараби
- 14) Хайдар Мухаммад *ахтабеги*
- 15) Бабус бек
- 16) Исмаил бек Дулдай
- 17) Мирза Хасан-хан
- 18) Мирза Ниджат
- 19) Мухаммад-хан Джалаир

- 20) Султан Хусейн-хан
- 21) Кандук султан
- 22) Мухаммад Амин *дивана*
- 23) Шах Кули Наранджи
- 24) Тулак-хан
- 25) Какар Али-хан
- 26) Баки бек *ятиш-беги* (глава стражников)
- 27) Лал-хан Бадахши (по Баязиду — военачальник Сулеймана)
- 28) Бек Мухаммад *ахтабеги*
- 29) Ходжа Падшах *Мариз* (хворый (?))
- 30) Кичак Ходжа
- 31) Ходжа Абд-ул-бари
- 32) Ходжа Абд-ал-лах
- 33) Мир Муин
- 34) Мир Гани
- 35) Шах Фахр-ад-дин
- 36) Мир Мухсин *Даи*
- 37) Ходжа Хусейн из Мерва
- 38) Мир Абд-ал-Хай
- 39) Мир Абд-ал-лах *кануни*
- 40) Ханджар бек (по Баязиду — родственник Тардибека)
- 41) Ариф бек
- 42) Ходжа Абд-ас-Самад
- 43) Мир Сайид Али
- 44) Мулла Абд-ал-кадр
- 45) Мулла Илиас (Илиа) из Ардабиля (астроном)
- 46) Шейх Абу-л Касим Джорджани (по Баязиду — Астерабади)
- 47) Мавлана Абд-ал-Баки
- 48) Афзал-хан, *мир башии*
- 49) Ходжа Абд-ал-Маджид *диван*
- 50) Ашраф-хан *мир муниши*
- 51) Касим Махлас
- 52) Ходжа Ата-ул-лах, *диван-и-буйутат*
- 53) Ходжа Абу-л Касим
- 54) Шихаб-ад-дин Ахмад-хан

- 55) Муин-хан Фаранхуди
56) Ходжа Амин-ад-дин Махмуд
57) Мулк Мухтар

Когда войско вступило в благословенный город Каланур, Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, Ашраф-хан и Фархат-хан были посланы в Лахор, дабы провозгласить великое имя Хумаюна с минарета и отчеканить его на монетах, а также чтобы защитить жителей этого великого города от преступлений бунтовщиков. Байрам-хан, Тардибек-хан, Искандар-хан, Хизр-хан Хазара, Исмаил бек Дулдай и большое войско выступили против Насиб-хана Пандж Бхайя (?), который находился в Хархане (Хариане), когда Его Величество направился в Лахор. Сановники той земли вышли приветствовать его. Они выразили благодарность за величайшую милость и преподнесли дорогие подарки. Людей всех званий одарили царской благосклонностью соответственно их положению. 2 раби ас-сани [962 г.х.] (24 февраля 1555 г.) знаменитый город Лахор, поистине великий город Индии, был возвышен прибытием [падишаха], и все роды и сословия освободились от тягот времени и достигли того, чего так долго ожидали на пути надежды. 343

В конце того месяца пришло известие о том, что афганец по имени Шахбаз-хан собрал большое количество соплеменников в Дипалпуре и дал волю дурным помыслам. Его Величество Джаханбани послал туда Шах Абу-л-маали, Али Кули-хана Шейбани, Али Кули-хана Андараби, Мухаммад-хана Джалаира и множество храбрых воинов. Произошла жаркая битва, и обе стороны сражались не жалея своих жизней. Сайидзаде Абу-л-маали, опьяненный [этим суетным] миром и чрезвычайно гордившийся своей красотой, показал себя плохим воином, но Али Кули-хан и другие герои продемонстрировали чудеса [мужества]. Врага разбили, многие из [афганцев] были смешаны с пылью. Царские слуги вернулись назад с победой. Поскольку рассказ мой зашел уже слишком далеко, пришло время поведать вкратце о победоносной армии, оставленной на Байрам-хана.

Да не укроется от [глаз] исследователей событий, что, когда Байрам-хан прибыл к месту близ *парганы* Хархана (Хариана), афганец Насиб-хан попытался оказать слабое сопротивление, свойственное его

344 натуре, а затем бежал. В руки героев попала огромная добыча — деньги и товары. Захвачены были также и семьи [врагов]. Поскольку Байрам-хан слышал от Его Величества Джаханбани, что тот поклялся во время завоевания с Божьей помощью Индии не захватывать пленных, ибо слуги Аллаха не должны быть лишены свободы, он сел на коня и, собрав вместе все семьи афганцев, отослал их с надежными людьми к Насиб-хану. А также отправил слонов и прочее — добычу этой победы, которую можно считать предисловием к бесчисленным будущим [завоеваниям], в качестве дара вместе с письмом к мирозащищающему двору Его Величества Джаханбани. Выразив благодарность [Аллаху] за приятную сердцу победу, он покинул ту землю и двинулся дальше. Когда подошел к Джаландхару⁷, афганцы сочли за лучшее обратиться в бегство и вследствие раздоров, возникших в победоносной армии, смогли спасти собственные жизни и большую часть своего имущества. Расскажем вкратце об этом. Тардибек-хан хотел преследовать разбежавшихся афганцев, но Байрам-хан не одобрил этого и не дал ему разрешения. Тардибек-хан послал Балту-хана к Байрам-хану, чтобы тот всеми возможными средствами добился разрешения на преследование. Когда Балту бек прибыл и передал сообщение, Ходжа Муаззам султан разговаривал с ним грубо и оскорбил его. Балту-хан ответил на обиду, и тогда Ходжа схватился за меч и ранил Балту-хана в руку. Когда Его Величество услышал об этом, то написал предостерегающее письмо и послал Афзал-хана для выяснения дела. Он передал военачальникам наставления Его Величества и призвал к примирению. Байрам-хан сделал привал в Джаландхаре, распределил близлежащие *парганы* между военачальниками и отправил последних на свои посты. Сикандар-хан был назначен в Мачивару⁸. Он отправился, но полагая, что она у него в руках, двинулся дальше и взял Сихринд⁹. Ему досталась большая добыча. Тем временем из Дели прибыли Татар-хан, Хабил-хан, Насиб-хан, Мубарак-хан с отрядом афганцев. Сикандар-хан счел неблагодарным оставаться в Сихринде и отправился в Джаландхар. Байрам-хан этого не одобрил и разгневался. Он сказал, что Сикандар должен был удерживать земли Сихринда, о чем ему и сообщил в своем послании. После долгих обсуждений военачальники затянули подпруги неиссякаемой царской удачи и выступили из Джаландхара. Приблизив-

шись к границам Мачивары, Тарди Мухаммад-хан и другие военачальники сочли нецелесообразным переправляться через Сатладж. Так как близился сезон дождей, по их мнению было более разумнее поискать переправу и разбить лагерь. Когда ливни наконец прекратятся, а температура станет более умеренной, они смогут перебраться через реку. Байрам-хан и дальновидные люди осознавали, что необходимо переправиться через реку, и пытались настоять на этом. В конце концов благодаря усилиям муллы Пир Мухаммада, Мухаммад Касим-хана из Нишапура, Вали бека и Хайдар Кули бека Шамлу Байрам-хан преодолел реку. Тардибек-хан и другие военачальники были вынуждены следовать за ними. Войско удачи состояло из четырех отрядов. Центр возглавлял Байрам-хан, правое крыло — Хизр-хан Хазара, левое — Тардибек-хан, в то время как Сикандар-хан и множество опытных воинов были назначены в передовой отряд. Поскольку устремления повелителя мира не выходили за рамки обычаев и не противоречили воле Аллаха, дела его слуг с каждым днем шли всё лучше и лучше. Когда афганцы прослышали о малочисленности победоносной армии и о том, что она переправилась через реку, они прискакали с большими силами. Два войска сошлись в бою ближе к вечеру, и прогремела великая битва. Дальновидные предпочли сражаться около Биджаны (?) и стойко боролись. Они проявили себя мужественными воинами, но тут наступила ночь. Однако они всё равно продолжали стрелять из луков. По счастливой случайности, ознаменовавшей начало победы, в большом селении, где на домах были соломенные кровли, начался пожар, озаривший войска подобно свету тысячи ламп. При расследовании обнаружилось, что Божественная помощь была получена стараниями самого врага. То, что по их предположению могло принести им пользу, обернулось во вред. Действительно, благодаря этому освещению — вестнику победы герои-завоеватели узнали расположение противника, что позволило им опустошать ряды последнего своими стрелами. Враг же не знал расположения победоносных войск и стрелял в темноте наугад. Когда миновало около трех смен ночного караула, враг оказался не в силах сопротивляться и обратился в бегство. Была одержана великая победа. Падишахские слуги захватили слонов и множество другого имущества. Человек, отвечавший за захваченную добычу,

отправился с посланием верности ко двору. На следующий день они двинулись дальше и сделали привал в Сихринде, а Али Кули Шейбани, прибывший с вспомогательными силами, был отправлен с главным корпусом войска.

Удивительно, что, услышав о прибытии в Мачивару Татар-хана с большими и хорошо вооруженными силами, Его Величество сказал некоторым нетерпеливым душам, что [Мачивара] расположена слишком далеко, и предопределенное Божественной волей случится прежде, чем они придут на место. Следовательно, лучше будет укрыться за возвышенным порогом и молить Божественную помощь даровать им победу. Он воздел в молитве руки к небу и попросил наделить удачей передовые силы падишахского войска. Через короткое время прибыло официальное донесение об одержанной победе, и ко двору была доставлена богатая добыча. Оказалось, что день вознесения молитвы совпал с днем победы. Он [падишах] возблагодарил Провидение за одержанную победу и раскрыл руку щедрости для рода человеческого.

Когда Сикандар [Сур] услышал о происшедшем, он выступил против царской армии с 80-тысячной кавалерией и в полном вооружении. Байрам-хан с великим благоразумием и смелостью удерживал Сихринд и принял меры по обороне крепости. Он посылал одно за другим донесения Его Величеству с просьбой прибыть. Так как последний в это время страдал от желчи, то послал вместо себя украшение сада Халифата, Его Величество Шахиншаха, чьи стремени всегда сопровождала победа. Не успел еще кортеж сего хедива мира далеко уйти от Лахора, как Его Величество Джаханбани совершенно выздоровел и, терзаемый разлукой [с сыном], а также из предосторожности, присоединился к походу. Он назначил Фархат-хана *шикдаром*¹⁰ Лахора, Бабус бека — *фаудждаром* Пенджаба, Мирза Шаха султана — *амином*, а Михтара Джаухара — казначеем. В ночь на 7 раджаба [962 г.х.] (29 мая 1555 г.) территория Сихринда была озарена царственным прибытием. Военачальники засвидетельствовали почтение, и загремели барабаны радости. Пятнадцать дней военачальники провели в рядах этой огромной армии, занимаясь делами гарнизона. В саду возле города установили царские шатры. Всё было тщательно подготовлено для битвы, и армию разделили на четыре отряда. Первый

назвали в честь благородного имени Его Величества Джаханбани, второй — Его Величества Шахиншаха, третий — Шах Абу-л-маали, четвертый доверили Байрам-хану. Воины каждого отряда опоясали чресла своего земного существования усердием. Герои изъявили готовность рисковать жизнью, и с обеих сторон люди испили до дна кубок меча. Противники проявили в сражении гуманность и великодушие, и тела пожертвовавших своими жизнями были с почтением переданы соратникам. Недальновидные при виде многочисленности врага и малочисленности царских войск побледнели от недостойного страха, но предусмотрительные прочли на лицах падишахских слуг¹¹ слова победы и с каждым днем становились всё неустрашимее. Особенно Его Величество Джаханбани, воплощение решимости, воодушевлявший всех собственным достойным примером и вселявший отвагу [в сердца воинов].

Глава 59

Явление великих чудес, оглашение
добрых вестей о Его Величестве
Шахиншахе и другие
благоприятные события

Его Величество Шахиншах, пребывая в нежном возрасте, вел уединенную жизнь, однако Создатель желал проявления истинной природы сего величайшего мужа века, и потому [Акбар] непроизвольно совершал удивительные действия, каждое из которых представляло собой спешащее явить миру непрерываемое свидетельство возвышенности его натуры (*шахиде астадил*). Среди необычных явлений, произошедших в это время с Его Величеством Шахиншахом, случилось следующее: он вышел на крышу одного из городских домов и созерцал проницательным взором вражескую армию. Последняя была столь многочисленна, что никто даже представить себе не мог ее поражения, но он заявил, что «в скором времени наши люди уничтожат ее». Его приближенные, звавшие о дальновидности [Акбара] и неоднократно лицезревшие совершаемые им чудеса, возрадовались этой новости и возблагодарили Аллаха. Увязшие в рутине обыденности люди и формалисты увидят в этом нечто необычайное. Но почитатели истины и посвященные знают, что нет ничего необыкновенного в этом или сотне других событий, если они касаются столь выдающегося в мирском и духовном плане человека.

В это время из Кабула прибыл старый слуга [Хумаюна] Ходжа Амбар Назир и обратился с просьбой принять его на службу. Его Величество Джаханбани приставил его к питомцу Божественного света. [Ходжа] тотчас приступил к своим обязанностям и стал знакомить его с нравами и обычаями Индии, приглашая индийцев пред очи сего Един-

ственного этого века. Так как звезда жителей Индии обладала могуществом, нравы их пришлись [Акбару] по душе. Впервые у него возник интерес к охоте с *читой* (охотничьим гепардом), и именно здесь он узнал об этом виде спорта, так как Вали бек, отец Хан Джахана¹, преподнес ему в дар (*пешкаш*) *читу* по кличке Фатехбаз (побеждающий игрок), захваченного им у афганцев в сражении при Мачиваре. Дальновидные из окружения [шахиншаха] при виде столь странного [подарка] высказали предположение, что он предвещает бесчисленные победы. Смотрителя этого *читы* звали Дунду, и за свои способности он получил титул фатех-хана². Сегодня, когда ничтожный доброжелатель Абу-л Фазл пишет сей благородный том благоухающим искренностью пером, Фатех-хан пребывает на службе у Его Величества Шахиншаха и считается искусным охотником. Его Величество [Акбар], всегда облачавшийся в мирские одежды, увлекся заботой об этом удивительном животном: [земное времяпрепровождение шахиншаха] скрывало от [людского] взора его истинное величие. Но невозможно спрятать лучи солнца и аромат мускуса. В день, когда судьба указала мне путь к мудрости и блаженству, и когда, наделенный счастьем служения, я познал совершенства этого избранного Аллахом мужа, как только я ни благодарил Аллаха, и каких только успехов я ни добился благодаря этой благословенной службе! Я возвысился духовно и физически и очистил палаты своего сердца от чрезмерных желаний. Теперь, когда пришло время для благодарности, и у меня возникло желание доверить бумаге свои мысли, дабы воздать должное и осветить путь странствующих во тьме, я искренне обеспокоен тем, что нахожусь на службе и получаю жалованье. Если бы я не был лично знаком (с Акбаром) и не находился в списке его зримых слуг! Тогда внешне зрячие, но слепые в душе люди не смогли бы причислить автора к числу льстецов, а иные при помощи моей очевидной объективности пришли бы к цели и обрели счастье. О Аллах! С незапамятных времен сочинялись хвалебные речи об аскетах, не обладавших и десятой долей достоинств сего хедива века. Более того, многие из них были лишь их подобием, но так как по этому поводу не существует единого мнения, лишенные проникательности люди воспринимают это не как лесть, а как отражение истины! Сегодня, в день, когда будет поведена история духовного и земного Предводителя (*пешва*) рода человеческого, я, исследующий дух эпохи, должен

нести на плечах своей души бремя человеческого невежества! Но так как с самого начала я намеревался отдать хотя бы частично свой долг благодарности, то не стану расстраиваться из-за столь тяжелой ноши (*бар-и-мардамазар*). И от чего бы мне печалиться? Сегодня, радуясь своему благому замыслу, я приступаю к своему рассказу подобно расторопному ночному факельщику! Многие познали Истину и стали на путь преданности! На этом я заканчиваю рассуждения на сию бесконечную тему и возвращаюсь к тому месту своего повествования, на котором остановился.

Итак, почти 40 дней³ вел Его Величество Джаханбани искусную войну и посредством здравых мыслей и соответствующих приготовлений поддерживал преданные сердца и воодушевлял их украшать собой поле битвы. Наконец, 2 шаабана 962 г.х. (22 июня 1555 г.), в день несения караула (*наубат-и-тараддад*)⁴ слугами Его Величества Шахиншаха, Ходжа Муаззам, Атка-хан и другие выступили вперед и мужественно сражались. С другого фланга сражался Кала Пахар, брат Искандера. На тот день не намечалось главное сражение, но поскольку что-то должно было явиться из-за завесы судьбы, пламя вражды постепенно разгорелось и взвилось в небеса. Со всех сторон выступили победоносные войска и заняли твердую позицию, выстроившись в величественном боевом порядке.

Две железные горы сдвинулись со своих мест,
Казалось, земля содрогнулась сверху донизу.
Два войска занесли друг над другом кинжалы свои,
Центр и фланги выстроились в ряд.
Стрелы со свистом вонзались в головы слонов,
И сабли с [ужасающим звуком] рвали внутреннюю плоть
(*зехра* — букв. «желчный пузырь»)⁵ тигров.

Благодаря счастливому присутствию Его Величества Шахиншаха была одержана славная победа, и в руки слуг падишаха попала богатая добыча. Множество злосчастных врагов отправилось в мир небытия. Сикандар [Сур] со своими людьми отступил в Даман-и-кох, что в Пенджабе. Ходжа Мусафири⁶, храбрый воин, преградил ему путь. Когда Сикандар увидел, что какой-то человек собирается его атаковать, он повернулся и положил руку на рукоять меча, но не смог его обнажить. Приложив множество усилий, он сумел уйти от [Ходжи] и поспешил

удалиться подальше от этого опасного места. Что еще могло ожидать опьяненных земными заботами и возгордившихся в своей славе [глупцов]? Его Величество Джаханбани, наслаждавшийся сопутствующим ему в этом мире успехом — сим уничтожающим людей вином, оставался мудрым и молился Аллаху. Он всегда руководствовался совершенной мудростью в отношении людей всех сословий. Стоит ли удивляться его удаче? Почитание мудрости Султана (*Султан-и-хирд*) способствует работе над желанием. Во-первых, у того, кто почитает мудрость Султана, всегда добрые намерения. Во-вторых, усердие в процессе труда полезно для [приобретения] положения человека. В-третьих, когда достигают хороших результатов, заслуги не приписывают себе. Не признаются никакие авторитеты, кроме Всемогущего Аллаха. Итак, Его Величество, чтобы преподать урок приземленным людям и уделить внимание всем видам вознесения молитв, решил не ограничиваться внутренней благодарностью и прибег к помощи внешних действий, обратившись с молитвой к Всевышнему. Хотя во время последнего завоевания Индии победа Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани, как уже было описано ранее, явилась шедевром [военного искусства], всё же мудрые и проницательные знают, что она не сравнится с данным чудом⁷. Поистине, примеры подобных побед имели место в истории. Они тоже были одержаны немногими над многочисленным [врагом] и ниспосланы исключительно с великого трона Аллаха. Как раз во время этой победы разыгралась необычайно сильная буря с ветром и дождем. Так как она стала причиной гибели многих угнетателей и неблагодарных, ее можно считать подарком судьбы служителям государства и предвестием гибели непокорных. Но поскольку она воспрепятствовала преследованию обратившегося в бегство врага и даровала последнему, после испытания им тысячи мук, спасение, ее можно рассматривать как передышку для этой злополучной шайки.

350

Когда с Божественной помощью был преподнесен столь великий дар, Его Величество взшел на трон справедливости и отблагодарил за службу верных и преданных. Возник вопрос: в честь чьего имени провозгласить одержанную победу, дабы среди глиняных черепков выслуживающихся [глупцов] выявить драгоценный камень искренних [поданных]? Был издан приказ, чтобы каждый высказал свое мнение.

Шах Абу-л-маали, опьяненный вином дерзости, пожелал, чтобы славную победу объявили в его честь. Байрам-хан, знавший, что поход в Индию осуществился благодаря его стараниям, и до дня одержания победы поддерживавший — в отличие от [неразумной] толпы — мироукрашающие планы Его Величества Джаханбани, а также лично принимавший участие в завоевании стран и истреблении врага, жаждал, чтобы победу провозгласили в его честь. Дальновидные и мудрые знали, что победой они обязаны счастливой судьбе Его Величества Шахиншаха, сего питомца Божественного света, и потому раскрыли в изумлении глаза, услышав подобные речи. Опытные и справедливые, понимавшие, что эта великая победа, излившая свой свет на день несения караула (*наубат-и-мансубан*) Светом сада Халифата, свершилась благодаря присутствию Его Величества Шахиншаха, были поражены притязаниями этих людей (Абу-л-маали и Байрама). Наконец Его Величество Джаханбани, благодаря [Божественному] вдохновению, познал истину, и велел провозгласить сию победу в честь Его Величества Шахиншаха, и, тем самым, доставил радость всем верноподданным, дальним и ближним.

351 Одним из необычных происшествий этого времени стал арест Ходжа Муаззама. Вот как было дело. В руки [падишаха] попало письмо, написанное Ходжой. В своем жалком невежестве и порочности он написал Сикандару [Суру] неподобающие строки, уверяя его в своем расположении. Его Величество был крайне удивлен и вызвал Ходжу для объяснений. Поскольку тот не мог отрицать [очевидного], то заявил, что слова о расположении (*даулат-хохи*) относятся к Его Величеству, и он намеренно устроил всё так, чтобы письмо попало в руки Его Величества, дабы получить благосклонность последнего и предстать перед ним верным подданным. Его Величество приказал взять [Ходжу] под стражу, препоручив его Мир Кали⁸. Уладив дела в Сихринде, Его Величество отправился через Саману к Дели. Достигнув Саманы, он послал Абу-л-маали и несколько военачальников, таких, как Мухаммад Кулихан Бирлас, Исмаил бек Дулдай, Мусахиб бек, Ибрахим-хан Узбек, и других в Лахор, чтобы последние могли сдерживать [силы] Сикандара [Сура], если тот вдруг придет из-за гор. Управление Пенджабом поручили Шах Абу-л-маали. Ввиду приятного климата Саманы и из-за неистовства дождей был отдан приказ сделать привал на несколько дней.

Тем временем от Сикандар-хана Узбека пришел доклад, в котором сообщалось, что с помощью Аллаха он прибыл в Дели, и враг, не оказав сопротивления, обратился в бегство. Самым разумным было теперь возвысить трон Индии установлением там *маснада*⁹ Господина Века. Получив эти известия, Его Величество покинул Саману и в четверг, 1 рамазана [962 г.х.] (20 июля 1555 г.), прибыл в Салимгарх, расположенный к северу от Дели на берегу реки Джамны. 4 числа того же месяца он вступил в город и взошел на трон Халифата.

В тот день во время пути Его Величество Шахиншах поразил своим мечом *нилагао* (антилопу, *Portax pictus*) и взял ее в качестве добычи, так что все охотники были повергнуты в изумление, а проницательные увидели в этом знак [будущего] возвышенного завоевания [великой] добычи и возликовали. Его Величество Джаханбани, который с самого начала счастливого похода и до прибытия в Дели и покорения Индии не ел мяса, теперь обратил свои мысли к тому, чтобы начать (его есть). В тот день он необычайно возрадовался и велел высушить кусок мяса антилопы, дабы после рамазана, когда можно будет есть животную пищу, он первым делом отведал именно это блюдо. После чего он возблагодарил Аллаха.

Все слуги порога Халифата получили высокие должности и превосходные земельные наделы. *Саркар* Хисар и прилегающие к нему земли были отданы в качестве *джагира* слугам Его Величества Шахиншаха¹⁰. Толкователи предзнаменований усмотрели в этом защиту от земных бед¹¹ и предрекли ежедневное укрепление власти Его Высочества. Байрам-хану даровали Сихринд и другие *парганы*. Тардибек был послан в Меват, Сикандар-хан — в Агру, Али Кули-хан — в Самбал, а Хайдар Мухаммад-хан Ахтабеги — в Биану, что возле Агры. Благословением царственного прибытия и благодаря красоте духовного и земного хедива Индия превратилась в сад власти и благополучия. Род человеческий был осчастливлен. Его Величество остался в крепости Дели, постоянно занимаясь угодными Аллаху делами и орошая розовый сад верховной власти [потоками] ручья справедливости. Он всегда помнил о покорности Создателю и о благоденствии его созданий и украшал, таким образом, трон Халифата.

Среди событий, послуживших поводом для приумножения радости [падишаха], было прибытие из Кабула Шах Вали Атки¹². Он принес

вести о здравии благочестивых дам, а также поведал множество других подробностей. Он сообщил радостную новость, что Аллах подарил сына Мах Джуджак. Его Величество возблагодарил Аллаха за добрые известия и устроил празднество, осыпав полы рода человеческого монетами желаний. Он нарек сей розовый бутон удачи Фаррух Фалом и наградил Шах Вали за добрые вести титулом султана, отправив с подарками обратно в Кабул. Он также передал с ним сердечные и исполненные любви письма.

Среди событий этого времени было прибытие Рустам-хана, вождя афганцев. Вот краткий рассказ об этом. Когда Атка-хан с другими царскими слугами, направляясь в Хисар, сделали привал в двух косах от него, в день Хурдад, то есть 6 Шахриюра (в среду), 25 рамазана¹³, Рустам-хан, Татар-хан, Ахмад-хан, Пир Мухаммад из Рохтака, Биджли-хан, Шихаб-хан, Тадж-хан, Адам-хан Кийам Хани и множество афганцев вышли из Хисара, намереваясь напасть на них. Состоялось великое сражение, и хотя численность афганцев приближалась к 2000, а царских слуг было всего около 400, с Божьей помощью была одержана победа, и убито семьдесят врагов. Рустам-хан сбежал и укрылся в крепости Хисар. Бойцы удачи осаждали ее в течение двадцати трех дней. Оказавшись в безвыходном положении, Рустам сдался. Его отправили ко двору с семьями других знатных людей в сопровождении Мир Латифа и Ходжа Касима Махласа, где он вместе с остальными засвидетельствовал свое почтение [падишаху]. Спустя некоторое время вышел приказ, повелевавший выделить ему соответствующий положению *джагир*, при условии, что сыновья его будут препровождены в Бикрам, чтобы смогли они встать на путь [царской] милости и дабы не сошли с дороги бдительности и осторожности. Сей недалекий человек отверг предложенное условие, которое могло послужить доказательством его покорности, и вознамерился бежать. Когда всё раскрылось, его схватили и поместили под стражу на попечение Бек Мухаммада Ишик-аки.

353 Одним из происшествий того времени было дело Камбара Диваны¹⁴. Короткий рассказ об этом состоит в следующем. Он был обычным или, точнее, безвестным человеком в лагере. Когда после победы в Сихринде царские знамена направились в Дели, этот Камбар собрал собственную шайку бродяг и занялся разбоем и грабежами. Добыча посто-

янно шла к нему в руки, и он распределял ее между своими людьми, но из хитрости непрерывно слал письма ко двору. Выступив из Сихринда, он ввязался в сражение и захватил Самбал, где и обосновался, отправив своего приемного сына Ариф-ал-лаха в Будаон. Там заправлял Рай Хусейн Джалвани, главный военачальник афганцев, от которого удалось избавиться без боя. Оттуда Камбар Али направился в Кант Гола¹⁵ и опустошил эту землю. Там он вступил в беспорядочную (*битузукана* — без стратегии) войну с Рукн-ханом, афганским вождем, и был разбит. Оттуда [Камбар Али] направился в Будаон. Хотя сей безумец беспрестанно отправлял послания [ко двору], уверяя в верности и преданной службе, слова его расходились с делом. Он решил прыгнуть выше собственной головы [букв. «ступил дальше своего ковра»] и стал по своему желанию наделять людей титулами хана и султана и выдавал им знамена и барабаны! Он лишился рассудка и часто в припадке безумия, настоящего или напускного, и по своей лживой природе отдавал собственный дом на разграбление. За ним постоянно замечались ненормальные поступки, граничащие с помутнением разума. Когда эти факты в очередной раз дошли до Его Величества, он приказал Али Кули-хану Шейбани доставить того ко двору и наказать в случае сопротивления. Али Кули-хан, урегулировав дела Мирата, достиг Самбала как раз в тот момент, когда этот безумец, потерпев поражение от Рукн-хана, прибыл в Будаон. Уладив свои дела, [Али Кули-хан] тоже приехал в Будаон. Он отправил за Камбаром человека, но тот так и не явился, заявив: «Вы — раб царя, а я — один из предводителей похода, и эту область я завоевал собственным мечом». В конце концов Али Кули-хан взялся за оружие, и Камбар, потерпев поражение, укрылся в цитадели Будаона, отправив прошение ко двору. Ознакомившись с делом, Его Величество послал Касим Махласа передать [Камбару] свои заверения в благосклонности и привести поцеловать [царский] порог. Прежде чем Касим успел добраться до Будаона и доставить это сообщение о прощении, Али Кули-хан убил [Камбара]. Вкратце дело обстояло так. Когда Камбар укрепился в крепости, осада затянулась, и Али Кули-хан послал к нему Мухаммад бека Туркмена и муллу Гиас-ад-дина. [Камбар] взял по-
сланников в плен, а те тайно склонили многих его людей на свою сторону и, хитростью переманив всё войско, захватили Камбара. Али Кули-хан

послал ко двору его голову. Справедливое сердце падишаха сокрушалось по поводу случившегося, и он послал Али Кули-хану *фирман* с упреком. Он спрашивал, зачем тот развязал войну, когда он (Камбар) заявлял о своей покорности и желал подчиниться, и почему он убил его без приказа, после того как тот оказался в его власти? Его Величество неоднократно говорил приближенным, что хочет увидеть этого человека, и если бы он обнаружил на его челе искренность и честность, то одарил бы своей благосклонностью и изменил бы его.

Еще одно событие того времени — проявление неблагодарности мирзой Сулейманом. Вот краткий рассказ об этом. Когда царские знамена отправились в Индию, Тардибек-хан, владевший Андарабом и Ишкамишем в качестве *джагира*, получил приказ присоединиться к походу. Муким-хан остался присматривать за *джагиром*. Мирза Сулейман считал это удобным случаем, чтобы захватить вышеназванные территории. Сначала он попробовал применить хитрость, попытавшись склонить Муким-хана на свою сторону. Когда эта попытка провалилась, он сбросил маску и осадил Андараб. Муким-хан был вынужден бежать вместе с семьей и, расчистив себе путь, спасся из того опасного места и прибыл в Кабул. В это время Хайдар Мухаммад-хан Ахтабеги убил Гази-хана, отца того Ибрахима, который жаждал заполучить трон¹⁶. Дело было так. Когда Хайдар Мухаммад-хана отправили в Биану, Гази-хан, управитель [той местности], был не в состоянии оказывать сопротивление и укрылся в крепости. Поверив обещаниям и посулам Хайдар Мухаммада, он вышел [из крепости]; но Хайдар Мухаммад, позарившийся на всё его имущество, нарушил слово, лишив его жизни саблей несправедливости. Когда Его Величество Джаханбани узнал об этом, его справедливый ум не мог одобрить этого. Так как он (т.е. Хумаюн) находился слишком далеко и лишь недавно прибыл в Индию, то не мог наказать [негодяя] и предрек, что Хайдар никогда более не сможет завязать свой пояс¹⁷. И действительно то, что сорвалось с говорящих языком судьбы уст, свершилось и длилось до тех пор, пока [Хайдар] не покинул этот мир. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, *мир буйутат* (т.е. заведующий строениями и т.д.), был послан разобраться в этом деле и подсчитать стоимость собственности. Его Величество продолжал заботиться о своих подданных, как это угодно Аллаху, совершенствуя мир и даруя покой роду человеческому.

Глава 60

Поход Его Величества Шахиншаха в Пенджаб по приказу Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни

355

В то время когда миропокоряющая душа Его Величества Джаханбани справедливо управляла землями Индии, были доставлены неприятные известия о Шах Абу-лмаали. Опьяненный губительным вином мира, он причинял страдания людям и поступал наперекор приказам падишаха. Поскольку Его Величество Джаханбани испытывал к нему особое расположение, то посчитал эти вести не соответствующими истине и отнесся к ним как козням завистников и злодеев. Но вскоре по лагерю разлетелась молва, что Сикандар [Сур] вернулся из-за гор, и сей лишившийся рассудка сайидзаде¹, не имея на то никаких полномочий, отстранил Фархат-хана от управления Лахором и назначил на его место одного из своих приспешников. Он также пытался прибрать к рукам царскую казну. Под действием Божественного вдохновения в святой душе Его Величества Джаханбани — зеркале, отражающем всё, что благоприятно для страны и государства, зародилось решение озарить Пенджаб, одну из величайших областей Индии, благодатью покровительства и управления Его Величества Шахиншаха, а Хисар² и прилегающие к нему земли представлялось правильным поручить Абу-лмаали. Поскольку он приблизительно в это же время собирался послать в Кабул за благочестивыми дамами, было бы неплохо, чтобы Пенджаб находился в ведении слуг Его Величества Шахиншаха. Хотя [отправляемая с принцем] армия являлась достаточно большой, чтобы сокрушить Сикандара, всё же по политическим и личным соображениям ее

назвали вспомогательной. В начале 963 г.х. (ноябрь 1555 г.) в благоприятный час, достойный вступления на трон семи климатов, Его Величество Шахиншах, Божественный любимец, был назначен (в Пенджаб) в соответствии с правилами верховной власти и величия³. Байрам-хана формально назначили опекуном Его Высочества, но в действительности воспитание сей опоры власти доверили счастливому покровительству Его Величества Шахиншаха. Множество преданных и верных подданных сопровождали его стремя.

356 Когда все прибыли в Сихринд, царским слугам из Хисар-Фирузы предоставили возможность благословенного служения, которой они [чрезвычайно] возрадовались. В том прекрасном месте Устад Азиз Систани, за хорошую службу и преданность получивший титул руми-хана⁴ и не имевший себе равных в области пиротехники и стрельбе из ружья, был осчастливлен принятием на службу к шахиншаху. Именно там он [Акбар] начал совершенствоваться в стрельбе и за короткое время стал мастером в этом удивительном искусстве, как и в любом другом деле и науке. Чудесные шедевры [мастерства], рассказы о которых не сможет вместить ни один манускрипт, демонстрировались этим вместилищем совершенств во всех сферах деятельности. Зачем говорить или писать о многогранности сей священной личности? Когда любой без исключения человек, изучивший целиком или частично определенное искусство или науку при помощи зрелых ученых или искусных ремесленников и освоивший свое дело за годы обучения у способных учителей, поступает на службу к этому пытливому уму и мировому гению, он поражается при виде глубины его познаний и застывает в изумлении. Он думает про себя, что, очевидно, Его Величество всю свою жизнь провел в изучении лишь этого искусства. Но впоследствии говорит, что никто не способен достичь такого мастерства своими силами, это, должно быть, дар Аллаха! Удивительно, что в одно и то же время он может высказывать противоречивые идеи и разные точки зрения, ибо в этом нет ничего трудного для мироукрашающего ума. Способны ли философы, ученые или художники вести с ним беседу долгое время и не только на свою тему? [Обычный] человек не может иметь такое возвышенное понимание и такой всеобъемлющий ум. Не способны на это и ангелы. Да сохранит Всемогущий Аллах эту славную жемчужину для череды (интизам) смертных во веки веков!

Глава 61

Краткий рассказ о Его Величестве
Джаханбани Джаннат-ашияни
и описание некоторых
примечательных изобретений
и нововведений

Благодаря походу Его Величества Шахиншаха проблемы Пенджаба были успешно улажены, и Его Величество Джаханбани остался в Дели, занявшись проведением политических реформ: уделил внимание переустройству земель, истреблению врагов и завоеванию новых территорий. Он часто повторял, что установит несколько правительственных должностей и приложит все усилия для наведения порядка в Индии. Будут выделены удобные области, такие, как Дели, Агра, Джампур, Манду, Лахор, Канаудж и т.д., и в каждой [из них] следует разместить войска под началом здравомыслящего, дальновидного, рассудительного и справедливого военачальника, дабы не возникало необходимости в дополнительных силах, с тем чтобы личная кавалерия [падишаха] не составляла более 12 000. Он также говорил, что прикажет изготовить украшенные золотом и серебром сиденья, дабы во время собраний — в случае если будет дан такой приказ — на них могли сидеть принцы и те из его свиты, что возвышены особой честью. Ибо известно, что любви знатных и приземленных людей, не достигших еще чертогов преданности и продолжавших блуждать по базару суетности среди лишений и обретений, невозможно добиться богатыми дарами, и если не способствовать росту их положения и авторитета, расположения их не завоевать.

357

С самого рождения и по настоящее время разум [Его Величества] был занят удивительными замыслами и вопросами выявления

истины. Вот один из примеров. Как-то Его Величество Гити-ситани Фирдус-макани, отправившись из Кабула в Кандагар, оставил Его Величество Джаханбани заниматься делами Кабула. Однажды Его Величество объезжал окрестности города, осматривая долины и луга. По дороге он сказал своему учителю маулане Рух-ал-лаху: «У меня возникла идея составить из имен трех встретившихся по пути людей предсказание, на которое я буду опираться в своем управлении (*даулат*) [государством]». Маулана сказал, что достаточно имени одного человека. На что получил ответ: «Эту мысль породило само тайное озарение». Через некоторое время им встретился путник зрелого возраста. Когда они поинтересовались, как его зовут, тот ответил: «Мурад Ходжа». За ним появился второй человек, ехавший на осле, нагруженном вязанками хвороста. На вопрос, как его имя, тот сказал: «Даулат Ходжа». После этого ответа вдохновенные уста (Хумаюна) изрекли: «Если имя следующего встреченного Саадат Ходжа, то это станет замечательным и удивительным совпадением, и звезда надежды (*мурад*) взойдет на горизонте благополучия (*саадат*)»¹. В тот же миг [увидели] человека (мальчика, по словам Хондамира), пасущего скот. И когда спросили, как его зовут, он ответил: «Саадат Ходжа». Присутствующие были изумлены этим чудом. Ни у кого не было сомнений, что повелитель благоприятной судьбы достигнет благодаря Божественной милости величественного положения и станет держателем власти².

Когда эти чудесные и радостные знамения свершились, и орошенный потоком справедливости зазеленел и зацвел розовый сад надежды, [Его Величество Джаханбани] принялся за дела, небесные и земные, руководствуясь [законами] успеха (*мурад*), управления (*даулат*) [государством] и благополучия (*саадат*). Он разделил слуг своего счастливого порога, или всех жителей своих владений, на три класса. Наградил своих братьев и иных родственников, военачальников, везиров и воинов [славным именем] *Ахл-и-даулат*³. Ибо неоспоримо, что без поддержки этих людей невозможно взойти по лестнице власти и успеха. Он причислил философов, уламов [богословов], советников (*садур*), сайидов, шейхов, кази [вид судей], поэтов и других ученых мужей, а также судей, сановников, знать и ремесленников [к категории] *Ахл-и-саадат*⁴, ибо оказание уважения этим благословенным мужам и обще-

ние с ними — средство достижения вечного благополучия. Архитекторы, художники, музыканты и певцы были удостоены звания *Ахл-и-мурад*⁵, потому что они есть отрада нашего мира. Точно так же он поделил дни недели на *ахл-и-даулат*, *ахл-и-саадат* и *ахл-и-мурад*: суббота и четверг относились к *ахл-и-саадат*, и их он посвящал вопросам, связанным с наукой и религией. Причина, по которой эти два дня были названы *ахл-и-саадат*, заключалась в следующем. Суббота — это день Сатурна, а Сатурн — покровитель шейхов и древних родов. Четверг — день Юпитера, а это планета ученых и других благородных сословий. В воскресенье и вторник, назначенные днями *ахл-и-даулат*, внимание уделялось делам государства и всемирного управления. Ибо воскресенье — день Солнца, чьи лучи освещают закон и верховную власть, в то время как вторник — день Марса, покровителя воинов. Понедельник и среда стали днями радости (*мурад*). В это [время] приближенных, любимцев и других из *Ахл-и-мурад* одаривали особыми милостями. Эти дни были выбраны, потому что понедельник — день Луны, а среда — Меркурия. Оба дня имели непосредственное отношение к домашнему хозяйству (*амур-и-бийутат*). Пятница (*джама*), в соответствии со своим именем, объединяла в себе всё, и потому в этот день все существующие у людей сословия удостаивались царских милостей⁶.

Одним из событий дней *дивана* стало следующее. Когда был установлен трон Халифата, а Его Величество, взойдя на него, начал давать указания *дивану*, барабанная дробь возвестила [об этом славном событии], а когда он покинул *диван*, канониры сообщили об этом подданным пушечным выстрелом. В эти дни хранители гардероба⁷ обязывались принести несколько одежд (*даст-и-хелат*), а казначеи — несколько сумок золота ко дворцу, дабы не было предела дарам и щедрости. Несколько хабрецов стояли во всеоружии, облаченные в латы.

Другое изобретение [Его Величества Джаханбани] — три золотые стрелы⁸ — символы трех групп людей, т.е. *саадат*, *даулат* и *мурад*. Один из ведущих представителей каждого из [вышеназванных] классов получал такую стрелу, наделявшую его полномочиями куратора группы. Было решено, что если каждый хранитель стрелы проявит усердие в выполнении обязанностей, связанных с доверенной ему областью (*сахм*) и заключающихся в следовании воле Аллаха и законам

преданности, он будет осыпан всевозможными милостями и укрепит свое положение на *маснаде* [высоком посту] власти. Но если вдруг он опьянеет от вина величия и переступит черту справедливости или по злому умыслу отвратит свой взор от верного [служения] и займется лишь собственным обогащением, стрела его желаний не достигнет цели успеха, а его самого настигнет справедливая кара. Мир Хонд, главный летописец (*мир муваррих*), записал в своей «Канун-и-хумаюни»⁹, что во время несения им службы стрела *саадат* вместе со всеми надлежащими полномочиями была доверена самому выдающемуся среди представителей науки обладателю совершенных качеств — маулане Фагхали¹⁰. В его обязанности также входило: начало и завершение, сокращение и расширение [творческих] задач сайидов, шейхов, уламов, кази и учителей, рассмотрение требований священнослужителей (*арбаб-и-амаим*, букв. «носителей больших тюрбанов»), назначение и смещение с должности этих посвященных в дела религии мужей, а также назначение жалований и *суйургалов* [форма земельных владений]. Стрелу *даулат* пожаловали опоре верховной власти, Амиру Хиндубеку, и начало и завершение, планирование и осуществление великих дел, входивших в обязанности военачальников, везиров, всех государственных сановников и тех, кто сведущ в делах гражданских, а кроме того назначение жалованья солдатам и поиск слуг для ведения хозяйства [падишаха] возлагались на него. Стрела *мурад* и вопросы, связанные с архитектурой, были вверены заботам Амира Вайси. Ему следовало надзирать за строениями, заниматься организацией великолепных и пышных празднеств, заботиться об усовершенствовании атрибутов величия и славы.

Еще одно изобретение [Его Величества] — распределение стрел между двенадцатью разрядами. Каждой группе людей соответствовала определенная стрела. Порядок был следующим: двенадцатую стрелу, сделанную из самого лучшего золота, оставляли для царского колчана, т.е. для Хумаюна и Акбара. Одиннадцатая была изготовлена для братьев и иных родственников и тех царских сыновей, что служили у порогов власти. Десятая — для сайидов, шейхов и уламов. Девятая — для великих военачальников. Восьмая — для приближенных (*макаррабан*) и для *анкачиан*¹¹, занимающих *мансаб* (высокую должность). Седьмая — для других *анкачиан*. Шестая — для вождей родов¹². Пятая — для

отличившихся молодых добровольцев. Четвертая — для казначеев. Третья — для солдат (*джуанан-и-джаргах*), а вторая — для ремесленников¹³. Первая — для привратников¹⁴, стражников и других слуг с подобными обязанностями.

Другим нововведением было разделение государственного управления на четыре министерства в соответствии с четырьмя элементами: Огонь, Воздух, Вода и Земля. Для ведения дел в каждый из них назначили везира. Отдел, отвечающий за артиллерию, вооружение, военные приспособления и всё, что связано с огнем, назвали Огненным министерством. Везиром туда был назначен Ходжа Абд-ал-Мулк. Гардеробом (*каркирак-хана*), кухней, конюшней, мулами и верблюдами занимался Воздушный отдел, вверенный заботам Ходжа Латиф Уллаха. *Шарбатханой* [помещением для приготовления напитков], винным погребом (*сукихана*) и водопроводом заведовало Водное министерство. Везиром туда был назначен Ходжа Хасан. Дела сельского хозяйства, строительства¹⁵, управление казенными землями (*сабт-и-халисат*) и некоторыми зданиями (*бийутат*) находились в ведении Земельного отдела. Везиром там стал Ходжа Джалал-ад-дин Мирза бек. В каждом отделе был один амир. Например, Амир Насир Кули стал *мир саркаром*, или главным управляющим, Огненного министерства и всегда облачался в красное. 360

Еще одним изобретением этого времени стали четыре большие лодки на реке Джамне (Джумна), на каждой из которых мастера-плотники построили двухэтажный *чартак*¹⁶ (квадратный дом) очень красивого вида. Лодки соединяли таким образом, что *чартаки* располагались фасадом друг к другу. Между каждыми двумя лодками была возведена *так* (платформа), и, таким образом, между ними образовался восьмиугольный бассейн¹⁷.

Другой великолепной идеей было размещение лавок и организация базаров на лодках. Это привело в изумление недалеовидных. В 939 г.х. (1532—1533 гг.), когда Его Величество плыл по реке из Фирузабад-и-Дихли (т.е. Дели) в Агру, столицу, в сопровождении амиров — оплота государства, всех *икчиан* и беков, подобный базар организовали и провезли вниз по Джамне. Каждый мог купить там всё, что пожелает.

Царские садовники разбили, в соответствии с приказом, сад вдоль реки.

Другое изобретение [Его Величества] — передвижной мост¹⁸.

Еще одним чудесным изобретением стал передвижной дворец. Этот дворец был трехэтажным, а каждый этаж построен из отдельных балок. Искусные плотники так соединили все части вместе, что тот, кто смотрел на него, воспринимал его как единое целое. Если бы понадобилось, его можно было разобрать на части и перевезти в другое место. И лестницы (или ступеньки) на верхний этаж построили таким образом, что их можно было по желанию открыть или сложить.

Одним из выдающихся творений сего священного разума явилась шапка (*тадж*), которая была одновременно и величественной и удобной для ношения. Края (или поля), окаймлявшие *тадж*, состояли из двух частей (*фурджа*), каждая из которых имела форму цифры 7 (V), и, таким образом, две цифры 7 (VV) образовывали число 77, которое являлось нумерологическим значением слова *изз*. Шапка получила название 361 *тадж-и-иззат*, или венец чести. Она была придумана в Бадахшане¹⁹, и когда Его Величество прибыл в Агру и предстал перед Его Величеством Гити-ситани Фирдус-макани, последний остался очень доволен.

Другое изобретение — шатер (*хирга*), состоявший из двенадцати частей в соответствии с числом знаков Зодиака. Каждый сектор (*бурдж*)²⁰ имел решетки (*пинджараха*)²¹, через которые сиял свет звезд власти. Был и другой шатер²², подобный Небесам Небес, что охватывают царство неподвижных звезд. Он возвышался над другими шатрами, и подобно хрустальной сфере (т.е. Небесам Небес) не имел ни единой точки (звезд), поэтому в нем не было решеток.

Одним из одарявших радостью изобретений оказался ковер веселья (*басат-и-нишат*). Это круглый ковер, имитировавший небесные сферы и область элементов. Первый круг, соответствовавший хрустальной сфере, был белым, второй — синим (*кабуд*), третий — черным, как Сатурн, четвертый — круг Юпитера, светло-коричневым (*сандали*), пятый, относившийся к Марсу, был ярко-красным, шестой — круг Солнца, золотым, седьмой — круг Венеры, ярко-зеленым, восьмой — пристанище Меркурия, был голубоватым (*сусани*, т.е. цвета лилии или ириса). Так как природа Меркурия смешанная, то при смешении голу-

бого и розового получается цвет *сусани*. Причина, по которой *сусани* было отдано предпочтение, состояла в том, что несколько философов называли цветом Меркурия *кухли*, на который *сусани* похож больше других оттенков. Девятый круг — круг Луны — был белым. После круга Луны следовали области (*кура*) Огня и Воздуха, а затем — Воды и Земли²³. Изображение населенной части Земли было поделено на семь климатов. Сам [Хумаюн] занимал золотой круг (Солнца), который украсил трон Халифата. Каждой группе [людей] было положено сидеть согласно [власти] одной из семи планет в соответствовавшем им круге. Таким образом, индийские военачальники сидели в круге Сатурна, в то время как сайиды и уламы — в круге Юпитера. Люди располагались в каждом круге согласно жребию: бросали кость, на каждой стороне которой была изображена человеческая фигура в разном положении. Каждый принимал позу в зависимости от выпавшего ему на этой кости. Например, если кому-то выпадала стоящая фигура, то он вставал, если сидящая — сидел, если наклоненная — ложился. Всё это способствовало возрастанию веселья²⁴.

Другим великолепным изобретением стало ношение [Хумаюном] каждый день одежд разного цвета, в зависимости от цвета планеты, правителя того дня. Так, в воскресенье он носил желтое платье, по цвету Солнца — правителя этого дня. В понедельник²⁵ — зеленое, что соответствовало цвету Луны, и т.д. Еще одним изобретением явился барабан справедливости²⁶. Если чья-то жалоба была связана с каким-либо спором, [Его Величество] бил в него один раз. Если жалоба состояла в невыплате жалованья или заработка, ударял дважды. Если товар или имущество (*мал-у-джихат*) отбирались силой или были украдены, ударял в барабан трижды. Если кто-то требовал кровной мести, громко ударял четыре раза.

Перечень изобретений гения сего хедива священного образа нескончаем, но описанного выше вполне достаточно, чтобы понимающие и дальновидные познали редкие жемчужины его души. Теперь следует закончить рассуждения и перейти к основной теме нашего повествования.

Глава 62

Пророческое озарение о [скором]
путешествии в мир святости,
отразившееся на внутреннем
зерцале Его Величества Джаханбани
Джаннат-ашияни и уход в этот мир

Да не укроется от пытливых умов, что во времена, когда Его Величество Шахиншах, сей юный росток цветника духовности, получил разрешение отбыть в Пенджаб, с уст Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни часто слетали слова об уходе в мир святости. Он начал с удовольствием предаваться рассуждениям на эту тему, хотя по его достойному похвалы мнению подобные речи являлись неподобающими (*макрух*) и были [совершенно] несовместимы с управлением [государственными] делами, и потому их следовало избегать в разговоре. Казалось, сердце его, познавшее тайны [мира], озарилось вспышкой [молнии]. Вот один из примеров сказанного выше. Однажды [Его Величество] привел с великим почтением исполненные истины слова Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани, который как-то на дружеском собрании поведал, как его слуга, бывало, говорил, что при виде гробниц Газни¹ у него возникает желание умереть. Его Величество заметил, что, когда он созерцал Дели² и его гробницы, ему на ум пришли эти слова, и подумалось: как они прекрасны! Почти в то же время, на пути к вечному мирозданию, он сказал своим близким: «Сегодня после утренней молитвы произошло необычайное событие: тайное вдохновение вложило в уста мои следующее четверостишие:

О Аллах! К Себе меня призови
И позволь познать Твое совершенство.

Разум жестокий всю душу мне истерзал.
[Я молю:] Своим безумцем³ меня нареки, дай свободу».

Слезы полились из его видящих истину глаз, когда он читал эти строки, а на просветленном челе отразилась полная отрешенность. В это время, когда двор располагался в Дели, ясновидцу Халифата — Его Величеству Шахиншаху привиделось ночью во сне, как кто-то тянет его за мускусные (черные) локоны⁴. Проснувшись, он расска- 363
зал об этом сновидении Махам Анаге, матери Адхам-хана. Та созвала умудренных толкователей и спросила, что предвещает этот сон. Когда тот же вопрос был задан Его Величеству Джаханбани, он ответил: «Зло не коснется чела Акбара». После этого спокойно поведал о неизбежности судьбы и попытался утешить [преданные сердца]. В те дни он часто произносил слова, в которых дальновидные придворные видели предвестие ухода [падишаха] из этого бренного мира, [и слова эти] рвали на части сердца преданных [подданных]⁵. [Его Величество] собственноручно начертал на арке своего входа следующие строки из поэмы шейха Азари⁶.

Я слышал, что на своде золотом (небес) начертаны слова:
Размышленье о конце всего живого достойно похвалы⁷.

Незадолго до ухода [из жизни] он сократил употребление опиума и сказал своим приближенным: «Посмотрим, на сколько дней хватит двух-трех пилюль (хабб)». У него был семидневный запас [опиума], он завернул его в бумагу и передал своим личным слугам, сказав при этом: «Это весь опиум, который мы употребим». В день, ставший первой ступенью на пути в земли святости и уединения, осталось всего четыре пилюли. Он послал за ними и принял одну с розовой водой⁸.

На закате в пятницу раби ал-аввала 963 г.х.⁹ с докладами прибыли Шах Будаг, Алам Шах¹⁰, бек Мулак¹¹ [Мулак] и другие возвратившиеся из Хиджаза, а также Чагатай-хан и люди из Гуджарата. Из Кабула с посланиями от Муним-хана приехали Пахлан Дост Мир Барр и маулана Азад. В конце дня [падишах] вышел на недавно сооруженную крышу библиотеки, дабы одарить собравшихся у главной мечети людей возможностью засвидетельствовать свое почтение (*корниш*).

В течение значительного времени он задавал вопросы о Священной Мекке, Гуджарате и Кабуле.

Затем он послал за математиками, так как тем вечером ожидалось появление Венеры¹², и он хотел наблюдать это явление. У него зародилась восхитительная идея: когда Венеру станет видно, в благоприятный момент он созовет величественное собрание и наградит военачальников более высокими званиями. С наступлением вечера он решил спуститься вниз, и когда был на второй ступеньке¹³, чтец (*мукри*) по имени Мискин (негодяй) несвоевременно призвал к молитве¹⁴. Его Величество, из уважения к призыву, пожелал преклонить колени там, где находился. Так как ступени (*дарджат*) лестницы (*зина*) были крутыми (*тез*), а камни скользкими (*лагзанда*), то когда он начал опускаться [на колени], его благословенная нога запуталась в полах одежд, а надежный посох выскользнул [из рук]. Он упал и ударился головой: по его правому виску пришелся такой сильный удар, что из правого уха потекла кровь. Так как сердце его познало тайны [мира], он тотчас — дабы принести утешение на эту землю и отдать последние распоряжения — отправил с Назр Шейхом Чули исполненное любви послание, сообщавшее питомцу света счастья о своем благополучии¹⁵.

364

Одним из чудесных проявлений мудрости (Акбара) стало то, что в полдень [злополучного] дня (когда случилось несчастье, а не тогда, когда о нем объявили) он сказал¹⁶ своей свите, что великое горе должно произойти с выдающимся человеком, и тот, возможно, умрет.

Присутствовавшие при этом [случае с Хумаюном] верные слуги постарались скрыть сие ужасное происшествие¹⁷, но приняли меры, необходимые для извещения престолонаследника *маснада* Халифата, а также вызвали главных военачальников, отбывших ранее в разные уголки страны. С величайшей осторожностью в течение семнадцати дней хранили они тайну печального события от народа. Придворные и советники порогов Халифата: Хизр Ходжа-хан, Али Кули-хан, Латиф мирза, Хизр-хан Хазара, Кундук-хан, Камбар Али бек¹⁸, Ашраф-хан и Афзал-хан, занесенные в список хороших [знающих свое дело] министров (*вузрай кифайят пеша*), а также Ходжа Хусейн из Мерва, мир Абд-ал-Хай, Пешрау-хан, Михтар-хан, а через несколько дней и Тардибек-хан, начертавший на скрижали своего сердца должность

амир-ал-умара¹⁹, собрались вместе, и на двадцать восьмой день того месяца (11 февраля 1556 г.) прочли *хутбу* в честь великого имени [Ак-бара] и возвышенных титулов сего хедива века и, таким образом, восстановили и исцелили израненный мир, одарив землю и ее обитателей известием о непреходящем обновлении. Распорядители Небес, ожидавшие эти события, возрадовались, и осуществились пожелания управителей мира земного. Мир Абд-ал-Хай *садр* прочел следующую строфу:

Если новый год для мира будет последним,
Пусть роза алая с тысячей лепестков не прекратит
существованья.

Несколько человек процитировали эти строки, и они получили широкую известность и стали предметом обсуждения на собраниях. Удивительно, что в то же самое время один из ученых мужей (*фазла*) обнаружил, что вторая строка²⁰ дает дату вступления на престол хедива века, но только если слово *гул* [роза] написать с буквой *и* — *гули* [розовый], хотя по смыслу фраза предполагает скорее обычную орфографию [т.е. *гул*], а не эту форму [т.е. *гули*]. В эти дни, стараясь скрыть случившееся несчастье, муллу Бекаси²¹ облачили в одежды усопшего (букв. «сея прощенной вершины») и вывели на крышу террасы (*айвана*), где обычно восседал Его Величество, и он [Бекаси] показался народу, встав лицом к реке. Люди совершили *корнии* и получили определенное утешение, пребывая в неуверенности и [мучительно] страдая [от неизвестности].

Когда об этом печальном событии стало известно, [среди людей] зародились тревога и беспокойство, что обычно случается в подобных трагичных обстоятельствах. Военачальники принялись утешать сердца [подданных] и старались вселить в людей уверенность, делая во время наступившего смятения всё необходимое, как в отношении друзей, так и врагов. Они делали, что могли, дабы залечить рану и заполнить пустоту [возникшую со смертью падишаха]. Разве мог замысел (*акд*) [Создателя] относительно вечной судьбы этой благородной семьи не обрести нового воплощения, когда украшающая мир слава Его Величества Шахиншаха, истинного наследника верховной власти, взошла на вершину трона Халифата земли и всех ее обитателей. Всемогущий Аллах! Разве могли дальновидные подумать или даже представить, что столь великий

365

по своим совершенствам муж, сей избранник судьбы, постигший духовный мир управитель мира видимого так скоро покинет эту землю. Но пришел час, когда Создатель приступил к омоложению старого мира и решил преподать человечеству новый урок, — час, наступивший в последний раз многие циклы назад и исходя из необходимости, Он замыслил привести [в этот мир] благородное и совершенное создание, которое будет способствовать совершенствованию смертных. Следовательно, сие неизбежное событие, на первый взгляд скорбное и печальное, умудренные наблюдатели могут считать источником славы и красоты. Ибо вследствие благодатного присутствия сей величественной жемчужины верховной власти видимый и невидимый миры обрели славу, а пороги власти, духовные и земные, наполнились жизнью. Так как появилась необходимость в том, чтобы возвышенный разум властелина века достиг совершенства, и неотъемлемые элементы правления сего мудрого правителя были приведены в порядок, а игральная кость власти выпала той стороной, на которой оказалось начертано его [Акбара] имя, выяснилось, что в ряду своих истинных предков он облачен в сыновние одежды. И если правитель века (Хумаюн) был, вследствие своей мудрости и возвышенных качеств, приведен в темницу видимого мира, то вполне естественно, что, следуя мудрым законам подчинения более великому, сей величественный правитель (Хумаюн) должен был передать власть потомцу света (Акбару). Но поскольку покровы отцовства играют большое значение и происходят от Аллаха, то подчинение отпрыску не к лицу [родителю]. Точно так же счастье детей не будет занесено в книгу судьбы, за исключением случаев, если они подчиняются своим отцам и выполняют их волю. Следовательно, уход властелина мира [падишаха] из жизни был неизбежен для начала праздника судьбы [шахиншаха].

Итак, собравшиеся в Дели царские подданные, выразив соболезнования и [принесли] поздравления, отбыли, дабы успокоить смятенные сердца, и каждый поспешил в свои земли. Тардибек-хан, один из [верноподданных] в Дели, намереваясь привести в порядок дела этого города, отослал к защищающему мир двору знаки власти вместе с Гулам Али Шашангаштом и другими верными слугами, а также заверил в своей покорности и преданности. Мирза Абу-л Касим²², сын мирзы Камрана, был также отправлен с ними выразить свое почтение [Акбару].

Глава 63

366

Об укрепляющих власть деяниях
Его Величества Шахиншаха
со времени его счастливого
отправления в Пенджаб до
его священного восшествия
на престол

Чтобы вкратце описать осененное успехом положение дел Его Величества Шахиншаха с момента его отправления в Пенджаб до славного восшествия [на престол], скажу [лишь]: в то время когда счастливые знамена повернули в направлении Пенджаба, из Хисар-Фирузы подошел *Атка-хан* с прочими слугами; следуя данным им указаниям, они встретились с ним [Акбаром] в пути и удостоились возможности засвидетельствовать свое почтение. Когда процессия удачи достигла Сихринда, все царские слуги, а именно Мухаммад Кули-хан Барлас, Мусахиб бек, Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд, Фархат-хан, Тахир Мухаммад, сын Мир Хурда, и Михтар Таймур Шарбатаи¹, посланные оказать содействие Шах Абу-л-маали, без спросу покинули его, едва слышав о приближении шахиншаха, и поспешили получить благодать служения, ибо сомнительное общество этого злополучного молодого человека [то есть Абу-л-маали] внушало им опасения. Их милостиво приняли. Сикандар, спустившийся до этого с гор, повернул назад еще до того, как победоносная армия раскинула лагерь. Лишившийся рассудка мир [Абу-л-маали], выступивший было, чтобы захватить его [Пенджаб], торопливо направился обратно в Лахор. Когда не осталось сомнений, что область отдана Его Величеству Шахиншаху, и он держит путь [именно] туда, Абу-л-маали почувствовал, что должен явиться во главе отряда на берег реки Султанпур (Биас) и засвидетельствовать почтение.

Из любезности, желая подтвердить благосклонность, оказываемую [тому] Его Величеством Джаханбани, шахиншах велел Абу-л-маали занять место в высочайшем собрании и осыпал его милостями. Но поскольку мир быстро потерял голову и охмелел, сделав глоток вина мира, он, получив дозволение отбыть и вернувшись к себе, послал письмо со словами, что «его положение при Его Величестве Джаханбани всем известно²; Ваше Высочество в особенности может припомнить, что во время *камарги* (загонной охоты) в Джуи Шахи я вкушал с Его Величеством Джаханбани из одной тарелки; Вы были там, и Вам послали Вашу часть (*алуш*). Так почему, учитывая мое положение, ныне, когда я явился к Вам, мне положили отдельный ковер и постелили отдельную скатерть?» Его Величество, кладезь разума и учтивости, улыбнулся его невежеству и так обратился к Хаджи Мухаммаду Систани, доставившему это послание: «Разъясните ему, что установления государства и законы любви различаются, и [он поймет], что его положение при мне не то, что было при Его Величестве Джаханбани. Странно, что он не увидел различия между этими случаями и начал сетовать»³. Мирза был сильно смущен.

Его Величество направился в горы с целью покончить с Сикандаром: донесли, что он находится в окрестностях Манкота.

Когда армия удачи разбила лагерь близ Харианы, примчался курьер и передал Байрам-хану весть, что Его Величество Джаханбани упал [с лестницы]. Байрам-хан счел неразумным двигаться далее и повел армию в Каланур, чтобы дать ей несколько дней отдыха в этом приятном месте. [Когда они находились] близ Каланура, прибыл Назр Шейх Кули и передал возвышенный *фирман*⁴. И тогда сообщение о событии, которое оказалось неотвратимым, достигло царского слуха, и Его Величество предался горести и скорби, по силе переживания равным его любви и привязанности. Печаль и страдание, испытываемые этим возвышенным духом, превосходили людское разумение. Байрам-хан, Атка-хан и Махам Анага старались утешить его, но поскольку скорбь его происходила от огромной любви, то, что они полагали утешением, лишь увеличивало его горе. Какую печаль и заботу о каждом человеке проявляет этот избранник Господа! Сколь удручает его смерть любого, кто отличается искренностью, преданностью или талантом! Бы-

ло необходимо, чтобы сия священная личность проявила подобные чувства в ситуации, которая в прежние времена служила поводом для ликования невежественных, дабы те, кто способен узреть лишь то, что воспринимает их земное сознание, познали истинное величие этого великого [мужа], и дабы [его мудрое] руководство привело к всеобщему просветлению и совершенствованию. И если бы не это, разве допустила бы обширная сокровищница знания, сострадания и преданности этого питомца света величия, чтобы подобные жалобы на волю Провидения нарушали закон повиновения? В конце концов с помощью [своего] глубокого разума он вступил в обитель терпения и занялся раздачей милостыни и добрыми делами, что идут во благо тем, кто отбыл в мир вечный. Поэты и мудрецы написали элегии и [составили] хронограммы. Среди них был Ходжа Хусейн из Мерва, написавший элегию в форме *таркиббанд*, в которой говорилось об этой вершине прощения. Вот несколько строк оттуда⁵.

О сердце, предназначено тебе слышать смерти звук:
Ведь утро смерти наступает в час расцвета твоей жизни.
Поскольку смерти вкус познать всем людям суждено,
Не сомневайся: [и тебе] испытать шербет смертельный
предначертано.

А имя, данное тебе для жизни,
Ты обречен забрать с собой в обитель смерти.
Гордиться не дано цветком из сада жизни:
Дыханье осени [унылой] накроет и его.
Узнал ты, что кого-то больше нет,
И о тебе получают те же вести.

368

Мир Абд-ал-Хай составил такую хронограмму:
Увы, увы! Мой повелитель упал с крыши (963).
Хронограмма мауланы Масауда написана так:
Хумаюн-падишах воссоединился с Господом (963).

Но здесь священное имя (Хумаюн) пишется без *алифа*. Следующая хронограмма была составлена мауланой Касимом Кахи⁶:

Хумаюн-падишах упал с крыши (962).

Здесь получается на год меньше. Разница в один или два года допустима для дат [окончания] строительства, но не для дат смерти⁷. Многим известна следующая хронограмма:

Да станет Джалал-ад-дин наследником престола (963)⁸.

Духовные и физические совершенства, а также свойства разума и [глубины] знания этого единственного в мире [Хумаюна] не поддаются описанию. Он был чрезвычайно сведущ в различных науках, рационалистических и традиционных (*акли у накли*)⁹. Глубочайшими познаниями отличался в математических науках. Он постоянно общался с философами, а известные математики были счастливы очутиться у подножия его трона. Намереваясь возвести обсерватории, собрал для этого все необходимые инструменты и определил несколько мест для строительства. Весьма милостиво относился также к поэзии и поэтам. И обладая талантом стихотворца, промежутки времени между [исполнением] духовных и земных обязанностей он заполнял сочинительством. *Диван* его стихов находится в Большой библиотеке. Вот строки из этого фонтана чудес:

О сердце, не терзай себя присутствием врага,
И что ты чувствуешь, не должен ведать лекарь.
То, что с тобой случилось по вине тирана, —
Печальная история и очень странный случай.

О сердце, присутствию возрадуйся ты друга
И неуклонно расточай себя в служении ему.
И каждый вечер мысль о друге — наслажденье,
И праздник новогодний — каждой встречи день.

О ты, чья тирания правит миром,
Гнетущ тот день, когда меня не угнетает.
И скорбь, рожденная твоим господством, о тиран,
Похожа ли на скорбь, коль это — скорбь любви к тебе?

Хвала Аллаху! Явление этого благородного рода, который, подобно Небесной иерархии, поддерживается Аллахом и берет начало в Небесной обители, одним концом примыкающего к Адаму Сафи, утру творения, а другим связанного с восходом солнца личности шахиншаха, было описано кратко и живым языком, отличным от того, что свойствен неуклюжему перу составителей (*басмачиан*) [бандитов, разбойников] письмовников. Начертав сей величественный перечень и торжественное вступление, Абу-л Фазл — эта пылинка на ветру — удостоился благословения и обогатился дополнительными сообщениями о тайнах и указах мудрости. Сии истины и тайны, отделенные от основной части повествования, могли бы составить редчайший манускрипт, наполненный мудростью.

Кровь свою превратил я в чашу вина —
 Не в укуса кувшин, сжигающего грудь.
 В каждой капле его много истин сокрыто —
 Не понять их тому, кто не мыслит.

Хотя для обычных читателей всё то, что я поведал о деяниях предков [Акбара], может показаться лишним и [пустым] потоком слов, для славного содружества знающих истину очевидно, что в эту книгу, превозносящую Господа — да не приблизится к ней обладатель дурного глаза! — я на всём ее протяжении не внес ни одного ненужного слова. Я рассказал о разнообразных покровах — кои служат завесой, скрывающей священную красоту, но за каждым сокрыт свадебный лик гения. Но я увлекся! О какой завесе или спрятанной невесте завел я речь?¹⁰ Здесь — лишь единая красота, принимающая различные обличья, и все они принадлежат сияющему гению, являющему собой отражение озаряющей мир Красоты¹¹.

Умеющий говорить знает,
 Какого рода эта речь.

Разве могу я, чье сердце приковано к одному месту, обратиться к двум мирам?¹² Какая выгода в написании истории [жизни]? Два меча

не войдут в одни ножны или две цели — в одно сердце. Не стоит принимать во внимание беспокойные души непостоянных — ибо есть ли у этих бессердечных и приземленных сердце, чего-нибудь стоящее? Но для мудрого, зрящего в глубь вещей, истина поясняется восшествием на престол Его Величества Шахиншаха, и, таким образом, весь скорбный мир следствий оказывается под сенью [Божественного] замысла. Путем глубокого созерцания и удачи владыки судьбы, дописавшие главы счастья благодаря счастливым предзнаменованиям, [связанным с] этой священной личностью, проявили озаряющую мир красоту шахиншаха и в представителях этого возвышенного рода; и так подлинная любовь к этому Единственному Божественного храма даровала усердие для написания этой обширной хроники. Принятые формы речи наполнились новым содержанием, и был орошен розовый сад (*гулистан*) узоров, служащий для украшения. Прямодушие этого пересекающего пустыню осталось неизменным. Были описаны возрастающие достоинства истинного возлюбленного, и высокое место заняли науки любви¹³.

370 Я завершаю эту часть, которая недалеким покажется лишь отступлением; пришло время для того, что обе категории (читателей) считают истинным предметом [повествования]. Я питаю надежду, что сумею достичь желаемого в этом благородном предприятии.

Мое перо, чье острие — таинственный язык,
Играет роль ключа к сокровищнице.
А от того, кто принимает [сказанное мною] с уважением,
Я справедливости, не похвалы прошу¹⁴.

Да будет труд сей по достоинству оценен,
Даруй, Господь, возможность эту...

Примечания

К ГЛАВЕ 28

- ¹ *Лаух-и-махфуз* — Книга судьбы. [*Ал-лаух ал-махфуз* — «Хранимая скрижаль», согласно Корану — небесный прототип всех священных писаний, в котором записано всё, что было и что будет на земле (Коран, сура 85 «Башни», аят 22).]
- ² [Согласно Корану (сура 19 «Марйам», аяты 31/30–34/33), Иса (Иисус) заговорил в колыбели, подтверждая непорочность своей матери.]
- ³ В тексте — *Хатирики*, но должно быть *Хатир яки*.
- ⁴ [Небольшой город к юго-западу от современного Дели.]
- ⁵ *Арбаб-и-тахаввур*. *Тахаввур* означает состояние, в котором человек принимается за безрассудное предприятие, как, например, сражение с неверными, когда по численности они вдвое превосходят мусульман.
- ⁶ Ссылка на кораническое предание о белой руке Моисея [Коран, сура 7 «Преграда», аяты 104/107–105/108]. Ср.: Исход, 4:6. Под вышеупомянутым чудом Моисея, вероятно, имеется в виду обращение им посоха в змею.
- ⁷ [Согласно «Аин-и-Акбари» (I. С. 340, № 18) — старший сын Джиджи Анаги и Шамс-ад-дин Мухаммада Атга-хана, молочный брат Акбара. Проявил себя во время подавления нескольких восстаний Хан Замана.]
- ⁸ [*Аламат-у-макамат* — знаки и стоянки — по суфийской терминологии, достижение определенно обозначенных, высоких, ступеней на мистическом пути.]
- ⁹ [*Асхаб-и-захир* — сторонники внешнего, буквального понимания Корана, отрицавшие присутствие в его тексте и в тексте сунны скрытого смысла.]
- ¹⁰ [*Арбаб-и-батин* — учителя, наставники сокрытого — по представлениям суфиев, те, кто достиг совершенства в «явном» (*захир*) и «тайном» (*батин*) знании о Боге, основатели суфийских братств.]

К ГЛАВЕ 29

- ¹ [*Руджу* — ретроградное движение планеты — движение планеты относительно звезд с востока на запад, т.е. в направлении, противоположном ходу

- последовательности знаков Зодиака. В астрологии считалось, что оно ослабляет планету.]
- ² Солнце и Луна считались планетами, [вместе с Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером и Сатурном] их общее число составляло семь.
 - ³ *Ватад-и-руб-и-нисфу-л-лайл*.
 - ⁴ *Хирман*. Означает также паргелий или гало, и возможно, Абу-л Фазл хотел воспользоваться этим двойным значением. [Паргелий — ложное солнце, одна из форм гало. Гало — светлые круги, дуги, пятна, наблюдаемые вокруг или вблизи Солнца (или Луны) вследствие преломления и отражения света ледяными кристаллами, взвешенными в воздухе.]
 - ⁵ [*Махмил* (*махмал* — паланкин) — одна из важнейших святынь ислама, символизирующая исполнение *хаджжа*; символ политического покровительства над святым местом. По возвращении *махмила* вместе с караваном паломников он считается носителем благословения (*баракá*).]
 - ⁶ Шах Хусейн, следуя обычаю возведения золотых мостов [помощи] для спасающихся бегством врагов, послал Хумаюну тридцать лодок и триста верблюдов. Бадауни, I. 442. См. также Гульбадан, 526 и др.
 - ⁷ [Сиби — город в провинции Белуджистан, Пакистан, примерно в 100 км к юго-востоку от Кветты.]
 - ⁸ Выдающийся юрист, потомок Абу Саида Пурани, происходил из арабской семьи, поселившейся в Синде. Вероятно, замечание Абу-л Фазла о высоком положении Аллаха Доста предназначалось для Абд-ал-Ваххаба.
 - ⁹ Возможно, подразумевается Джалал-ад-дин Пурани, но более вероятно, что имеется в виду его потомок шейх Мирак Пурани, который был *шейх-ул-ислам* [букв. «старейшина ислама»] в Татте.
 - ¹⁰ В тексте — Сих, но версия *ши* представляется верной. Шал — это Кветта, которая находится в 130 милях к юго-востоку от Кандагара.
 - ¹¹ Я предполагаю, что это помеченное на карте место в 60 милях северо-западнее Кветты.
 - ¹² Маштанг, или Мастанг, расположен в 30 милях к юго-юго-западу от Кветты и находится между ней и Хилатом. Как Мастанг, так и Шал упоминаются в «Аин-и-Акбари» (II. С. 402), где они описаны как восток Кандагара. [Мастунг — город в западной части провинции Белуджистан, Пакистан.]
 - ¹³ Вероятно, Паянда Хан Мугул, племянник Хаджи Мухаммад-хана Коки. Возможно, являлся соавтором одного из переводов воспоминаний Бабура. [Из «Аин-и-Акбари» (I. С. 421) следует, что его полное имя — Мухаммад Паянда, и он был сыном Вали бека. Умер в 1024 г.х (1615 г.).]
 - ¹⁴ [Внук Султан Хусейн мирзы, Тимурида, и Касим Султана, Шейбанида.]

- 15 [Махди Касим-хан, брат Газанфара Коки. Служил мирзе Аскари, но после возвращения Хумаюна из Персии перешел к нему на службу. В начале правления Акбара был назначен командиром (*мансабдаром*) четырех тысяч. Вызвав недовольство Акбара плохим управлением Гархой, с его позволения совершил паломничество в Мекку, после чего был прощен. Умер в 1001 г.х. (1592–1593 гг.).]
- 16 Абу-л Фазл обыгрывает двойное значение слова *шам* — вечер и несчастливый. Аскари повезло утром, но в действительности это было обратное движение (*идбар*) его удачи [подобно попятному движению планет].
- 17 Вероятно, подразумевается, что не он сам, а его [Джай Бахадура Узбека] господин был *джагирдаром* [владельцем поместья].
- 18 *Пардагушай-и-хакикат-и-хал*. Абу-л Фазл пытается придать выражению двойной смысл: Джай Бахадур открыл полог палатки (что он и сделал, как сообщают другие авторитетные источники), а также раскрыл истину.
- 19 [Используется старое название Персии (Ирана) — Ирак Аджами, в отличие от собственно Ирака — Ирак Араби.]
- 20 [Начало паломничества в Мекку, *хаджжа*, знаменуется у мусульман вхождением в особое состояние — *ихрам*, внутренний смысл которого — во временном отказе от мирских дел ради предстояния перед Аллахом.]
- 21 Смысл в том, что Хумаюн начал свое паломничество в Мекку и уже не повернет назад.
- 22 Джаухар, который оставался в лагере, описывает, как был разочарован Аскари, обнаружив, что тяжелый сундук оказался набит лишь камнями.
- 23 В некоторых рукописях вместо слова *нузул* приводится слово *назл*, как если бы это выражение означало мельчайшую частицу (*гирди*) множества. Тайфун, *туфан*, этимологически означает вращение или виток (например, смерч) и употребляется в этом смысле.
- 24 Тардибек был в конце концов убит Байрам-ханом. [Это произошло после смерти Хумаюна, в конце 1556 г.]
- 25 Смысл стиха в том, что жеребцовая [т.е. порочная] натура когда-нибудь проявится, или, как выражается Бабур, всё возвращается на круги своя.
- 26 Иногда используется в тексте вместо Анага.
- 27 *Дар макам-и-шигауфтаги у захрханд амад*. «Бахар-и-аджам» сообщает, что слово *захрханд* имеет значение, противоположное *шукрханд*. Это слово означает улыбку или смех, вызванный гневом или безрассудством, букв. «ядовитая улыбка».
- 28 *Тарик шуда*. «Бахар-и-аджам» объясняет этот термин как «потеря уверенности» или «состояние, противоположное предшествующему».

- 29 *Такийя*, букв. «шапочка, носимая под тюрбаном», но возможно, это было всё, что носил ребенок. Любопытно, что у Абу-л Фазла Бахадур именуется принца «Его Величество Шахиншах» — титулом, который тот получил намного позднее.
- 30 После смерти мужа она в 1574 г. отправилась в Мекку вместе с Гульбадан бегим и другими [кормилицами].
- 31 14 месяцев, т.е. с 15 октября 1542 г. до 16 декабря 1543 г., или 14 с половиной мусульманских месяцев.
- 32 В тексте — *расм-и-бузурган*, родовой обычай, но в некоторых рукописях стоит *туркан*, и это, по всей вероятности, является верным. Махам Анага, будучи тюрчанкой, могла рассказывать Аскари о тюркских обычаях, но вряд ли говорила бы о родовых обычаях [Тимуридов].
- 33 [Окуривание зернами *сипанда* (*испанда*) — дикой руты или гармалы — считалось эффективным средством против сглаза и других воздействий, могущих причинить несчастье. Обычай этот сохранился в странах Центральной Азии до настоящего времени.]
- 34 Вероятно, то, что отрезали, было *чунти* — пучок. [Первая стрижка ребенка и частичное обривание головы с оставлением небольшой косички на макушке у мусульманских народов Центральной Азии носили магический характер. Обривание головы на *мазаре* (см. примеч. 22 к гл. 46) святого должно было обеспечить его покровительство ребенку, а если волосы зарывались в землю вблизи *мазара*, то ребенок считался посвященным Аллаху — *Назри*.]
- 35 Существует знаменитая гробница Хасан Абдала в *тахсиле* [небольшой район, округ] Атток в районе Равалпинди. Джахангир пишет, что Шамсад-дин Атка соорудил водоем около [гробницы] Хасан Абдала, и поскольку он был телохранителем Акбара и приемным отцом, возможно, именно к этому [мавзолею] Хасан Абдала привезли ребенка. Но эта гробница находится далеко от Кандагара, и сомнительно, чтобы Аскари позволил увозить Акбара так далеко. Существует гробница, называемая Баба Вали, а также Хасан Абдала в окрестностях Кандагара (в западном направлении), она будет упоминаться далее в тексте — I. 238, и вероятно, к этому месту и возили Акбара.

К ГЛАВЕ 30

- 1 Заглавия этой и двух следующих глав в нескольких рукописях отсутствуют.
- 2 [Хушаб — город в северо-западной части провинции Пенджаб, Пакистан, на правом берегу реки Джелам.]
- 3 [Бхера — город в северо-западной части провинции Пенджаб, Пакистан, в 60 км к востоку-северо-востоку от Хушаба.]

- 4 [Султан Саранг Гхаккар, старший сын Султан Татара Гхаккара, упомянутого в «Бабур-наме» как Татар-хан Каккар (228 а, 6; 229 б). В войне с Шер-шахом последний захватил его в плен и убил, а сын Султан Саранга Камал-хан был заключен в Гвалиоре.]
- 5 Султан Адам, младший сын Султан Татара Гхаккара. После смерти Султан Саранга стал главой племени гхаккаров, продолжая противостоять афганцам. При Акбаре боролся за власть в регионе с племянником, Камал-ханом, но проиграл и оказался заключен в тюрьму, где и умер в 1562–1563 гг. Его сын Лашкари бежал в Кашмир, но был схвачен и казнен Камал-ханом.]
- 6 [О Хати Какаре и какарах, или гхаккарах, как правящем афганском роде говорит Бабур (Бабур-наме, 228 а, 6 и др.). Он же упоминает нескольких ханов земель Саранг — Сарангхани: Тадж-хан Сарангхани, Татар-хан Сарангхани, Хамид-хан Сарангхани и др.]
- 7 Ротас, названный в честь Рохтаса в Бихаре; расположен между Каганом и Соляным хребтом в Пакистане.
- 8 В соответствии с хрониками, Шер-шах объявил это собственным нововведением.
- 9 Тарих-и-Фирузшахи, III. 179 и 197. [Известны две хроники под названием «Тарих-и-Фирузшахи». Первая написана историком Зия-ад-дином Барани, который, находясь под влиянием суфийского ордена чиштийа, излагал свои взгляды на сущность власти и рисовал образ справедливого и праведного государя на примере султана Ала-ад-дина Хилджи (1296–1316) и его реформ. Вторая хроника написана Шамс Сираджем Афифом после индийского похода Тимура (1398). Здесь время правления Фирузшаха (1351–1388) идеализируется как время правления образцового государя. Вероятнее всего, Абу-л Фазл имеет в виду хронику Барани.]
- 10 В соответствии с одним сообщением, потомок Салхади из воспоминаний Бабура [Салах-ад-дин — Бабур-наме, 318 а]. Но Аббас называет его Бхайя Пуран Мал и говорит, что он был всего лишь военачальником на службе у рода Салхади.
- 11 Негодование Абу-л Фазла внушает доверие к нему, и вероятно, он единственный писатель, который выражает его. Низам-ад-дин, Бадауни и Фиришта рассказывают историю без порицания, а Аббас-хан, кажется, торжествует. Но Абу-л Фазл пытается скрыть факт, упомянутый другими историками, что главным подстрекателем и оправдателем бесстыдного нарушения установлений веры Шер-шахом был знаток законов или, скорее, теолог по имени Рафи-ад-дин Сафави, о чьей мудрости и учености Абу-л Фазл отзывается так высоко в главе 26. Вероятно, причина этого умалчивания крылась в том, что мать Абу-л Фазла была дочерью или другим близким потомком Рафи-ад-дина. Довод, которым законоведы оправдали нарушение гарантий безопасности, состоял в том, что Пуран Мал держал мусульманских

- женщин в своем гареме и даже сделал некоторых танцовщицами. В приписке к тексту есть абзац, содержание которого согласуется с двумя рукописями; он слишком интересен, чтобы его опустить. В нем сказано, что Кутб-хан не мог мириться с нарушениями установлений веры, оставил службу у Шер-шаха и стал отшельником. Неясно, кто такой Кутб-хан, но он не мог быть сыном Шер-шаха, поскольку тот незадолго до этого пал в бою.
- 12 Имеется в виду Хусейн-шах из Гаура.
 - 13 Согласно Аббасу, он заболел, когда был на пути в Бихар и Бенгалию.
 - 14 Ссылка на военную хитрость с фальшивыми письмами, при помощи которых он, говорят, обманул Малдео. Это, вероятно, *Хадиса-и-Малдео* — катастрофа Малдео, на которую ссылается Абу-л Фазл в «Аин-и-Акбари» [III. С. 438]. Именно этот случай стал причиной изгнания отца Абу-л Фазла из Нагора.
 - 15 Имеется в виду Джайпур в Амбере, старое название которого было Дхундхар.
 - 16 Этот месяц и день неверны. Дата, приводимая Фириштой и Хафи-ханом, — 12 раби ал-аввала. Абу-л Фазл говорит, что Шер-шах правил 5 лет 2 месяца и 13 дней, что не совпадает с датой 10 мухаррама. Считается, что Шер-шах принял титул и выбивал монеты после битвы у Канауджа. Это случилось в начале 947 г.х., 10 мухаррама, и возможно, Абу-л Фазл приводит дату 10 мухаррама 952 г.х. для того, чтобы выделить годовщину и подчеркнуть мораль. Если мы признаем, что он правил 5 лет, 947–951 г.х., и умер 12 раби ал-аввала, то получим цифры 5–2–12, т.е. почти точно совпадающие с данными Абу-л Фазла. В самом деле, если он не умер до заката, 13 является верным. Абу-л Фазл далее, на с. 202 текста дает другую дату смерти — 11 раби ал-аввала.
 - 17 Ссылка, кажется, на «Гулистан» Саади (I. 27). *Дуд* означает дым, но используется метафорически для обозначения вздохов и томления сердца.
 - 18 Абу-л Фазл обыгрывает представление, что человеческое тело создано из четырех элементов, и сравнивает этот четырехугольник с четырьмя стенами Калинджара.
 - 19 В соответствии с Низам-ад-дином и Фириштой, Ислам-хан объявил себя преемником 15 раби ал-аввала, на третий день после смерти [Шер-шаха].
 - 20 *Махча* — полумесяц или, возможно, шар, символизирующий луну, который помещался на штандартах.
 - 21 *Кирмакони-шабтаб* — крошечные, светящиеся ночью черви, но, очевидно, имелись в виду светлячки.
 - 22 [В оригинале стоит фраза] *Муарбидан-и-сатизакар*. *Муарбид* — тот, кто [быстро] пьянеет, когда пьет, и тем самым раздражает своих собутыльников.

К ГЛАВЕ 31

- ¹ Наушахр находится в Кашмире к северо-западу от Джамму. В древности был столицей области.
- ² В «Тарих-и-рашиди», 483 — Искандер.
- ³ Страна гхаккаров, юго-восточнее Кашмира, Пануч.
- ⁴ Абу-л Фазл считает Назука правителем только номинально [хотя тот был независим от Хумаюна].
- ⁵ *Чилла-и-дай* — 40 дней *дай*, персидского месяца, соответствующего декабрю. Здесь слово *дай* должно означать зиму, т.к. в месяце только 30 дней. Текст содержит слово *баран*, дождь, но из «Тарих-и-рашиди» (485) следует, что имелся в виду снег.
- ⁶ Букв. «на челе Хайдара была написана его независимость» (или «абсолютная власть»).
- ⁷ Бывший правитель Кашмира. Очевидно, он правил четыре раза, а Назук три. [Согласно «Аин-и-Акбари» (II. С. 387), Мухаммад-шах правил в Кашмире в 1489, 1497, 1499–1526, 1529–1534 годах. Назук-шах правил в 1527–1529, 1540, 1551–1552 годах.]
- ⁸ Вариант — Адил-хан, и так же у Фиришты, но Низам-ад-дин употребляет Алавал.
- ⁹ [*Хатиб* — проповедник в соборной мечети, читавший во время службы молитву за царствующий дом.]
- ¹⁰ [Мирза Хайдар-шах правил в Кашмире с ноября 1540 по 1551 гг.]
- ¹¹ Тарих-и-рашиди, 423 и Аин-и-Акбари, II. [С. 363]. Хайдар на этот раз вошел в Кашмир через Балтистан, т.е. с северо-востока.
- ¹² Очевидно, это не та дата, когда была одержана победа, а лишь день, когда кашмирцы собрались с силами после своего поражения (Тарих-и-рашиди, 437–439), но Хайдар высказывается здесь довольно двусмысленно. В «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл приводит дату 930 г.х., которая также неверна. [В издании «Аин-и-Акбари» (II. С. 375, 385, 387) начало правления мирзы Хайдара датировано ноябрем 1540 г. (947 г.х.), конец — 1551 г. (958 г.х.).]
- ¹³ Искандер был сыном не Хайдара, а Саид-хана, хотя Хайдар по просьбе Саид-хана обращался с ним как с собственным сыном. В «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл правильно называет его Сикандар (или Искандер), сын Саид-хана. Также см.: Акбар-наме, III. 552. Вероятно, *писар-и-худ* — ошибка переписчика вместо *писар-и-хванда*, т.е. приемный сын. [Отцом Искандера в «Аин-и-Акбари» (II. С. 384) назван Султан Саид-хан из Кашгара.]

- 14 Очевидно, это использование фразы, сказанной Хайдаром о его предшественнике Зайн-ал-абидине.
- 15 *Хукм-и-хараба дашт*. *Хукм*, видимо, обозначает здесь общий вид [земли].
- 16 Букв. «для музыки существовал базар (*хат*)».
- 17 *Таассубха-и-хунук-и-бинамак*. *Таассуб* — этимологически очень близко по значению слову «религия». Слово *хунук* Абу-л Фазл в «Аин-и-Акбари» использует со ссылкой на Султан Сикандара, другого правителя Кашмира. Он, кажется, противопоставляет его фанатизм и фанатизм Хайдара либеральному духу Зайн-ал-абидина [правил с 1420 по 1470 гг.]. Из «Тарих-и-рашиди» ясно, что Хайдар был твердым мусульманином-суннитом и гонителем суфиев.
- 18 Существуют кашмирские монеты с именем Хумаюна, датируемые 952 или 953 г.х. Роджерс приводит изображения трех из них, на одной (№ 33) выбита дата 950 г.х. [1543—1544 гг.]. Кабул был дважды взят Хумаюном: первый раз в рамазане 952 г.х. (ноябрь 1545 г.) и снова в раджабе 955 г.х. (август 1548 г.). Абу-л Фазл, очевидно, ссылается на второе взятие города, так как упоминает, что после этого события прибыло посольство от Хайдара (Акбар-наме, I. 284, гл. 45).
- 19 Тарих-и-рашиди, 460, 482.
- 20 Второй двоюродный брат Хайдара. [Отцом Кара Бахадура был мирза Махмуд, дядя по отцу мирзы Хайдара Гургана, который, в свою очередь, являлся сыном тети Бабура по материнской линии. На девятом году правления Акбара его назначили управляющим Манду, вскоре он умер, в 1565 г.]
- 21 В тексте — *Дули*, но вариант *Дуби* правилен, поскольку Низам-ад-дин говорит о Камале Дуби как об одном из людей, предположительно убившем Хайдара.
- 22 [Весь] этот рассказ Абу-л Фазла о Хайдаре интересно сравнить с рассказами Низам-ад-дина и Фиришты, а также в «Тарих-и-рашиди». Я полагаю, Абу-л Фазл имеет в виду, что кашмирцы читали *хутбу* в честь Назука, но Хайдар в то же время признавал Хумаюна. Введение в жизнь Кашмира искусств, которое Абу-л Фазл отчасти приписывает Хайдару, сам мирза скромно ставит в заслугу Зайн-ал-абидину.

К ГЛАВЕ 32

- 1 То есть он считал превратности судьбы, из-за которых Хумаюн был сброшен с трона, и проч., благоприятной возможностью для себя самого.
- 2 В «Бабур-наме» [148 а, 235 б] это место называют Динкот [в переводе М.А. Салье — Динкут].

- ³ Очевидно, сочинитель загадок (*муамма*), упомянутый далее в тексте (221). [Маулана Джамшед, сочинитель загадок, упомянут в «Аин-и-Акбари» (I. С. 109).]
- ⁴ Варианты у Чалмерса — Мари и Нари. Возможно, это Париан или, может быть, Барах, который отмечен на карте на полпути между Парианом и Читралом. [Париан — селение в верховьях реки Панджшир в Афганистане. Читрал — город в верховье одноименной реки в северо-западной пограничной провинции в Пакистане.]
- ⁵ Возможно, это относится к Шах Хусейну, который ранее отдал свою дочь в жены Камрану, отказав перед этим Хумаюну.
- ⁶ [Андараб — город в южной части провинции Баглан в Афганистане севернее Кабула.]
- ⁷ Упомянут в «Аин-и-Акбари» [I. С. 644]. Несколько пренебрежительное замечание Абу-л Фазла, высказанное там о нем, связано, возможно, с его восхвалением побед Камрана. Его оды на рождение Джахангира и Мурада можно найти у Бадауни, 125 и 136.
- ⁸ Камран взял Кандагар после 6 месяцев осады.
- ⁹ Из дома Билкис, то есть царицы Шебы. Младшая сводная сестра Бабура и родная сестра отца Ядгар Насира. Она вышла замуж за Джунаида Барласа и родила ему Санджара. [Билкис-макани — подобная, равная Билкис. Билкис — имя царицы Савской в коранической традиции. Шахр Бану бегим на 8 лет моложе Бабура. Она — дочь Омар Шейха от наложницы Умид, родная сестра Насир мирзы, умершего в 1515 г.]

К ГЛАВЕ 33

- ¹ Человек пустыни; соответствует бадави или бедуину.
- ² В «Аин-и-Акбари» [I. С. 417] он упоминается как один из везиров или министров финансов. Возможно, в действительности это был его младший брат Масуд. Подробная биография Ходжи приводится в «Маасир», I. 615. Он был казнен Муним-ханом, очевидно, из-за болтливости. «Маасир» возлагает ответственность за это убийство на Байрам-хана. Именно Джалал-ад-дин провожал мирзу Аскари в Бадахшан, когда того подвергли опале и выслали в Мекку, что стало еще одним ударом в череде бедствий, обрушившихся на Аскари. Баязид называет Джалал-ад-дина Аубахи, т.е. из города Аубахи, расположенного около Герата [современный город Обе в Афганистане], и упоминает, что тот своевременным замечанием отвратил Хумаюна от пьянства. Помимо того, Баязид пишет, что Джалал-ад-дин находился в крепости Баба Хаджи, когда Хумаюн прислал за ним. Эпитет *буджук*, или «полноса», на который указывает Блохманн, вероятно, был дан

- Джалал-ад-дину из-за того, что по приказу Аскари ему отрезали часть носа за непристойные речи. См. эту историю у Баязида, 55 а.
- 3 Распорядитель личной казны. Выражение *саркар-и-хаса* используется в письме Тахмаспа, л. 209, строка 17.
 - 4 Возможно, это ранее упоминавшийся Джай Бахадур, поскольку, как известно, Хумаюн дал имя *Чули* всем, кто сопровождал его через Белуджистан.
 - 5 Письмо приводится полностью в истории посла Хур Шаха в рукописи № 153 Британского музея, л. 58 а, и дата отправки — 7 шаввала 950 г.х. (3 января 1544 г.). Возможно, Абу-л Фазл процитировал его не полностью, так как некоторые фразы можно расценить как слишком подобострастные. После процитированных строк Хумаюн говорит, что теперь птица мечты простирает свои крылья, чтобы вознаградить его созерцанием солнца величия и славы, т.е. Тахмаспа.
 - 6 Озеро Хамун. Оно также называется Морем Дурра или Зеренг [Зарандж]. [Соленое озеро Хамун ныне состоит из нескольких небольших озер — Сабари, Пузак, в которые весной впадает Гильменд.]
 - 7 Имеется в виду тот факт, что Систан был страной [эпического] Рустама. [Следует различать Систан — историческую область к югу от озера Хамун и остан (провинцию) Систан и Белуджистан в современном Иране.]
 - 8 *Шикар-и-кашкардаг*. Должно быть, это была лысуха (*Fulica atra*). См. словарь П. де Куртейля на слово *кашкардак*, где оно переведено как «черный нырок», а также сказано, что оно эквивалентно персидскому слову *маг*. В воспоминаниях Баязида, 2 б, слово пишется как *кашкаладаг* и сообщается, что *шикар*, или состязание, проводилось на *ба-тарказ*. Возможно, следует читать *тиргаз*, или гарпун, *газ* — стрела с двумя наконечниками, и предположительно состязание проводилось так, как описано у Бабура (142 а, б), — с помощью гарпуна.
 - 9 Я полагаю, что это должно быть название города, так как он [Хумаюн] уже находился в этом районе. У Баязида это Касба-и-Систан, город Систана. Раверти (Табакат-и-насири, примеч. на с. 1122) утверждает, что Зарандж называют городом Систана.
 - 10 Удостоен права целования ковра.
 - 11 [Сподвижники Мухаммада — *ал-асхаб* — люди, тесно общавшиеся с пророком Мухаммадом. Они оказывали влияние на выборы первых халифов, поэтому шииты относились к ним как пособникам узурпаторов, лишивших Али законной власти. У суннитов же *ал-асхаб* пользовались особым почетом как хранители сунны — примера жизни пророка Мухаммада как образца и руководства для жизни всей мусульманской общины, что составляло важную часть этико-правового учения ислама. Несмотря на противо-

речивое отношение к Сподвижникам Мухаммада, авторитет восходящих к ним *хадисов* (рассказов о делах и высказываниях пророка) признают и сунниты, и шииты.]

- 12 Эта история, как и многое из рассказанного о событиях в Систане, взята у Баязида.
- 13 Позже очень известное должностное лицо. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 58.
- 14 Город в Хорасане. Я ввожу название Табас в соответствии с вариантом и текстом Низам-ад-дина. Табас или Тебес — небольшой город в Хорасане. Он расположен по пути из Систана в Казвин (бывший в то время столицей), далеко к западу от Герата.
- 15 См. перевод Раверти «Табакат-и-насири», примеч. на с. 34 и 1122. Он говорит, что Ук расположен между Фарахом и Заранджем и уже много лет находится в разрушенном состоянии. Насири говорит, что Ук расположен к северо-западу от Шахристана, который, по-видимому, означает то же, что и Зарандж.
- 16 Тахмасп был только вторым в своем роду. [Имеется в виду, что Тахмасп I являлся вторым правителем в династии Сефевидов, основатель которой — отец Тахмаспа Исмаил I Сефеви (1502–1504).]
- 17 Находится на расстоянии около 90 миль к северо-западу от Тегерана. [Казвин был столицей государства Сефевидов с 1548 г., а летняя резиденция шаха — город Султанийе.]
- 18 Это двустишие — начало оды Хафиза: см. Хафиз. Диван. Изд. Брокгауза. 1857–1861. Т. II. № 217. [В сборнике «Семь самоцветов Востока» есть двустишие:

Я верю: счастья птица в мой залетит синок,
Коль милая решится ступить на мой порог.

Перевод Г. Плисецкого. М., 1995. С. 284.]

- 19 В «Аин-и-Акбари» и «Маасир-ал-умара» под именем Джафар-хана упоминается его внук, который прибыл в Индию и служил у Акбара.
- 20 Лала. Вероятно, это означает «воспитатель», «наставник».
- 21 Султан Мухаммад мирза, старший сын Тахмаспа, которого часто называют Мухаммад Худабанда. [Мухаммад Худабанда (раб божий) стал шахом (1577–1587) только после правления второго сына Тахмаспа — Исмаила II (1576–1577), которого возвели на престол эмиры Афшары.]
- 22 Очевидно, перевод тюркского титула *беглар-беги*, который встречается в письме, приводимом в рукописи Британского музея, ор. 4678.

- 23 Шамлу означает сын Сирии. [Шамлу — одно из семи основных кызылбашских племен в Иране. Возможно, сложилось на основе выходцев из Сирии (Шама).]
- 24 Существуют трудности в определении этой даты, так как Абу-л Фазл пишет, что Хумаюн дошел до Герата 1 зу-ль-каада, или за полтора месяца до того, как Тахмасп получил письмо Мухаммад-хана. Возможно, дата в копии письма Абу-л Фазла неверна, а правильна та, что приводится в рукописи Британского музея, ор. 4678, — т.е. вторник, 5 шаввала 950 г.х. (1 января 1544 г.). В приведенной там копии Тахмасп пишет, что ответил на письмо в тот же день. Оно было привезено ему Хасан беком Таклу. Хумаюн написал Тахмаспу, согласно Абу-л Фазлу, в четверг, 1 шаввала 950 г.х., и возможно, что Мухаммад-хан, наместник Герата, написал своему господину в это же время. Однако если четверг приходился на 1 шаввала, то следующее воскресенье было бы 6, а не 5, если не считать от захода до захода, как это делают мусульмане.
Тем не менее в «Маасир-и-рахими» (Азиатское общество Бенгалии, рукопись, с. 170 б) я обнаружил толкование, которое, на мой взгляд, устраняет некоторые трудности и, возможно, верно. Там вместо зу-ль-хиджжа мы имеем *дай-и-худжиста*. Таким образом, это было бы 12 — число персидского месяца *дай*, соответствующего декабрю. Но если это так, то наместник Герата должен был написать своему повелителю до того, как Хумаюн действительно вступил в пределы Персии. У Баязида стоит зу-ль-хиджжа 949 г.х. [февраль 1543 г.].
- 25 *Саба* — восходящий; также восточный ветер. Возможно, эпитет используется потому, что Хумаюн находился затем в Восточной Персии, а Тахмасп был на западе, в Казвине.
- 26 Сабзавар [Себзевар] — город в Хорасане, к западу от Нишапура, между Мешхедом и Каспийским морем. Но существует еще Сабзвар к югу от Герата, и возможно, это то самое место, которое имеется в виду. Другое его название — Аспазар («пастбище для лошадей»). Именно так пишется в копии письма шаха в «Маасир-и-рахими».
- 27 В тексте — *амал*, но в издании Лакхнау и трех рукописях Британского музея стоит *хамал*, и это кажется правильным. Тюркским, или уйгурским, [календарным] циклом, по-видимому, пользовались в официальных документах, и начинался он с Овна, так же как и персидский год. *Тушкан*, или год Кролика, был четвертым в этом цикле.
- 28 *Асп-и-кутал*. Слово *кутал* использовалось для обозначения второго или замененного предмета. В «Бахар-и-аджам» дается объяснение этому применительно к лошадям: подразумевается достаточно сильное животное, которое является частью процессии, идущей впереди царского экипажа, — иными словами, лошадь для процессии. Из таких животных была

сформирована часть *истикбала*, который встречал персидско-афганскую миссию при приближении ее к Мешхеде. [Речь идет о второй — сменной — верховой лошади, необходимом условии более быстрого передвижения.]

- 29 У Баязида — только три, и это, кажется, точно. Тахмасп едва ли мог послать 100 лошадей с золотыми седлами, но даже если бы он это сделал, то вряд ли просил бы Шараф-ад-дина добавить еще шесть. Вероятно, шесть было добавлено к трем, чтобы получить символическую девятку.
- 30 Очевидно, имелось в виду 120 штук на двенадцать месяцев. [В] «Аин-и-Акбари» [I. С. 96] указано, что Акбар имел в своем гардеробе 120 костюмов, уложенных в двенадцати свертках.
- 31 *Такийахнамад* [козий войлок, кошма].
- 32 Гошкан, или Джошакан, — город, расположенный на полпути между Кашаном и Фарсахом, известный своими коврами.
- 33 *Курги*, *курк* или *кур* — тонкая козья шерсть, растущая у самой кожи. Это слово также обозначает «мех».
- 34 В тексте *машкан*. Согласно «Бахар-и-аджам», *машкан* — название сорта яблок, растущих в Тусе, т.е. Мешхеде.
- 35 *Салтанат-панах*. Баязид [использует] *аялат-панах*, и в обоих случаях подразумевается Шараф-ад-дин. На Востоке принято наблюдать за приготовлением напитков для царя.
- 36 Каззак султан был сыном Мухаммад-хана, а Джафар — его внуком. Каззак-хан, восставший против Тахмаспа в 972 г.х. [1564 г.], и его сын Джафар эмигрировали в Индию [Аин-и-Акбари, I. Кн. 2. С. 470–471].
- 37 Букв. «не разрешались даже недружелюбные взгляды».
- 38 *Кашак* или *кашик*.
- 39 У Баязида написано Бахарлу, что представляется предпочтительным вариантом.
- 40 *Палуда* или *фалуда* — то же самое, что и халва, за исключением того, что *суджи* варится на молоке. [*Палуда*, как и *суджи*, — разновидности восточных сладостей, известных под общим названием *халва* (*халво*). Основными компонентами были сахар, жир или масло и мука, получаемая как из злаков, так и из различных орехов. Абу Али ибн Сина упоминает о существовании около сотни различных сортов халвы. На основе сахара, муки и молока готовят сладости, аналогичные европейскому понятию «конфеты», и все они объединены в группу под общим названием *канд* — сахар, сладости.]
- 41 [*Ришта-и-хатай* — в данном случае речь идет о разновидности халвы, в процессе приготовления которой карамелизованная масса вытягивается

- в тонкие нити, заворачиваемые до получения небольшой «пасмы», как в шерстяных нитках. Особенно славилась халва, изготовленная в Китае, поскольку использование рисовой муки делало ее буквально тающей во рту.]
- 42 *Амбар-и-ашхаб*. Она была лучшего качества.
- 43 Возможно, общее предписание было разослано правителям всех провинций, через которые проезжал Его Величество.
- 44 [*Фарсах* (*фарасанг*, *парсанг*) — единица измерения расстояния на местности, определяемая длиной пути, проходимого караваном за один час. Равна 6–8 км. Известна со времен Ахеменидов.]
- 45 *Уймак*. Здесь, очевидно, имеется в виду доверенный слуга.
- 46 [*Хазара* (*хазарейцы*) — народ в Центральном Афганистане, в основе этногенеза монголоязычные племена с тюркским и иранским элементом. Язык дари с многочисленными включениями монгольских слов. Никудари (*никодари*) — племя монгольского происхождения, первоначально составлявшее отряд чагатайского царевича Никудара, осевший в окрестностях Кабула. Никодари считали себя их потомками.]
- 47 Слово означает «стеганое одеяло», «покрывало».
- 48 [*Туман* (монг. 10 000 — десять тысяч). В Иране туман как единица денежных расчетов получает распространение при Сефевидах, но чеканить его начали лишь с XVIII века. Стоимость золотого тумана равнялась десяти кранам, или 10 000 динаров.]
- 49 В рукописи — 10 500. Письмо, приводимое в оригинале № 4678, сообщает, что потрачены должны быть все деньги, от первой до последней монеты.
- 50 [*Хийабан* (*хиябан*) — бульвар с обсаженными деревьями аллеями, расположенными вдоль оросительных канав — *арыков*. Предназначался для прогулок и общественного отдыха, поэтому зачастую располагался вне города, в направлении почитаемых мест.]
- 51 [*Чадар* (фарси) — палатка, шатер; большой занавес, полог; чадра.]
- 52 Баязид пишет: «Оплот верховной власти (т.е. Мухаммад-хан Шараф-ад-дин) и вышеупомянутый», т.е. Каззак султан, и это, возможно, верно.
- 53 У Баязида — Сабир Каф. Это означает человека, хорошо знающего Коран, — того, кто знает его наизусть. Последние два имени этого списка — Хафиз Дост и следующий — у Баязида отсутствуют.
- 54 Также пишется *шунгар* (Falco Hendersoni).
- 55 В «Аин-и-Акбари» [I. Примеч. на с. 98] — муар. [Муар — плотная шелковая или полшелковая ткань с волнообразными разводами, играющими на свету.]

- ⁵⁶ *Калабатун*. В примечаниях к «Аин-и-Акбари» [I. С. 97] Блохманн говорит, что это материал, расшитый золотыми и серебряными нитями.
- ⁵⁷ Текст представляется здесь не совсем верным. Во всех рукописях Индийского общества стоит *лашкари*, а не просто *лашкар*, и правильным прочтением кажется *лашкари у ба хар нафар*. Рассказ о *туманах* не совсем ясен. Возможно, 300 золотых *туманов* были специальным подарком Хумаюну, а 30 золотых кошельков следовало сшить из шелка.
- ⁵⁸ *Шахи* равняется примерно полпенсу. Цифры в тексте, однако, сомнительны.
- ⁵⁹ Сооружение с четырьмя сводами; видимо, четырехугольная палатка или балдахин.
- ⁶⁰ В тексте — *бега*, т.е. вожди, но я считаю, что это слово *байкаха*, т.е. девушки, от слова *бека*, которое П. де Куртейль переводит как «незамужняя женщина».
- ⁶¹ *Дар макам-и-ширин кари у ширин гуи дар аянд*. Одно из значений слова *макам* — музыкальный тон, а *кар* и *ката* Бабур использует для обозначения песен и мелодий. [См.: Бабур-наме, 182 а, б.] Поэтому, возможно, здесь имеется в виду, что женщины декламировали и пели бы для проходящих мимо. Наиболее вероятно, однако, что слово *кари* относится к танцам. См. А. Вамбери. История Бухары. С. 242, примеч., где он описывает танец, известный как Герати. Мохан Лал язвительно замечает, что все женщины Герата умеют петь и танцевать, но не показывают этого ни своим мужьям, ни родственникам, а лишь своим друзьям.
- ⁶² Возможно, имеются в виду как женщины, так и мужчины.
- ⁶³ Письмо в рукописи № 467 Британского музея определяет это еще точнее. Голова лошади принца должна быть вровень со стремянем Хумаюна, а голова коня наставника — со стремянем принца.
- ⁶⁴ Абу-л Фазл, по всей вероятности, пропустил здесь несколько слов. У Баязида, 96: «В первый день наш сын окажет Его Величеству щедрое и превосходное гостеприимство, а ночью, когда он (сын) отправится отдыхать, оплот власти (Шараф-ад-дин) призовет к себе великих военачальников и велит каждому из них ежедневно развлекать царя, к которому благоволит Аллах, в одном из садов. В следующие два дня его будет развлекать [наш] сын, а после этого сам оплот власти будет развлекать его так, как будет сейчас описано. Итак, когда он (Хумаюн) вступит в город» и т.д.
- ⁶⁵ *Наваб хумаюн-и-ма* — Тахмасп имеет в виду себя.
- ⁶⁶ *Чадар-и-бузург алабата*. Возможно, *абтат*, персидское *батат* — провизия. Вероятно, это то, что Абу-л Фазл называет в «Аин-и-Акбари» (I. С. 48) кладовыми и мастерскими (*буютат*).
- ⁶⁷ У Якута — Бушанг (Аин-и-Акбари, III. 87).

- 68 [Бахарз — название округа, подвластного Герату.]
- 69 Туршиз или Туршиш. Это зависимые от Нишапура земли.
- 70 *Мухаввалат* этимологически означает «бесплодные пространства».
- 71 Здесь написано *фарсанги*. Ранее в письме — *фарсахи*.
- 72 Это письмо, как представляется, вызывало настоящее восхищение; оно присутствует в нескольких эпистолярных собраниях. Появляется и в «Маасир-и-рахими», но это — всего лишь копия из «Акбар-наме». Эрскин полагал, что Абу-л Фазл переписал его у Баязида, и это вполне вероятно. В копии Абу-л Фазла встречаются случайные пропуски и изменения, возможно внесенные им для исправления, чтобы показать, что он не был подобострастным переписчиком. Так, Абу-л Фазл пропускает в одном месте титул *Джаннат-ашияни*, который у Баязида Тахмасп дает своему отцу Исмаилу, но который Абу-л Фазл считал священным, чтобы относить его к кому-либо, помимо Хумаюна. Затем в перечне титулов Хумаюна в начале письма у Баязида после слов *адл-густари* (отправитель правосудия) и перед словами *хакан-и-сикандар-нишан* идет титул *сахиб-и-дев-у-пари* — господин демонов и духов, который Абу-л Фазл, вероятно, пропустил как недостаточно возвышенный. С другой стороны, он приводит имена трех человек, обязанных развлекать Хумаюна, но которые не встречаются у Баязида. Баязид утверждает, что точную копию документа написал 20 раджаба 1000 г.х. [23 апреля 1592 г.] мир Мирдад Джувини, *дарога* летописей. Возможно, это верно, так как в конце он, по-видимому, скопировал и передаточную надпись или подобную ей на документе, гласившую, что в 990 г.х. [1582 г.] копию взяли для «Тарих-и-алфи» («Летопись тысячелетия»). Возможно, эта надпись появилась одновременно с копией Баязида, чтобы показать, что копию сделали для Баязида в связи с «Тарих-и-алфи». 990 год, вероятно, отсчитывается по эре *рихлат* (от 632 г. — года смерти Мухаммада), которая и была принята Акбаром для этой работы. Я проверил копию во втором томе «Тарих-и-алфи» в рукописи № 465 Британского музея, но письма там нет. Действительно, события правления Хумаюна упоминаются лишь вскользь и так, как если бы предполагалось, что Абу-л Фазл должен был рассматривать их отдельно.
- В своем вступлении к письму Баязид рассказывает, что Хумаюн держал совет с султаном Ахмадом о посещении шаха, и Ахмад посоветовал ему поехать туда через Табаскилаки, т.к. это самая короткая дорога, но Хумаюн возразил, что будущее неопределенно, а поскольку он слышал много хорошего о Герате (возможно, от своих родителей), ему хотелось бы поехать этим путем. Потому он поехал через Ук и был там встречен Али султаном, родственником Шараф-ад-дина. Как Ахмад султан, так и Шараф-ад-дин написали Тахмаспу и получили ответ.
- В рукописи № 4678 Британского музея, Каталог Риё, Приложение, с. 117 б и далее есть письмо от Тахмаспа к Шараф-ад-дину, которое очень напо-

минает письмо, приводимое Абу-л Фазлом, но в некоторых деталях расходится с ним.

Кажется, оно датировано средой, 5 шаввала 950 г.х. [1 января 1544 г.], если только в действительности это не дата письма Шараф-ад-дина, на которое был прислан ответ.

- 73 Или Фаррах. Он расположен к югу от Герата в исторической области Систан [на территории современного Афганистана].
- 74 На полпути между Гератом и Мешхедом.
- 75 Возможно, Турбат-и-Хайдари, к югу от Мешхеда. [Современный Торбетехейдерие.]
- 76 К северо-северо-западу от Герата, по пути к Мерву и далеко от Герата [современный Серахс].
- 77 Это удаленное место к югу от Бурджнаида [Боджнурда] и к северо-западу от Нишапура. Также называется Михрджан, см.: Аин-и-Акбари, III. 85.
- 78 В письме Тахмаспа [это событие] описывается не так, как у Абу-л Фазла, но в копии [письма] в ор. № 4678 указывается, что Татар-бек был послан приветствовать Хумаюна.
- 79 Около Герата много святынь. Неизвестно, о какой идет речь. [*Зийаратгах*, *зийратгах* — святое место. Обычно могила какого-либо почитаемого святого, место паломничества — *зийара*.]
- 80 [Бабур-наме, 191 б — Пули-Малан упоминается как название моста.] Эрскин пишет, что Малан — название реки, которая пересекает Герат и течет с востока. Если предположение верно, то это лишь другое название реки Гери Руд. Конолли, II. 51, сообщает: «В четырех милях от города мы пересекли Херируд по длинному мосту из кирпича, называемому Пул-и-Маулаун, который и дает название реке. Столько воды было забрано выше по течению, что поток здесь стал узок, но быстр и ясен, как алмаз». Мохан Лал говорит, что у моста было 33 арки, но сейчас только 27.
- 81 Я использую вариант. В тексте *шурафа́* — знать.
- 82 Возможно, здесь должно быть «стоянка Даркара».
- 83 Я уже отмечал, что эта дата представляется неверной. Она противоречит утверждению Абу-л Фазла, что близился персидский Новый год, в то время как он начинается в середине марта [в день весеннего равноденствия].
- 84 Персидский поэт первой половины XV в.
- 85 В тексте — *сих ках*. *Сихгах*, т.е. три времени, — это название мелодии. [*Сегох* (тадж.) или *сэгах* (перс.) — название известной классической мелодии, на мотив которой могли исполняться различные стихи.]
- 86 [Бабур-наме, 191 а.]

- 87 [Бабур-наме, 188 б, 191 б.]
- 88 Она расположена в месте, именуемом Газаргах («отбеливающая земля»). По словам майора Раверти, такое название объясняется тем, что это кладбище — то место, где отбеливаются кости. Расположена у подножия холмов, примерно в 2 милях к северо-востоку от города. [Газаргах — Бабур-наме, 191 а.]
- 89 29 февраля 1544 г., но я думаю, это ошибка, так как 5 мухаррама 951 г.х. = 29 марта 1544 г. Далее сообщается, что Хумаюн прибыл в Мешхед 15 мухаррама, и без сомнения, вряд ли ему потребовалось 6 недель, чтобы добраться до Джама. Кроме того говорится, что он провел персидский Новый год в Герате, что было просто невозможно, если бы он покинул его в феврале.
- 90 Эти [копи] существуют и в наши дни. Они расположены в местечке, называемом Маадин («шахта»), к северо-западу от Нишапура.
- 91 В «Восточной Персии» Голдсмита и других на с. 381 мы находим следующее: «Феррье писал о сильном ветре, столь частом здесь. Персы говорят, что его причиной служит таинственный источник в горах, в двух *фарсах* от Дамагана, и если в него будет брошено что-то грязное, то начинается ужасная буря, которая длится несколько дней, до тех пор пока источник не очистится. Около родника всегда находится охрана, чтобы не допустить порчу вод. Рассказывают, что когда шах перешел через Дамаган на пути в Мешхед, он, не веря в эту историю, приказал кому-то из своей свиты выбросить мусор в источник, и в тот же миг поднялся такой ветер, что царский стан свернулся, как бумажный, а шах был вынужден вычистить источник, чтобы ветер прекратился». Предполагается, что Дамаган является древней столицей парфян. Следует отметить, что Бабур рассказывает подобную историю об источнике в Газни (Бабур-наме, 139 а).
- 92 К северу от Шахруда.
- 93 Т.е. «вздымающийся океан». [Абу Йазид (Баязид) Тайфур бен Иса ал-Бистами (умер в 875 г.) — известный персидский мистик, родоначальник одного из течений в мусульманском мистицизме. Воспринимался как некий символ суфизма. От его имени происходит название направления в суфизме — тайфурийа. До настоящего времени дошло около 500 изречений ал-Бистами.]
- 94 [Семнан или Самнан расположен к востоку от Тегерана.]
- 95 Здесь явно какая-то ошибка. Суфиябад находится далеко к востоку от Самнана и Бистама, и Хумаюн, естественно, достиг бы его раньше названных. Он расположен к северу от Сабавара и к северо-западу от Нишапура.
- 96 Он был знаменитым суфием и автором книги по религии, а также по общей истории. Он умер в 736 г.х. (1336 г.). [Ала-ад-даула Симнани — выдающийся представитель суфийского ордена кубравийа. Был психологом

и философом. Известен своей критикой концепции *вахдат ал-вуджуд* — единства бытия Ибн Араби, подхваченной орденом накшбандийа.]

- 97 [Рей — город в Столичном районе, недалеко от Тегерана.]
- 98 [Султанийе (Султания) — город к западу от Казвина.]
- 99 Фиришта называет это место Билак-и-Кидар (имя сына Ишмаила). В примечаниях Абу-л Фазла присутствует невольная ирония. Если доверять рассказу Джаухара, Байрам имел причину радоваться, что благополучно вернулся от шаха.
- 100 Баязид пишет, что встреча произошла в Зангане. Бадауни, I. 444, называет его Илак Суртак. Абхар (Эбхер) находится к западу от Казвина.
- 101 *Истикбал фармуда* — как если бы Тахмасп вышел встретить Хумаюна; но, согласно Джаухару, который, вероятно, оказался очевидцем этого, единственным *истикбалом*, сделанным Тахмаспом, было то, что он придвинулся к краю ковра.
- 102 *Яд-и-байза*, букв. «белая рука», имеется в виду преобразившаяся [ставшая белой] рука Моисея [аналогия с чудесами Моисея].
- 103 Персидский поэт с титулом Касими. Написал поэтическую историю («Шахнаме») шаха Исмаила и историю его сына Тахмаспа.
- 104 Фаркадайн — общее название двух ярких звезд около полюса мира (бета и гамма Малой Медведицы).
- 105 Тахмасп был примерно на 8 лет моложе Хумаюна.
- 106 Игра слов: радость раскинулась как ковер.
- 107 [Историческая область в западной части современного Ирана. Центр — город Хамадан (в древности Экбатаны).]
- 108 *Бади пайкар*. В «Аин-и-Акбари» (I. 146) Абу-л Фазл называет верблюда *шигарф пайкар*.
- 109 В тексте — *джалгава*, есть вариант — *чалгава*. У П. де Куртейля в его словаре переводится как «шуба, сделанная из шкурок красной лисы».
- 110 *Ба расм-и-армагани*. Без сомнения, это алмаз Бабура, возможно, Кох-и-нур. В рукописи № 153 Британского музея, с. 58 б, говорится, что это был алмаз Бабура, весивший 6,5 *мискаля*, а шах Тахмасп после этого послал его Низам-шаху, правителю Декана.
- 111 Имеется в виду Бахрам мирза, брат шаха, а также некоторые вероломные слуги Хумаюна. См.: Низам-ад-дин, Фиришта, Джаухар, а также Бадауни, I. 444.
- 112 *Булак* означает на тюркском «источник»; возможно, правильным названием является Судж Булак, то есть «холодный источник». Он находится

- рядом с Тахт-и-Сулейман, который упоминается Джаухаром как место охоты. *Билак* означает «сад», а также «подземное строение, используемое как укрытие от жары».
- 113 Здесь, вероятно, ошибка, так как этого человека Баязид упоминает как слугу шаха. Блохманн говорит о нескольких Шах Кули, но ни один из них не назван султаном. Абу-л Фазл, однако, позднее (I. 266) дает этот титул тому Шах Кули, который был сыном сестры Байрама и стал хан-джаханом. Но он вряд ли являлся тем Шах Кули на охоте, так как не был родом из Кандагара. По Баязиду, 17 б, следует, что человек, упомянутый здесь, — это Хусейн Кули, брат правителя Систана. Баязид утверждает, что Хумаюн сделал его хранителем печати, когда был в Кандагаре.
- 114 Баязид называет его *Сундак*.
- 115 Учитывая, как легко мог произойти этот несчастный случай, а также неприязнь сторонников Хумаюна к Бахраму, который, по всей вероятности, дал своему брату хороший совет относительно Хумаюна, склоняешься к мысли, что эти обвинения в убийстве не обоснованы. Баязид не обвиняет мирзу в этом. Очевидно, и Тахмасп не подозревал брата, хотя должен был знать о происшествии.
- 116 *Чауганбази* — [конное поло].
- 117 *Кабакандази*. Вид состязания — бросание копья или стрельба из лука в кольцо. Слуги Хумаюна могли быть искусными в этой игре, так как играли в нее в Индии, до времен Шер-хана. См.: Хондамир. Хумаюн-наме, 149 б в рукописи № 1762 Британского музея.
- 118 *Тумар*. Возможно, здесь это означает «смотреть». Баязид говорит, что *тумар* резервов был поручен военачальникам (*вукала*) Хумаюна.
- 119 У Баязида — 10 000.
- 120 У Баязида — Али султан.
- 121 Согласно Баязиду, Адхам мирза и Тахамтан мирза были братьями, из чего становится очевидно, что Део султан и Део мирза — одно и то же лицо.
- 122 В нескольких рукописях — Систани.
- 123 У Баязида после имени Джахан Шах вместо мирза стоит Бадшах, без сомнения потому, что он являлся сыном Кара Юсуфа из Кара Коюнлу. Он был убит в 1467 г.
- 124 Вероятно, Бирди или Барди — более верное прочтение. Если это так, то он был, возможно, Шах Бирди Баятом, братом Баязида; он отрекся от мира и стал религиозным поэтом с псевдонимом Бахрам Сакка. См.: Баязид, 19 а.
- 125 В тексте — *Джулак*, но слово *Чулак*, которое означает «однорукий», скорее всего, верно.

- ¹²⁶ У Баязида — *Румлу*.
- ¹²⁷ *Валад-и-Суфиан Халифа Румлу*. [Румлу — одно из основных кызылбашских племен, тюркских по языку. Очевидно, сложилось из выходцев из Рума (Малой Азии).]
- ¹²⁸ «Убийца Зульфикара». Зульфикар был курдом, который стал султаном Мосула и захватил Багдад. В 1527 году Тахмасп, в возрасте приблизительно четырнадцати лет, объявил ему войну, и во время осады Алибек убил его. См.: рукопись № 153 Британского музея.
- ¹²⁹ *Курчи-и-хаса*. *Курчи* были личной кавалерией шаха и являлись потомками 2000 заключенных, отпущенных Тимуром к Садр-ад-дину. [*Курчи (курчи)* — корпус личной гвардии в Сефевидском Иране. Формировался исключительно из кызылбашей, во главе стоял *курчи-баши* из числа самых знатных кызылбашских эмиров. Получали весьма высокое жалованье.]
- ¹³⁰ *Шикар-и-камарга* — [многодневная загонная охота].
- ¹³¹ [Миана (Миане) — город в Северо-Западном Иране, на берегу реки Кызылузен, к востоку от Тебриза.]
- ¹³² Имеется в виду визит Тимура к Садр-ад-дину Сафи [основателю суфийского ордена сефевийа] в Ардабил.
- ¹³³ Миран Шах — сын Тимура. Плоти́на, вероятно, была создана для снабжения Табриза водой из реки.
- ¹³⁴ Гора к югу от Табриза [высотой 3710 метров].
- ¹³⁵ *Чауган*, но в Табризе играли ногами, так как Абу-л Фазл добавляет слово *пияда*.
- ¹³⁶ *Гург-давани*. Словари не дают ответа, что это за вид спорта. *Гург-дав* означает «быстро ходить» или «бежать как волк», а *Гург-бази* объясняется как существующая в Кашане игра, суть которой заключается в выпускании волка и т.д. Баязид говорит о *Гург-давани*, а также о спортивной игре, названной *Армани-Мусульман*, букв. «армяне против мусульман».
- ¹³⁷ Имеются в виду землетрясения, из-за которых Табриз неоднократно бывал разрушен.
- ¹³⁸ Баязид, 24 а, сообщает, что этот мулла был отцом Кази Али Бакши, и Хумаюн послал ему приглашение из Бадахшана, но тот не смог принять его.
- ¹³⁹ Известен как художник и каллиграф. Впоследствии он присоединился к Хумаюну в Кабуле. Был поэтом и последователем Божественной веры [*дин-и илахи*] — Аин-и-Акбари, I. С. 209. У Баязида есть рассказ о нем — 24 а и т.д.
- ¹⁴⁰ Вероятно, имеются в виду небесные глобусы, а не армиллярные сферы.

- 141 *Мадиянха* — букв. «кобылы».
- 142 В некоторых рукописях стоит слово *Саммаси* — очевидно, место в окрестностях Ардабила, населенное потомками суфийских святых. См.: Журнал Королевского Азиатского общества за апрель 1896, с. 262, где Шаммаси упоминается как селение близ Ардабила.
- 143 У Джаухара, 75 — Тарун.
- 144 У Джаухара, 75 — Хардабил.
- 145 Абу-л Фазл упоминает бескосточковые гранаты как один из фруктов *тумана* [округа] в Нехнихале, около Джалалабада, в «Аин-и-Акбари» (II. С. 405).
- 146 Я не обнаружил в дальнейшем никаких упоминаний об этом ребенке. Она не была Бахши или Яхши Бану.
- 147 Абу-л Фазл приводит несколько дат в этой части повествования. Мы знаем от Баязида, что Хумаюн достиг Мешхеда в конце месяца рамазан, т.е. около 15 декабря 1544 года. Из надписи, которую предоставил Ней Элиас, Журнал Королевского Азиатского общества за январь 1897 года, с. 47, следует, что Хумаюн был в Торбете-Джаме на несколько дней позднее, т.е. 29 декабря.
- 148 «Жемчужина короны». Это энциклопедия философских наук Кутб-ад-дина Ширази, ученика Насир-ад-дина Туси.
- 149 Персидский поэт. Он умер в Кашане в 961 г.х. (1554 г.). Баязид рассказывает эту историю и называет изменение строки стихотворения Хумаюном *дахл*, что является специальным термином для остроумного ответа или антистрофы.
- 150 У Джаухара, 76 — Рават Тарк.
- 151 У Джаухара, 76 — Ках.
- 152 [Вероятно, современный Лахи на левом берегу реки Гильменд в провинции Гильменд, Афганистан.]
- 153 *Ухувват-и-ахиафи* — брат, рожденный той же матерью, но от другого отца. Некоторые писатели явно считают его родным братом матери Акбара: Маасир-ал-умара, I. 618 и Аин-и-Акбари, I. С. 448, 591.
- 154 Акил султана упоминает Баязид, 18 а, как одного из военачальников, который сопровождал Хумаюна в походе из Кандагара в Кабул. [Матерью Акил султана была Шад Бегим, дочь Хайдар мирзы — сына Султан Хусейн мирзы и Пайанде Султан бегим — дочери Султан Махмуд мирзы. То есть Акил султан являлся не внуком, а правнуком Султан Хусейн мирзы (Ба-бур-наме, 167 а). Адил султан являлся сыном Махди султана, предводителя одного из узбекских племен, попеременно воевавшего то на стороне Бабура, то на стороне Шейбани-хана Узбека (Бабур-наме, 320 б, 347 б).]

- 155 Несмотря на его длительную службу, Хумаюн в конце концов приговорил его к смерти. Джаухар, 109 и Акбар-наме, I. 311.
- 156 Возможно, маулана Максуд из Герата, гравёр в «Аин-и-Акбари» (I. С. 54), который в указателе назван Ходжой.
- 157 Блохманн определяет эту должность как более высокую, чем *диван* [министр], но более низкую, чем *вакил* [наместник]. Джаухар, 88, говорит о Ходжа Гази как о *диване*. Он попал в немилость из-за своего сговора с Рушаном Кокой, целью которого была кража драгоценностей Хумаюна. См.: Джаухар, 68 и 72, а также воспоминания Гульбадан бегим.
- 158 Любопытно, что Абу-л Фазл не упоминает почерк *шикаста* в своей главе о письме в «Аин-и-Акбари». Бадауни называет его [Амин-ад-дина] *вазир-и-мустакалл* (самовластный везир) и много говорит о его влиянии. Перевод Лоу, 189–190.
- 159 Погиб в Бихаре в сражении с Шер-ханом.
- 160 Его жена из белуджей была одной из двух женщин, сопровождавших Хумаюна во время его побега в Персию; она оказалась полезна в путешествии через пустыню как переводчик. Джаухар, 52 и 53.
- 161 Он был дворецким Хумаюна. Рассказ об этом убийстве приводится у Джаухара, 76.
- 162 *Мауза-и-хараба*. Согласно Джаухару, Якуб был убит далеко от Табриза, между Казвином и Сабзаваром.
- 163 Али Дост-хан из Табаката.
- 164 Возможно, шейх Юсуф Харкун в «Аин-и-Акбари» (I. С. 608).
- 165 Ахмад Ясави принадлежал к ордену накшбандийа и являлся одним из величайших святых Центральной Азии. [Ахмад Ясави (Йасави) умер в 1116 г.) был первым представителем суфийской литературы, писавшим на тюркском языке. Его «Хикам» («Хикмат») написан на тюркском диалекте района Яса (современный город Туркестан, Республика Казахстан). Эпоним суфийского ордена ясавийа, близкого к более позднему ордену накшбандийа.]
- 166 Возможно, Бухлуд из Дели, упомянутый в «Табакат», литогр. изд., 392.
- 167 «Бабур-наме», 352 б, указывает Мир Мухаммада Джалабана (плотовщика) как заслужившего награду за мастерство, проявленное при возведении моста через Ганг.
- 168 Блохманн, 384 и примеч. на с. 432. *Мауджи* означает «капризный» или «эмоциональный», но возможно, это прозвище дали ему в связи со службой во флоте, т.к. *маудж* означает «волна». *Мауджи* было поэтическим псевдонимом Хайдар Мухаммада, и это имя использует Бадауни, III. 234, где

- приводятся выдержки из его стихов и говорится, что их автор умер в 979 г.х. (1572 г.).
- 169 Вероятно, известный как Шер Мухаммад, потому что он убил леопарда (Акбар-наме, I. 287). Он принимал участие в ослеплении Камрана.
- 170 В издании Лакхнау — *ду байт*, есть два двустушия. В «Аин-и-Акбари» (II) Абу-л Фазл говорит о саде Хафиза Рахны как об усладе всех видящих его.
- 171 *Илчиан*, но прочтение очень сомнительно. В некоторых рукописях обнаруживается *якджихатиян*, т.е. прямодушный или преданный. В одной из рукописей стоит *яхчакиян*, а в другой — *дахил-и-махафил*. Баязид, 39 а, упоминает его как *гойинда́* — декламатора и как присутствующего при разговоре между Хумаюном и его братом в Таликане.
- 172 Видимо, Бахар Хан Мухаммад Асгар в «Аин-и-Акбари» (I. С. 444–445). В рукописи Британского музея, доп. 6544, называется Бахадурханом.
- 173 Джаухар, автор воспоминаний [на которые часто ссылается Г. Беверидж].
- 174 Писарь, который хранит список ночной стражи; обычно пишется *ятиш*.

К ГЛАВЕ 34

- 1 Игра слов: Хумаюн уподобляется хуме, или фениксу, бросающему свою тень на Афганистан.
- 2 Сводная сестра [Акбара]. Сначала была замужем за Ибрахимом, сыном мирзы Сулеймана, а впоследствии брат выдал ее замуж за Шараф-ад-дин Хусейна — Аин-и-Акбари, I. С. 339.
- 3 Есть вариант *бича*, но очевидно, верное прочтение — *бача* — ребенок, дитя. *Мирак* означает «князек».

К ГЛАВЕ 35

- 1 [Шаб-и барат] — 14 шаабана 952 г.х. (22 октября 1545 г.). Состязание, вероятно, было устроено много позже после того, как Акбара привезли в Кабул, ибо всё происходило зимой, предположительно в конце 1544 или начале 1545 г. Но, возможно, имеется в виду шаабан 951 г.х. — в этом случае состязание состоялось 1 ноября 1544 г. Однако если это было так, Акбара должны были перевезти в Кабул задолго до того, как Хумаюн уехал из Персии. [*Шаб-и барат* или *лайлат ал-бараа* — ночь создания или, как чаще поясняют, ночь освобождения, т.е. прощения грехов. В ночь с 14 на 15 шаабана принято читать суру «Йа Син». В Индии и Пакистане лакомятся сладостями, раздают еду нищим и т.д. Считается, что молитва об искуплении грехов в эту ночь обязательно будет услышана Аллахом, и грехи будут прощены.]

2 В одной рукописи — Абу-л Касим, и Фиришта, литогр. изд., с. 264, утверждает, что у Камрана был один сын Абу-л Касим, которого Акбар взял в плен в Гвалиаре в 964 г.х. (1556 г.), а впоследствии умертвил во время восстания Хан Замана в 1567 г.

3 *Аз баски тарик шуда буд.*

4 Акбару тогда исполнилось два, а то и три года, и определенно пора было отлучать от груди ребенка, сумевшего поднять и бросить на землю другого ребенка старше и крупнее его самого. [Согласно мусульманской традиции, ребенок должен получать грудное молоко как минимум до двух лет. И только после этого, с согласия отца, он может быть отнят от груди. Следовательно, со стороны мирзы Камрана этот приказ — явный произвол.]

К ГЛАВЕ 36

1 [Баст (Кила Баст) — современный город Буст в провинции Гильменд в Южном Афганистане к востоко-юго-востоку от Кандагара.]

2 *Бе джалуи карда* — не сдерживая вожжи.

3 Согласно Баязиду, это младший брат Бапуса, который был убит выстрелом из мушкета во время второй осады Кабула.

К ГЛАВЕ 37

1 Очевидно, ворота ткачей: *машур* или *масур* означает ткацкое веретено или прялку. [Западные ворота Кандагара.]

2 Впоследствии — знаменитый Хан Заман.

3 Возможно, это название храма. Баязид говорит о Даман-и-Ходжа Хизр.

4 [Одно из значений слова *банд* — перекрытый, перегороженный. *Куча банд* — перегороженная улица.]

5 Очевидно, его раны не были тяжелы, ибо дальше мы узнаём, что он принял участие в походе против Рафи. Он умер от чумы во время похода на Кабул.

6 Очевидно, Исмаил Кули бек Дулдай. Позже он бежал к Хумаюну в Кандагар (Баязид).

7 Племянник великого Шейбани-хана и зять Хайдар мирзы. Вероятно, имеется в виду битва, которая состоялась 25 сентября 1528 года между узбеками и персами при Зурабаде возле Джама — Бабур-наме [345 б, 347 б, 348 а]. [Убайд-ал-лах султан, хан, Шейбанид (правил с 1533 по 1539 гг.), был женат на сестре Хайдар мирзы.]

8 В тексте — *хамрах*, но возможно, это должно быть *хамру*, и оно означает, что Исмаил и Хайдар сходились как противники. Непохоже, чтобы Хайдар был на стороне узбеков. Но возможно, в тексте имеется в виду, что Исмаил сражался против Убайд-ал-лаха.

- 9 У Баязида *сангар* — (в) укреплении. [Имеется в виду селение Заминдавар под Кандагаром, а не историческая область Замин Давар в Центральном Афганистане.]
- 10 Баязид упоминает, что Байрам взял письма для Камрана как от шаха Тахмаспа, так и от Хумаюна.
- 11 [Аби-Истада], т.е. стоячая вода. Это соленое озеро к югу от Газни.
- 12 Описание визита Байрам-хана в Кабул и последующее, похоже, взято у Баязида. Он приводит больше подробностей, ибо являлся участником этих событий.
- 13 Баязид поясняет, что посещение Сулеймана было связано с необходимостью вручить ему письмо от шаха Персии, а также объяснить обстоятельства гибели коня, посланного ему Тахмаспом.
- 14 Военачальник Камрана.
- 15 Сиях Санг («черный камень») — это луг (*джалка*, *аланг*) к востоку от Кабула [Бабур-наме, 128 б, 130 а].
- 16 Баязид говорит, что Байрам был с Ядгаром до третьей ночной стражи, так как они давно подружились — еще в Индии. С согласия Хумаюна Байрам пытался успокоить его; [позже неизвестные лица] умертвили Ядгара, что после его подчинения кажется низостью и вероломством.
- 17 Он был Тимуридом, сыном Мухаммад Султан мирзы и внуком Султан Хусейна из Герата.
- 18 Так во всех списках, но возможно, Абу-л Фазл написал *шаиш* (6), а не *шаист* (60).
- 19 Я не уверен в правильности перевода этого отрывка.
- 20 *Бартафтанд* — это значит, что письма привязывали к стрелам, которые затем пускали из лука вниз.
- 21 Также звался Хизр-хан Султан. Он был мужем Гульбадан бегим, дочери Бабура и автора «Хумаюн-наме».
- 22 Согласно Низам-ад-дину, он был пленником в Кандагаре. Умер вскоре после взятия Кабула к всеобщей радости, говорит Баязид, так как его считали дьяволом и причиной того, что Хумаюн потерял Индию.
- 23 Нур бек, один из военачальников Бабура [Бабур-наме, 248 а, 255 б].
- 24 Низам-ад-дин сообщает, что они несли в руках свои саваны. [Вероятно, Низам-ад-дин имел в виду головные уборы — чалмы, на которые традиционно шло такое же количество ткани, что и на саван.]
- 25 *Зулана*, или *завалана*. [Деревянные колодки из двух досок с отверстиями для шеи и рук.]

- 26 Согласно Баязиду (16 а), Сулейман был отпущен до падения Кандагара. Он также сообщает, что его жена Харам, или Хуррам бегим, подкупила военачальников драгоценностями, чтобы его отпустили.
- 27 *Нил*, букв. «синевая», «синий» — [на Востоке] цвет траура и символ неудачи.

К ГЛАВЕ 38

- 1 Имя похоже на тюркское и произносится также Будак.
- 2 *Мардан-и-худ*. Имеется в виду его гарем.
- 3 Возможно, относится к плану похода Хумаюна в Бадахшан, но более вероятно — к холмам севернее Кандагара, через которые им пришлось бы идти в Кабул, поскольку Газни всё ещё находился в руках врага.
- 4 В тексте — Кандикан, но вероятно, ворота были названы в честь селения Гандиган к западу от современного Кандагара.
- 5 Хафи-хан (I. 130) приводит более подробный рассказ об этой военной хитрости.
- 6 Абу-л Фазл сравнивает Хаджи Мухаммада с тигром, подкрадывающимся к своей добыче.
- 7 Хумаюн несомненно был феодальным властителем Кандагара как старший из братьев и совершенно справедливо рассматривал весь Афганистан как принадлежащий его семье со дня завоевания этой территории его отцом [Бабуrom]. Бадауни (I. 447) приводит четыре причины, по которым Кандагар был отвоеван у персов.
- 8 *Тааллук башах дарад*. Байрам был туркменом и доверенным лицом Тахмаспа. Но возможно, эта фраза значит: «город остается зависимым от шаха».
- 9 Умиравший Бабуr завещал Хумаюну всегда прощать своих братьев.
- 10 К северу от Кандагара, на Хелманде, Тарин — Аин-и-Акбари, II. С. 403. В тексте — Типри. [Современный город Таринкет, центр провинции Урузган в Центральном Афганистане.]
- 11 [Современный город Лахи в провинции Гильменд в Афганистане, к югу от Кандагара.]
- 12 [Современный город Калат, центр провинции Забуль в Афганистане, к северо-востоку от Кандагара.]
- 13 Баязид, 17 б, говорит, что он был пожалован Касим Хусейн-хану Шайбани.
- 14 *Тама карда буд* — букв. «повел себя скупом». Ссылка на Джалал-ад-дина непонятна, ибо он находился на службе у Хумаюна. Но ранее он был слугой Аскари и, возможно, злоупотребил своей властью, когда войска вступали в Кандагар.

- 15 Несомненно, это Мухаммад Али Тагай, дядя Хумаюна по материнской линии, ставший впоследствии правителем Кабула.
- 16 Джаухар приводит другой, более правдоподобный рассказ об этом.
- 17 *Рах саркарда бурд*, возможно, означает, что он отправился ночью впереди армии.
- 18 Гульбадан бегим сообщает, что она умерла после трехдневной болезни. Место она называет Кабалхак и говорит, что тело было погребено там, но спустя три месяца его перевезли в гробницу брата Ханзады (Бабура). По всей вероятности, «Кабалхак» — ошибка переписчика вместо «Гилчак», что находится около Баба Хасан Абдала. Баязид, 69, сообщает, что там был сад, который Хумаюн посещал несколько раз.
- 19 Согласно Джаухару, Хиндал присоединился к Хумаюну только в Тири. Ядгар Насир также присоединился к Хумаюну. Он направился в Бадахшан (после того как Хумаюн выступил в поход) и не присоединился к Хумаюну до Кабула, откуда поехал вместе с гаремом Хумаюна. Несомненно, он отправился в Кандагар потому, что там находился его старый друг Байрам (Баязид).
- 20 Младший брат Хизр Ходжи, мужа Гульбадан бегим. Ак султан, Белый князь — это прозвище, а имя, согласно Баязиду, 19 б, — Хасан Даулат султан. Он был женат на Хабибе, одной из дочерей Камрана. Впоследствии так разгневал своего тестя, что тот забрал у него жену. См. воспоминания Гульбадан.
- 21 В тексте — *Камар*.
- 22 Это человек, ставший впоследствии святым и водоносом; он писал стихи под псевдонимом Бахрам Сакка. Являлся старшим братом Баязида, автора воспоминаний. Его настоящее имя — Шах Барди Бият. К этому времени мирза Камран отобрал у него земли и отдал их Хизр Ходже Хазара. Взамен Камран дал ему Горбанд — Баязид, 19 б.
- 23 Думаю, он отложил решение касательно просьб Камрана до тех пор, пока тот не явится, чтобы лично засвидетельствовать покорность. Согласно Баязиду, Хумаюн отверг все предложения Камрана. Гульбадан бегим говорит, что Хумаюн одарил Ходжей одеждами и продовольствием.
- 24 У Баязида мы обнаруживаем слова «Бини-Кохи» (21 а). Лорд Робертс в своей книге «Сорок один год в Индии», II. 223, пишет: «Бени Хиссар, крупное селение, окруженное фруктовыми садами, находится всего в двух милях к югу от широко известной цитадели Бала Хиссар». Название означает «передний край (ребро) крепости».
- 25 [*Сипай* (перс.), *сипах* (хинд.) — солдат, воин. *Сипахи* — воинское сословие. От этих слов позднее произошло название солдат в наемной армии, создаваемой с XVIII века в Индии английскими властями.]

- ²⁶ *Каукаба*. Игра слов, основанная на двойном значении слова *каукаб*, означающего и звезду, и шар, венчающий знамя; и это еще более очевидно, если учесть, что поход состоялся ночью.
- ²⁷ Насчет года много путаницы. Низам-ад-дин склоняется к 953 г.х., хотя некоторые, по его словам, приводят 952 г.х. Как указывают издатели *Bibliotheca Indica*, первая хронограмма, которую приводит Абу-л Фазл, дает 954 г.х., а вторая, метрическая, — 952 г.х. Я придерживаюсь мнения, что верный вариант — 952 г.х. 12 рамазана 952 г.х. — это среда и соответствует 18 ноября 1545 г. Другие источники указывают дату 10 рамазана. Абу-л Фазл сообщает о начале осады Кандагара — 7 мухаррама 952 г.х., или 21 марта 1545 г., но не приводит дату ее окончания. Этот пробел устраняет Бадшах-наме, I. 64, где утверждается, что Кандагар был взят в четверг, 25 джумада ал-ахира 952 г.х., или 4 сентября 1545 г., а Кабул захвачен в среду, 12 рамазана в этом же году.
- Мы знаем, что Хумаюн был в Мешхеде в день после рамазана 951 года, а в Джаме — 21 шаввала (см. надпись в Журнале Королевского Азиатского общества за 1897 г.). Тогда он ехал, чтобы присоединиться к персидской армии, и, таким образом, мог прибыть в Кандагар в начале 952 г.х. и взять Кабул приблизительно девятью месяцами позже. Несоответствие между источниками относительно дня захвата Кабула, возможно, вызвано тем, что одни считают день побега Камрана днем захвата города, тогда как другие берут в качестве этой даты триумфальное вступление Хумаюна в город. Гульбадан бегим, находившаяся в то время в Кабуле, приводит ночь 12 рамазана как дату вступления Хумаюна в город.
- ²⁸ Очевидно, это псевдоним Ходжа Заин-ал-Абидина, персидского поэта. Впоследствии называл себя Абди и умер в Ардабиле в 988 г.х. Возможно, он — Баба Абди, упомянутый в «Хафт иклим» как житель Кандагара.
- ²⁹ В тексте — два года, но это определенно неверно. Акбар родился 5 раджаба 949 г.х., или 15 октября 1542 г., а в Кабул вступили 12 рамазана 952 г.х., поэтому, согласно мусульманскому календарю, Акбару тогда было три года два месяца и восемь дней, или три года по солнечному календарю.
- ³⁰ Баязид, 21 б, говорит, что смерть этого человека вызвала всеобщую радость.
- ³¹ Он сослужил добрую службу, облегчив бегство Хумаюна после битвы при Канаудже, и вероятно, поэтому был наказан только изгнанием. Он являлся Кокой, или молочным братом, и ранее служил у Камрана военачальником. Похоже, впоследствии он вернулся к Камрану.

К ГЛАВЕ 39

- ¹ Гульбадан бегим описывает, какую щедрость по этому случаю Хумаюн проявил к вдовам и сиротам тех, кто пал под Чаузой, и проч.

- ² *Урта* — тюркское слово. Означает «средний», таким образом, Урта Баг должно значить «средний сад» или «внутренний сад».
- ³ Означает, видимо, что шатры женщин были расставлены согласно их положению.
- ⁴ *Баргах-и-харим*, что, возможно, означает зал для неофициальных приемов. Из изложения Абу-л Фазла не ясно, были на женщинах чадры или нет, но едва ли это имело большое значение для Акбара, не видевшего свою мать с младенчества.
- ⁵ Баязид, утверждение которого в другом месте приводит Абу-л Фазл, пишет, что Ядгар находился в Кабуле, когда Байрам поехал туда с поручением.
- ⁶ [Место отдыха в окрестностях Кабула. См.: Бабур-наме, 136 а, 248 б.]
- ⁷ Рассказ о борьбе взят у Баязида, 216.
- ⁸ Возможно, Имам Кули Шигали в «Аин-и-Акбари» (I. С. 577). Слово *Шигали*, вероятно, произошло от *Шигавал*.
- ⁹ [Источник Ходжа Се Яран («трех святых»). См.: Бабур-наме, 136 б — 137 а.]
- ¹⁰ [*Аргаван (аргуван)* — багряник, иудино дерево (*Cercis siliquastrum* L.). Дерево или кустарник семейства бобовых подсемейства цезальпиниевых. Достигает высоты 5 метров. Ценится как декоративное растение, поскольку весной цветы — от белых до фиолетовых — распускаются до появления листьев, а осенью листья приобретают разнообразные оттенки — от бело-желтого до темно-бордового. В диком виде растет в Средиземноморье, на Кавказе, в Средней Азии.]
- ¹¹ Дядя Сулеймана по материнской линии — Баязид, 22 а.
- ¹² В тексте — Хинд, но я придерживаюсь варианта Синд, так как Дуки используется у Бабура (Бабур-наме, 150 а) как название юго-восточных холмов Афганистана, которые находятся рядом с Синдом. В «Аин-и-Акбари» (II. С. 402) Дуки упоминается как восточная часть Кандагара. [Дуки — область, расположенная к югу от реки Гомаль по ее притоку Эхоб, между хребтом Тоба-какар и Сулеймановыми горами, север современной провинции Белуджистан в Пакистане.]
- ¹³ Это выражение (*хисаби*), похоже, взято из утверждения Баязида, 22 а, что против Ядгара было сформулировано около тридцати обвинений, одним из них был акт неуважения, совершённый им много ранее при взятии Кампанира.
- ¹⁴ *Гул аз баг бирун шуд*. $Баг = 1003$, а $гул = 50$, таким образом, $1003 - 50 = 953$ г.х., дата его смерти. Амани составил столь же искусную хронограмму на смерть Хиндала. См. ниже, глава 51. Существовало 5 поэтов с этим именем. Тот, о ком говорится в данном случае, это мир Амани из Герата, который жил в Кабуле и в 981 г.х. погиб в Джаунпуре, упав со своей лошади.

К ГЛАВЕ 40

- ¹ Здесь в тексте мирза Камран не упоминается, но я полагаю, что его следует упомянуть. Во всех рукописях стоит лишь слово «мирза», поэтому, возможно, в действительности Абу-л Фазл подразумевает Сулеймана.
- ² Баязид говорит, что первая остановка была у Ходжа Риваза [Ходжа Раваш].
- ³ Кара Баг расположен к востоку от Газни и упоминается Абу-л Фазлом в «Аин-и-Акбари» как Кара Баг в Кандагаре, но Кара Баг, который имеется в виду в данном случае, это скорее место в 25 милях к северу от Кабула, где-то возле Исталифа.
- ⁴ Проще говоря, злосчастного мирзу задушили. Описание Абу-л Фазла, похоже, взято у Баязида, который приводит несколько обвинений, выдвинутых против мирзы. Он упоминает, что Муним-хан посоветовал послать Мухаммад Касима. Баязид пишет, что казнь произошла до того, как Хумаюн покинул Кабул, и это вполне вероятно. Тело мирзы было похоронено в кургане около тюрьмы, напротив ворот крепости, но позже перевезено в Газни, в гробницу его отца.
- ⁵ [Андараб — город в южной части провинции Баглан в Афганистане.]
- ⁶ Баязид говорит о Далу Касиме, брате Валад бека.
- ⁷ У Баязида — Туган.
- ⁸ В тексте — Нарин. [Нарин — современный Нахрайн (Нахрин) — город в провинции Баглан в Северном Афганистане, к востоку от г. Баглан.]
- ⁹ [Ишкамиш — ныне город в Северном Афганистане, провинция Тахар. Не путать с Ишкашимом в Бадахшане.]
- ¹⁰ Баязид называет его правителем Гори.
- ¹¹ В тексте — Сасан, но правильно — Шашан. [Шашан — хребет в западных отрогах Гиндукуша. В его северной части берет начало река Хост. Хост — в данном случае имеется в виду река, средний из трех правых притоков реки Кундуз, соединяющихся восточнее города Ханабад.]
- ¹² [Куляб (Кулаб, Кулоб) — город и область между правобережьем реки Пяндж, основного притока Амударьи, и рекой Кызылсу, исторический Хуталаян, территория современной Республики Таджикистан.]
- ¹³ Кажется, Махам — мать Хумаюна — была родом из Хоста, т.к. у Баязида (26 а) говорится, что Хумаюн на несколько дней остался в Хосте и находился в обществе родственников матери. Ходжа Мухаммад Али, упоминавшийся в «Бабур-наме» как правитель Хоста, был, вероятно, или отцом Махам, или ее братом. Если верно последнее, то он должен быть тот Мир Мухаммад Али, которого Хумаюн поставил править Кабулом.

- 14 В тексте — Дараск. Но в другом месте (I. 99) и у Баязида — Вараск. В данном случае это река, на которой стоит Кишм. [Кишм — город на западе Бадахшана, на границе провинций Бадахшан и Тахар в Северном Афганистане.]
- 15 [Описание охоты на птиц см.: Бабур-наме, 142 а, 6, 143 а.]
- 16 На карте — Калаган, к западу от Кишма.
- 17 Баязид пишет, что он остался в Кишме на 3 или 4 месяца.
- 18 Баязид называет его Хусру Падшах и утверждает, что Касим Джанги был его рабом.
- 19 [Таликан (современный Талукан) — центр провинции Тахар в Северном Афганистане.]
- 20 Это были отец и сын. Муин позже стал кази в Лахоре — Аин-и-Акбари [I. С. 619]. Сыном Муина был Шараф-ад-дин, женившийся на Бахши Бану, сестре Акбара, но позже превратившийся в мятежника. Эта семья велела свое происхождение от Ходжа Ахрара, известного святого Самарканда.
- 21 Возможный перевод: изменил намерение посвятить себя благодарственной молитве за спасение Его Величества.
- 22 Мир Барка был сыном Мир Абд-ал-лаха и несколько раз упоминается в «Акбар-наме». Согласно Джаухару, Чучак бегим ухаживала за Хумаюном в течение болезни и была вознаграждена, увидев, как он пришел в себя и глаза его открылись, когда она налила несколько капель гранатового сока ему на губы. Баязид восхвалял заботу Фатимы бегим Урду Беги, дочь которой впоследствии вышла замуж за Ходжа Муаззама и была убита им. Возможно, это та же Фатима, на которой женился Баки-хан, — Бадауни, II. 61.
- 23 Баязид называл его в своем списке *диван* [министр] и писал его имя как Рашид.
- 24 Баязид (27 б) описал убийство, но не упомянул о том, что его мотивом был религиозный фанатизм. Это убийство совершили несколько персов в стоворе с Ходжа Муаззамом, и по-видимому, жадность тоже сыграла свою роль. Когда они бежали, то унесли с собой несколько подарков шаха Тахмаспа из Тахт-и-Сулеймана. Низам-ад-дин упоминает, что Ходжа пришел вместе с Хумаюном из Персии. Возможно, он был шиитом, и это сделало его врагом Ходжа Муаззама [который традиционно придерживался суннитского толка].
- 25 Означает сверкание меча.
- 26 Эпитет Сикандар-макани [«равный Александру»] можно сравнить с эпитетом Мириам-макани, относившимся к матери Акбара. [Полное имя мирзы Улугбека, внука Тимура, — Улугбек Мухаммад Тарагай (1394–1449). Еще при жизни своего отца Шахруха, в 1409 г., он получил во владение

Мавераннахр со столицей в Самарканде. В 1434 г. там была построена знаменитая обсерватория, по результатам наблюдений в которой в 1444 г. были завершены «Новые таблицы Гургани» Улугбека («Зидж-и джедид-и Гурагони»). В составлении их принимали участие астрономы Казизаде Руми, Гияс-ад-дин Джамшид и Али Кушчи.]

- 27 *Хана-и-кан; хана-и-кани* — у Баязида. Баязид, у которого это заимствовал Абу-л Фазл, говорит, что здание было построено Джалаль-ад-дин Махмудом, который тогда был *мир буйутат*. Дело происходило зимой. В связи с этим домом Баязид рассказал одну историю о том, как Хумаюн и некоторые избранные придворные (*ахл-и-нишаст*) готовили там *бугра*. Он также рассказал о визите Шерафкана. В первый раз тот пришел пьяным, и Хумаюн, зрящий всегда в корень (*сиг*), приказал ему уйти. Когда тот пришел через несколько дней, Хумаюн обошелся с ним очень дружелюбно и пожаловал ему некоторые земли. *Кан* обозначает рудник, а также может обозначать ножны, но я полагаю, что *кани* у Баязида это описка вместо слова *кахи*, т.е. сделанный из соломы. [*Хана-и кани* — вероятнее всего, дом с отопительной системой при помощи канов — воздухопроводов, проложенных под полами или суфами отапливаемого помещения. Этнографически такой способ отопления зафиксирован как в Восточном Туркестане, так и в Иране. Издревле использовался для обогрева бань (*хаммом*). Дом из соломы маловероятен в условиях бадахшанской зимы при очень сильных морозах.]
- 28 [Имеются в виду владения к западу от Кабула, территория современной провинции Бамиан в Афганистане. Город Бамиан — центр одноименной провинции, Кахмерд — город к северу от Бамиана, на реке Кахм, притоке Кундуза.]
- 29 [Горбанд — город в провинции Парван в Афганистане к северо-западу от Кабула; река, приток реки Кабул.]
- 30 Ни *таскавал*, ни *нихилам* нет в словарях. Абу-л Фазл этот эпизод, видимо, списал у Баязида, который описал поход в горы с другой стороны реки Кокчи. В полночь они достигли холмов с невероятно крутыми склонами и наутро охотились на оленей. Олени пробегали так близко, что невозможно было стрелять из луков, и приходилось ловить их руками. Слово *нихилам* использовалось в рукописи «Бабур-наме». На самом деле *нихилам* — это не животное, а способ самой охоты [вероятно, на птиц]. Его синоним *таскавал* тюркского происхождения, а последняя часть *авал* обозначает «огораживание».

К ГЛАВЕ 41

- 1 *Муджма-и-бахраин* обозначает слияние соленой и пресной воды. Это название, которое злополучный Дара Шикох дал своей книге, призванной примирить индуизм и мусульманство.

- 2 [Божественное величие, могущество — Джалал и Божественная красота, проявленная в милосердии, — Джамал — две категории Божественных сущностей в исламе, в которых проявляются основные свойства Аллаха: свойства силы, могущества, власти, проявляющиеся в качествах ал-Азиз (Могучий), ал-Джаббар (Могущественный), ал-Кабир (Большой, Великий), ал-Хаким (Мудрый); свойства милосердия и сострадания, проявляющиеся в качествах ар-Рахим (Милосердный), ар-Рахман (Милостивый), ас-Сами (Слышащий), ал-Гаффар (Прощающий) и др. Ал-Джамал-ва-л-Джалал — основное условие для идеального правителя, следующего предписаниям Корана.]
- 3 Относится к отказу Акбара, когда он был ребенком, учить заданные уроки. [Берущая начало от Мухаммада традиция, по которой считается, что Мухаммад был неграмотным, ибо Божественное знание может быть вложено только в девственно чистую душу. Отсюда — душа избранного Аллахом не должна быть замутнена привнесенным светским знанием.]
- 4 [Далее, во втором и третьем томах, Абу-л Фазл часто говорит о том, что Акбар удивлял собеседников знанием профессиональных тонкостей в разных областях знаний и ремесел.]
- 5 [Ссылка на аят 6 суры 88 «Покрывающее»: «и никакой еды у них не будет, помимо горького дари» — питья, предназначенного Аллахом для грешников.]
- 6 *Насия-и-кабулаш* — обозначает, что мирзе Камрану предлагался выбор величия, но его пороки лишь возросли из-за злоупотребления возможностью, данными для преуспевания.
- 7 Фиришта говорит, что Асас был шутом Бабура. Он добавляет, что тот вошел и произнес стих в честь мирзы Камрана. [Он упоминается неоднократно в «Бабур-наме» без указания на его должность (244 а, 248 а, 250 а, б, 312 а).]
- 8 См.: воспоминания Гульбадан «Хумаюн-наме». Она упоминает, что Камран пытался заставить ее написать письмо мужу, приглашая присоединиться к нему.

К ГЛАВЕ 42

- 1 Перевал находится в Гиндукуше и ведет из Бадахшана на Кабул. И, согласно «Бабур-наме», только он один открыт зимой. Поэтому Бабур прошел им зимой 1510 г. в Канди, когда узнал о смерти Шейбани.
- 2 В тексте — Тайкан, что согласуется с написанием Марко Поло. [Современный Талукан.]
- 3 Этот праздник отмечается 10 зу-ль-хиджжа, последнего месяца мусульманского года. Поэтому, если этот год был 953 г.х., дата праздника — 1 февраля 1547 г.

- ⁴ [Перевал Шибар на границе провинций Бамиан и Парван в Центральном Афганистане. Открывает проход на Кабул.]
- ⁵ Баязид, 296 — Котал Рекак; он утверждает, что тот находится выше Чарикара. Возможно, это перевал Хавак, что на возвышенности долины Панджшир.
- ⁶ Джунаид был женат на Шахр Бану, младшей сестре Бабура, часто упоминался в «Бабур-наме». [Шахр Бану Бегим младше Бабура на 8 лет. Она, как и Насир мирза, была дочерью Омар Шейха и наложницы Умид Агаче. См.: Бабур-наме, 9 а.]
- ⁷ Аин-и-Акбари, I. С. 253. Он происходил из Курдистана, близ Багдада. И был борцом.
- ⁸ [*Хиебон*, *хиябан* — дорога, обсаженная с двух сторон деревьями; аллея в саду.]
- ⁹ В тексте — *сарасима*, но здесь уместнее вариант *бераха* — заблудший или скиталец.
- ¹⁰ Абу-л Фазл упоминает в «Аин-и-Акбари» (II. С. 404), что тот возвышался над крепостью.
- ¹¹ Очевидно, это тот же человек, который позже поступил так благородно — Аин-и-Акбари, I. С. 410–411.
- ¹² В тексте — *кур*, но вариант *куз* более правилен, синоним *харс* — кувшин с вином — кличка, которую позднее Хумаюн дал Исмаилу.
- ¹³ Существует вариант *Барак*.
- ¹⁴ *Сих джалу*. В рукописях Британского музея, доп. 27, 247 и 17925 и № 564 I.V. есть слово *шах джалу* — тяжело сдерживаемая, т.е. неуправляемая, несомненно это правильное прочтение. *Шах джалу* встречается у Баязида; у него, вероятно, Абу-л Фазл и взял это выражение.
- ¹⁵ Аин-и-Акбари, I. С. 412–413. Это человек, который построил цитадель в Агре. [Касим-хан, Мир Бахр Чаманарай, и Ходжаги Мухаммад Хусейн, Мир Барр.]
- ¹⁶ Аин-и-Акбари, I. С. 542 — здесь указано, что титул означает «управитель царскими лесами».
- ¹⁷ Здесь у Абу-л Фазла [явная] игра слов.
- ¹⁸ Баязид говорит, что лошадей привезли из Балха.
- ¹⁹ В соответствии с Низам-ад-дином, он с Джалал-ад-дин беком перешел на сторону Хумаюна. Буквальный перевод Абу-л Фазлом этого выражения таков: «мушкетная дробь огнем пожала жатву его жизни».
- ²⁰ Должно быть, это был Хизр-хан Хазара.

- 21 *Бар Камрани*. Абу-л Фазл использует игру слов, основанную на сходстве между именем мирзы Камрана и недавним провалом его попытки вызволить Шер Али.
- 22 Баязид утверждает, что он отдал ее одному негодяю (или негодьям), *ба мардум-и-на-мунасиб-сипурд*, и убил двух ее сыновей, 10 и 12 лет.
- 23 Баязид говорит, что она была повешена над Железными воротами.

К ГЛАВЕ 43

- 1 Вариант *гузариш* — возмездие или воздаяние, это подтверждается рукописями Британского музея и, скорее всего, правильно, однако в рукописи № 564 Индийского ведомства стоит слово *гудазииш* — сжигание, испепеление.
- 2 Баязид говорит, что он был братом Хайдар султана. [Касим Хусейн Шейбани неоднократно упоминается в «Бабур-наме» как внук Султан Хусейн мирзы, Тимурида, и сын Касим Султана, Шейбанида.]
- 3 «Маасир-и-рахими» (288 б) называет его Шах мирза Кандагари и говорит, что он охранял Кандагар для Байрам-хана.
- 4 [Ссылка на кораническую историю Йусуфа (Юсуфа), сына Йакуба (сура 12 «Йусуф»). Ослепший Йакуб прозревает, прикоснувшись к рубашке давно утерянного сына. Ср. библейскую историю Иосифа и Иакова.]
- 5 Согласно Джаухару, мирзу Камрана настиг мирза Хиндал, из братского сочувствия отпустил его и даже дал лошадь. Низам-ад-дин говорит, что Хаджи Мухаммад-хан повернул назад, услышав некие тюркские слова, сказанные ему мирзой Камраном. Что тот ему сказал, неизвестно, но возможно, Камран иронично спросил его, не убил ли он его отца, что тот так рьяно его преследует.
- 6 Зять мирзы Камрана и шурин Гульбадан бегим. Она рассказывала, что он впоследствии покинул Камрана и отправился в Мекку.
- 7 Или *йаргу*. Это слово тюркское или монгольское, и одно из значений его — «совершенный».
- 8 *Дар мураджаат*, я полагаю, на обратном пути из Бадахшана и Гори.

К ГЛАВЕ 44

- 1 Далее в тексте есть указание на учителей Акбара (I. 31 б). Сообщается, что первый учитель, Асам-ад-дин, был уволен за свое пристрастие к полету голубей. Это пристрастие передалось и ученику, если только мальчик не унаследовал его от своего прадеда Омар Шейха и не ввел в заблуждение своего незадачливого наставника. Когда Акбар был совсем юным, он очень любил наблюдать за голубями и перенес это увлечение в зрелую жизнь. Так, в «Маасир-и-рахими» есть длинное письмо от Акбара, адресованное

Хан-ханану [Абд-ар-Рахим-хану] и рассказывающее о голубях. Вторым учителем Акбара стал маулана Баязид, врач, потомок одного из астрономов Улутбека, но и им были недовольны, и, в конце концов, Хумаюну пришлось даже тянуть жребий, какого из трех претендентов выбрать на должность учителя его сыну. В результате выбор пал на маулану Абд-ал-Кадира [Аин-и-Акбари, I. С. 614]. Однако маулану Абд-ал-Кадира тоже сместили, т.к. мы находим, что Акбар во второй год своего царствования, когда ему было 15 лет, сделал своим наставником мира Абд-ал-Латифа. Низам-ад-дин упоминает в списке ученых людей муллу Алауд-д-дина как учителя Акбара. Он также упоминает, что маулана Абд-ал-Кадир удалился в Мекку после нескольких лет выполнения обязанностей учителя Акбара. Истина, насколько ее можно увидеть в риторических ухищрениях Абу-л Фазла, вероятно, в том, что Акбар в детстве был ленив, любил животных и забавы на открытом воздухе и не хотел заниматься. Это подтверждает описание Джахангира, в котором он [Акбар] представлен как неграмотный человек, в юности — большой любитель застолия. Кажется также правдоподобным, что Акбар не умел ни писать, ни читать. Это очень странно для сына такого ученого человека, как Хумаюн, но, похоже, последнего нельзя было винить за это.

- 2 Скорее всего, 954 г.х., т.к. мы уже упоминали о том, что Хумаюн покинул Кундуз в последний месяц 953 г.х., и Акбару в то время было 5 лет 3 месяца и 2 дня от роду [по мусульманскому календарю]. Он родился 5 раджаба 949 г.х., и по григорианскому календарю ему исполнилось тогда 5 лет 1 месяц и 5 дней, т.е. это было 20 ноября 1547 г.
- 3 *Маулави* — это Джалал-ад-дин Руми, а Мистический язык [*лисан ал-гайб*] — прозвище Хафиза.
- 4 Он был сыном Джанибека и дядей известного Абд-ал-лах-хана [Узбека]. Умер в 974 г.х. (1566 г.).
- 5 На карте Хиибак, возможно, названо в честь Кутб-ад-дина Айбака. [Айбак — город на реке Саманган в Северном Афганистане, административный центр провинции Саманган.]
- 6 [Куляб (Кулоб, Кулаб) — здесь в средние века историческая область в Южном Таджикистане, к северу от реки Пяндж, между хребтами Тереклитау и Хазратишох; город, центр одноименной области.]
- 7 В «Бабур-наме» [154 б] — Хамаланган.
- 8 Джаухар и Баязид объясняют враждебность Карача-хана. Дело в том, что он отдал приказ Ходжа Гази уплатить ему 10 туманов, а тот, будучи казначеем, отказал.
- 9 *Тула* может значить «весовщик». Баязид называет его Ходжа Касим Буйутат.

- 10 [Али Кули-хан из Андараба, служил Хумаюну. После мятежа Байрам-хана был назначен Акбаром правителем Кабула. Умер в 1001 г.х. (1591 г.).]
- 11 [Горбанд (Горбенд) — приток Малого Кабула, течет между хребтами Гиндукуш и Кухи Баба, Центральный Афганистан.]
- 12 Возможно, горький намек на то, что Бабус перешел к человеку (Камрану), который отдал его жену базарной толпе. См. гл. 42. Вероятно, прозвище Исмaила — *Харс* (сосуд для вина), а не *Хирс*, т.к. Абу-л Фазл прежде уже называл его *Кус* (кувшин).
- 13 Внук Султан Хусейна из Герата. [Его мать была дочерью Султан Хусейн мирзы из Герата. Мухаммад Султан мирза служил Бабуру, а затем Хумаюну. Когда Акбар пришел к власти, Мухаммад Султан уже состарился и получил в пенсiон *паргану* Азампур в Самбхале. После участия его внуков, Улуг мирзы и Шах мирзы, в 1567 г. в восстании мирзы Мухаммад Хакима, брата Акбара, старый Мухаммад Султан был заключен в тюрьму в Биане, где вскоре скончался.]
- 14 Этот отрывок рассказан Джаухаром более подробно. Хумаюн говорит там: «Если Бог пожелает, мы переправимся через горы первыми».

К ГЛАВЕ 45

- 1 *Аланг*, или лут, Чалак упоминается Бабуrom в «Бабур-наме» [130 а] и расположен на расстоянии одного *коса* от Кабула. Сообщается, что он широк, и комары там крайне досаждали лошадям. [В «Бабур-наме» (128 б) сказано: «*Арк* [цитадель кабульской крепости] стоит на удивительно высоком месте с хорошим воздухом; он возвышается над упомянутым озером и тремя полянами, носящими названия: Сиях-Санг, Сунак-Курган и Чалак, все они простираются у подножия *Арка*»].
- 2 Рассказано также Джаухаром, который добавляет, что Хумаюн имел обыкновение кормить птицу изюмом.
- 3 [Панджшир (Панджшер) — крупное ущелье к северо-востоку от Кабула, основной водный источник — река Панджшир, приток реки Кабул. Население Панджшира, в основном таджики, во все времена славилось свободолюбием и воинственностью.]
- 4 *Бафикр-и-накис-и-заминдарана*. Я полагаю, что это и есть верное значение, но, возможно, Малик Али был слишком независим, чтобы отправиться с другим человеком, который, тем более, являлся законным наследником.
- 5 Возможно, он был одним из [афганского племени] юзуфзаев и родственником Шах Мансура, сына Малик Сулеймана, на чьей дочери женился Бабур [Бабур-наме, 220 а, б].
- 6 В тексте — Гульбан, но в издании Лакхнау это Гульбихар; вероятно, последнее написание верно, так как согласуется с «Бабур-наме» [202 а].

У Бабура есть несколько строк о Гульбихаре. Он находится к северу от Кабула, и, как обычно, Абу-л Фазл обыгрывает название. [Гульбихар (гульбахор), фарси — цветок весны.]

- 7 [Базарак (или Паранди) — перевал через Гиндукуш, к северу от долины Панджшер. Упоминается в «Бабур-наме» (130 а, б).]
- 8 *Ба расм-и-мангула*. Это значит, что их послали впереди главной армии, а само слово *мангулаи* означает «монгольский».
- 9 Очевидно, это был брат мужа Гульбадан, Хизр Ходжи.
- 10 Джаухар упоминает, что Хиндал прибыл после наступления сумерек. Он увидел Хумаюна издалика и хотел спешиться, но Хумаюн заставил его остаться в седле.
- 11 Баязид рассказывает, что Шер Али был слугой несчастного Ядгар Насир мирзы.
- 12 Это, вероятно, афганское племя. Я не обнаружил, чтобы *салканчи* упоминалось как имя собственное.
- 13 В тексте — Танги, но верен вариант Банги. Банги или Бунги является притоком реки Хайрабад, которая, в свою очередь, является притоком Амударьи. Банги протекает к югу от Таликана.
- 14 Джаухар говорит, что Камран прошел 25 *косов* от Кила Зафара (Камран, кажется, был знаменит быстротой своих передвижений), и увидели его только после восхода. Он оттеснил Хаджи Мухаммада, но когда услышал барабаны Хумаюна, вскричал: «Я проиграл!» — и отступил в Таликан.
- 15 Поскольку армия прибыла в Андараб в середине месяца и затем совершила еще несколько походов, здесь, вероятно, ошибка в дате.
- 16 Джаухар упоминает: после того как грабеж завершился и враг отошел в Таликан, Хумаюну доложили, что библиотека осталась целой. Тот был очень рад, сказав: «Возблагодарим Аллаха, что уцелело неоценимое! А что до прочих вещей, то они не имели большой ценности».
- 17 *Аб джамджама аст*. *Джамджама* (араб.) означает «череп». Возможно, здесь имеется в виду только то, что воды реки на этом участке сливались.
- 18 Он дезертировал с Карача-ханом. Баязид рассказывает, что мельники подобрали его и выходили, а позже он снова стал *калантаром* и прожил несколько лет. Его били прикладами мушкетов. Согласно Джаухару, Хумаюн приказал разорвать его на 9 частей; ему нанесли 42 раны, но ночью он ушел в свой дом.
- 19 [Упоминается в «Аин-и-Акбари» как одно из афганских племен (II. С. 407).]

- 20 Баязид пишет *хурал* и говорит, что в результате этого приказа некоторые потеряли 2000 рупий, а вернули себе одну, а другие, не имевшие и 10 рупий, получили 10 000.
- 21 Тарих-и-рашиди, 451. Он был сыном Шах Мухаммад Султана, который приходился внуком дяди Бабура по материнской линии Мухаммад-хана, а его мать (Хадиджа Султан) была дочерью младшего дяди Бабура по материнской линии Ахмад-хана. Сестра Исхака, Мухтарим, была замужем за Камраном, а после — за Ибрахимом, сыном мирзы Сулеймана. Она была сестрой жены Хайдара и вышла замуж за Камрана благодаря его влиянию.
- 22 Согласно Джаухару, Хумаюн был расстроен не столько смертью Мубариза, сколько сознанием необходимости умертвить нескольких пленников.
- 23 То есть прорицатель или предсказатель.
- 24 Джаухар передает, что, когда Камран получил письмо от Хумаюна, прочитав его, он помолчал некоторое время, а затем процитировал стих.
- 25 Хайдар мирза утверждает, что Шейбани отправил этот бейт шаху Исмаилу — Тарих-и-рашиди, 233.
- 26 У Джаухара речь идет о двух месяцах, но если другие даты Абу-л Фазла верны, то осада не продолжалась и месяца.
- 27 *Фитрак* — это веревки, прикрепленные к седлу, используются для притирочивания дичи.
- 28 Возможно, это Мухаммад Араб, упомянутый Баязидом (11 б), являвшийся имамом Тахмаспа.
- 29 Это было написано на арабском, и Абу-л Фазл дает оригинал, а также перевод.
- 30 [Колоцинт (колоквинт), *Citrullus colocyntus* — многолетнее травянистое растение семейства тыквенных. Обладает белой губчатой мякотью и горьким вкусом. Использовалось в медицине.]
- 31 За этими словами следует фраза: «Эта степень подчинения достаточна во внешнем (недуховном) мире», — и помещена она так, как если бы являлась частью размышлений Мира. Но я полагаю, это предложение добавлено самим Абу-л Фазлом.
- 32 Это и многое другое взято у Баязида. Странно, что Камран считал возможным искупление своей вины перед Бабусом, но возможно, возвращение Бабуся к нему показывало, что тот простил обиды. Просьба Камрана о разрешении Бабусу поехать с ним была признаком благородства, это спасло того от возможной участи других военачальников. Низам-ад-дин говорит прямо, что Камран вымаливал прощение Бабусу, сказав, что убил его сыновей, но

если возьмет его в Мекку, то получит отпущение (*бахили хасил карам*), и Хумаюн согласился, заявив, что не хочет иметь обманутых (*девус*) в своем лагере. Согласно Фириште, Хумаюн так ликовал по поводу своей победы, что разразился стихами в *фатахнама*, или победной реляции, которую он послал Байрам-хану. Фиришта приводит стихи, а также четверостишие Байрама в ответ.

- 33 Очевидно, сад Мир Тулака (Баязид).
- 34 Баязид говорит, что это была *дах*, или служанка. Это бы усугубило оскорбление. Абу-л Фазл, вероятно, использует слово *хидматгар*, имея в виду слугу женского пола.
- 35 Баязид говорит, что Хумаюн, увидев Карача-хана, произнес: «Он — белобородый человек, и я называл его отцом, поэтому снимите саблю с его шеи».
- 36 *Алам-и-сипахигари аст*. Очевидно, у Хумаюна было доброе намерение утешить Карача-хана указанием, что тот лишь пострадал от ошибок и неприятных случайностей, неотделимых от войны; [тем самым] он накинул покров на предательское поведение Карача-хана. Мы находим у Баязида, что Хумаюн использовал подобное выражение в момент поражения у Балха, чтобы ободрить своих людей. Там приводятся такие слова: *Хазрат анва дилдариха мидад анд ке алам сипахигрист айба надарад* — «Его Величество всячески ободрял [воинов], говоря, что это удел войны, и никакого позора здесь нет».
- 37 Баязид говорит, что, услышав ответ Курбана, Хумаюн улыбнулся и сказал своим *диванам* [министрам], что если у Курбана отняли джагир, то этот джагир должен быть возвращен.
- 38 Этот стих, как утверждает А. Вамбери в «Истории Бухары» (256), был процитирован несчастным Ходжа Абу-л Макаримом Шейбани-хану в 1501 году, когда его спросили, почему он сбрил бороду.
- 39 Возможно, более удачным вариантом будет: «Все знатные мятежники, а особенно Карача-хан, чувствовали себя сильно пристыженными».
- 40 Вероятно, река Банги, которую Низам-ад-дин называет Таликан. См. примеч. 13 к этой главе.
- 41 Низам-ад-дин (215) говорит, что Камран прошел два *парсанга*, когда повернул назад. В варианте Эрскина — десять, а не два, и это, по всей вероятности, верно.
- 42 Это Абд-ал-лах-хан Могол. Он был шурином Камрана, и Акбар впоследствии женился на его дочери [Аин-и-Акбари, I. Кн. 2. № 76]. [Дочь Абд-ал-лаха Мугула (Могола) была женой Акбара. Не следует путать с Абд-ал-лах-ханом Узбеком, удостоенным титула Шуджаат-хан (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2. № 14).]

- 43 Джаухар говорит «по правую руку», но во всех рукописях «Акбар-наме» упоминается левая. Хотя Хумаюн был очень щедр и незлопамятен, он являлся рьяным сторонником приличий, и возможно, чтобы подчеркнуть прежние проступки мирзы Камрана, его не посадили по правую руку, в отличие от Сулеймана, сына двоюродного брата его отца.
- 44 Баязид говорит «позади кура». Слово имеет несколько значений, самое распространенное — «флаги и другие эмблемы». Но здесь, похоже, оно имеет значение, приведенное в словаре П. де Куртейля: «круг людей, которые празднуют».
- 45 Абу-л Фазл, видимо, взял эту историю у Баязида и, как обычно, довольно сильно исказил ее. Согласно Баязиду, замечание было сделано впервые при дворе Убайд-ал-лаха, и так же эта история излагается в воспоминаниях шаха Тахмаспа. Камран женился на узбекской женщине и, несомненно, желал снискать расположение узбеков, которые были суннитами, как и он сам. История, следовательно, правдива. В ответ на гневное отрицание Камрана Хасан извинился, сказав, что он всего лишь повторил то, что слышал, и сослался на поговорку, что цитирование высказываний неверных не делает человека неправовверным.
- 46 [Нари (современный Нахрин) — небольшой город в Северном Афганистане в провинции Баглан.]
- 47 Это значит, что две надписи следовали одна за другой как день и ночь. Но я думаю, Абу-л Фазл неверно прочитал свой источник (Баязида) и ошибочно полагает, что надписи Бабура и Хумаюна находились на одном и том же месте. Баязид говорит, что Бабура высекал свою надпись по возвращении из Самарканда. Тогда, вероятно, это та надпись, что упомянута в Бабура-наме [99 а, б], но она была сделана в местечке к северу от Амударьи, а именно в Аббурдане [Оббурдон] в Масихе, или Масикха [Матча], холмистой стране около Уратипы [Уратюбе] и Ферганы. Ишкамиш расположен южнее Амударьи и юго-восточнее Кундуза. Если Бабура когда-либо бывал там и сделал надпись, то это не упомянуто в его мемуарах. Есть также Ишкашим в Восточном Бадахшане, около рубиновых копей. Согласно Гульбадан бегим, встреча братьев состоялась в Кишме, но это — к востоку от Таликана и не лежит на пути Хумаюна. *Бандгаша*, или правильное *Бандкаша*, означает «засов», и, наверное, это название дано месту из-за соединения, которое там произошло. Баязид сообщает, что Хумаюн высекал буквы собственноручно. [Камень с надписью, сделанной Бабуром, был найден в 1953 г. у кишлака Оббурдон, в верхнем течении реки Зеравшан, в Матче, А. Мухтаровым (ныне академик АН Республики Таджикистан). См. публикацию: Мухтаров А. Надпись султана Захируддина Бабура (1483–1530) на камне в Матче // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР, № 5. Материалы по истории, археологии, этнографии, филологии Таджикистана и Средней Азии. Сталинабад, 1954. С. 109–115.]

- 48 Хотя Камран был помилован в Таликане, возможность его отбытия в Мекку всё ещё обдумывалась. Поэтому, вероятно, он не принимал участия в обсуждении похода на Балх, которое происходило в Таликане или его окрестностях. Поскольку Пир Мухаммад-хан, правитель Балха, помог ему ранее, и у него была жена-узбечка, вряд ли с ним могли советоваться. Джаухар, возможно, ошибается, сообщая, что Хумаюн рассматривал возможность передачи Балха в обмен или в дополнение к Кулябу. Только после того как армия прибыла в Нари (или Нарин), решение было изменено. Камран оставил свое паломничество и принял управление Хатланом, или Кулябом. Из Нари Камран отправился в Мекку, и прошел лишь половину *коса*, когда Хасан Кули догнал его и, следуя указаниям Хумаюна, убедил вернуться и принять Куляб. Таким образом, Камран поворачивал назад дважды: один раз в Таликане и другой — в Нарине.
- 49 Обе местности являются отдаленными и гористыми, расположены к северу от Амударьи. Несомненно, именно потому они и достались Камрану и Аскари. Чакар-хан был сыном Султан Ваиса Кипчака (Баязид, 36 а и Акбар-наме, I. 278). [Хатлан (Хатлон, раннесредневековый Хутталян) — историческая область в Южном Таджикистане. Центром области до X в. был Хульбук (ныне городище), затем город Куляб, сохранявший значение областного центра до последнего времени.]
- 50 [Мук, или Муксу, — один из притоков реки Вахш (бассейн реки Амударьи), протекающий в восточной части Республики Таджикистан, между Заалайским хребтом и хребтом Петра Великого.]
- 51 [Каратигин (Каратегин) — историко-культурная область, расположенная между течением рек Муксу-Сурхаб и Обихингоу и Дарвазским хребтом.]
- 52 Согласно Джаухару, Камран даже после своей поездки в Кабул выразил желание, чтобы его освободили от управления и разрешили продолжить паломничество. Хумаюн пригласил его в Кабул, но он не хотел ехать и процитировал куплет Хакани о том, что по прошествии тридцати лет он обнаружил: независимость — в нищете (*дарвешат*), и нищета независима. Однако, говорит Джаухар, он не был полностью откровенен.
- 53 *Тумантог* [тумантуг — знамя тысячника] обычно был составлен из хвостов яков и являлся флагом высочайшего достоинства.
- 54 *Сангандас* — подходящие места, где камни и т.п. сбрасывали на врага.
- 55 Очевидно, Самандар являлся слугой Хумаюна и предположительно был послан им в Кашмир. См.: Акбар-наме, 173, 179. Вероятно, его отправили туда в то же время, когда Макдум бека сослали в Кашмир, в 952 г.х. [1545 г.]. Абу-л Фазл уже упоминал, что Хайдар прочитал хутбу в честь Хумаюна, когда был завоеван Кабул. Вопрос в том, произошло это в 952 или 954 г.х.
- 56 *Намасаму* — неслышимые — означает, я полагаю, что они находились слишком далеко, чтобы быть услышанными; возможно — негласные.

- 57 Она являлась единокровной сестрой Хумаюна, будучи старшей сестрой Гульбадан бегим. Это был ее второй брак. Аббас вскоре бежал, см. следующую главу. Женщине, вероятно, было за тридцать. [Гульчехра — дочь Бабура от Дилдар бегим и родная сестра мирзы Хиндала.]

К ГЛАВЕ 46

- 1 Согласно Фириште, у Байрам-хана была старая вражда с узбеками, и он также настаивал на походе против Балха.
- 2 956 г.х. начался 30 января [1549 г.]. Баязид говорит, что Хумаюн выступил в начале весны, возможно, Абу-л Фазл считал от начала персидского года [от дня Навруза, который отмечался 11 марта по юлианскому календарю].
- 3 См. примеч. 1 к гл. 45.
- 4 Я не нашел этого титула, если это вообще титул. Возможно, подразумевается, что он, будучи тогда везиром или *диваном*, не выполнял своих обязанностей. Мирза бек был племянником Ходжа Джахан Амина из Герата и как поэт подписывался именем Шахри. [Мирза бек отдалился от двора и умер в 989 г.х. (1581 г.).]
- 5 [Фаридун-хан был дядей по матери Мухаммад Хакима, второго сына Хумаюна, единокровного брата Акбара.]
- 6 Хасан Кули — это, вероятно, хранитель печати, упомянутый Баязидом.
- 7 [Ходжа Султан Али-йи Турбати, названный *Афзал-хан* (высочайший), являлся приближенным Хумаюна, а затем Акбара. Во время регентства Байрам-хана попал в опалу и был возвращен ко двору после отставки Байрам-хана в 1561 г.]
- 8 Он недавно женился на сестре Хумаюна. [См. гл. 45.]
- 9 Вероятно, Париян [небольшой город в верховьях Панджшира].
- 10 Очевидно, имелся в виду Кишм, столица области. Они уже находились в Бадахшане.
- 11 [Баглан — город на реке Кундуз, центр одноименной провинции Афганистана.]
- 12 Упоминается в «Аин-и-Акбари» (I. С. 517) как «известный Байрам Оглан». Из [текста] Баязида следует, что он также был дядей Мухаммад Хакима по материнской линии.
- 13 Старший брат Пир Мухаммад-хана и его предшественник в Балхе. Он был сыном Джанибека и, похоже, умер в 955 г.х. [1548 г.]. [Кистен Кара султан являлся старшим сыном Джанибек султана и правнуком родоначальника Шейбанидов Абу-л Хайр-хана. В царствование потомков Шах Будак султана, старшего сына Абу-л Хайр-хана, правил Балхом, но из-за

усобищ между Кистен Кара султаном и его сыновьями власть в Балхе захватил Пир Мухаммад-хан, третий сын Джанибека.]

- 14 [Чичакту — небольшой город в Афганистане, расположен между городами Баламургаб и Кайсар в провинции Бадгис.]
- 15 [Меймене — город в Афганистане, на реке Кайсар, административный центр провинции Фарьяб.]
- 16 Баязид пишет, что Хумаюн заметил: узбеки — его враги, и то, что является плохим знаком для них, — хороший знак для него самого.
- 17 [Бай (бей) — с тюркского букв. «господин», «хозяин», «богатырь». Добавлялось к имени потомков правителей областей или племенных вождей, не связанных с правящими династиями. Позднее в Турции становится титулом назначаемого правителя области, а в Средней Азии обозначает мелкого землевладельца.]
- 18 [Аталик (аталык), букв. «защитник» — воспитатель, в семье которого проходят детские годы мальчика. Особые отношения воспитателя и воспитанника сохранялись на всю жизнь. Впоследствии слово нередко использовалось как почетное звание, дававшееся самому почетному и уважаемому лицу среди людей почтенного возраста. В данном случае, видимо, речь идет об аталике Дин Мухаммада, сына Пир Мухаммад-хана.]
- 19 [Хулм (Хульм, другое название — Ташкурган) — город в Северном Афганистане, расположен на реке Хульм (Саманган). В средние века — центр одноименной области.]
- 20 Хороший пример высокопарного стиля Абу-л Фазла. Вместо простой констатации, что Хумаюн отверг кажущееся здравым предложение аталика, он говорит, что, поскольку судьбой был назначен иной путь, Хумаюн предпочел его.
- 21 В тексте констатируется, что это был сын Убайд-ал-лаха, зятя (шурина) Хайдар мирзы. Он начал править в Бухаре в 1540 г. [Абд-ал-азиз-хан, сын Убайд-ал-лах-хана (правившего с 1512 по 1539 гг., формально с 1533 г.), возглавлял государство Шейбанидов с 1540 по 1550 гг. Прямых наследников у него не осталось, поэтому наследником стал Пир Мухаммад-хан, происходивший от Абу-л Хайр-хана по линии второго сына — Ходжа Султана, тогда как Шейбани-хан был внуком Абу-л Хайр-хана от его старшего сына Шах Будак Султана.]
- 22 [Мазари-Шариф — центр провинции Балх. Название города происходит от гробницы — мазара, построенной в XII в. над мнимой могилой имама Али, зятя пророка Мухаммада: букв. мазари-шариф — благородная гробница. Место паломничество шиитов.]
- 23 Возможно, еще один сын Джанибека и брат Пир Мухаммада. Баязид называет его сыном Барандук Султана. В «Тарих-и-рашиди» (161 и 452)

- также упоминается Шах Мирза Султан, который был внуком Султан Мухаммад-хана.
- 24 Баязид рассказывает, что его убили, а голову отсекли и отвезли в Балх.
- 25 *Кафтан (кафодан)* означает «раскалываться», «расколоться»; суть, видимо, в том, что теперь их намерения разошлись, тогда как впоследствии они могли бы спокойно — *ба хатир-и-джама*, букв. «единым сердцем» — завоевать Балх и другие земли.
- 26 *Зарин фам* — золотистого цвета. Баязид называет коня *асп-и-кула* — мышастый.
- 27 *Тасарру-н-назирин* — восхищает зрителей. Это арабское выражение; оно использовано в Коране для описания коровы, которую Муса (Моисей) приказал израильтянам принести в жертву. Это могло быть намеком на желтый цвет коня. [В аяте 64/69 суры 2 «Корова» (Аль-Бакара) сказано: «Она — корова желтая, светел цвет ее, радует она смотрящих» (Пер. И.Ю. Крачковского).] Баязид, который, очевидно, очень любил лошадей и гордился своим умением управлять ими, как показывает его более поздний рассказ, остерегается говорить, что конь Хумаюна впоследствии умер от этой раны. Он добавляет, что конь, которого Хайдар дал Хумаюну, был *тарак* — с согнутыми ногами или со слабыми коленями.
- 28 В большинстве рукописей, похоже, после Мухаммад-хана идет Шараф-ад-дин. [Мухаммад-хан Туркмен — великий эмир при дворе Сефевидов, правил Гератом от имени шаха Тахмаспа I.]
- 29 Пристрастность Гульбадан бегим побудила ее представить поведение мужа во время отступления как героическое: якобы он повернул назад, чтобы разыскать Хиндала. Но Баязид называет его в числе тех, кто отказался удерживать позиции, когда Хусейн Кули призывал к этому, и он говорит, что это Шах Кули Наранджи вернулся искать Хиндала. Абу-л Фазл, похоже, включил в свой список как тех военачальников, которые вели себя достойно, так и тех, кто бежал.
- 30 Возможно, этот эпитет означает, что он был уроженцем Ауджана в Азербайджане. Но в большинстве рукописей — Аудаджи, а именно в собрании Британского музея, рукописях № 27, 247 и 5610.
- 31 Вероятно, Халдин Дост Сахари, упомянутый далее в тексте (316) в списке слуг Хиндала.
- 32 Чахар Чашма отмечен на карте Афганистана к юго-западу от Айбака и рядом с Дара-юсафом. Баязид говорит о четырех родниках — два, очевидно, в верхней части ущелья и два — ниже. Он располагает их возле Айбака.
- 33 Смысл этого выражения неясен. Баязид говорит, что Шейх шел по правой, или прямой, дороге. Мирза Кули доставил приятную новость о том, что узбеки прекратили погоню.

- 34 *Дих-и-Мамура* — [селение] рядом с Кабулом (*Аин-и-Акбари*, II. С. 408).
- 35 Неясно, было ли это повышение, отмеченное ранее в тексте (286), или еще одно.
- 36 Шурин (или зять) Камрана.
- 37 П. де Куртейль дает в своем словаре значение «шайка, посланная грабить гонцов».
- 38 Сюда, вероятно, включались жены и дочери Камрана, т.к. Гульбадан бегим говорит, что они были захвачены. Баязид сообщает, что награбленное отослал обратно Пир Мухаммад-хан из Балха. [Из воспоминаний] Гульбадан бегим выясняется, что он был сыном брата одной из жен Камрана.
- 39 Баязид говорит, что Камран думал направиться в Бхаккар, что весьма вероятно, если учитывать его отношения с правящей семьей Бхаккара.

К ГЛАВЕ 47

- 1 *Худраи*, что является сокращением от слова *худ-дари* [на фарси — сдержанность, самообладание.]
- 2 [Чарикаран (современный Чарикар) — центр провинции Парван в Центральном Афганистане, расположенный в 50 км к северу от Кабула.]
- 3 [*Карабахт* — букв. «злосчастье», «черная судьба». Прозвище, данное Карача-хану после неоднократных предательств им Хумаюна.]
- 4 Это место также называется Чардар и лежит юго-восточнее [перевала] Дандан Шикан. [См.: Бабур-наме, 183 б.]
- 5 Баязид сообщает, что эти новости принес слуга Мир Мунши, и они вызвали такой переполох, что Хумаюн (в соответствии с данными Эрскина) приказал умертвить его. Хотя, возможно, эти слова означают лишь, что его высекли.
- 6 Согласно «Маасир-и-рахими» (I. 557) и «Аин-и-Акбари» (I. С. 418), Мирза Кули жил до 983 г.х. [1575 г.]. Дело в том, что Мирза Кули, упомянутый в описании битвы при Кибчаке, вовсе не тот Мирза Кули, который был братом Хайдар Мухаммада. «Табакат» называет его сына Ахмад. Баязид сообщает, что Пир Мухаммада застрелили из лука, а лошадь Мирза Кули была убита, и [при падении] он сломал ногу. Далее он добавляет: «Имам Кули и его сын были телохранителями. Сын бросился к отцу, чтобы посадить его на лошадь, но в итоге и сам пострадал». Кажется, Баязид считает Мирза Кули и имама Кули одним и тем же человеком. Мирза Кули, который был убит, носил титул Чули. [В комментарии Г. Блохманна к I тому «Аин-и-Акбари» (с. 418) говорится о том, что во время нападения Камрана на Хумаюна Мирза Кули был ранен и упал с лошади, а его сын Дост Мухаммад вовремя спас отца. Так что у Абу-л Фазла речь идет именно о Мирза Кули, брате Хайдар Мухаммад-хана.]

- 7 Фраза *даст аз на хатак ард* означает, что Бек Баба был смущен, букв. «не мог отличить своих рук от ног».
- 8 По Джаухару следует, что он был рабом-абиссинцем (эфиопом). [Михтар Сакаи, он же Фархат-хан, являлся рабом Хумаюна. Позже, в благодарность за спасение, Хумаюн назначил его *шикдаром* Лахора. При Акбаре Фархат-хан получил *джагир* (земельное владение) в Аре. Фархат-хан и его сын Фарханг-хан в 1577 г. выступили против восставшего Гаджпати, но были разбиты.]
- 9 [Сабдал-хан, он же Сумбул Михтар Сумбул, был рабом Хумаюна (Аин-и-Акбари, I. С. 485).]
- 10 Это событие, очевидно, происходило в Аланджаке (Джаухар, 98). Это было поселение [племени] аймаков, находившееся на расстоянии около 30 миль к юго-западу от Бамиана.
- 11 [Яка Уланг — населенный пункт в верховьях реки Банди-Амир, провинция Бамиан, Центральный Афганистан.]
- 12 Путь Шах Мухаммада в Газни, вероятнее всего, проходил близ Кабула.
- 13 Очевидно, в этом месте Абу-л Фазл следует Джаухару. Баязид не был с Хумаюном при отступлении, т.к. он находился на пути в Кабул. Вероятнее всего, слова *Тулакджи* и *Санкаджи* — это названия племен, а не имена конкретных лиц. Похоже, что *санкаджи* — один из вариантов названия племени *салканчи*, которое упоминается в книге ранее. [Речь идет о племенах *сайганчи* и *тулкичи*.]
- 14 *Дах чахал у дах панджах*. [Десять сороковых и десять пятидесятих.]
- 15 Кажется, это Саулах-Ауланг (между Панджху и Горбандом).
- 16 Хинджан находится на карте к западо-юго-западу от Андараба. Но река, на которой произошел разговор со слугой Назари, едва ли могла быть рекой Банги.
- 17 Вне всякого сомнения, титул Хусейн Кули *мухрдар* — хранитель печати, а также значение слова *мухр* — золото натолкнули автора на это сравнение.
- 18 [Джалалабад — букв. «город величия», «город славы», от части имени Акбара — Джалал-ад-дин, букв. «величие веры».]
- 19 [Ходжа Султан Али-йи Турбати, Афзал-хан, был *муширифом* (контролером) сокровищ Хумаюна, в 1550 г. его назначили главой контролеров (*муширифи буйутат*). После возвращения Хумаюна в Индию был назначен *мир бахши*. В начале правления Акбара некоторое время пребывал в опале, но после отстранения от регентства Байрам-хана в 1561 г. его вернули ко двору и сделали командиром трех тысяч. Дальнейшая его судьба неизвестна.]

- 20 В оригинале стоит слово *амр*, которое одновременно переводится как «жизнь» и «мечеть» [повеление, приказ].

К ГЛАВЕ 48

- 1 Разница между словами *фитрат* и *табиат* заключается в том, что первое слово означает саму суть человеческой индивидуальности, а под вторым понимают приобретенное в течение жизни свойство характера, которое в большей степени находится под контролем человека.
- 2 Смысл в том, что Хумаюн, убежденный в их верности, для успокоения прочих пожелал, чтобы была принята клятва, и таким образом их лояльность могла быть засвидетельствована.
- 3 Джаухар (Стюарт, 99) упоминает об этом и говорит, что Хумаюн постился весь день, чтобы придать церемонии большую торжественность.
- 4 Эрскин сообщает, что он принадлежал к царскому роду. Возможно, он являлся потомком Мир Ала-ул-Мулка из Термеза, который был женат на Фахир Джахан, дочери Абу Саида.
- 5 Эрскин говорит, что это равносильно смерти в Кабуле. Возможно, данное выражение означает, что их головы и Кабул одинаково дороги, и ничем нельзя пожертвовать. Или же что два условия мира должны быть соблюдены: им следует сохранить жизни и удержать Кабул.
- 6 *Сакизйулдуз* [Восемь Звёзд]. Должно быть, это старое название созвездия Девы и то же слово, что приводит Абу-Машар из Балха.
- 7 *Илтимии* — дается в словаре со значением 60, что также означает «ветеран». Это передовой резерв.
- 8 В тексте — Сахари, но есть вариант Бахари, и это слово употреблено Низам-ад-дином. Однако Сахари, очевидно, более правильно. В дивизионе в Агре был человек по имени Саркар.
- 9 Афганистаном ранее называлась область восточнее Кабула.
- 10 Баязид сообщает, что в вину Маст Али поставили его отказ сражаться в битве при Кибчаке, при этом он ссылаясь на то, что ему дали негодные доспехи; Хайдар Дост Мугал Канджи был наказан за то, что подстрекал Карачу к мятежу, а Диндару припомнили нарушения, совершённые им в Индии.
- 11 Это единокровная сестра Акбара. После смерти Ибрахима она вышла замуж за Шараф-ад-дин Хусейна (Аин-и-Акбари, I. С. 322). В воспоминаниях Гульбадан имя пишется *Икиши*, это тюркское слово означает «добрый». Возможно, этот вариант правильный. Редхаус определяет его значение как «прекрасный». [Бахши Бану бегим родилась в 1540 г. Ее мать — Биби Конор (Гунавар). В описываемое время ей уже исполнилось 10 лет,

так что фактически речь шла о предстоящем браке. Ее первый муж умер в 967 г.х., когда ей было всего 26 лет.]

К ГЛАВЕ 49

- ¹ Это поселение находится к юго-востоку от Кабула. Абу-л Фазл ниже обыгрывает значение слова *чарх*. [Чарх — небольшой населенный пункт в верховьях реки Логар, провинция Логар, Центральный Афганистан. *Чарх* (фарси) — колесо, круг, диск; точильный камень; ручная прялка.]
- ² [Гам (фарси) — горе, печаль, скорбь; забота.]
- ³ Согласно Гульбадан бегим, он оставил Камрана (бывшего его тестем) примерно в это же время и впоследствии лишился своей жены. Он являлся младшим братом мужа Гульбадан, Хизр Ходжа-хана. [Согласно Бадауни, настоящее его имя Хасан Даулат Султан. Он был женат на Хабибе — дочери мирзы Камрана.]
- ⁴ [Катлак Кадам — Джалал-ад-дин Кутлук Кадам Караул, сын Даулат Кадама — старый соратник Бабура, отца Камрана. См.: «Бабур-наме», начиная с событий 1505 г., «Акбар-наме», I, кн.1, гл. 17, 18 и далее.]
- ⁵ [Халил и моманд (момандзай, махманд) — два из многочисленных пуштунских племен. Моманды занимали территорию к северу от Хайберского прохода.]
- ⁶ Абу-л Фазл подчеркивает здесь уважение, оказанное Сулейманом послам Хумаюна. Однако Баязид рассказывает совершенно другую историю об обращении с ними Хуррам бегим, жены Сулеймана.
- ⁷ Фиришта называет 961 г.х. [1554 г.]. Он сообщает, что Аскари позволил одной дочери выйти за Юсуф-хана из Мешхеда, ставшего впоследствии правителем Кашмира (Аин-и-Акбари, I. С. 369). Хронограмма смерти Аскари, приводимая Бадауни, является неточной (I. 453). Очевидно, она указывает на год его рождения, а не смерти, т.к. дает 922 г.х. [1516 г.]. Все рукописи «Акбар-наме», которые я изучил, приводят 965 г.х. [1558 г.]. Если это верно, то Аскари пережил всех своих братьев.

К ГЛАВЕ 50

- ¹ Мусульмане считают, что человек состоит из четырех элементов. Это воззрение восходит к Гиппократу и Галену.
- ² Гулкина, пригород Кабула. [В Бабур-наме (128 а, б) — Кул-Гина.]
- ³ Канур (причем Чалмерс пишет Катур) и Нуркал. Это два отдаленных места. Бабур-наме, 143 и Джарретт, II. 392. [Канур (Кунар) и Нургил — средневековый *туман* в *саркаре* (области) Кабула, расположен в течении реки Кунар; Кунар — современная провинция Афганистана.]

- ⁴ [Город расположен] на выходе с перевала Хайбера. [Дака (Дакка) — небольшой город в провинции Нангархар, вблизи границы Афганистана и Пакистана.]
- ⁵ Ср. Джаухар, Стюарт, 107. Он сообщает, что их казнь произошла в 961 г.х. (1553 г.)
- ⁶ [Логар (Лажугар, Лохгар) — *туман* к югу от Кабула, центром было селение Чарх; современная провинция Логар в Центральном Афганистане, центр — город Бараки-Барак.]

К ГЛАВЕ 51

- ¹ [Сурхаб (Сурх-руд), букв. «красная вода» — правый приток реки Кабул в среднем течении, а также населенный пункт в нижнем течении реки Сурхаб.]
- ² [Гандамак — населенный пункт недалеко от Джелалабада, на берегу реки Гандамак, притока реки Сурхаб. Река Сиях-аб («черная вода») расположена между реками Гандамак и Сурхаб.]
- ³ [Нангархар — область в среднем течении реки Кабул. Известны варианты написания: Нингнахар, Негархар (Бабур-наме, 131 б), Некнихал (Аин-и-Акбари, II. С. 409); современная провинция в Афганистане. Джаприар (Чаприхар) — небольшой город в 15 км к юго-западу от Джелалабада, центра провинции Нангархар.]
- ⁴ Гульбадан бегим пишет, что никто из них не спешивался.
- ⁵ Кажется, это имя означает «Мой свет», и его надо передавать как Махам — Моя луна. Он был молочным братом мирзы Ибрахима, самого младшего брата Акбара. [Ибрахим умер в детстве, но его молочный брат продолжал служить при Акбаре по меньшей мере до 1591–1592 гг.]
- ⁶ Гульбадан бегим сообщает, что тело внес в шатер Мир Баба Дост.
- ⁷ Из предыдущего отрывка следует, что мулла Хурд состоял на службе у Камрана, и слово «мирза» здесь, скорее всего, относится к Камрану. Он упоминается в «Табакат-и-Акбари», 405, под именем муллы Хурда Заргара. Его поэтический псевдоним — Фанаи, и Низам-ад-дин сообщает, что первоначально он был на службе у мирзы Аскари.
- ⁸ Буквальный перевод:

Однажды ночью кровь печени совершила нападение на
мой глазной зрачок.

Из-за прилива и отлива крови черноглазый установил
свой шатер во внешнем мире.

В тексте написано *сипах-дида*, и возможно, это правильно, а значение — «глаз часового» или «око солдата». Но существует вариант *сиах дида*, что означает «черноглазый» и одновременно «повелительница», «владычица»,

и именно это прочтение я принимаю. Вероятнее всего, поэт хотел передать сразу оба варианта, т.к. слово *сипах* согласуется с выражением «разбил свою палатку снаружи». Возможно, он держал в уме отрывок из «Бабур-наме» [30 6], где говорится о том, что Байсункару [мирзе Адили] пришлось переставлять свою палатку трижды — соразмерно числу казней, проводимых перед ней. По словам Абу-л Фазла, следующее четверостишие принадлежит также мулле Хурду, но Бадауни (I. 454) приводит его как четверостишие мауланы Хасан Али Хараса. Помимо этого, он приводит несколько других строчек, где упоминается этот стих.

- 9 Слово *шабхун* по *абджаду* дает 958 г.х. (1551 г.).
- 10 Кипарис обозначает букву *алиф*, возможно, благодаря его прямой форме. Если *алиф* убрать из слов *бустан-и-даулат*, то остальные буквы составляют по *абджаду* число, равное 958 г.х.
- 11 «Бабур-наме» сообщает, что тот родился в 925 г.х. [1519 г.]. *Каукаб* означает как звезду, так и золотой шар. А *бурдж* означает и башню, и знак Зодиака. Гульбадан бегим также говорит о том, что Хиндал, который был ее родным братом, родился в 925 г.х. [О рождении Хиндала Бабур рассказывает среди событий 925 г.х. (1519 г.), но оно произошло не ранее конца января 1519 г. (Бабур-наме, 220 а) и не позже 4 марта, когда Бабур получил известие из Кабула о рождении сына, которого он назвал Хиндалом (Бабур-наме, 227 а).]

К ГЛАВЕ 52

- 1 [Это означает, что Хиндал был удостоен чести стать мучеником — *шахидом*. В исламе *шахид* — умерший за веру, погибший мученической смертью — получает прощение всех земных грехов и попадает прямо в рай, минуя испытания в могиле и чистилище.]
- 2 [Камал-ад-дин Мухибб Али-хан был сыном Низам-ад-дин Али Халифы Маргинани, известного как Ходжа Халифа, одного из ближайших соратников Бабура. Дослужился при дворе Акбара до чина управителя Дели и командира тысячи. Умер в 989 г.х. (1581 г.).]
- 3 [Вероятно, это Саманджи-хан Кургуджи, упомянутый в «Аин-и-Акбари» (I. С. 489) среди командиров девяти сотен. Умер около 1596 г.]
- 4 [Маулана Сани, Сани-хан, родился в Герате, начал свою службу при мирзе Хиндале. Был последователем шиитского направления *нуктавийя* и писал стихи, воспевающие грядущий приход *Махди* — Мессии. Умер после 1582 г.]
- 5 Вероятно, отец Хамиды Бану бегим. См.: воспоминания Гульбадан бегим. Возможно, он также был известен как Али Акбар. [Мир Баба Дост являлся наставником мирзы Хиндала и дедом Акбара по матери. См.: Акбар-наме, I. Примеч. 41 к гл. 1, примеч. 15 к гл. 2, примеч. 27 к гл. 26.]

- ⁶ Вероятнее всего, это был брат афганской жены Бабура по имени Биби Мубарика.
- ⁷ Имеется в виду, что он позволил мирзе Ибрахиму захватить себя [в плен].
- ⁸ [Бехсуд — населенный пункт на левом берегу реки Кабул, восточнее города Джелалабад, провинция Нангархар, Афганистан.]
- ⁹ Хумаюн, должно быть, забыл о своей клятве никогда более не расставаться с Акбаром.
- ¹⁰ [Город в Центральной Азии традиционно был трехчастным и состоял из арка — цитадели, шахристана — собственно города, где были сосредоточены культовые и дворцовые здания и дома знати, и рабада (рабата) — ремесленно-жилой застройки. В данном случае речь идет об укреплении стен шахристана Кабула.]
- ¹¹ [Широко распространенный обычай, когда гость находится под покровительством хозяина, который гарантирует ему безопасность на время пребывания и обязуется защищать от врагов.]
- ¹² [Маулана Абд-ал-Кадир в «Аин-и-Акбари» (I. С. 614) называется ахундом — ученым.]
- ¹³ [Особое внимание Акбара к верблюдам отражено в нескольких разделах «Аин-и-Акбари» — I. Аины 61–65.]
- ¹⁴ [Рассказывая о детских привычках Акбара, Абу-л Фазл использует суфийскую символику, где верблюд — символ благочестивого человека, а голубь ищет дорогу к возлюбленной, т.е. Аллаху.]
- ¹⁵ Ср. примечания относительно охоты в «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2. Аин 27).
- ¹⁶ Есть Сафид Санг к югу от Кабула, но, скорее всего, речь идет о хребте Сафид Кох, или Спингхар, расположенном к юго-западу от Джалалабада. [Учитывая возраст Акбара и его положение наследника, маловероятно, что допускались столь дальние поездки, как в район хребта Спингар или гор Сафед Кох.]
- ¹⁷ *Ке тускавал башинд*. Слова *тускавал* нет в словарях. Но, возможно, это вид охоты, а не название животного. Очевидно, термин относится к подвижному виду охоты, а не к охоте из засады или укрытия. В лакхнауском издании «Акбар-наме» в примечании к фрагменту текста на с. 238 говорится, что *таскавал* — это тюркское слово, означающее охотника, который лежит в засаде в низине. Не исключено, что его можно связать с тюркским *каравал*, охотник, или же это может быть арабское слово, означающее человека, изображающего бездеятельность. Замечание Бабура о том, что его дядя [вероятно, Султан Махмуд мирза] уже в преклонном возрасте увлекался этим видом охоты, говорит о том, что это не предполагало активности. Слово *тускавал* поясняется и как перекрытие дороги. *Таскавал*, или *нихилам*,

является здесь одним из видов охоты, подобным загону, и вероятно, именно в такой охоте участвовал Акбар в Оленьей башне Фатехпур Сикри.

- 18 [Указательный палец, поднесенный ко рту, — традиционный на Востоке (особенно в мусульманских странах) жест, выражающий удивление.]

К ГЛАВЕ 53

- 1 Сад Баг-и-сафа находится в Чар Баге, который расположен к западу от Джелалабада и выше реки Кабул. Баг-и-сафа не следует путать с садом Баг-и-вафа. [О закладке сада см.: Бабур-наме, 224 а.]

К ГЛАВЕ 54

- 1 Вариант имени — *Палас*, и эту форму использует Баязид. Он рассказывает, что Хумаюну не удалось избежать встречи с этим святым при посещении Газни, на пути в Кандагар, и как святой задал ему вопрос относительно казни Хаджи Мухаммада. [В «Аин-и-Акбари», I, в перечне выдающихся людей времени (см. кн. 2, Аин 30) под номером 26 упомянут Баба Балас.]
- 2 Другое название — *Замзама*. Находится к северу от Кабула.

К ГЛАВЕ 55

- 1 [В «Аин-и-Акбари» (II. С. 411) племя абдуррахмани упоминается в перечне племен *тумана* Бангаш как выставяющее 100 всадников и 2500 пехотинцев.]
- 2 [Речь, вероятнее всего, идет о бармомандах — «верхних» момандах, ветви одного из пуштунских племен — моманд.]
- 3 Эрскин пишет, что он принадлежал к секте *чираг-каш* («угасающий светильник»). Взято у Баязида (62 а), который добавляет, что этот человек жил в Тирахе.
- 4 [В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2, Аин 30, № 117) Малик Кид назван человеком благородного происхождения, связанным родством с правителем Кабула и распространившим свою власть между Нилабом и Саваликом и современными границами Кашмира.]
- 5 Гакхары говорили, что Татар являлся внуком [Малик] Бира и сыном [Малик] Пилу. [В «Бабур-наме» (228 а, б) рассказывается о противостоянии двоюродных братьев — Татар Каккара и Хати Каккара. Хати Каккар убил Татара, сыновьями которого были Султан Саранг и Султан Адам.]
- 6 [Речь идет о сыне Татар-хана Каккара, Султан Саранге, который был захвачен Шер-шахом и убит.]
- 7 Абу-л Фазл подчеркивает, что он был ослеплен, потому что сам ослеплял других.

- 8 У Эрскина — Бин. Возможно, это Баин в местности Банну. Смотри также «Аин-и-Акбари» (II. 399). Раверти упоминает Бан, находившийся в 19 милях к северо-востоку от Сялкота и 8 милях к юго-западу от Джамму. Он расположен на восточном берегу Чинаба.
- 9 Эрскин (II. 408) рассказывает об оскорбительном приеме, оказанном Камрану.
- 10 [Шах Будаг-хан происходил из тюркского племени уймак, населявшего район Мианкаля в окрестностях Самарканда. Перейдя на службу к Хумаюну, он позднее продолжал служить у Акбара и достиг должности командира трех тысяч и *амир-ул-умара* [главнокомандующего]. Умер в 984 г.х. (1576 г.).]
- 11 [Упоминается в «Аин-и-Акбари» в рассказе о Юсуф-хане Чаке, правителе Кашмира (I. Кн. 2, Аин 30, № 228).]
- 12 [Хаджи Юсуф-хан продолжал военную службу при Акбаре. Умер в Гауре в 1575 г.]
- 13 [Али Мухаммад Асп в дальнейшем служил в Кабуле у мирзы Мухаммад Хакима, брата Акбара. Затем он продолжал служить в Индии под началом принца Мурада, сына Акбара, позже опять в Кабуле. Последнее упоминание о нем в «Акбар-наме» относится к 995 г.х. (1587 г.) (III, 541).]
- 14 То есть с шестью пальцами на руке или ноге.
- 15 Камран сделал это в Тири, после возвращения из Синда и до захвата Газни.
- 16 Фарахун упоминается Якутом как селение близ Самарканда.
- 17 Они населяли Соляной хребет. Их истинное название — *джанджуха*. [В «Бабур-наме» (223 а, б) упоминаются два афганских племени — джуд и джанджуха. Вожда джанджуха звали Малик Хаст Асад. Племя обитало в бассейне реки Сухан.]
- 18 Намек на опоясывающие его горы.
- 19 [Традиция искать предзнаменования перед важными событиями в тексте Корана была широко распространена в исламском мире и зафиксирована, в частности, в «Тузук-и-Тимури» — «Уложение Тимура».]
- 20 [Коран, сура 12 «Йусуф». Упоминание колодца — аяты 10 и 15; заключение в темницу — аяты 32, 33, 35–36.]
- 21 [То есть в паломничество по святым местам Мекки и Медины. Хиджаз — название оазиса, в котором расположена Медина.]
- 22 Сообщение Абу-л Фазла об этой встрече, вероятно, взято у Баязида (Индийское ведомство, рукопись 64 б), но, даже будучи подобострастным переписчиком, он редко придерживается точности. Насколько я понимаю

- Баязида, Камран произнес: «Если люди считают, что Его Величество поступил со мной по-доброму, я признаю это (*сиджл кардам*)». Возможно, здесь выпала отрицательная частица, так как логичнее Камрану было бы сказать: «Если люди сочтут, что Его Величество поступил со мной недоброжелательно, я уверю их в обратном». Абу-л Фазл приписывает Камрану слова: «Если бы я был невиновен, я бы воспользовался этой встречей, чтобы объявить о своей невиновности». В тексте *бахал кардами* — «Я бы простил его», и таково толкование данного эпизода Эрскином (рукопись «Акбар-наме»). Но после обращения к Баязиду и другим источникам мне кажется, что написано *сиджл*, а не *бахал*. Это согласуется с контекстом: «Будь я невиновным, я воспользовался бы возможностью прилюдно заявить это, но я сознаю, что виновен».
- 23 Взято из «Гулистана» Саади, III. 19.
- 24 Я не уверен в значении, но думаю, что Хумаюн намекнул: поскольку Камран, будучи в силе, ослепил несколько человек, то он — в случае победы над братом — мог ослепить и Хумаюна. Чалмерс переводит: «Лучше бы я был пострадавшим, а ты — творцом зла».
- 25 Рассказ об этом поэте см.: Бадауни, III. 17 б, а также «Табакат-и-Акбари», 39 б. Низам-ад-дин говорит, что он был сыном везира и умер в Кабуле.
- 26 [Чалма бек был сыном Хамдама, молочного брата Камрана. После отправления мирзы Камрана в *хаджж* он испросил разрешение сопровождать мирзу в пути. После смерти мирзы Камрана Чалма бек вернулся в Индию и был удостоен Акбаром титула *хан-алам* и чина командира трех тысяч. Погиб в 1574 г. Как поэт он известен под псевдонимом *Хамдами*.]
- 27 Из текста известно, что впоследствии он раскаялся и отправился в паломничество.
- 28 Три *хаджжа* [Камрана] из упомянутых произошли в 961–963 гг. [1553–1555 гг.]. Хаджж 964 года завершить не удалось. [Имеется в виду не просто путешествие, а исполнение предписанных ритуалов, без которых *хаджж* не может считаться завершенным. Отсюда возможность неоднократного совершения *хаджжа* для проживавшего в Мекке Камрана.]
- 29 [Лаббайк — слушаюсь. Это слово неоднократно произносится во время ритуала *хаджжа*.]
- 30 [Мах Джуджак бегим после смерти Хумаюна весьма активно вмешивалась в политику, пытаясь возвести на престол своего малолетнего сына.]
- 31 Очевидно, [слово *данг*] означает 1/3 знака Зодиака (10°).
- 32 Оба имени дают 961 г.х. (1554 г.). [Числовые значения составляющих их букв и заключены в хронограммах.]

К ГЛАВЕ 56

- 1 В некоторых рукописях — «две лиги».
- 2 [*Ахл-и-Саадат* — букв. «люди счастья», «одаренные люди»; своеобразная придворная академия.]
- 3 *Таназзухат*, одно из значений этого слова — прогуливающийся в садах.
- 4 Бадауни, III. 151. Наиболее полное сообщение о нем содержится у Бадауни, I. 455. Святой в самом деле был мастером по изготовлению луков. Он являлся уроженцем Бахады в Хорасане. [В «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, в разделе «Аин 30. Ученые люди сего времени» Абу-л Фазл называет его шейх Рухн-ад-дин Махмуд Камангар, не упоминая больше ничего.]
- 5 Шурин Хумаюна. [Подробнее о Ходжа Муаззаме, получившем в Иране титул султана, см.: Акбар-наме. Кн. I. Гл. 1. Примеч. 41.]
- 6 [Замин Давар — вариант написания топонима Давар Замин, области между Хазарджатом и Гуром, в центральной части Афганистана.]
- 7 [Шер Али, выходец из Ирана, был шиитом, а Шах Абу-л-маали, как и значительная часть приближенных Хумаюна, — суннитом. Традиционные разногласия между сторонниками этих двух направлений ислама нередко приводили к подобным трагедиям и остаются актуальными до сих пор.]
- 8 [*Мир шикар* (*миришикар*) — начальник царской охоты, отвечавший за охотничье хозяйство шаха. Одновременно являлся крупным военачальником и государственным деятелем.]
- 9 Хумаюн называл его сыном. [Шах Абу-л-маали был обручен с Фахри Нисой — дочерью Хумаюна от Джуджак бегим и позже стал зятем Хумаюна.]
- 10 Вали бек, видимо, был внучатым племянником Хаджи Мухаммада Коки.
- 11 [Хаджи Мухаммад Систани первоначально служил у Байрам-хана. После визита в Кандагар Хумаюн взял его к себе на службу и быстро возвысил, даровав после завоевания титул хана. В дальнейшем служил Акбару верно и преданно и умер от малярии в 983 г.х. (1575 г.).]
- 12 Аналогия с поэмой Амира Хосрова, посвященной встрече Кайкубада и его отца Насир-ад-дина [*Киран-ус-саадайн* — соединение двух счастья].
- 13 В «Зафар-наме» (Bibliotheca Indica, I. 310) — дервиш Баба Санка. Случай имел место в Андархое к западу от Балха. Дервиш не положил кость перед Тимуром — *ма хазари*, а бросил в его голову. Абу-л Фазл утверждает, что эта история была рассказана Тимуром. В «Тузук-и-Тимури» (пер. Стюарта, с. 38) есть ссылка на предзнаменование, полученное с помощью овечьей кости, но ничего не говорится о святом. Неправоммерно считать, что Абу-л Фазл напрямую ссылается на воспоминания Тимура.

Слова *ан тафасили ки Хазрат Сахиб-Кирани фармуда буданд* могут также означать лишь «предзнаменование, которое объяснил Тимур».

- 14 [В «Бабур-наме» (19 а) в рассказе о Султан Ахмед мирзе говорится: «Проносясь с одного конца ристалища до другого, он в большинстве случаев сбивал тыкву (служившую мишенью)».]
- 15 *Каджак* — это деревянный крюк, который во время состязаний в стрельбе, называемых *кабак*, прикреплялся к столбу и на который подвешивались мячи из золота или серебра либо тыква. Стихи Байрама цитируются иначе в «Бахар-и-аджам». Вторая строчка куплета неясна. Помимо других, *хилал* имеет значения «молодая луна» и «острие копья»: я полагаю, это может также означать стрелу. Действительно, *хилали* означает стрелу с серповидным наконечником. Редактор Лакхнау подразумевает под *хилал* форму полумесяца, которую имеет ноготь большого пальца, прилегающий к напалечнику (*зихир*) лучников. *Сурат-и-парвин* в двустииши он объясняет как «мячи игры *кабак*»: по-видимому, их могло быть несколько. И всю строчку он понимает так: «Твой палец заставил мячи лететь, как метеорит, по дуге, задевающей Плеяды». Маулави Абдул Хак понимает под *хилал* загнутый конец *каджаков* или подвешенный скипетр. Бадауни (I. 480) цитирует строки Байрама и говорит, что они, а также подобные им строки Джахи Ятмана взяты из оды Низари из Туна.

К ГЛАВЕ 57

- 1 Справедливости ради надо отметить, что Хос-хан не проявлял благосклонности к отцу Абу-л Фазла и его роду.
- 2 Абу-л Фазл имеет в виду, что правителям в силу их положения приходится благосклонно принимать доносчиков, так как это единственный способ получать сведения. Верное наблюдение в отношении деспотизма, но странно это слышать от Абу-л Фазла.
- 3 В районе Гургаон.
- 4 [Игра слов, поскольку *Адил* и *Адли* пишутся одинаково, но *Адил* означает «справедливый».]
- 5 [Викрамадитья («Солнце силы» или «Солнце могущества») — почетный титул царя Чандрагупты II (376–414 гг.) из династии Гуптов, время правления которого традиционно считалось временем расцвета культуры. Под именем Викрамадитья, Викрама он был описан в литературных произведениях как воплощение мудрого и справедливого государя. Это имя Хему (Химу) взял после того, как занял Дели в начале 1556 г., получив известие о смерти Хумаюна.]
- 6 [Абу-л Фазл обыгрывает афганское происхождение рода Суров.]

К ГЛАВЕ 58

- 1 В тексте — *хаит* [восемь], но вероятно, Абу-л-Фазл написал *шаи* — шесть, ибо Акбару было тогда только 12 с половиной лунных лет. Согласно солнечному календарю, ему было только 12 лет и 1 месяц.
- 2 В тексте *химмат* [благородство], но у Хафиза было, очевидно, *давлат* [могущество, перен. счастье]. Строки взяты из газели Хафиза, начинающейся словами *Кастаганра аоталаб башид-у-кувват набуд*. Ворона и коршун олицетворяют Индию. Несомненно, намек касается цвета их оперения, и примечание Эллиота разъясняет смысл неясного отрывка Хайдар мирзы (Тарих-и-рашиди, Элиас и Росс, 399), в котором рассказывается, что Ходжа Нура уговаривал Хумаюна не бросать свою тень на землю, где попугай менее распространен, чем коршун. Хотя попугай и обычен для Индии, всё же он встречается реже, чем коршун, и очевидно, Ходжа намеревался предостеречь Хумаюна от похода на Синд или от того, чтобы остаться в Индии. Он не мог иметь в виду Персию, ибо Хумаюн там побывал, а Хайдар говорит, что Хумаюн не ездил в страну, где попугай более редок, чем коршун. См. также строку Касима Кахи (Бадауни, III. 173), в которой говорится, что он не коршун и не ворон, чтобы украшать Индию. Строки, процитированные Хайдар мирзой, приводит также Бадауни (II. 49), он относит их к Индии. Они взяты из газели Хафиза, начинающейся словами *Хушаст хилват агар яр яр-и-манбашид*. [В переводе Н. Тенигиной:

Проси, чтоб дал тебе Хума счастливых крыльев тень!
 Известно — коршуна крыло тень счастья не несет.]
- 3 Очевидно, это означает, что они пребывали в ожидании смерти Хумаюна [обыгрывается значение имени Хумаюна].
- 4 [О практике плавания на плотках написано в «Бабур-наме» (214 б, 241 а, 249 а, 250 а и др.).]
- 5 Баязид называет его Искандар султани Кузак. Во многих рукописях, включая и Бадауни, стоит Кази.
- 6 Этот список короче списка Баязида — рукопись 72 ff Индийского ведомства.
- 7 [Джаландхар — город в северной части штата Пенджаб, Индия.]
- 8 Мачивара находится на южном берегу Сатладжа. Фиришта говорит, что они переправились через реку и сделали привал на берегу реки Пачвара. Является ли Пачвара названием берега реки напротив Мачивары? *Джаб* означает ров, и здесь это может означать то же. У Прайса находим *бахри* так же, как в некоторых рукописях; он переводит: «у берега озера со свежей водой». Думается, что это название места. [Мачивара — небольшой город в 30 км к востоку от города Лудхиана, штат Пенджаб, Индия.]
- 9 [Сихринд (Сирхинд) — город в 60 км к юго-востоку от города Лудхиана, штат Пенджаб, Индия.]

- 10 Таможенный чиновник.
- 11 *Аулия-и-давлат* — слуга государства, но здесь, вероятно, перифраз для Хумаюна и Акбара.

К ГЛАВЕ 59

- 1 Хусейн Кули. [Хусейн Кули-хан, получивший от Акбара титул хан-джана, был сыном Вали бека Зулкадра и сестры Байрам-хана. Умер в 1578 г. Подробно о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 24.]
- 2 [Фатх-хан *Читахбан* упоминается в «Аин-и-Акбари» как командир двух сотен. В 1577 г. Акбар своевременным кровопусканием вылечил его от болезни глаз.]
- 3 Хумаюн пробыл в Сихринде менее 30 дней, ибо прибыл туда ночью 7 раджаба [962 г.х. (28 мая 1555 г.)].
- 4 Я не уверен в значении слова *тараддад*. Обычно оно означает «повторение» или «возвращение», *наубат* — смена караула. Очевидно, здесь это значит, что в тот день была очередь части Акбара идти в караул. См.: Бадауни, I. 460 — он использует в этом случае слово *язак*.
- 5 Считалось, что желчный пузырь является средоточием храбрости, и Джанхигир в своих воспоминаниях говорит об анатомировании тигра и леопарда, проводимом с целью обнаружить источник их смелости. [Выражение *Аз тарс захрааш кафид*, соответствующее русскому — «Душа ушла в пятки», буквально означает — «от страха лопнул желчный пузырь».]
- 6 Очевидно, это Баба Дост Ходжа Хизр Мусафири, упоминаемый Баязидом (с. 82 а) как участник защиты Кабула, описываемой далее.
- 7 Приводимый рассказ о сражении, состоявшемся в день, когда часть Акбара несла караул, объясняет приведенное ранее высказывание о благословенности Акбара.
- 8 Очевидно, он утверждал, что заверения в преданности, содержащиеся в письме, относились к Хумаюну, а не к Сикандару. Прайс в своем труде «Взгляд в прошлое» дает иную интерпретацию. По его мнению, Ходжа Муаззам заявил, что показал в письме вероломство, чтобы дать Хумаюну возможность применить его любимую добродетель — прощение. Мир Кали может означать — главный повар.
- 9 [*Маснад* — букв. «высокий пост», «высокий чин», «высокое звание». В переносном смысле означает комплекс сооружений, символизирующих царскую власть: трон, возвышение для трона, зонт, балдахин и т.д.]
- 10 Означает то, что Хисар был отдан Акбару в качестве зависимой территории. [*Саркар* — поместье, *джагир* — условное ненаследственное земельное владение, жалуемое правителем с обязательством содержать отряды

конницы согласно чину джагирдара и размеру джагира. Подробнее см.: Антонова К.А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М., 1952. С. 47—110.]

- 11 Британский музей, доп. № 27, 247 — *ихсар*, и тогда смысл таков: изгоняющий или сдерживающий зло мира.
- 12 Возможно, это Вали бек, упомянутый в «Аин-и-Акбари» (518). Он был сыном Пайанды (переводчика части воспоминаний Бабура) и племянником Хаджи Мухаммада Коки. [Судя по званию *атка*, Шах Вали, вероятнее всего, был мужем одной из кормилиц Мухаммад Хакима, сына Хумаюна и Мах Джуджак. Вали бек, упомянутый Бевериджем, поступил на службу много позже — в 1555 г., о событиях которого идет речь, и служил Акбару, а после смерти Акбара — Джахангиру (Тузук-и-Джахангири, 155 а).]
- 13 [День Хурдад — по зороастрийскому и берущему от него начало иранскому календарю 6-й день месяца. Шахриур (шахривар) — шестой месяц года, начинавшийся 12 августа. Таким образом, день Хурдад месяца Шахриур — 6-й день 6-го месяца — не мог быть 25 рамазана, поскольку 1 рамазана 1555 г. приходилось на 20 июля. День Хурдад соответствует 17 августа, или 29 рамазана, который у иранцев предшествует дню разговенья — *Ид ал-фитр*, празднику окончанию поста.]
- 14 [*Дивана (девана)*, фарси — безумный, сумасшедший, бешеный; обуянный дэвом (злым духом); юродивый.]
- 15 Канто Гола — в «Аин-и-Акбари», I. С. 403. Находится в Рохилканде.
- 16 Имеется в виду Ибрахим-хан Сур, который описывался ранее, в главе 57. Он боролся с Сикандаром [Суром] за трон Индии и потерпел от него поражение у Агры.
- 17 Очевидно, пророчество заключалось в том, что у него будет сохнуть рука. Баязид рассказывает, что рука у Хайдара перестала действовать. Возможно, это и приписали пророчеству или же проклятию Хумаюна; однако Баязид говорит, что это было последствием раны, полученной им в Афганистане. Похоже, считалось, что Хумаюн имел дар насылать бедствия на тех, кто обидел его. Другой подобный случай, о котором повествуют Джаухар и Гульбадан бегим, произошел в Синде.

К ГЛАВЕ 60

- 1 [Сайидзаде — букв. «потомок сайидов» — людей, ведущих свою родословную от пророка Мухаммада и халифа Али. Речь идет о роде, к которому принадлежал Шах Абу-л-маали.]
- 2 Хисар, как рассказывается в предыдущей главе, был передан Акбару; здесь же смысл, очевидно, таков: если Акбар (и Байрам) сочтут это целесообразным, то Хисар можно отдать Абу-л-маали в обмен на Пенджаб.

- 3 [Т.е. согласно обычаю, по которому наследный принц получал в управление вторую по значению область в государстве, дабы научиться администрированию, в то же время осозная ответственность за порученную область.]
- 4 Возможно, Руми-хан Халаби, то есть из Алеппо, упомянутый в «Аин-и-Акбари» [I. Кн. 2, Аин 30, № 146].

К ГЛАВЕ 61

- 1 [Предзнаменование построено на буквальном значении слов: *мурад* — надежда, желание, цель; *даулат* — богатство, могущество, государство; *саадат* — счастье, благополучие, блаженство; *ходжа* — здесь: господин, хозяин. Отсюда триада: хозяин желания (цели), хозяин могущества (богатства), хозяин счастья (благополучия).]
- 2 Эта история описана Эллиотом (V. С. 118, 236), который отмечает, что она впервые появилась у Хондамира. Низам-ад-дин и Фиришта относят ее ко времени перед захватом Индии Хумаюном. Хондамир называет учителя Масиху-д-дин Руху-лла.
- 3 [*Ахл-и-даулат* (араб.) — букв. «люди могущества» или «государственные люди».]
- 4 [*Ахл-и-саадат* (ар.-перс.) — букв. «люди блаженства» или «счастливые люди».]
- 5 [*Ахл-и-мурад* (ар.-перс.) — букв. «люди желания» или «желанные люди».]
- 6 [Соотнесение дней недели с одной из планет сложилось на Востоке задолго до Хумаюна (см.: «Рассказ о Таваддуд» — «Тысяча и одна ночь».) Хумаюн лишь придал этой традиции статус официального установления.]
- 7 *Каркиракчиан*.
- 8 *Сахм* имеет два значения: участок или отдел, доля; стрела. [В переносном смысле — ужас, страх.]
- 9 См.: Эллиот, V. С. 116 и рукопись Vг. 1762 и доп. № 30, 774 Британского музея.
- 10 Именно об этом человеке, утонувшем впоследствии в Чаузе, Хайдар мирза писал в самых жестких выражениях.
- 11 Это слово в тексте непонятно и, вероятно, искажено. На полях одной рукописи написано слово *ички*, имеющее значение «главный летописец». Возможно, переписчик думал или написал *битикчиан* — официальные писатели (Аин-и-Акбари, II. 47). Буква *н* в тексте явно описка и не появляется в источнике Абу-л Фазла, т.е. у Хондамира, у которого *зекиан* имеет значение «щурин» (своак), и возможно, правильным является это слово; или же его можно связать со словом *ичкар* — внутренний, и следовательно, близкий. Из следующего становится ясно, что слово означает ближайших сподвижников.

- ¹² *Сархайлан-и-кабаил*. Эллиот (V. С. 123) переводит соответствующий отрывок из Хондамира так: «гаремы и послушные женщины-слуги». Но слова Хондамира: *маталлик аст ба сархайлан кабаил у йузбакиан* (т.е. узбеки), и очевидно, деление на двенадцать разрядов относится только к мужчинам. Пятый разряд, который Эллиот переводит как «молодые девушки-служанки», в тексте Абу-л Фазла пишется *икка джуанан-и-бахадур*. Возможно, это означает добровольцев или независимых воинов (*эккаха*), о которых Эрскин (История, II. С. 541) говорит как о людях, присоединившихся к армии в одиночку или с несколькими сторонниками в качестве добровольцев, солдат удачи. Возможно, эти *эккаха* были людьми, которых впоследствии, во времена Акбара, называли *ахади* (см.: Аин-и-Акбари, I. Примеч. на с. 20 и 161). *Ика* — монгольское слово и означает «великий».
- ¹³ *Шагирд пешаган*. Это выражение часто используется для обозначения гражданских лиц или мирян, присоединившихся к армии, — торговцев, горожан и им подобных.
- ¹⁴ Хондамир использует слово *дарбанан* [привратники], но у него нет слова *пасбанан* [караульные]. Вместо *пасбанан* у него *сарбанан*.
- ¹⁵ *Имарат* — [здание, строение, постройка]. Возможно, здесь это слово означает заселение земель крестьянами, т.к. после этого следует слово *бийутат*, означающее непосредственно «здание».
- ¹⁶ В тексте сказано, что плотники тоже делали лодки, но я полагаю, что умение этих *устадан-и-наджжар* проявлялось главным образом при постройке на них помещений. *Чартаки* — это, возможно, квадратные здания или же здания с четырьмя колоннами. [*Чартак* (*чахартак*), букв. «четыре арки» — квадратное помещение, имевшее проемы с четырех сторон. Первоначально *чартак* сформировался как храм огня у зороастрийцев, позднее эта форма стала основой центрально-купольных мавзолеев. В придворном этикете *чартак* как легкий павильон символизировал место правителя в окружающем пространстве как сакральный центр мира на данный момент.]
- ¹⁷ Буквально: «были властью воплощены в реальность». Абу-л Фазл просто переписал у Хондамира. Соответствующий отрывок из Хондамира переведен Мунши Садасук Лалом, с. 90 по рукописи Британского музея, доп. № 30, 774: «Четыре судна, в соответствии с царскими указами, были построены лучшими плотниками на реке Джамне. На каждом из этих судов — большой павильон в два этажа, очень красивый. Судна были соединены между собой таким образом, что четыре павильона находились напротив друг друга, а благодаря примыканию двух лодок получался другой павильон, и между всеми четырьмя образовывался бассейн восьмиугольной формы». Прайс добавляет: «Четыре судна были соединены крепкой платформой — нечто вроде галереи — таким образом, что все павильоны находились непосредственно друг против друга. Между ними располагались

- дополнительные павильоны — общее их число равнялось восьми, и в центре образовывался красивый бассейн в форме восьмиугольника».
- 18 Это подробно описывается у Хондамира, с. 139 персидского текста и с. 112 перевода. Весьма типично для Абу-л Фазла, что единственное по-настоящему полезное творение Хумаюна осталось неудостоенным его описания.
- 19 *Тадж-и-иззат* — согласно Хондамиру, использовался не только Хумаюном, но предназначался и для знати. Только у Хумаюна всё было одного цвета, а у других разноцветным. Он мог придумать это в Бадахшане, но хронограмма его изобретения, *тадж-и-саадат*, приведенная Хондамиром, относится к 939 г.х. [1532 г.], т.е. создана через два года после смерти Бабура.
- 20 [*Бурдж* — знак Зодиака как астрологический термин.]
- 21 Описание *пинджараха* см.: Аин-и-Акбари, I. С. 225.
- 22 Описание Хондамира: «Большой шатер подобно небесной тверди, покрывающей низшие сферы, окружал меньшие шатры, включая их в себя, как под крышу. Подобно хрустальной сфере, на которой нет звезд и планет, вокруг него не было ни решетки, ни балкона». Хондамир указывает, что внешний шатер отличался от внутреннего и мог использоваться отдельно. Внутренний, представлявший 12 знаков Зодиака, был, возможно, тем самым, о котором упоминала Гульбадан бегим, называя его *михр-амиз*, т.е. связанный с солнцем. Слово, которое Садасук Лал перевел как «балкон», — это *канаат* [крыло]: т.е. возможно, внешний шатер не имел ставней или боковых стен.
- 23 [Ковер в цветовой символике воспроизводил существовавшие представления о строении мира, являя собой проекцию мира на плоскости.]
- 24 Этот ковер описан Хондамиром. Он был огромного размера, т.к., по его словам, каждый из семи [планетных] кругов имел двести секторов, так что всего там могли уместиться 1 400 человек.
- 25 Хондамир сообщает, что накануне полнолуния Хумаюн носил белое.
- 26 Это установление старо как времена Ануширвана [т.е. Сасанидов, конец VI в.]. В музее Лакхнау находится несколько больших барабанов из Агры; говорят, они сохранились со времен Акбара. Возможно, это реликты одного из установлений Хумаюна.

К ГЛАВЕ 62

- 1 Здесь Газни упоминается как место последнего отдохновения Хакима Санаи и многих других мусульманских святых.
- 2 По всей вероятности, Хумаюн говорит о посещении святынь и могил вокруг Дели в сопровождении Сиди Али незадолго до своей смерти.

- ³ Очевидно, поэт противопоставляет холодный свет разума и экстаз безумия (под которым он имеет в виду любовь). [Безумец — *дивана*, *девона* — имеет также значение «юродивый» — человек, которого коснулась благодать Божия, и потому на него больше не распространяются людские правила.]
- ⁴ В тексте стоит *анхазрат*, что предположительно относится к Хумаюну, но в некоторых рукописях — *ишан*; все изученные мной рукописи в Индийском ведомстве, Британском музее и архивах Королевского Азиатского общества имели *ишан*, и то же самое — в издании Лакхнау. Поэтому я принял последний вариант: Акбар видел, что его тянут за локоны, в противном случае не было бы причин для беспокойства. Едва ли имеется в виду его отец, который в свои пятьдесят лет вряд ли имел черные волосы.
- ⁵ Я перефразировал отрывок. Буквальный перевод: «верная душа разрывалась на части».
- ⁶ Поэтическое имя Джалал-ад-дин Хамзы из Исфараина или Михрджана, расположенного недалеко от Нишапура. Он умер в 866 г.х. Согласно данным Рил, Азари, взявший поэтическое имя по месяцу рождения, родился в Мерве и умер в 866 г.х., т.е. в 1461 или 1462 г. Бадауни (III. 193) сообщает, что источником для этого рассказа послужил маулана Бекаси. Он цитирует четверостишие.
- ⁷ Другим переводом может быть: «Размышлять о конце всех вещей похвально». [*Ал-ахира* от араб. *ахир* — конец, последний. *Дар ал-ахира* — конечный мир, т.е. потусторонняя жизнь, которая в исламе считается единственно важной для человека и противопоставляется мирской, земной жизни — *хайат ал-дунья*.]
- ⁸ Смысл не совсем ясен. Возможно, Абу-л Фазл имеет в виду, что Хумаюн взял одну из четырех пилюль и выпил с розовой водой. Едва ли он принял всё сразу. Очевидно, день, когда он послал за опиумом, является днем происшествия, а не смерти, и послал он за ним еще до несчастного случая, произошедшего вечером. Возможно, такое внимание уделяется цифре «четыре» потому, что Хумаюн отложил точное число пилюль, которых ему хватило бы до смерти. Если несчастный случай произошел в пятницу, а в этот день он принял первую пилюлю и прожил до понедельника, как говорит Сиди Али, то всё сходится. По другим источникам, он умер вечером в воскресенье, 26 января, или 13 раби ал-аввала. Эта дата приводится и в «Бадшах-наме» Абд-ал-Хамида, Bibliotheca Indica, с. 63.
- ⁹ *Ахир-и-руз* [букв. «конец дня»]. Но возможно, перевод должен быть таким: «Наконец, в пятницу». Абу-л Фазл не указывает день месяца, но, так как он говорит затем, что военачальники умалчивали о происшедшем (или, по меньшей мере, скрывали его важность) в течение 17 дней, а затем объявили Акбара [правителем] 28 раби ал-аввала, то можно предположить, что падение произошло в пятницу, 11 раби ал-аввала, что соответствует 24 января 1556 г. Дата 11 раби ал-аввала, указанная Стюартом в конце перевода

воспоминаний Джаухара, в оригинале отсутствует, а всё предложение является вставкой. Есть много несоответствий относительно даты падения Хумаюна и его смерти. Утверждение Абу-л Фазла, что падение произошло в пятницу, подтверждается следующим обстоятельством: большое количество молившихся собралось в главной мечети, а это характерно для пятницы, и, кроме того, свидетельством Катиби Руми — турецкого адмирала Сиди Али Реиса. Он в это время был в Дели. И хотя его высказывание на сей счет не внятно, он действительно присутствовал на последней аудиенции Хумаюна. Вот его слова (перевод А. Вамбери, 1899, с. 55): «Всё было готово к отъезду (адмирала). Хумаюн дал аудиенцию вечером в пятницу, и затем, когда покидали замок благодати, *муаззин* произнес *азан* именно в тот момент, когда Хумаюн спускался по лестнице. Его привычкой было преклонять колени в священном почтении, услышав призыв к молитве. Так же он поступил и в этот раз, но, к несчастью, упал, перекатился через несколько ступенек и серьезно повредил руку и голову. Истину гласит пословица: «От судьбы не уйдешь». Во дворце все пришли в замешательство, но в течение двух дней ничего не разглашалось. Народу было объявлено, что правитель пребывает в добром здравии, бедноте раздали милостыню. На третий день, в понедельник, он умер от ран».

Мне кажется вполне вероятным, что турецкий адмирал и есть то лицо, на которое Абу-л Фазл ссылается как на Чагатай-хана. Военачальник с таким именем нигде не упоминается, но Сиди Али, возможно, получил прозвище Чагатай-хана благодаря хорошему знанию чагатайского языка [близкого к турецкому]. Он сам только что прибыл из Гуджарата. В пользу того, что это была пятница, говорит и то обстоятельство, что именно по пятницам Хумаюн устраивал приемы и давал аудиенции. См.: Акбар-наме, I. Гл. 61. Таким образом, если только астрономически не будет установлено, что Венера не появлялась на небе в пятницу 24 января 1556 г., можно считать пятницу днем несчастного случая. Эту дату в дальнейшем подтверждает Сиди Али. Он утверждает, что уехал в Лахор в четверг, в середине раби ал-аввала. Отъезд же состоялся лишь после смерти Хумаюна, а четверг — 17 раби ал-аввала. [24 января 1556 г. — пора вечерней видимости Венеры. Планета находилась в 8° восточнее Солнца (почти прямо над заходящим Солнцем) и была видна на сумеречном небе в течение примерно получаса. Очевидно, Хумаюн предполагал наблюдать появление Венеры на небе в лучах закатного Солнца. Продолжительность видимости Венеры увеличивалась с каждым днем, но для Хумаюна было важно увидеть ее именно в пятницу — день Венеры.]

В отношении места и обстоятельств, при которых произошел несчастный случай, следует положиться на уже упомянутое изложение м-ра Роджерса. Я посетил это место в сентябре 1899 г. Строение, известное как Шер Мандал потому, что было построено Шер-ханом, описано Сайид Ахмадом в его «Азар Санаид». Это восьмиугольное здание из красного камня, двухэтажное. Но на первом этаже сейчас комнат нет. Внутренние лестницы

ведут на второй этаж, где в восьмиугольной комнате находятся ниши (*так*), служившие, по всей видимости, для хранения книг. Отсюда два отдельных пролета выводят на крышу, которая завершается небольшим открытым куполом, поддерживаемым восемью колоннами. Гид показывает исторический пролет (тот, где упал Хумаюн). Там лестница заворачивает; ступени из гранита, в фут высотой, узкие и крутые. Следует сказать, что на крыше лестницы открыты, так что Хумаюн, скорее всего, упал вниз через крышу, чем с нее. И уж конечно он упал не с парапета. «Лестницы расположены с обеих сторон купола, между ним и парапетом» (Роджерс). Вероятно, намерением Хумаюна было сесть на часть крыши, образующую первую ступеньку лестницы, и поставить ноги на вторую (*зина-и-дувам*). Погода стояла холодная, и, естественно, на нем был длинный халат. Гиды утверждают, что тело было завернуто в хлопчатобумажную ткань. Как мы знаем из «Маасир-и-рахими», останки Хумаюна вывезли из Дели, когда Химу разгромил Тардибека и занял город. Какое-то время они находились в Сихринде, затем их привезли обратно и захоронили неподалеку от Пурана Килы, [они покоились здесь] до тех пор, пока вдова Хумаюна, Хаджи бегим, не выстроила огромную гробницу с надгробием. [См. фото мавзолея Хумаюна в Дели на цветной вкладке.]

Шер Мандал расположен к югу от Дели. Это место недалеко от Джамны, а в прежние времена было еще ближе [поскольку русло реки изменилось]. Чуть далее находится Джама Масджид [Соборная мечеть] Шер-хана, и недалеко от нее — гробница Хумаюна. Причина захоронения Хумаюна вблизи Шер Мандала заключалась в том, что по соседству находился город Динпанах, основанный Хумаюном ранее, в дни, когда он был счастлив.

- 10 Если бы это был Хан Алам Чалма бек, он должен был возвратиться из Мекки перед смертью Камрана. Но возможно, это и не так. Алам Шах упоминается ранее как один из соратников Камрана в Индии.
- 11 Кажется, бек Мулак раскаялся и последовал за Камраном.
- 12 [Математика носила в основном прикладной характер, а знание математики было обязательным для астрономов. Зачастую один и тот же ученый — *мунаджжим* — выполнял и астрономические наблюдения, и составление гороскопов, и математические расчеты в экономике и строительстве.]
- 13 *Зина-и-дурум*. Точное значение этого выражения сомнительно. Можно предположить, что оно относится ко второй ступеньке верхней лестницы, но *зина* означает скорее лестницу, чем ступеньку, и слово *дарджат* используется далее для обозначения ступенек. Возможно, Абу-л Фазл говорит о втором пролете лестницы, если считать снизу, или предполагает, что падение произошло с нижнего, или второго, пролета. С лестниц, действительно очень крутых и неудобных, сорваться было нетрудно.
- 14 В словаре «Ислам» Хьюза написано: «Декламацию *азана* надлежит слушать с величайшим почтением. Если человек в это время идет, то должен

- остановиться, если лежит — сесть». [*Азан* — призыв на молитву — возвещается муаззином перед началом намаза. Повернувшись в стороны киблы, муаззин нараспев громким голосом произносит установленные формулы *азана*. Мусульманин, услышав *азан*, должен остановиться и повторять его.]
- 15 Баязид включает его в свой список под именем шейха Назр Чули Туркистани и пишет, что после завоевания Индии Акбар сделал его *мир адлом*. Предположительно, Назр — его имя, а Чули — титул (он был с Хумаюном во время перехода через пустыню). «Мират-и-Алам», Британский музей, доп. № 7657, с. 971 а, приводит копию письма, которое Назр Шейх передал.
- 16 *Мифармуданд* [фарси, букв. «они приказывают»]. Эту формулу использовал Абу-л Фазл при упоминании высказываний Акбара.
- 17 То есть они, вне всякого сомнения, пытались замолчать важность происшедшего. Это совпадает с тем, что сообщает Сиди Али. [По сути они пытались предотвратить распад государства из-за мятежей и междоусобиц.]
- 18 [Здесь явный анахронизм. О смерти Камбар Али Абу-л Фазл рассказывает в главе 59.]
- 19 [*Амир-ул-умара* — букв. «амир амиров», или верховный амир, главнокомандующий.]
- 20 Вторая строчка относится к 953 г.х. [1546 г.], и если ее добавить, то получится 963 г.х., на 10 лет больше. Я думаю, это значит, что Абд-ал-Хай читал эти стихи, не задумываясь над тем, что это хронограммы; а странным названо то, что обнаружили впоследствии, — небольшое изменение превращает эти строки в хронограмму.
- 21 Сиди Али Реис, турецкий адмирал, излагает эту историю и подтверждает рассказ Абу-л Фазла. Он называет присутствующего «мулла Би» и утверждает, что тот удивительно походил на Хумаюна, хотя и был чуть ниже. Сиди Али утверждает, что обман имел место во вторник, и [именно] он предложил скрыть происшедшее. Но Гульбадан бегим говорит, что то же самое проделали после кончины ее отца. Бадауни (III. 192) рассказывает о Бекаси и сообщает, что тот был сиротой или бедняком, но, что довольно странно, не сообщает ничего о том, как тот исполнял роль двойника Хумаюна. Бекаси, видимо, был уроженцем Газни и умер в Пешаваре в 973 г.х. (1566 г.). Он писал стихи, и Бадауни приводит их образцы. Небезынтересно отметить, что рассказ Сиди Али сходен с рассказом Абу-л Фазла в том, что двойника Хумаюна показывали народу на берегу реки. [*Бекас* (перс.) — букв. «одинокий», «безродный», «не имеющий никого».]
- 22 Это, очевидно, человек по имени Ибрахим, который упоминается, как ребенок, боровшийся с Акбаром. Возможно, он поменял свое имя, когда стал отцом. С сожалением добавлю, что Акбар впоследствии в Гвалиоре предал его смерти.

К ГЛАВЕ 63

- 1 Это слуги Хумаюна. Атка-хан и другие пришедшие из Хисара были доверенными слугами Акбара.
- 2 Хумаюн обычно называл его сыном.
- 3 Это было связано с наследственным правом Акбара, что сделало милость, оказанную Абу-л-маали, более впечатляющей.
- 4 [См. примеч. 15 к гл. 62.]
- 5 В примечании издания Лакхнау сказано, что *таркиббанд* — это стихотворная форма, в которой размер изменяется через каждые семь или более стихов. Согласно книге «Просодия» (Бомбей, 1895. С. 12), она определяется как *тарджибанд*. Ходжа Хусейн создал знаменитую поэму о рождении Джахангира. Говорят, он умер в Кабуле в 979 г.х. [1571 г.]. Необычно, что стихи эти не встречаются в большинстве рукописей.
- 6 [Касим Кахи (Абу-л Касим Кабули) — поэт, родился в Туркестане, затем жил в Кабуле. Известен также как Миян Кали. Кахи, т.е. подобный траве, травяной, — его псевдоним. Он был хорошо принят Хумаюном, а затем продолжал писать при дворе Акбара. Известен как автор *маснави* [сборника стихов], названного «Гул-афшан» в подражание «Бустану» Саади. Долго жил в Бенаресе (Варанаси), а затем в Агре, где и умер в 988 г.х. (1580 г.).]
- 7 Абу-л Фазл имеет в виду, что, поскольку здания зачастую начинали строить в один год, а заканчивали в следующем, ошибка в год или два в хронограмме оказывалась не важна.
- 8 Доктор Эте в своем каталоге персидских рукописей из Индийского ведомства приводит достойную внимания хронограмму, составленную Хиджри, из рукописи № 1441, с. 793.
Увы! Царю, святому, мудрецу (963).
По поводу утверждения Абу-л Фазла, что хронограмма Касима Кахи неверно указывает год, можно заметить следующее: многие считали 962 г.х. годом смерти [Хумаюна]. Баязид (81 а) [также] дает эту дату, и ее же приводит Джаухар (рукопись № 16, 711, 145 а Британского музея). Эту же дату обнаруживаем в стихах, выгравированных под карнизом в Сикандаре. Хотя не исключено, что их можно истолковать как простую констатацию, что окончился 962 г.х.
В «Тарих-и-алфи» (рукопись № 3293, 430 б, 963 Индийского ведомства) указывается 962 г.х., что без сомнения верно. Но возможно, произошла путаница с летосчислением: из-за введения Акбаром года Фазли начало 963 г.х. отсчитывали от начала весеннего равноденствия.
- 9 [Акли у накли — разум и предание — отражение существовавшего в средние века в мусульманском обществе деления наук на традиционные,

т.е. религиозные, науки, основанные на традиции, предании, и рациональные, т.е. основанные на разуме, к которым в первую очередь относилась философия — *фалсафа*.]

- 10 [Во время свадебной церемонии в странах мусульманского Востока невеста сидит за занавесом, отгороженная от жениха и гостей. Одним из основных моментов церемонии является открывание лица невесты, во время которого жених и невеста зачастую впервые видят друг друга. В этом сокрыт определенный элемент неожиданности, судьбы.]
- 11 [Имеется в виду Красота как Божественная сущность (*аз-Зат*, *ал-Хакика*), которая проявляется в образах земного бытия.]
- 12 [Здесь обыгрывается представление о двойственности миров: земной и небесный, видимый и невидимый, мирской и духовный, мир земной жизни и потусторонний мир и т.д.]
- 13 [Науки любви — суфийские представления о *махабба* (*мухаббат*) — о Любви как единственном пути к Богу. Любовь в суфизме признавалась подлинным свойством человека, ибо Бог создал Адама, движимый любовью. В то же время Любовь в представлении суфиев — единственный способ обуздания низменных сторон человеческой природы. Представление о Боге как о Возлюбленном, к которому стремится суфий, стало основной темой богатейшей персидской поэзии.]
- 14 [Здесь обыгрывается слово *калам* — перо, которое в исламе имеет обиходное значение, а кроме того обозначает направление в богословии, основанное на толковании догматов ислама, а не на следовании религиозным авторитетам, и на разуме как высшей инстанции. В то же время в философии было распространено представление о *Каламе* как Перворазуме, который снизошел на «Хранимую скрижаль» (*ал-лаух ал-махфуз*) и начертал на ней всё сущее и все события вплоть до Судного дня.]

Несмотря на тщательность комментариев Г. Бевеиджа, они зачастую отсылают читателя лишь к названию книги, либо только к ее автору или даже переводчику, и странице. Чтобы помочь в определении цитированного источника, мы приводим библиографию наиболее часто встречающихся.

Аин-и-Акбари — Abu-l-Fazl Allami. The Ain-i Akbari. Vol. I. Trans. by H.F. Blochmann. Calcutta, 1868; Vol. II–III. Trans. by H.S. Jarrett. Calcutta, 1891–1894 (последнее переиздание: Delhi, 2001).

Акбар-наме — Abu-l-Fazl Allami. The Akbarnama. Vol. I–III. Trans. by H. Beveridge. Calcutta, 1897–1935 (переиздание: Delhi, 1993).

Бабур-наме — Бабур-наме. Записки Бабура. Пер. М.А. Салье. Прим. М.А. Салье и Д.Г. Вороновского. Ташкент: Фан, 1958.

Бадауни — Badaoni. Muntakhab at-tawarikh. Vol. I. Trans. by G. Ranking. Calcutta, 1898; Vol. II. Trans. by W.H. Lowe. Calcutta, 1884; Vol. III. Trans. by T.W. Haig. Calcutta, 1927.

Бадшах-наме — Абд ал-Хамид Лахури. Падшах-нама. Т. I–II. Калькутта, 1867–1868 (на фарси).

Баязид — Баязид Султан Байат. Тарих-и Хумаюн. Рукопись № 216 Библиотеки Индийского департамента. Лондон. (Не опубликована.)

Вамбери А. — Вамбери А.(Г.) История Бухары, или Трансоксиании, с древнейших времен до настоящего. Пер. А.И. Павловского. Т. I–II. СПб., 1873.

Голдсמיד Ф. — Goldsmid, Sir F. Eastern Persia. Vol. I. 1876.

Гульбадан бегим — Gul-Badan Begam. The History of Humayun (Humayun-nama). Ed. and trans. by A.S. Beveridge. London, 1902 (на узб. яз.: Гульбадан бегим. Хумаюн-наме. Ташкент: Фан, 1959).

Джахангир-наме — Jahangir, Nuruddin Muhammad. The Tuzuk-i-Jahangiri, or Memoirs of Jahangir. Vol. I–II. Trans. by A. Rogers. Ed. by H. Beveridge. London, 1909–1914.

Джаухар — Jouhar. Tezkereh al-vakiat or Private Memoirs of the Mogul Emperor Humayoon. Trans. by Ch. Stewart. London, 1832.

Зафар-наме — Maulana Sharafuddin Ali of Yazd. The Zafarnamah. Ed. by Maulawi Muhammad Ilahdad. Vol. I–IV. Calcutta, 1887–1888.

Маасир-ал-умара — Shah nawaz Khan Awrangabadi and Abdul-Hayy. Maathir-ul-umara, Being Biographies of Muhammadan and Hindu Officers of the Timurid Sovereigns of India from 1500 to about 1780. Vol. I–III. Trans. by H. Beveridge and B. Prasad. Calcutta, 1911–1944.

Маасир-и-рахими — Абд ал-Баки Нахавенди. Маасир-и Рахими. Т. I–III. Калькутта, 1864–1869 (на фарси).

Мохан Лал — Mohan Lal. Journal of Tour through the Panjab, Afghanistan, Turkestan, Khorasan and Part of Persia. Calcutta, 1834.

Низам-ад-дин — Низам-ад-дин Ахмад. Табакат-и Акбари. Т. I—III. Калькутта, 1913—1936 (на фарси); перевод на англ.: Nizamud-din Ahmad. Tabaqat-i Akbari. Trans. by S.K. De. Vol. I—III. Calcutta, 1932—1936.

Раверти Г. — см. Табакат-и-насири.

Риё Ч. — Rieu, Ch. Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum. Vol. I. London, 1879.

Табакат-и-насири — Maulana Minhajuddin Abu-Umar-i-Uzman. Tabaqat-i-Nasiri: A General History of Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan, from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.), and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. Trans. by H.G. Raverty. Vol. I—II. London, 1881; Calcutta, 1897.

Тарих-и-рашиди — Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i-Rashidi. Ed., comm., notes and map by N. Elias. Trans. by E. Denison Ross. London, 1895. (перевод на рус. яз.: Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Введ., пер. с перс. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Прим. и указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996)

Тарих-и-Фирузшахи — Барани Зийа-уд-дин. Тарих-и Фирузшахи. Калькутта, 1861/1862 (на фарси)

Фиришта — Абу-л Касим Фиришта Хинду-шах Астрабади. Гулшан-и Ибрахими (Тарих-и Фиришта). Канпур, 1874 (на фарси); (перевод на англ. яз.: Muhammad Qasim Firishta. Mahomedan Power in India. Trans. by J. Briggs. Vol. I—IV. London, 1829.)

Хондамир, Хумаюн-наме — Khwandamir, Ghiyassuddin b. Humamuddin al-Husayni. The Humayunnama. // Elliot, H.M. The History of India as Told by Its Own Historians: Muhammadan Period. Vol. V. London, 1875.

Элиас Н. — см. Тарих-и-рашиди

Эллиот Г. — Elliot, H.M. The History of India as Told by Its Own Historians. Ed. by J. Dawson. Vol. I—VIII. London, 1867—1877.

Эте Г. — Ethé, H. Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of Indian Office. Oxford, 1903.

Якут — Yaqut. The Irshad al-arib ila ma-rifat al-adib or Dictionary of Learned Men. Ed. by D.S. Margoliouth. Vol. I—VII. Leyden—London, 1907—1927.

Абул Фазл Ахмади

Дини Ақбади

Избранные главы

BIBLIOTHECA INDICA
Work No. 61

THE AIN-I AKBARI

VOL. I

By
ABU-L-FAZL ALLAMI

Translated into English by
H. BLOCHMANN, M.A.
Calcutta, Madras

Edited by
Lieut.-Colonel. D.C. PHILLOTT, M. A. Ph. D.

Перевел с английского
С.В. Сливашкин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аин-и-Акбари

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ

АИН 16

ЛАГЕРЬ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДОК¹

Трудно было бы описать большой лагерь, но я расскажу немного об устройстве такового при выезде на охоту или в недалекую поездку.

1. *Гулалбар* — это величественное сооружение, плод ума Его Величества, двери его очень прочные и запираются замками с ключом. Площадь не бывает менее 100 квадратных ярдов. С восточной стороны возводится шатер с двумя входами, состоящий из 54 частей, длина — 24 ярда, ширина — 14; в середине стоит большой *чубин раоти*, а вокруг — *сара-парда*². Непосредственно рядом с *чубин [раоти]* строится двухэтажный павильон, в котором Его Величество совершает божественный молебен и с верхней части которого утром принимает приветствия придворной знати. Не имеющие отношения к гарему не могут войти в это здание без особого разрешения. Рядом с ним возводятся 24 *чубин раоти*, длиной 10 ярдов и шириной — 6, каждый отделенный полотном, где пребывают любимые женщины. Есть также другие шатры и палатки для служителей, с *сайябанами*³, сделанными из парчи и бархата, расшитыми золотом. Рядом устраивается *сара-парда* из ковров, площадью 60 квадратных ярдов, с расположенными внутри палатками — это место для *урду-беги*⁴ и других прислужниц. Далее, по направлению к залу частных аудиенций, есть прекрасная открытая площадка длиной 150 и шириной 100 ярдов, называемая *махтаби*; с обеих сторон — стены наподобие перегородки, как описывалось ранее, которые поддерживаются шестами длиной 6 ярдов, укрепленными в земле на расстоянии 2 ярдов друг от друга. Эти опоры утоплены в землю на глубину 1 ярда и укрощены на концах медными набалдашниками, их удерживают две веревки: одна проходит внутри, а другая — снаружи всего сооружения. Как указывалось ранее, здесь несет службу стража.

В центре открытой площадки возвышается платформа⁵, защищенная навесом, или *нам-гира*, натянутым на четыре опоры. Здесь Его Величество восседает по вечерам, и никто, кроме особо приближенных, не допускается сюда. К *гулалбару* примыкает круглое огороженное место, состоящее из 12 частей, каждая по 30 ярдов, дверь же строения ведет в *махтаби*; в центре его — *чубин*

раоти, длиною 10 ярдов, и шатер, состоящий из 40 частей, над которым натянуты 12 навесов, каждый по 12 ярдов, разделяют их матерчатые перегородки⁶. Это место, в каждой части которого устроен удобный шкаф, называется *ибачки*⁷, именно это название (чагатайское) использует Его Величество. Примыкает к этому сооружению *сара-парда* длиною и шириною по 150 ярдов, состоящая из 16 частей — каждая по 36 квадратных ярдов. В целом *сара-парда* поддерживается шестью с набалдашниками. В центре ее возведен тронный зал, устроенный при помощи тысячи ковров; в нем 72 комнаты, а также открытая площадка шириною 15 ярдов. Поверх натянута пропитанная воском ткань, или *каландари*, либо нечто столь же легкое для защиты от дождя и солнца, а кругом расположены 50 навесов, каждый по 12 ярдов. Павильон, служащий в качестве *диван-и кхасс*, или зала частных приемов, имеет собственные двери и замки. Здесь знают и военачальники, получив предварительно разрешение через *бахши*⁸, предстают перед шахиншахом, причем список имеющих право входа меняется первого числа каждого месяца. Это место изнутри и снаружи украшено коврами разнообразной расцветки и напоминает прекрасную цветочную клумбу. Снаружи от него на расстоянии 350 ярдов натянуты канаты, привязанные к шестам, вкопанным в 3 ярдах друг от друга. Возле каждого стоит стражник. Это *диван-и амм*, или зал публичных приемов, вокруг которого, как уже говорилось, располагаются стражи. С краю на расстоянии 12 *танабов* находится *наккарахана*⁹, а в центре располагается зажженный *акас-дийя*¹⁰.

Некоторые лагерные комплексы, как, например, описанный выше, заранее высылают вперед и устанавливают стараниями *фаррашей* на участке земли, получившем одобрение *мир манзилов*¹¹, в то время как остальной инвентарь лагеря ожидает прибытия Его Величества. Для перевозки каждого такого комплекса требуются 100 слонов, 500 верблюдов, 400 подвод и 100 носильщиков. Его охраняют 500 воинов, *мансабдары*¹², *ахади*. Кроме того, бывают задействованы 1000 *фаррашей* из уроженцев Ирана, Турана и Индостана, 500 разведчиков, 100 водоносов, 50 плотников, изготовители палаток, факельщики, 30 скорняков и 150 подметальщиков.

Ежемесячное содержание этого хозяйства обходится от 130 до 240 *дамов*.

¹ [По тексту — *йуриш*. Буквально означает «атака», «нападение». *Йуриш-ха* здесь скорее всего — «военный поход». — Д. Филлотт, далее — Ф.]

² Описание см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1. Аин 21. С. 328 наст. изд.

³ Навесы.

⁴ Вооруженные женщины.

⁵ Подобное можно видеть на развалинах Фатхпур Сикри.

⁶ [«Стены палаток». — Ф.]

⁷ [В тексте — *ибачки ханд*. — Ф.]

⁸ Казначей. Высшие военные чины были одновременно и казначеями, так как собирали дань с выделенных им земель, чтобы оплачивать содержание своих войск.

⁹ Возвышение, на котором играет ансамбль музыкантов.

¹⁰ Высокий шест, на конце которого находится огромный фонарь. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1. Аин 18. С. 323 наст. изд.

¹¹ Квартирмейстеры.

¹² Вельможи.

АИН 17

ПОХОДНЫЕ ЛАГЕРЯ

Несмотря на то что Его Величество редко собирает свои армии, большой отряд сопровождает его в любом походе; при этом значительное число воинов в каждой провинции используют для различного рода службы и не допускают к следованию с ним. Ведь поскольку войску сопутствуют толпы народа, да и сама армия многочисленна, воин может искать свою палатку в течение нескольких дней. Представьте себе, сколько времени это займет у чужестранца? Его Величество разработал прекрасный способ организации лагеря для своей армии, что значительно облегчает положение. На открытом месте размещают царский гарем, зал аудиенций и *наккарахана*, всё это вместе занимает 1530 ярдов в длину. На 360 ярдов слева, справа и позади — место, предназначенное только для стражи: в центре этого пространства, на расстоянии 100 ярдов слева¹ и посредине располагают шатры Мириам-макани и Гульбадан бегим², а также других достойных женщин, равно как и шатры принца Данияла; справа же — шатры принца Султан Салима, а слева — принца Шах Мурада. Позади них на некотором расстоянии находятся присутственные места и мастерские, а еще далее, в 30 ярдах за ними, по четырем углам лагеря — базары. Знать размещается снаружи со всех сторон согласно чину.

Стражи, которым назначен четверг, пятница и суббота, располагаются в центре, воскресенье и понедельник — справа, вторник и среда — слева.

¹ [Кул — тюрк. «центр» — это центр боевого порядка войска. — Ф.]

² Мириам-макани (т.е. «пребывающая с Девой Марией», она вместе с Азией, супругой Фараона, Хадиджой, первой женой Мухаммада, и Фатимой, его дочерью, признаются четырьмя совершенными женщинами в исламе) — это титул матери Акбара. Ее звали Хамида Бану бегим. Гульбадан бегим (т.е. «Женщина из лепестков роз») — любимая тётушка Акбара [дочь Бабура, сестра Хумаюна.]

АИН 18

ОБ ОСВЕЩЕНИИ

Его Величество придерживается той мысли, что почитание огня и света — религиозный долг и божественное восхваление; люди же грубые и невеже-

ственные считают, что поступать так — значит забыть Всевышнего и стать огнепоклонником. Но зрящие глубоко видят более того. Раз уж внешняя сторона богопочитания избранных¹ основывается на уместности, а люди полагают, что негоже забывать даже об одном способе почитания, нет ничего недостойного в том, чтобы почтить этот возвышенный элемент, являющийся источником существования человека и [определяющий] продолжительность его жизни; не следует сей высокий предмет мараить низменными помышлениями.

Как прекрасны слова шейха Шараф-уд-дина²: «Что может стать с человеком, который не удовлетворится лампой, когда зайдет солнце?» Всякое пламя рождается от этого источника Божественного огня (Солнца) и несет в себе отголосок его священной природы. Не будь огня и света — мы были бы лишены пищи и лекарств; наши глаза были бы лишены возможности видеть пламя Солнца — этот светоч верховной власти Господа.

В полдень того дня, когда Солнце достигает 19-го градуса Овна и весь мир объят этим светом, под его лучи выносят белый круглый сияющий камень, называемый на языке хинди *Сураджджкрант*. Затем к нему подносят клочок хлопка [ваты], и он загорается от раскаленного камня. Этот небесный огонь передается на попечение соответствующих людей. Зажигатели светильников, факельщики и домашние повара пользуются им для выполнения своих обязанностей; а когда год счастливо завершается, огонь зажигают вновь. Сосуд, в котором хранится «земной светоч», называют *агингир*, т.е. горшок для огня.

Существует также сияющий белый камень, называемый *Чандркрант*, который, будучи помещен под лучами Луны, источает воду.

Каждый вечер, за один *гхари*³ до заката, Его Величество спешивается, если он на коне, если же спит — его будят. Он откладывает монаршие регалии и приводит внешний вид в согласие со своим сердцем. Когда солнце заходит, слуги зажигают 12 белых свечей⁴ в двенадцати подсвечниках из золота и серебра и ставят их перед Его Величеством, в то время как певец исполняет прекрасные мелодии, держа в руке свечу, — поет разнообразные красивые песни, прославляющие Всевышнего, начиная и заканчивая молитвой с просьбой о продолжении сего благого правления. Его Величество придает особое значение прославлению и молитве и искренне просит Господа о возобновлении огня.

Невозможно в полной мере описать красоту и разнообразие форм свечей, подсвечников и абажуров и рассказать о мастерах, их сотворивших. Некоторые свечи весят 10 *манов* и более того и украшены разными рисунками; другие — одиночные, иные — из двух ветвей и более: они дают свет внутреннему зору. Его Величество придумал канделябр высотой около метра. Он увенчан еще пятью, каждый из которых украшает фигура животного. Белые восковые свечи длиной три метра и более специально отливают для этого светильника, а чтобы снимать с них нагар, требуется лестница. Кроме того, повсюду находятся светильники⁵, снаружи и внутри, что способствует яркому освещению. В первую, вторую и третью ночи лунного месяца, когда луна светит недолго, используют 8 фитилей⁶; с четвертой по десятую — убирают каждую ночь по одному, таким образом, десятой ночью, когда луна светит ярко, достаточно и одного; так продолжается до

пятнадцатой, а начиная с шестнадцатой и до девятнадцатой, добавляют каждую ночь один фитиль. Двадцатой ночью горит столько же фитилей, сколько и девятнадцатой; двадцать первой и двадцать второй — добавляют по одному; двадцать третьей ночью горит столько же, сколько двадцать второй; с двадцать четвертой до последней зажигают по восемь фитилей. На один фитиль отводится 1 *сер* масла и $\frac{1}{2}$ *сера* хлопка. В некоторых местах в светильниках горит жир вместо масла. Расход жира в них разный — в зависимости от фитиля.

Чтобы осветить лагерь тем, кто едет издалека, Его Величество приказал воздвигнуть напротив *дурбара* [места проведения собрания] шест высоту около 35 метров, который удерживают шестнадцать канатов; на верху шеста находится большой фонарь — *акас-дийя*⁷. Этот свет, заметный издалека, направляет воинов к царскому лагерю и помогает им найти свои палатки. В прежние времена, когда фонаря еще не было, все испытывали недостаток освещения и не могли найти дорогу.

В этом ведомстве задействованы *мансабдары*, *ахади* и другие. Содержание пешего воина никогда не превышает 2400 *дамов*, но никак не менее 80.

¹ Последователи Божественной веры [*дин-и илахи*].

² Этот известный святой умер в начале века. Мунаир — город в провинции Бахар, см. биографии индийских святых: Аин-и-Акбари, III. Его труды можно найти среди персидских текстов в Библиотеке Азиатского общества Бенгалии.

³ 1 *гхари* = 24 минутам.

⁴ [То есть восковых свечей. — Ф.]

⁵ Масляные светильники с несколькими фитилями, очень распространенные в Индии.

⁶ В каждом светильнике.

⁷ От *акас*, что значит «небо», и *дийя* — «лампа». *Акас-дийя* также упоминает Ф. Бернье.

АИН 19

ВЫСОЧАЙШИЕ РЕГАЛИИ

*Шамса*¹ на царской арке — это Божественный свет, который Аллах направляет напрямую правителям без помощи людей; и правители любят внешний блеск, так как они воспринимают его как отражение славы Всевышнего. Я упомяну о некоторых знаках, которые используют в настоящий момент.

1. *Ауранг*, или трон, бывает разной формы, некоторые инкрустированы драгоценными камнями, другие делают из золота, серебра и т.д. 2. *Чатр*, или зонт, украшен самыми дорогими камнями, и их [количество] всегда не менее семи. 3. *Сайябан* — [зонт] овальной формы размером около метра, а рукоять его, как у зонта, покрыта парчой и украшена драгоценными камнями. Один

из сопровождающих держит его, укрывая сидящего от солнечных лучей. Его также называют *афтабгир*. 4. *Каукаба* — несколько этих предметов подвешивают перед залом общих собраний.

Эти четыре предмета используют только высочайшие правители.

5. *Алам*, или знамя. Когда правитель выезжает, не менее пяти знамен несут вместе с *кур*² обернутыми алой материей. В дни празднеств и во время битвы их разворачивают. 6. *Чатртог* — это вид алама, но поменьше. Он украшен хвостами тибетских яков. 7. *Тумантог* — похож на *чатртог*, но длиннее. И то и другое — знамена самого высокого достоинства, а последний даруется только самым благородным людям. 8. *Джханда* — это индийский флаг.

Кур содержит флаги каждого вида, но в особо торжественных случаях выставляют все.

Из музыкальных инструментов, применяемых в *наккарахане*, я могу упомянуть: 1. *Куварга*, часто называемые *дамама*; таких около 18 пар. И они издают низкий звук. 2. *Накара* [наккара] — около 20 пар. 3. *Духул* — их используют четыре. 4. *Карна*³ изготавливают из золота, серебра, меди и других металлов, всегда играют не менее чем на четырех инструментах. 5. *Сурна* — персидского или индийского типа. Играют сразу на девяти инструментах. 6. *Нафир* — персидский, европейский и индийский. Играют на одном из этих типов инструментов. 7. *Синг* — делают из меди в форме коровьего рога. Играют одновременно на двух инструментах. 8. *Сандж*, или кимвалы, — используют три пары инструментов.

В прежние времена ансамбль играл за четыре *гхари* до наступления ночи, а также за четыре *гхари* до рассвета; теперь же они играют сначала в полночь, когда солнце только начинает восхождение, и во второй раз на рассвете. За один *гхари* до восхода солнца музыканты начинают играть на *сурнах* и пробуждают спящих. Через один *гхари* после восхода они играют короткое вступление, тогда они бьют немного в *куварга*, после чего дуют в *карна*, *нафир* и другие инструменты, не пользуясь, однако, *накарами*; после небольшой паузы снова звучат *сурны*, а время исполнять музыку указывают *нафиры*. Спустя час вступают *накары*, когда все музыканты исполняют приносящую удачу мелодию⁴. После этого они играют семь следующих мелодий: 1. *Мурсали* — это название мелодии, исполняемой на мотив *мурсил*; а затем *бардашит*, которая состоит из нескольких мелодий, и ее играет весь ансамбль. Это звучит вначале очень тихо, затем всё громче и потом затихает. 2. Исполняют четыре мелодии — *ихлати*, *ибтидаи*, *ширази*, *каландари нигар катра* или *нухад катра*⁵ и играют их в течение часа. 3. Исполнение старых⁶ хорезмийских мелодий. Таковых Его Величество написал более двухсот, они приносят радость всем от мала до велика, в особенности мелодии *джалалшахи*, *махамир каркат* и *наврузи*. 4. Возвышенное звучание кимвалов. 5. Исполнение мелодии *ба мийян давр*. 6. Переход к мелодиям *азфар*, также называемым *рах-и-бала*, после чего наступает тишина. 7. Хорезмийские мелодии исполняли на мотив *мурсил*, после чего переходили на *мурсали*, затем пауза, потом произносили благословения Его Величеству, во время которых весь ансамбль играл очень тихо. После этого начинали звучать

прекрасные высказывания и стихи. Это также продолжается около часа. Далее в течение часа играют исполнители на *сурнах*, после чего всё приходит к надлежащему завершению.

Его Величество обладает такими познаниями в музыке, какими не полагают даже опытные музыканты. Он и прекрасный исполнитель, особенно на *накарах*.

Мансабдары, *ахади* и другие задействованы в этом ведомстве. Месячное содержание пешего воина не превышает 340 *дамов*, но не менее 74.

¹ *Шамса* — это изображение солнца на воротах и стенах царских дворцов. Ночью эти изображения подсвечены.

² *Кур* — это совокупность флагов, оружия и других регалий, сопровождающих правителя, куда бы он ни направлялся.

³ Или *каррана* [по тексту — *карма*. — Ф.]

⁴ Вероятно, благословляя Его Величество.

⁵ Некоторые названия не ясны, и видимо, так и останется. Возможно, слова *ширази каландари* — «ширазский отшельник» относятся друг к другу. *Нигар катра* означает «узри слезу». [*Каландар* — это странствующий дервиш дикой наружности. — Ф.]

⁶ [По тексту — старых и новых. — Ф.]

АИН 20

ЦАРСКИЕ ПЕЧАТИ

Печати используют в трех¹ ветвях управления, в действительности же они необходимы каждому человеку в его делах². В начале настоящего царствования маулана Максуд, гравёр печатей, вырезал в форме круга на стальной поверхности почерком *рика* имя Его Величества и его знаменитых предков до Тимурланга, а потом изготовил подобную печать почерком *насталик* только с именем Его Величества. Для судебных дел изготовили печать иного вида, в форме *михраби*³, на которой вокруг имени Его Величества располагались следующие строки: *Расти муджиб-и риза-ий худа-и кас надидам ки гум шуд аз рах-и раст* — «Честность — это способ угодить Богу. Я никогда не видел ни одного человека, погибшего на прямом пути».

Тамкин сделал новую печать второго рода, а потом маулана Али Ахмад из Дели усовершенствовал обе. Маленькая круглая печать находится в обращении под чагатайским названием *узук* и используется для *фарман-и сабти*⁴, а большую такую печать, на которой вырезаны имена предков Его Величества, сначала использовали только в письмах к иностранным царям, а сейчас для того и другого. Для прочих нужд применяют квадратную печать с выгравированными словами *Аллаху Акбар джалла джаллаху*, тогда как совершенно особую печать используют в делах, связанных с гаремом. Для того чтобы ставить печать на *фирманы*, употребляют штампы разной формы.

Я упомяну о граверах печатей.

1. Маулана Максуд из Герата, один из слуг Хумаюна, который хорошо пишет почерками *рика* и *насталик*. Астролябия, глобус и различные *мистары*¹, которые он изготовил, привели в восхищение знающих людей. Покровительство Его Величества способствовало повышению его мастерства.

2. Тамкин из Кабула. Он обучался в родной стране и достиг такого совершенства в своем искусстве, что вызвал зависть предшествующего гравера, которого превзошел в *насталике*.

3. Мир Дост из Кабула. Он вырезает по сердолику как почерком *рика*, так и *насталиком*. Он не догнал предшествующих мастеров. Его *рика* лучше, чем его *насталик*. Он также умеет работать с металлами.

4. Маулана Ибрахим. В искусстве резьбы по сердолику он был учеником своего брата Шарафа из Йезда. Он превзошел старых граверов, и невозможно отличить его *рика* и *насталик* от шедевров, выполненных самыми лучшими каллиграфами. Он гравировал слова *лал джалала* — «великолепный рубин» на все ценные царские рубины.

5. Маулана Али Ахмад из Дели⁶, который, по словам всех каллиграфов, является до такой степени непревзойденным мастером-гравером по стали, что его граверные работы копируют. Его *насталик* великолепен, но он пишет так же хорошо и другими почерками. Он учился этому ремеслу у своего отца Шейх Хусейна, изучал манеру мауланы Максуда и превзошел всех.

¹ Соответствует тройному делению «Аин-и-Акбари».

² Слово *мухр*, печать, означает также штамп и главным образом подпись человека. Мы подписываем документы. Восточные люди ставят штампы со своим именем на документах. Восковую печать редко используют из-за [жаркого] климата и предпочитают липкую черную жидкость или сок ореха *бхела* (ореховое дерево называется *бхилава*).

³ Михраби называется фигура .

⁴ См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2. Аин 11.

⁵ Копировальщики берут кусок картона того же размера, что и бумага, на которой они пишут. Затем они рисуют две параллельные линии, каждая примерно в дюйме от двух вертикальных краев картона. Вдоль этих линий они делают маленькие отверстия с равными интервалами и натягивают струну от первого отверстия слева к первому отверстию с правой стороны картона. Подобным образом соединяют два следующих отверстия и т.д., следя, чтобы линии были параллельны. Это изобретение называется *мистар* от слова *сатар* — линия. Копировальщик затем кладет пустые листы на *мистар* и нажимает на них руками, так что струны оставляют на бумаге достаточно ясные следы, чтобы предупредить неровное письмо.

⁶ Низам из Герата в своем труде «Табакат-и-Акбари» упоминает его среди современных ему поэтов Персии и приводит несколько его стихов.

АИН 21

ФАРРАШХАНА

Его Величество видит [задачи] ведомства в заботе о превосходном месте для жилья, об укрытии от жары и холода, о защите от дождя, [оно] украшение королевского достоинства. Это ведомство было улучшено как по качеству, так и в количественном отношении, а особенно при введении нового стиля. Я упомяну о нескольких деталях как образцах для будущих исследований.

1. *Баргах* — сооружение, будучи большим, оно вмещает более 10 тысяч людей. Для того чтобы смонтировать его с помощью машин, требуется тысяча *фаррашей* и неделя. Там имеются обычно два столба для двери с закрепленными петлями. Если это простой *баргах* (т.е. без парчи, бархата или золотых украшений), то он стоит 10 000 рупий и больше, цена же с украшениями не ограничена. Цену прочих определяют в сравнении с ценой простого.

2. *Чубин равати* [*раоти*] устанавливают на 10 стойках. Они немного заглублены в землю и равны по высоте, за исключением двух, которые несколько повыше, так как на них находятся перекладки. Столбы имеют сверху и внизу *даса*¹, чтобы их крепить, и несколько балок, которые проходят сверху *даса* и перекладин, всё это туго скрепляется вместе с помощью хомутов, болтов и гаек. Стены и крыша покрыты циновками. Есть одна или две двери; и на высоте нижней *даса* имеется платформа. Внутри всё украшено парчой и бархатом, а снаружи ярко-красным холстом², всё это привязывают к стенам шелковым шнуром.

3. *До-ашияна манзил*, или двухэтажный дом, монтируемый на 18 столбах высотой 6 ярдов, которые поддерживают деревянную платформу, а в ней крепятся опоры по 6 локтей в длину с помощью болтов и гаек, образуя верхний этаж. Внутри и снаружи всё украшено, как было описано выше. Во время походов Его Величество использует это помещение как спальню, а также как место для богослужения, где он восхваляет Солнце, и следовательно, здание походит на человека, который служит Богу, не забывая свои мирские обязанности, и чей один глаз направлен к уединенным молитвам, а другой глаз — к пестрому *сара* мира. После того как молитвы окончены, разрешается прийти женщинам поприветствовать Его Величество, а потом и всем остальным. Во время поездок Его Величество, находясь в этом доме, проверяет продовольствие для слонов и верблюдов через окно, называемое *джхарока*³.

4. *Заминдоз* — это палатка, делается различной формы, иногда с одним, а иногда с двумя дверными проемами, внутри подвешивают завесы, тем самым создавая отделения.

5. *Аджайби* состоит из 9 навесов на 4 опорах. Пять из навесов — квадратные, а 4 — конусообразные, иногда их делают только с одним отделением, поддерживаемым одной опорой.

6. *Мандал* состоит из 5 тентов, соединенных вместе и поддерживаемых 4 шестью. 4 тента образуют уединенную комнату; иногда все 4 поднимают, или только одна сторона остается открытой.

7. *Ат-кхамба* состоит из 17 навесов, порой отдельных, порой соединенных вместе. Их поддерживают 8 шестов.

8. *Харгах* — складывающаяся палатка, изготовленная либо с одной, либо с двумя дверями.

9. *Шамияна* — тент. Делают разных размеров, но никогда более 12 квадратных ярдов.

10. *Каландари* — была описана раньше⁴.

11. *Сара-парда* — изготавливали из грубого холста, но Его Величество предложил сделать ее ковровой, улучшить вид и [расширить] использование.

12. *Гулабар* — деревянная ширма. Отдельные части крепят вместе подобно стенам *харгах* кожаными ремнями, так что ее можно складывать, когда лагерь снимется с места. *Гулабар* покрыт красной материей, скрепленной лентой.

КОВРЫ⁵

Его Величество приказал, чтобы ковры изготавливали разнообразными и хорошего качества. Он назначил опытных ткачей, которые создали много шедевров. *Гилимов* из Ирана и Турана больше нет, хотя торговцы всё еще привозят ковры из Гошкана, Хузистана, Кирмана и Сабзвара⁶.

Все умелые ткачи ковров поселились здесь и ведут широкую торговлю. Они есть в каждом городе, особенно в Агре, Фатхпуре, Лахоре. В царских мастерских только *гилимы* делались длиной 20 газов 7 *тассуджей* и шириной 6 газов 11 ¹/₂ *тассуджа* и ценой 1810 рупий, те же, которые изготовлены искусными мастерами, оценивают в 2715 рупий.

Такийя-намад, или шерстяные покрывала, привозят из Кабула и Персии, но их также делают и в этой стране.

Потребуется очень много времени, чтобы описать *джаджамы*, *шатринджи*, *балучи* и тончайшие коврики, которые выглядят как шелковые.

¹ Треугольное деревянное сооружение. Крепится в углу с помощью вертикальной балки и перекладки и составляет опору.

² [*Сакирлат* — возможно, ярко-красное широкое сукно. — Ф.]

³ [*Джхарока* — маленькое окно на верхнем этаже дворца, чтобы иметь обзор. — Ф.]

⁴ См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1. Аин 16. С. 320 наст. изд.

⁵ В тексте — *гилим*, что означает ковер без ворса.

⁶ Гошкан или Джошаган — город в *Ирак-и Аджами*, на полпути между Кашаном и Исфаханом. Хузистан — это провинция Ирана, столица — Шушгар или Шустар; древняя Сузиана. Кирман — столица иранской провинции Кирман, которая граничит с Белуджистаном. Сабзвар — один из главных городов иранской провинции Хорасан, между Машхадом (Мешхедом) и Каспийским морем.

АИН 22
АБДАРХАНА

Его Величество называет этот источник жизни «водой бессмертия» и поручил заботу об этом ведомстве верным людям. Он не пьет много, но уделяет этому вопросу большое внимание. Дома и во время поездок [падишах] пьет воду Ганга. Несколько надежных людей поставлены на берегах этой реки и отправляют воду в герметичных кувшинах. Когда двор находился в столице Агре и Фатхпуре, вода поступала из района Соруна¹, но сейчас², когда Его Величество находится в Пенджабе, воду доставляют из Хардвара. Для приготовления пищи используют дождевую воду или воду, которую берут из Джамны и Ченаба, смешивая немного с водой из Ганга. Во время поездок и охоты Его Величество из-за своей склонности к хорошей воде назначает опытных людей дегустаторами ее.

Селитру, которая в черном порошке образует взрывчатый жар, Его Величество использует как средство для охлаждения воды, и это — источник радости для великих и малых. Селитра — это соленая земля. Ею заполняют сосуд с отверстиями, некоторое количество воды льют сверху, и затем, собирая ту, что капает из него, кипятят ее, очищают и оставляют кристаллизаться. Один *сер* воды помещают в оловянную, серебряную или из любого другого металла посуду и закрывают. Затем $2\frac{1}{2}$ *сера* селитры помещают в сосуд вместе с 5 *серами* воды, и это смешивают в течение четверти часа, пока вода не станет холодной. Цена селитры колеблется от $\frac{3}{4}$ до 4 *манов* за рупию.

Начиная с 30-го года Божественной эры³, когда царские знамена появились в Пенджабе, стали использовать снег и лед. Лед доставляют по суше и по воде почтовыми колясками или носильщиками из района Панхан в северных горах примерно в 45 *косах* от Лахора. Торговцы получают значительную прибыль, поскольку 2-3 *сера* льда продают за рупию. Самая большая прибыль бывает, когда лед доставляют по воде, затем — повозками и наименьшая — когда доставляют носильщиками. Жители гор приносят его много и продают грудой, содержащей от 25 до 30 *серов*, по цене 5 *дамов*. Если им приходится нести издалека, это обычно стоит 24 *дама* и 17 *джеталов*, если расстояние среднее — 15 *дамов*.

Из десяти лодок, перевозящих лед, одна каждый день прибывает в столицу, каждой управляют 4 лодочника. Связки льда содержат от 6 до 12 *серов* в зависимости от температуры. Повозка привозит 2 груза. Существует 14 *перегонов*, когда меняют лошадей, и кроме того используют одного слона. Ежедневно доставляют 4 *сера*. При такой транспортировке 1 *сер* льда зимой стоит 3 *дама* 21 *джетал*, во время дождей — 14 *дамов* 20 *джеталов*, в промежуточный сезон — 9 *дамов* 21 $\frac{1}{2}$ *джетала*, а в среднем 5 *дамов* 15 $\frac{1}{2}$ *джетала*. Если лед доставляют носильщиками, то 28 носильщикам требуется 14 переходов. Они приносят каждый день один груз, содержащий 4 связки. В начале года лед стоит 5 *дамов* 19 $\frac{1}{2}$ *джетала*, в середине года — 16 *дамов* 2 $\frac{1}{2}$ *джетала* и в конце года — 19 *дамов* 15 $\frac{5}{8}$ *джетала* за *сер*, в среднем⁴ — 8 $\frac{7}{8}$ *дама*. Все слои общества используют лед летом, а знатные люди — круглый год.

¹ Ближайший населенный пункт от Агры на Ганге.

² Имеется в виду 1596 год. Так как в 1586 г. Фатхпур перестал быть столицей, Акбар жил в основном в Пенджабе.

³ 1586 год.

⁴ В тексте написано *сарасари* — что означает среднее, но цена, приведенная Абу-л Фазлом, не является средней. Цены на лед во времена Акбара можно сравнивать с ценой в настоящее время [в конце XIX века]. Сейчас в Калькутте 1 *сер* американского льда стоит 2 *анны*, или $\frac{1}{8}$ рупии, то есть $40 : 8 = 5$ *дамам*, как и во времена Акбара.

АИН 23 ЦАРСКАЯ КУХНЯ

Его Величество уделяет внимание данному ведомству и отдает множество мудрых предписаний по этому вопросу, и не может быть иначе, так как уравновешенность человеческой натуры, сила тела, способность получать внешнее и внутреннее благо, а также приобретение мирской и религиозной пользы — всё в конечном счете зависит от заботы о соответствующем питании. Это знание отличает человека от животных и ставит его на высокий уровень. Если бы Его Величество не обладал возвышенным умом, всеобъемлющим пониманием, такой вселенской добротой, он бы выбрал всецело путь уединения и отказался от сна и еды, и даже сейчас, когда он взял на себя мирское и духовное руководство людьми, вопрос: «Что приготовили сегодня на обед?» никогда с его языка не слетает. В течение суток Его Величество ест только один раз и останавливается, пока не наступило полное насыщение; никто не знает точного времени приема им пищи, но слуги всегда готовы к этому, и задолго до приказа подавать еду сотня блюд уже приготовлена. Пищу, предназначенную для женщин гарема, начинают приносить из кухни с утра, и длится это до ночи.

Надежных и опытных людей назначали в это ведомство, и все добрые служители двора были полны решимости хорошо выполнить любую службу, им порученную. Его главе помогал сам первый министр. Его Величество поручил последнему дела государства, но особо — этот важный участок. Несмотря на всё это, Его Величество не забывает о руководстве слугами. Он назначает усердного и честного человека *мир бакавалом*, или управляющим кухней, от чьего руководства ведомством зависит успех, и дает ему несколько честных людей в помощники. Есть также казначеи для выдачи денег и складов, и дегустаторы, и умный писец. Повара из разных стран готовят великое разнообразие кушаний из всех видов круп, овощей, мяса, а также растительного масла, сладкие и острые блюда. Каждый день готовят такие яства, какими знатные люди едва ли лакомятся на своих пирах, из чего вы можете сделать вывод об утонченности блюд, которые готовят для Его Величества.

В начале года подчиненные казначея составляют годовую смету и получают сумму; на мешки с деньгами и дверь склада накладывают печати *мир*

бакавала и писца, и каждый месяц следует точное описание расходов на каждый день, с подтверждением в этом с печатями двух служащих, когда их вносят в графу расходов. В начале каждого квартала *дивани буйутат*¹ и *мир бакавал* заготавливают то, что, как они думают, будет необходимо, например, *сухдас* — рис из Бхараиджа², рис *девзира* из Гвалиара, рис *джинджина* из Раджаори и Нимлаха, *гхи* из Хисар Фирузы; утки³, плавающая птица и овощи из Кашмира. Всегда держат образцы. Овец, коз, *бербери*⁴, домашнюю птицу, уток и проч. откармливают повара. Домашнюю птицу никогда не держат меньше месяца. Помещение для убоя скота находится вне города или лагеря и по соседству с рекой или водоемом, где мясо промывают, прежде чем посылать на кухню в мешках, запечатанных поварами. Там его еще раз промывают и кладут в котлы. Водоносы наливают воду из кожаных бурдюков в глиняный сосуд, который закрывают куском ткани и запечатывают, и вода в нем отстаивается до того момента, когда ее нужно будет использовать. Выбирают место и для кухонного огорода: там всегда есть свежие овощи. *Мир бакавал* и писец определяют цену каждого компонента пищи, подписывают дневную книгу, сметы, квитанции о передаче, список выплат для слуг и т.д. и каждое дело просматривают. Людей с плохим характером, болтливых, незнакомых никогда не принимают [на службу], и не оказывают гостеприимства без обеспечения личной безопасности, и здесь недостаточно [только] личного знакомства.

Пищу подают в посуде из золота и серебра, камня и керамики. Некоторые блюда находятся под присмотром *бакавали*. Во время приготовления пищи и когда ее выносят открывают навес, и наблюдатели удаляются. Повара засучивают рукава, подбирают подол своей одежды и стоят наготове. Повар и *бакавал* пробуют пищу, после чего ее пробует *мир бакавал*, и затем ее кладут на блюда. Золотые и серебряные блюда завязывают в красную материю, а медные и китайские — в белую. *Мир бакавал* запечатывает их и пишет названия яств, в то время как служащий кладовой пишет на листе бумаги список всех сосудов и блюд, который он отправляет внутрь опечатанным *мир бакавалом*, и никакое блюдо уже невозможно подменить. Блюда несут *бакавали*, повара и другие слуги идут впереди, чтобы предупредить людей, дабы они не приближались. Слуги из кладовой посылают в это же время в сумках, содержащих печать *бакавала*, разные сорта хлеба, блюда с творогом поставлены на них, и на подносах — маленькие тарелочки с соленьями, лимонами, свежими имбирем и зеленью. Слуги дворца еще раз пробуют пищу, расстилают столовую скатерть и приготавливают тарелки, и спустя некоторое время, когда Его Величество начинает обедать, слуги садятся напротив его в ожидании; первую долю — для дервишей кладут отдельно, когда Его Величество начинает пить молоко или есть творог. После обеда он начинает молиться. *Мир бакавал* находится в ожидании. Блюда убирают согласно списку. Некоторые еще держат наготове, если вдруг их придется подавать.

Медную посуду чистят два раза в месяц; то, что для принцев, — один раз; то, что ломается, отдают меднику, который делает новую.

¹ Главный интендант складов, мастерских и т.д.

² Бахраич.

³ [Каз — гусь, а не утка. — Ф.]

⁴ [Возможно, дикая коза. — Ф.]

АИН 25

О ХЛЕБЕ

Это относится к рассказу в предыдущей главе (о пище). Хлеб изготавливают в пекарне. Существует большой хлеб¹, выпекаемый в печи, для него берут 10 *серов* муки, 5 *серов* молока, $1\frac{1}{2}$ *сера* *гхи*, $\frac{1}{4}$ *сера* соли. Выпекают также маленькие хлебы. Тонкий хлеб пекут на железном листе. Из одного *сера* их получается 15 и даже больше. Есть несколько способов выпечки. Один из них — *чапати*, [эти изделия] иногда делают из *хушкá*, они вкусны, пока горячие. Из одного *мана* пшеницы выходит $\frac{1}{2}$ *мана* тонкой муки, 2 *сера* грубомолотой муки и отруби; если не требуется тонкая мука, то пропорции будут другие.

¹ [Возможно, большая плоская лепешка. — Ф.]

АИН 26

ДНИ ВОЗДЕРЖАНИЯ (СУФИЙАНА)¹

Его Величество употребляет мало мяса и часто сам объясняет причину этого. Действительно, из-за невежества и жестокости люди стремятся ранить живые существа и готовы убить их и съесть, хотя много другой пищи. Никто, кажется, не имеет глаз для природной красоты, чтобы предотвратить жестокость, но сам делает могилы для животных. Если бы Его Величество не нес груз мира на своих плечах, он бы сразу и полностью прекратил есть мясо, а сейчас его намерение — перестать есть его постепенно, подчиняясь, однако незначительно, духу времени. Его Величество воздерживался от мяса какое-то время по пятницам, а затем — и по воскресеньям; сейчас же — в первый день каждого солнечного месяца, по воскресеньям, во время солнечных и лунных затмений, в дни между двумя постами, в понедельник месяца *раджаб*², в праздничный день каждого солнечного месяца, в течение всего месяца *фарвардин*³ и в течение месяца, когда Его Величество родился (т.е. месяц *абан*).

Когда же число дней поста в месяц *абан* стало равным числу лет Его Величества, несколько дней месяца *азар* также стали днями поста. В настоящее время пост растягивается на целый месяц. Этот срок по благочестивым мотивам ежегодно увеличивается на 5 последних дней года. Все вместе они удлиняют пост, но делают меньше продолжительность поста в другие месяцы. Всякий раз, когда длинные посты заканчиваются, первые мясные блюда поступают из покоев Мириам-макани, затем от других бегим, а также от принцев и знати.

В этом ведомстве служат знатные особы, *ахади* и другие. Плата пехотинца варьируется от 100 до 400 *дамов*.

¹ [Жизнь по законам суфиев. — Ф.]

² Акбар родился 5 *раджаба* 940 г.х., в воскресенье. Это соответствует 15 октября 1542 г. В понедельник месяца *раджаб* соблюдались посты, потому что воскресенья уже были включены в число постных дней. Последователи Божественной веры постились в течение месяца от собственного дня рождения.

³ *Фарвардин* соответствует февралю — марту (или марту — апрелю). *Абан* соответствует октябрю — ноябрю.

АИН 31

ГАРДЕРОБ (ОДЕЖДА)¹ И СКЛАДЫ ДЛЯ ТЮФЯКОВ

Его Величество уделяет много внимания различным вещам, поэтому иранские, европейские и монгольские предметы одежды имеются в изобилии. Искусные мастера и ремесленники поселились в этой стране, чтобы обучить людей наиболее совершенным способам [их] производства. В царских мастерских Лахора, Агры, Фатхпура, Ахмадабада и [области] Гуджарат изготавливают множество прекрасных творений прикладного искусства, а изображения и рисунки, бахромы и разнообразие фасонов, которые сейчас в обиходе, удивляют бывалых путешественников. Его Величество и сам в короткое время достиг теоретического и практического знания ремесел в целом, и благодаря заботе, дарованной им, прилежные мастера этой земли вскоре усовершенствовали свое искусство. Все виды ткацкого ремесла и работа с шелком были доведены до совершенства, и в царских мастерских стали производить все те ткани, которые обычно привозили из других стран. Пристрастие к тонким тканям с этих пор стало повсеместным, и они, используемые во время празднеств, превосходят всякое описание.

Все предметы, которые были куплены или изготовлены по приказу или получены как подношение или подарки, заботливо сохраняются; и в том же порядке, в каком сдавали на хранение, их снова вынимают для осмотра, или предлагают их порезать, или подремонтировать, или вновь подарить кому-то. Вещи, которые поступают одновременно, размещаются в соответствии с их ценой. Опытные слуги постоянно узнают цены вещей, как прежние, так и в настоящее время, так как знание точной цены способствует увеличению запасов, даже если цена падает. Так, изделие знаменитого Гияс-и Накшбанда можно сейчас купить за 50 *мухров*, при том что раньше оно было продано вдвое дороже этой суммы, а многие другие вещи подешевели до десяти тридцатых или даже десяти сороковых². Его Величество также приказал, чтобы люди определенных рангов надевали соответствующие одеяния, и это также было сделано для того, чтобы отрегулировать спрос на одежду.

Я не стану много говорить об этом, но некоторые подробности о вещах, носимых Его Величеством, заслуживают внимания.

1. *Такаушия* — это халат индийского образца без подкладки. Раньше он имел разрезы на полах и завязывался с левой стороны. Его Величество распорядился, чтобы его шили закругленным внизу и завязывали с правой стороны³. На него требуется 7 ярдов и 7 *гирихов*⁴ ткани и 5 *гирихов* для обшивки. Цена изготовления такого халата варьируется от 1 до 3 рупий. Но если верхняя часть халата украшена вышитым орнаментом, то цена будет от 1 до 4 ³/₄ рупии. Кроме того, требуется *мискаль* шелка.

2. *Пешиваз* — открытый спереди халат. Он того же покроя, но завязывается спереди. Иногда его изготавливают без завязок.

3. *Дутахи* — халат с подкладкой, для которого требуется 6 ярдов 4 *гириха* для верха, 6 ярдов на подкладку, 4 *гириха* для обшивки, 9 *гирихов* для каймы. Стоимость изготовления такого халата — от 1 до 3 рупий. При этом требуется 1 *мискаль* шелка.

4. *Шах-аджида* — царский стеганный халат. Его также называют *шастхатт* (60 рядов), так как он имеет 60 декоративных стежков на *гирихе*. Обычно у него двойная подкладка, а иногда его подбивают ватой и простегивают. Стоимость составляет 2 рупии за ярд.

5. Для *сузани* требуется четверть *сера* хлопчатой ткани и [на] 2 *дама* шелка. Если он сшит стежками *бахия*⁵, цена будет 8 рупий, если же шьется стежками *аджида* — он будет стоить 4 рупии.

6. *Калами* — на его изготовление требуется ³/₈ *сера* хлопка и [на] 1 *дам* шелка. Стоимость изготовления — 2 рупии.

7. *Каба*, сейчас называется *джама-ий пумба-дар* — это халат на вате. Для него требуется 1 *сер* хлопка и 2 *мискаля* шелка. Цена — от четверти до 1 рупии.

8. *Гадар* — этот халат шире и длиннее, чем *каба*, и толще подстеган ватой. В Хиндустане он выполняет роль меховой шубы. Для него требуется 7 *газов* ткани, 6 ярдов подкладки, 4 *гириха* для обшивки и 9 — для каймы, 2 ¹/₂ *сера* хлопка, 3 *мискаля* шелка. Стоимость — от половины рупии до полутора.

9. *Фарджи* — не имеет обшивки и открыт впереди. Некоторые люди пришивают к нему пуговицы. Его надевают поверх *джамы* (халата), и на его изготовление требуется 5 *газов* 12 *гирихов* ткани, 5 *газов* 5 *гирихов* подкладки, 14 *гирихов* каймы, 1 *сер* хлопка, 1 *мискаль* шелка. Цена — от четверти до 1 рупии.

10. *Фаргул* похож на *япанджи*⁶, но более удобный и привлекательный. Его завезли из Европы⁷, но теперь все его носят. Шьют из разных тканей. Для него требуется 9 *газов* 6 ¹/₂ *гириха* ткани, такое же количество подкладки, 6 *мискалей* шелка, 1 *сер* хлопка. Он может быть одинарным или двойным. Цена — от половины до 2 рупий.

11. *Чакман*⁸ шьют из широкого куска сукна, или шерстяной ткани, или вошеной ткани. Его Величество сшил такой из вошеной ткани *дараи*, очень легкой и красивой. Дождь не проникает сквозь нее. Для него требуется 6 *газов*

ткани, 5 *гирихов* обшивки и 2 *мискаля* шелка. Цена халата, сшитого из сукна, — 2 рупии, из шерсти — $1\frac{1}{2}$ рупии, из вошеной ткани — $\frac{1}{2}$ рупии.

12. *Шальвар* (штаны) — шьют из всех видов тканей, однослойные или двойные и на вате. Для них требуется 3 *газа* 11 *гирихов* ткани, 6 *гирихов* для подогнутого края, через который пропускается тесьма, 3 *газа* 5 *гирихов* на подкладку, $1\frac{1}{4}$ *мискаля* шелка, $\frac{1}{2}$ *се́ра* хлопка. Стоимость — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ рупии.

Существуют разновидности каждого из этих одеяний. Мне бы потребовалось очень много времени, чтобы описать *чи́ра*, *фавта* и *дупатта*⁹ или те дорогие одежды, что надевают по праздникам или которые носят сейчас вельможи. На каждое время года шьют тысячу полных комплектов одежды для царского гардероба, а сто двадцать комплектов в 12 узлах хранят всегда наготове. Будучи безразличным ко всему мирскому, Его Величество носит шерстяные¹⁰ вещи, особенно платки; и я должен отметить как очень любопытный знак благоприятия, что одежды Его Величества подходят всякому, будь то человек высокого роста или низкого, — факт, который удивляет многих.

Его Величество изменил названия многих предметов одежды и придумал новые¹¹. Вместо *джама* (халат) он говорит *сарбгати* — покрывающий всё тело, вместо *изар* (кальсоны) он говорит *йяр-пирахан* (товарищ халата), *нимтана* (куртка) он называет *танзеб*, *фавта* — *патгат*, *бурка* (покрывало) — *читрагупита*, *кулах* (шапка) — *сис собха*, *муйи-бафа* (лента для волос) — *кесган*, *патка* (одежда для поясицы) — *катзеб*, *шала* (шали) — *пармнарм*, вместо ...¹² — *пармгарм*, вместо *капардхура* (тибетская ткань) — *капурнур*, вместо *пайафзар* (туфли) — *чарндхарн*...

¹ В тексте дано слово *каркираг*, которое встречается три раза в этом разделе. Значение — одежда.

² Мы бы сказали, что цены стали меньше на 66% или даже на 75%.

³ Халаты, которые и сейчас носят инду́сы и мусульмане, по форме напоминают домашний халат (нем. *shlafrock*), но прилегают к талии. Там халат завязывается. Мусульмане завязывают на левой стороне, а инду́сы — на правой. В восточных частях Бенгалии многие мусульмане переняли старую индийскую традицию и носят нешитую одежду из целого куска муслина (*чадар*).

⁴ В «Аин-и-Акбари» не указано, сколько *гирихов* или *ярдов* содержит *газ* портного. Возможно, 16 *гирихов* = 1 *газу*, который является обычной мерой длины в современном соотношении с ярдом. Для других соотношений см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1. Аин 87, 89. Персидское слово *гирих* произносится в Индии как *гирах*.

⁵ *Бахия* (по-индийски — *бахийя*) — это то, что женщины называют внутренним швом (строчкой). *Аджида* — это петельный шов. Во всяком случае такое значение *бахия* и *аджида* имеют сейчас. *Сузани* — название, которое в тексте перенесено на халат, — это вид вышивки, напоминающей наши «атласные стежки» (гладь). Его используют для изображения листьев, цветов и проч. на тканях, листья ложатся

свободно и красиво, поэтому мы часто видим технику *сузани* на ковриках, коврах и т.п. Сами ковры также называют *сузани*. Этот термин иногда используют в словарях как синоним для *сузани-чикин*, но это то, что мы называем «белой вышивкой».

⁶ Халат, который надевают в дождливую погоду.

⁷ Этимология этого слова мне не известна. Названия многих видов одежды, которые сейчас в ходу в Индии, португальские: *сайя* — нижняя юбка, *фита* — лента. Среди других португальских слов в Индии ныне распространены следующие: *падри* — священник, *гирджа* — церковь (португальское *igreja*), *коби* — капуста (португальское *couve*), *чаби* — ключ (португальское *chave*).

⁸ Этого слова нет ни в одном словаре, и потому гласные здесь под сомнением. У Вуллерса дано слово *часпан*.

⁹ Для тюрбанов использовали ткани разных образцов.

¹⁰ Упомянув практику суфиев, которые носили одежду только из шерсти (*суф*), Абу-л Фазл часто пытался представить Акбара как суфия высокого уровня, обладавшего даром волшебства, и заявляет далее, что имел намерение написать книгу о чудесах Акбара. Обвинения в неискренности при восхвалениях часто адресовались Абу-л Фазлу, хотя более подходили Файзи, который, подобно поэтам Римской империи, представляет императора как Бога, как можно видеть в его поэтических отрывках из второй книги. Но похвалы двух братьев бросают особый свет на личность Акбара, который принимал самые высшие восхваления с благодушием.

¹¹ [Этот] абзац замечателен тем, что он показывает склонности Акбара к индийским названиям.

¹² В рукописи стоит непонятное слово. В рукописи Бенареса стоит слово *пардак фиранг*, или европейский пардак (?).

Меры веса

1 мискаль — ок. 4,25 г

1 сер — ок. 900 г

1 ман — ок. 36 кг

Меры длины

1 танаб — от 56 до 60 газов, т.е. ок. 54 м

1 газ — ок. 90 см

1 гирих — ок. 5,5 см

1 тассудж — ок. 3,5 см

Денежные единицы

1 ана (анна) — $\frac{1}{16}$ рупии

1 дам — $\frac{1}{40}$ рупии

1 джетал — $\frac{1}{25}$ дама

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас султан Узбек** 139, 141, 288
Аббас, хан 249, 250
Абд-ал-азиз-хан, Шейбанид 143, 144, 289
Абд-ал-Баки, маулана, садр 133, 141, 161, 198, 210
Абд-ал-Ваххаб, шейх 22, 246
Абд-ал-Ваххаб Ауджи 146, 290
Абд-ал-ваххаб 67, 133, 153, 154, 173
Абд-ал-Джаббар Шейх 98
Абдалла-хан Истаджлу 59
Абд-ал-Кадир 178, 281, 297
Абд-ал-кадр 210
Абдал Кука 166, 189
Абд-ал-Латиф 281
Абд-ал-лах, маулана (Мир Абд-ал-лах) 177, 195, 210, 276
Абд-ал-лах из Султанпура 189
Абд-ал-лах Могол (Мугал, Мугул), мирза 38, 120, 130, 135, 149, 285
Абд-ал-лах Султан 125
Абд-ал-лах-хан из Турана, см. Убайд-ал-лах-хан Шейбанид
Абд-ал-лах-хан Узбек, Шуджаат-хан 146, 209, 281, 285
Абд-ал-Макри 33, 34
Абд-ал-фаттах Куркирак 63
Абд-ал-Хай, садр (Мир Абд-ал-Хай) 40, 42, 63, 168, 195, 210, 236, 237, 241, 312
Абд-ал-Халик 82
Абд-ал-Хамид 309, 315
Абд-ар-Рахим-хан Хан-ханан 281
Абд-ар-рахман 108
Абд-ар-Рашид, сын Саид-хана 139, 197
Абд-ас-Самад (Ходжа Абд-ус-самад) 62, 147, 162, 210, 265
Абд-ас-сами 171
Абдулла Ниязи, шейх 8, 9
Абдул Хак 302
Абу Али ибн Сина 257
Абу Машар Джафар ибн Мухаммад ибн Умар ал-Балхи (ок. 786–886) 293
Султан **Абу Саид** мирза, сын Султан Мухаммад мирзы, Тимурид (1427–1469; прав. 1452–1469) 293
Абу Саид Пурани 246
Абу-л Касим, см. Ибрахим мирза
Абу-л Касим (Мир Абу-л Касим Джурджани, Джорджани) 30, 63, 210
Абу-л Касим Халфа 59
Абу-л Касим Кухбур 109
Абу-л-маали, см. Шах Абу-л-маали
Абу-л Музаффар Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар, см. Акбар
Абу-л Фазл Аллами, сын шейха Мубарака Нагори (1551–1602) 5–7, 9–16, 19, 106, 188, 217, 243, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 271, 273, 274, 275, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 330, 336
Абу-л Файз Файзи (Абу-л Файз ибн Мубарак Нагори Файзи Файза-зи) (1547–1595) 9, 336

- Абу-л-фатх султан Афшар** 60
- Абу-л Хайр** 23, 24
- Абу-л Хайр-хан** 288, 289
- Абу-л Хасан**, садр (Мир Абу-л Хасан) 24, 25
- Абу-л Хусейн бек**, сын Карача-хана 80
- Аваз-хан** 189
- Авис Султан** 102
- Аггей** 11
- Адам** (Адам Сафи) 10, 243
- Адам-хан Кийам Хани** 222
- Адил султан**, сын Махди султана 64, 266
- Адил-хан**, сын Шер-шаха 202
- Адина Тукбай** 177
- Адхам мирза**, сын Део мирзы 60, 264
- Адхам-хан**, сын Махам Анаги 27, 69, 235
- Азад**, маулана 235
- Хан Азам мирза Азиз Кокалташ** (Азиз Кока) 18–9, 69, 245
- Азари** (Джалал-ад-дин Хамза) 235, 309
- Азия** 321
- Ак султан**, Хасан Даулат султан 90, 108, 119, 162, 166, 272, 280, 294
- Акбар** (Акбар-шах) 5–6, 9–16, 17, 18, 21, 25–27, 41, 65, 68–69, 70–71, 76, 86, 92, 94, 95, 97, 103, 104, 105, 108, 109, 116, 117, 119, 122, 123, 128, 138, 145, 146, 150, 155, 157–159, 161, 163, 165, 170, 173, 176–178, 180–181, 183–184, 185–186, 194, 195, 198, 200–201, 205, 207, 214–215, 216–218, 220–221, 225–226, 227, 230, 235–238, 239–244, 247, 248, 249, 252, 255, 257, 260, 268, 269, 273, 274, 276, 278, 280, 281, 282, 285, 288, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 303, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 312, 313, 319–336
- Акил султан Узбек** 64, 266
- Султан Ала-ад-дин Хилджи** 30, 249
- Алавал-хан** 33, 251
- Алаи**, шейх 8, 9
- Алам Шейх** (Алам Шах) 189, 235
- Аланква** (Алангоа) 10
- Ала-уд-даула Самнани** (Симнани) 56, 262
- Алауд-д-дин** 281
- Александр**, см. Искандер
- Али ибн Абу Талиб**, зять пророка Мухаммада 8, 254, 289, 305
- Али Акбар**, отец Хамиды Бану, см. Баба Дост
- Али Ахмад** 325, 326
- Алибек Зульфикаркуш** 61, 265
- Али Дост Барбеги** 66, 133, 192, 267
- Али Кули Андараби** 101, 125, 183, 198, 209, 211, 282
- Али Кули Курчи** 120
- Али Кули султан (хан)** 128, 131, 135
- Али Кушчи** 277
- Низам-ад-дин Али Халифа** Маргинани (Ходжа Халифа), сын Джунаида 107, 108, 146, 198, 296
- Али Кули**, сын Хайдара Шайбани (Али Кули-хан Шейбани, Хан Заман) 60, 73, 74, 91, 200, 209, 211, 214, 221, 223, 224, 236, 245, 269
- Али Кули Углы** 108
- Али Мухаммад Асп** 166, 189, 299
- Али султан Чулак** 60, 260, 264
- Али Султан Таклу** 72

- Алунджа-хан**, см. Яфис
- Амани**, мир 99, 175, 274
- Амир Аллах Дост** (Мир Аллах Дост) 22, 246
- Амир бек** 43
- Амир Хосров Дехлеви**, см. Хосров Дехлеви
- Амир Шахи** 55, 261
- Антонова К.А.** 6, 305
- Ануширван** 308
- Аристотель** 104
- Ариф-ал-лах** 223
- Ариф бек** 195, 210
- Ариф Тушакчи Бахар хан** (Бахар Хан Мухаммад Асгар) 67, 268
- Асам-ад-дин Ибрагим** 122, 178, 280
- Мухаммад **Аскарн мирза**, сын Бабура (1516–1558) 7, 22–27, 37, 40, 42, 43, 68, 69, 72, 73, 75, 77–82, 87, 88, 98, 100, 103, 135, 136, 137, 140, 148, 149, 158, 162, 163, 167, 247, 248, 253, 254, 271, 287, 294, 295
- Афзал-хан** 210, 212, 236
- Ахмад**, сын Мирза Кули 291
- Ахмад бек** 101
- Ахмад-и Джам** 12, 55
- Султан **Ахмад мирза**, сын Абу Саида, Тимурид (прав. 1452–1469) 302
- Ахмад Сирхинди** 15
- Ахмад султан Алаш Агли Истаджлу** 61
- Ахмад султан Шамлу** 42, 43, 55, 60, 260
- Ахмад-хан** 222, 284
- Ахмад-хан Сур**, см. Сикандар-хан Сур
- Ахмад Ясави** 66, 267
- Ашраф-хан** 210, 211, 236
- Баба Билас** (Балас) 186, 298
- Баба** (Баби) Джуджак 131, 158, 189
- Баба Дост** 177, 295, 296
- Баба Дост Бакши** ясавал 40, 65, 74, 157
- Баба Дост Ходжа Хизр Мусафари** 218, 304
- Баба Кашка** (Кушка), Могол 73, 87, 128
- Баба Саид Кибчак** 112, 152, 157, 166, 189, 190
- Баба Сихринди** 73
- Баба Хизари** 183
- Бабур**, см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур
- Бабус** (Бапус) бек 75, 76, 82, 90, 91, 92, 102, 115, 125, 126, 133, 135, 148, 195, 209, 214, 269, 282, 284
- Бадаг-хан Каджар** 60
- Бадар-хан Истаджлу** 59
- Бадауни**, шейх 246, 249, 253, 267, 271, 276, 294, 296, 300, 301, 303, 304, 309, 312, 315
- Байрам бек** 60
- Байрам Углан** (Оглан) 142, 288
- Мухаммад **Байрам-хан** Хан-ханан (ок. 1510–1561) 23, 24, 25, 48, 56–57, 59, 64, 75, 76, 79, 81, 87, 88, 89, 96, 107, 118, 169, 170, 171, 198–201, 208, 209, 211–215, 220, 221, 226, 240, 247, 253, 263, 270, 271, 272, 274, 280, 282, 285, 288, 292, 301, 302, 304, 305
- Байсункар мирза Адили**, сын Султан Махмуд мирзы (?–1499) 296
- Баки бек** 210
- Баки Иргу** 120

- Баки Мухаммад** 146
- Баки Салих** 114
- Баки-хан** 276
- Бакши Бану**, дочь Хумаюна (Бакши Бану бегим) 69, 164, 266, 268, 276, 293–294
- Балту султан** (бек, хан) 135, 140, 146, 212
- Бапус**, см. Бабус
- Барандук Султан** 289
- Барка**, мир Сайид Барка 79, 90, 103, 111, 112, 140, 152, 161, 171, 276
- Бах**, раджа 190
- Бахадур**, сын Хайдара Шайбани 60, 74, 91, 200
- Бахадур-хан** 101, 109, 135, 152, 166, 171
- Бахлул**, шейх (Бухлул) 66, 101, 145, 152, 182, 267
- Бахрам мирза**, сын Исмаила Сефевиди 57, 59, 263, 264
- Бахши Бану**, см. Бакши Бану
- Баязид**, маулана 104, 123, 178, 281
- Баязид** (Абу Йазид ал-Бистами) 56, 162
- Баязид Султан**, Баязид, биограф Хумаюна 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 279, 280, 281, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 298, 299–300, 303, 304, 305, 312, 313, 315
- Беверидж Г.** 6, 15, 268, 305, 315
- Бек Бабаи** 153, 157, 292
- Бек Кока** 109
- Бек Мухаммад Ишик Ака** (ага), ахтабеги 210, 222
- Бекаси** (мулла Би) 237, 309, 312
- Бернье Ф.** 323
- Биби Конор** (Гунавар) 293
- Биби Мубарика** 297
- Биби Фатима** 167
- Бидаг-хан Каджар** (Шах Будаг-хан) 85–88, 146, 147, 154, 189, 235, 271, 299
- Биджли-хан** 222
- Билкис-макани**, см. Шахр Бану бегим
- Бир** (Пир, Малик Бир) 188, 298
- Блохманн Г.Ф.** 259, 264, 267, 291, 315
- Будаг-хан**, см. Бидаг-хан Каджар
- Бухлул**, шейх, см. Бахлул
- Бхайя Пуран Мал**, см. Пуран Мал
- Ваис Кибчак** (Султан Ваис) 132, 287
- Султан Ваис мирза** (Хан-мирза, Мирза-хан), третий сын Султан Махмуд мирзы, Тимурид (?–1521) 136
- Ваис султан** 54
- Вайси** (Амир Вайси) 230
- Ваккас султан** 143
- Валад бек** 97, 109, 275
- Валад Касим бек** 101
- Вали бек** 305
- Вали бек Зулкадр** 200, 213, 217, 246, 301, 304
- Вамбери А.** 259, 285, 310, 315
- Васудева** 14
- Вишну** 12
- Гавриил**, см. Джибрил
- Газанфар Кока** 247
- Гази-хан** 35
- Гази-хан Сур** 205, 224
- Гален** 294

- Галиб-хан** 189
- Гиппократ** 294
- Гити-ситани Фирдус-макани** (Завоеватель мира, ожидающий в Раю), см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур
- Гияс-ад-дин**, мулла 223
- Гияс-ад-дин Джамшид** 277
- Гияс-и Накшбанд** 333
- Голдсמיד Ф.** 262, 315
- Гулам Али Шашангайт** 192, 238, 299
- Гульбадан бегим**, дочь Бабура 246, 248, 267, 270, 272, 273, 278, 280, 283, 286, 288, 290, 291, 293, 294, 295, 296, 305, 308, 312, 315, 321
- Гульчехра** (Гульчихара) бегим, дочь Бабура 139, 288
- Гурган**, см. Тимур
- Дава бек Хазара** 80, 89
- Далу Касим**, брат Валад бека 175
- Даниил** 11
- Даниял**, сын Акбара 321
- Дара Шикох** 277
- Даулат Кадам** 294
- Даулат Султан**, см. Ак султан
- Даулат Ходжа** 228
- Дашаратха** 12
- Деваки** 14
- Део мирза** (султан) 60, 264
- Дервиш Максуд Бангали** 65
- Джабай Бахадур** 67
- Джагатай Султан** (Султан Джагатай) 99
- Джай Бахадур Узбек** 23, 25, 247, 254
- Джалал-ад-дин бек** 22, 76, 114, 279
- Джалал-ад-дин Махмуд** 277
- Джалал-ад-дин Миран Шах** (Миран Шах султан), сын Тимура (1368–1408) 265
- Абу-л-Музаффар Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар** (1543–1605), см. Акбар
- Джалал-ад-дин Пурани** 246
- Джалал-ад-дин Руми, Маулави** 123, 281
- Джалал-хан Сур** (Салим-хан, Ислам-хан, Ислам-шах), сын Шерхана (прав. 1545–1554) 8, 9, 30–31, 188, 189, 190, 193, 201–206, 250
- Джамал-ад-дин Мухаммад Юсуф** 33
- Джамиль бек** 73, 90, 91, 114, 269
- Джамшид** из Мерва (Джамшед) 37, 63, 253
- Джан Мухаммад Тукбай** 177
- Джанибек султан** 281, 288, 289
- Джаранда** 174
- Джарретт Г.С.** 294, 315
- Джаухар Афтубчи** (Михтар Джаухар) 67, 214, 247, 263, 266, 267, 268, 272, 276, 280, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 292, 293, 295, 305, 310, 313, 315
- Джафар бек** 101, 102
- Джафар султан** (Джафар-хан), сын Каззак султана 255, 257
- Джахан Шах**, сын Кара Юсуфа 264
- Джахан Шах мирза** 60
- Джаханбани Джаннат-ашияни**, см. Хумаюн
- Джахангир Кули бек** 65, 267
- Джахангир мирза**, сын Омар Шейха, Тимурид (1485–1508) 136
- Джахангир**, см. Салим
- Джахи Ятман** 302

Джибрил (Джабраил, архангел Гавриил) 11

Джиджи Анага 17–19, 27, 69, 245

Джоги-хан 166, 188, 190

Джуджак мирза (Джуджук) 142, 197

Джунаид бек Барлас, см. Султан Джунаид Барлас

Джучи, старший сын Чингиз-хана (1185(4)–1224) 7

Дилдар Агаче бегим (Дилдар бегим) 76, 288

Дин Мухаммад 289

Диндар бек 164, 293

Дост Мухаммад 153, 291

Дуган бек (Туган) 101, 102, 275

Дунду, Фатех(Фатх)-хан
Читахбан 217, 304

Зайн-ад-дин (Рухн-ад-дин)
Махмуд Камангар 199, 301

Зайн-ад-дин султан Шамлу 60

Зайн-ал-абидин 188, 252

Зайн-хан Кока (Кокалташ) 65

Замин-ад-дин султан Шамлу 75

Заратуштра, Зороастр 13, 14, 15

Захария 11

Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Тимурид (1483–1530) 7, 8, 29, 57–58, 64, 66, 67, 80, 82, 85, 88, 100, 110, 111, 120, 136, 175, 188, 192, 219, 228, 232, 234, 246, 247, 249, 252, 253, 259, 262, 263, 266, 270, 271, 272, 274, 278, 279, 282, 283, 284, 286, 288, 294, 296, 297, 305, 308, 312, 315

Зийа ад-Дин Нахшаби 6

Зия-ад-дин Барани 249, 315

Зороастр, см. Заратуштра

Зохах 12

Зульфикар 265

Ибн Араби (Абу Баقر Мухаммад бек Али Аш-шайх ал-акбар Мухий-ад-дин Ибн ал-Араби) (1165–1240) 263

Ибн Хишам 10, 11

Ибрахим, гравер 326

Ибрахим мирза (Абу-л Касим), сын Камрана мирзы 14, 70, 71, 238, 269, 312

Ибрахим мирза, сын Сулеймана мирзы 38, 76, 83, 92, 120, 124, 126, 127, 128, 132, 133, 134, 137, 140, 141, 148, 154, 156, 162, 164, 171, 268, 284, 293, 297

Ибрахим Ишик Ака 66, 98

Ибрахим Лоди, сын Султан Искандера Лоди (прав. 1511–1526) 7

Ибрахим Султан, сын Хумаюна 197, 295

Ибрахим Сур 203, 205, 224, 305

Ибрахим-хан Узбек 220

Иди Рина 34

Илиас, маулана (мулла) 63, 210

Иль Мирза 142

Имам Кули Курчи (Имам Кули Шигали) 97, 274

Иосиф 11, 14

Иса (Иисус Христос) 7, 10, 11, 12, 13, 14, 245

Исайя 11

Исахак султан (Исхак) 131, 148, 284, 291

Искандер (Александр Македонский) 45, 46, 104

Искандер султан 111, 135, 218

Искандер Султан, сын Султан Саид-хана 33, 251

Искандар-хан 146, 211

Ислам-шах (Салим-шах),

см. Джалал-хан Сур

Исмаил бек Дулдай (Исмаил Кули бек Дулдай) 80, 88, 114, 125, 126, 130, 198, 209, 211, 220, 269

Исмаил Куз 112, 279, 282

Исмаил Сефеви, шах (прав. 1502–1524) 7, 8, 59, 151, 255, 260, 263, 264

Исмаил II Сефеви 255

Исмаил, сын Мухаммад-шаха 33

Исмаил султан 74–75

Йакуб (Якуб) (библ. Иаков) 119, 280

Йусуф (Юсуф) (библ. Иосиф) 119, 194, 280

Кабули-хан (Кабул) 10, 143

Кадази-аркани (Оплот чистоты), см. Хамида Бану

Кадам Арбаб 120

Каззак султан (Каззак-хан) 47, 50, 257, 258

Казим Али Бакши 265

Казим Бурхан 66

Казизаде Руми 277

Казим Хамид 191

Кайкаус 94

Кай-Кубад (Кайкубад) 94

Кайкубад, сын Насир-ад-дина 301

Какар Али 136, 210

Кала Пахар 218

Калидаса 10, 12, 13, 14

Камал-хан, сын Султан Саранга 188, 249

Камал Дуби 35, 252

Камал-ад-дин Мухибб Али Халифа, см. Мухибб Али Халифа

Камал-ад-дин Шах Кули бек 45

Камбар Али Сахари 162, 293

Камбар Али бек Дивана 222–224, 236, 312

Камран мирза, сын Бабура (?–1557) 7, 14, 22, 28, 29, 32, 36–39, 64, 65, 68–73, 74–77, 82–84, 87–93, 96, 100, 105–108, 110–115, 116–121, 124, 125, 128–137, 140, 141, 143–149, 150–158, 160–163, 166, 167, 168–170, 172–174, 177, 182, 183, 187–197, 238, 253, 268, 269, 270, 272, 273, 275, 278, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 291, 294, 295, 299, 300, 311

Кандук султан (Кундук-хан) 210, 236

Каниш бегим 197

Канса 14

Кара Бахадур 35, 252

Кара бек (Карабек) 199

Кара султан Шамлу 45

Кара Юсуф Туркмен, Кара Коюнлу (?–1420) 264

Карача бек (Карача-хан) (?–1552) 38, 80, 91, 95, 98, 101, 103, 111, 112, 115, 118, 120, 121, 124–126, 129, 134, 138, 144, 146, 150, 152, 157, 158, 161, 162, 281, 283, 285, 291, 293

Касим Бирлас (Барлас, Берлас) 38, 82, 90, 91, 113, 150, 157

Касим Джанги (Чанги) 136, 276

Касим Кахи (Абу-л Касим Кабули) 241, 303, 313

Касим Мухлис (Махлас) Тарбати 76, 90, 114, 210, 223, 270

Касим Султан, Шейбанид 246, 280

Касим Хусейн-хан Шайбани 118, 135, 271, 280

Касим Хусейн султан (Касим Хусейн-хан Узбек), Тимурид 23, 79, 127, 128, 146, 152, 157

- Качал Истаджлу** 60
Качи Чак 32
Качули Бахадур (Каджули) 10, 11
Кей-Хосров 12
Кидук Султан 166
Кир, см. Хусрав
Кистан Кара султан 142, 288, 289
Катиби Руми, см. Сиди Али Реис
Кичик (Кичак) **Ходжа** 210
Коки Бахадур 26, 27, 248
Конолли А. 261
Кочак Гичаки 136
Кришна 12, 14, 15
Кундук-хан, см. Кандук султан
Курбан Каравалбеги 68, 125, 134, 285
Курчи-баши Афшар 59
Кутб-ад-дин Айбак 281
Кутб-ад-дин Джаланджу 62, 265
Кутб-ад-дин Ширази, мулла 266
Кутб-хан 250
Кутб-хан Сур, сын Шер-хана 281
Джалал-ад-дин Кутлук (Катлак)
Кадам Караул 166, 294
Кучбек, сын Султан Ахмад Караула 104
Лаванг Балуч 98
Лал-хан Бадахши 210
Латиф мирза 236
Латифи Сахринди (Латаф-ал-лах) 101, 133, 146
Лашкари, сын Султан Адама 249
Лука 10, 11, 12
Маджнун (Меджнун) 123
Маджнун Какшал 154
Майядева 12
Макдум бек Кока 152, 157, 287
Максуд, см. Ходжа Максуд
Максуд курчи 166
Максуд мирза (бек) **Ахтабеги** 60, 75, 136
Малдео (Мал Део) 30, 250
Малик Али 127, 128, 282
Малик Бир, см. Бир
Малик Даулат Чак 35
Малик Калан 188
Малик Кид 188, 298
Малик Мухаммад 166, 183
Малик Пилу 298
Малик Санги 183
Малик Сулеман 282
Малик Хаст Асад 299
Малик Хати Балуч 40
Мансур Юсуфзай, сын Малик Сулейман шаха 282
Мария 11, 13, 14
Марко Поло 278
Маст Али Курчи 164, 293
Матфей 10, 11
Маулави, см. Джалал-ад-дин Руми
Маулана Касим Кануни 51
Махам Али Кули-хан 183
Махам Анага (Ага, Беги) 17, 26, 27, 69, 76, 235, 240, 248
Махам (Махим) **бегим**, жена Бабура, мать Хумаюна (?–1533) 275
Мах Джуджак бегим 197, 222, 300, 301, 305
Махди Касим-хан (Ходжа Касим Махди) 23, 193, 247

Махди султан (Махди-хан) 112, 128, 266, 283

Махлас Кабузи 136

Махмуд мирза Гурган 252

Махрам Кока 64

Мехтар Сумбул (Сунбул) **Сафдар** (Сабдал)-хан (Михтар Сумбул) 14, 67, 114, 117, 154, 292

Мир Абд-ал-лах кануни 79, 210

Мир Абд-ал-Хай, см. Абд-ал-Хай

Мир Ала-ул-Мулк 293

Мир Али Балуч 82

Мир Араб (Мухаммад Араб) 132, 133, 284

Мир Газнави, см. Шамс-ад-дин Мухаммад

Мир Гани 210

Мир Джамал 177

Мир Джан бек 147

Мир Дост 326

Мир Каландар 81

Мир Кали 220, 304

Мир Китабдар, мулла 121

Мир Латиф 128, 222

Мир Мунн 210

Мир Муртаза 54

Мир Мухаммад Джалабан 66, 267

Мир Мухаммад Мунши (Мир Мунши) 135, 136, 147, 291

Мир Мухсин 210

Мир Тахир 79

Мир Тулак 285

Мир Халадж, см. Халадж

Мир Назар Али 82

Мир Саид Али 147

Мир Сайид Али 97, 155, 210

Мир Хабаш 169

Мир Хазар Тешкани 82

Мир Халифа, см. Али Халифа

Мир Хонд (Мир-хонд) 230

Мир Хурд 156, 239, 295, 296

Мир Хусейн 54, 67

Мир Шариф 147

Мирак, шейх (Мирак Пурани) 246

Мирак бек Туркмен 131, 138

Миран Шах султан, сын Тимура, см. Джалал-ад-дин Миран Шах 61

Мирдад Джувини 260

Мирза бек Балуч 67

Мирза Бек Барлас (Бирласу) 101, 102, 120

Мирза Касим 57, 263

Мирза Кули 101, 153, 290, 291

Мирза Кули Джалаир 101

Мирза Ниджат 153, 209

Мирза Хасан-хан 79, 152, 209

Мирза Шах султан 161, 214, 293

Мирза-хан (Хан-мирза), см. Ваис мирза

Мириам-макани, см. Хамида Бану

Мискин 236

Михей 11

Михр Нуш, см. Ханзада бегим

Михтар Вакила 67, 108

Михтар Васил 67, 108

Михтар Джаухар, см. Джаухар

Михтар Кара 199

Михтар Сакаи (Фархат-хан) 153, 154, 211, 214, 225, 239, 292

- Михтар Сахбака** 162
- Михтар Таймур Шарбатан** 67, 239
- Михтар Фахир Тушакчи** 67
- Михтар-хан** 67, 236
- Мохан Лал** 259, 261, 316
- Муайид бек Дулдай** (Муайяд бек, Муйид бек) 80, 87, 270
- Мубарак Нагори**, шейх, отец Абу-л Фазла 9, 250
- Мубарак-хан** 212
- Мубариз бек** 131, 284
- Мубариз-хан**, см. Мухаммад Адил
- Музаффар Кока** 98
- Музаффар Тупчи** 32
- Муиз-ад-дин Хусейн** калантар 53
- Муин-хан Фаранхуди** 211
- Муйид бек** 93
- Мукаддам бек Кока** 93, 273
- Муким-хан** 81, 224
- Мулк Мухаммад** 108
- Мулк Мухтар** 211
- Мулла Мабталай Ауджи** 112
- Мулла Хайрати** 63, 266
- Мулул**, бек (Мулак) 183, 193, 196, 235, 311
- Мунаввар бек**, сын Нур бека 80
- Муним-хан** 79, 102, 125, 130, 131, 135, 140, 144, 146, 147, 152, 158, 187, 191, 193, 195, 198, 200, 207, 235, 253, 275
- Мунши Садасук Лал** 307, 308
- Мурад**, сын Акбара 253, 299, 321
- Мурад мирза**, сын Тахмаспа 60, 61
- Мурад Ходжа** 228
- Муса** (библ. Моисей) 245, 263, 290
- Мусахиб бек**, сын Ходжа Калан бека 91, 95, 106, 114, 115, 118, 125, 129, 130, 131, 134, 138, 146, 150, 152, 209, 220, 239
- Мухаммад** (ок. 570—632) 8, 10, 11, 12, 13, 15, 43, 254, 255, 278, 289, 305
- Мухаммад Адил** (Мубариз-хан) 203—206
- Мухаммад Али Тагай** (Мир Мухаммад Али) 88, 101, 104, 108, 109, 272, 275
- Мухаммад Амин** 154, 210
- Мухаммад бек**, конюший 62
- Низам-ад-дин Султан Мухаммад Бахши** (Бакши) 109
- Мухаммад бек Китабдар** 61
- Мухаммад бек Туркмен** 120, 223
- Мухаммад Камран мирза Кухдами**, см. Камран мирза
- Мухаммад Касим** (Касим-хан) 113, 213, 279
- Мухаммад Касим-хан Мауджи** 66, 101, 114, 115, 128, 143, 146, 275
- Мухаммад Кули-хан Барлас** (Бирлас) 125, 128, 129, 131, 140, 166, 200, 209, 220, 239
- Мухаммад Кули мирза** 142
- Мухаммад Кули Шейх Каман** 133
- Мухаммад Кули Шейх Туркмен** 146, 290
- Мухаммад Мурад мирза** 82
- Мухаммад Султан мирза**, сын Султан Ваис мирзы, Барлас 36, 139
- Мухаммад Султан**, внук Султан Хусейна 79, 126, 139, 270, 282
- Мухаммад Тахир-хан** 171, 177, 297
- Мухаммад Фарук**, сын Бабура 197, 207

Мухаммад Хаким, сын Хумаюна, брат Акбара 282, 288, 299, 300, 305

Мухаммад Халифа 60

Мухаммад Хан бек Туркмен 152

Мухаммад Хусейн (Ходжаги Мухаммад Хусейн) 113, 279

Мухаммад Шейбани-хан (Шайбани, Шайбак-хан, Узбек) (1451–1510) 7, 266, 269, 284, 285, 298

Мухаммад-хан 284

Мухаммад-хан Джалаир 81, 101, 146, 153, 182, 209, 211

Мухаммад-хан Сур 205, 206

Мухаммад-хан Туркаман (Туркмен) 101, 143, 290

Мухаммад-хан Шараф-ад-дин Угли Таклу 44–53, 54, 55, 60, 145, 199, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 290

Мухаммад-шах, правитель Кашмира 33, 251

Мухаммади мирза 60, 75

Муhib6 Али Халифа, сын Али Халифы (Муhib6 Али-хан) 146, 177, 198, 296

Мухтарим 284

Навиди (Ходжа Заин-ал-Абидин) 92, 273

Надим Кока (Кокалташ, Кукельташ) 24, 88, 109

Назари 156, 292

Назр Шейх Чули (Туркистани) 236, 240, 312

Назук-шах 32, 34, 251, 252

Насиб Раммал 131, 132

Насиб-хан 211, 212

Насир Кули (Амир Насир Кули) 177, 231

Насир мирза, сын Омар Шейха, брат Бабура (1487–1515) 253, 279

Насир-ад-дин Мухаммад Хумаюн, сын Бабура, отец Акбара (1508–1556), см. Хумаюн

Насир-ад-дин Туси 266

Насир-ад-дин Ходжа Абдаллах (Убайд Аллах) **Ахрар** (Ходжа Ахрар) (?–1498) 276

Насир-ад-дин, отец Кайкубада 301

Низам-шах 263

Низам-ад-дин, историк 249, 250, 251, 252, 255, 270, 273, 276, 279, 280, 281, 284, 285, 293, 295, 300, 306, 316, 326

Низам-ад-дин Али Халифа, см. Али Халифа

Низами 6, 178

Низам-хан Сур 203

Низари 302

Никудар 258

Нур-ад-дин Мухаммад Тархан 63, 66

Нур бек 80, 270

Нурм Кока 174, 295

Нух (библ. Ной) 10

Омар (Умар) **Шейх мирза**, сын Абу Саида, Тимурид, отец Бабура (1455–1494) 253, 279, 280

Пайанда Хан Мугул 246, 305

Пайанде Султан бегим 266

Пахлан Аштар 108

Пахлан Дост Мир Барра (мир барр) 113, 137–138, 196, 235

Паянда Мухаммад Вайси 22, 246

Пешрау-хан 236

- Пир Мухаммад ахта** 143, 153, 213, 291
- Пир Мухаммад** из Рохтака 222
- Пир Мухаммад-хан**, Шейбанид 120, 121, 124, 132, 136, 142, 143, 144, 147, 281, 287, 288, 289, 291
- Пиран** 12
- Прайс** 304, 307
- Пуран Мал**, раджа 30, 249
- Раверти Г.** 254, 255, 262, 299, 316
- Рай Хусейн Джалвани** 223
- Рама** 12, 13, 14, 15
- Рана Санга** (Санка) **Мевари** (Рана Санграм Сингх) (прав. 1509–1528) 188
- Сайид **Рафи-ад-дин Сафави** 249
- Рафи** (Рафик) **Кока** 75, 124
- Рахман Кули-хан** 189
- Рашид-ад-дин** 10
- Султан **Рашид-хан**, сын Султан Саид-хана, Чагатаид 146
- Риё Ч.** 260, 316
- Роджерс С. Дж.** 252, 310, 311, 315
- Рошан Кока** (Рушан) 59, 64, 130, 267
- Рукн-хан** 223
- Руми-хан Халаби**, см. Устад Азиз Систани
- Рустам** 254
- Рустам-хан** 222
- Рух-ал-лах** (Масиху-д-дин Рухул-ла) 140, 228, 306
- Саадат Ходжа** 228
- Саади** 250, 300, 313
- Сабдал-хан**, см. Мехтар Сумбул
- Садр-ад-дин Сафи** 265
- Саид бек** 149
- Саид-хан**, см. Султан Саид-хан Кашгари
- Саид-хан**, сын Султан Саранга 188
- Саиф-хан**, сын Ходжа Максуда 65
- Сайид Али**, см. Мир Сайид Али
- Сайид Ахмад** 310
- Сайид Мухаммад Кали** 66
- Сайид Мухаммад Пакна** (Шер Мухаммад) 66, 133, 141, 143, 192, 268
- Салах-ад-дин** (Салхади) 249
- Салим** (тронное имя Джахангир), сын Акбара 248, 253, 281, 304, 305, 313, 315, 321
- Салим-хан**, см. Джалал-хан Сур
- Салих дивана** 189, 299
- Салье М.А.** 252, 315
- Сам мирза**, Сефевид (?–1567) 57, 59
- Самандар**, мир 138, 287
- Саманджи Каргуджи** (Кургуджи) 177, 296
- Санги Ата** (Баба Санку) 301
- Санджаб султан Афшар** 60
- Санджар мирза**, см. Султан Санджар Барлас
- Сани** (Сани-хан) 177, 296
- Сафи Вали султан** 61, 265
- Сахиб Каран Кутбу-д-дунья ва-д-дин** Амир Тимур Гурган, Сахиб Карани (Кирани), см. Тимур
- Сиавуш** 12
- Сиди Али Ренс**, Катиби Руми, Чагатай-хан 235, 308, 309, 310, 312
- Сикандар-хан Сур** (Ахмад-хан) 203, 205, 208, 214, 218, 220, 225, 240, 304, 305

Сикандар-хан Узбек 196, 208, 209, 212, 213, 220, 221

Сим, см. Шам

Сирдар бек (Сардар бек), сын Карача бека (хана) 115, 134

Сиундак (Сундак) султан 59, 264

Сиддхартха (Будда) 12

Стюарт Ч. 293, 295, 301, 315

Сулейман мирза, сын Султан Ваис хана, Чагатаид 37, 38, 76, 82, 83, 86, 97, 100, 101, 102, 103, 110, 119, 120, 124, 126, 128, 132, 135, 137, 140, 141, 144–149, 154, 156, 162, 164, 167, 224, 268, 270, 271, 274, 275, 284, 286, 294

Султан Адам Гхаккар (Гакхар) 29, 187, 188, 190, 191, 208–209, 249, 298

Султан Али Афшар 60

Султан бегим, жена мирзы Аскари 27, 248

Султан Ваис бек 147

Султан Джалал-ад-дин, см. Хизр-хан

Султан Джунаид Барлас (?–1540) 111, 113, 253, 279

Султан Ибрахим Лоди, см. Ибрахим Лоди

Султан Кули Атка 119

Султан Кули Курчи-баши 60, 264

Султан Масуд мирза, сын Султан Махмуд мирзы, Тимурид (?–1498), 266

Султан Махмуд мирза, Тимурид 297

Султан Мухаммад Бахши, см. Мухаммад Бахши

Султан Мухаммад Каравалбеги 67

Султан Мухаммад мирза Худабанда, сын Тахмаспа 54, 60, 255

Султан Мухаммад Фаврак (Фавак) 101, 182

Султан Мухаммад-хан 290

Султан Саид-хан Кашгари, Чагатаид 33, 139

Султан Салим, см. Салим (Джахангир)

Султан Санджар Барлас, сын Султан Джунаида Барласа 39, 111, 113, 253

Султан Саранг Гхаккар (Гакхар) 29, 188, 249, 298

Султан Сикандар 252

Султан-и-Хисар, см. Шах Мухаммад Султан Хисари

Султан Хусейн бек Джалаир 144

Султан Хусейн мирза, сын Мансура, Тимурид 64, 246, 266, 270, 280, 282

Султан Хусейн-хан 101, 146, 182, 210

Султан Хусейн Кули Шамлу 60

Сумбул-хан, см. Мехтар Сумбул

Тадж-хан 222

Тадж-хан Лоди 249

Тадж-ад-дин Махмуд 177

Тамар Али Шигали 125, 127, 128

Тамарташ (Тамар Таш) 166, 189

Тамкин 326

Тарди бек, сын бека Мирака 131

Тарди Мухаммад Джанг Джанг 113, 114, 128, 139, 213

Низам-ад-дин Тардибек-хан, брат Кучбека 23, 25, 125, 128, 129, 134, 135, 144, 146, 195, 209, 211–213, 221, 224, 236, 238, 247, 311

Тарсун Барлас 23

Тарсун мирза 120

Татар бек 54, 261

Татар-хан 188, 206, 212, 214, 222

Татар-хан Каши (Искандер султан Кузак) 208, 303

Татар-хан Сарангхани, Хан-и Джахан 249, 298

Тахамтан мирза, сын Део мирза 60, 264

Тахджи бек 157

Тахир Мухаммад 156, 239

Тахмасп I Сефеви, шах (1514–1576) 8, 43, 44, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 97, 101, 102, 199, 254, 256, 257, 259, 260, 263, 265, 270, 271, 276, 284, 286, 290

Тахчи Беги 135

Темучин, см. Чингиз-хан

Амир Тимур Гурган (Тамерлан) (1336–1405) 7, 10, 11, 61, 137, 141, 200, 201, 249, 265, 276, 299, 301–302, 325

Тимур Джалаир 72

Тимур Таш 177

Тувачи Беги 135

Тулак Кочин (Каучин, Кучин) 102, 136, 154

Тулак-хан Курчи 81, 210

Тулак Ятишнавис 67, 268

Тумана-хан (Тумэн-хан, Тумбинай-сечен) 10

Турк (Яфис Оглан) 10

Убайд-ал-лах-хан бахадур-хан, Шейбанид (прав. 1533 (факт. 1510)–1539) 74, 269, 286, 289

Укин Углан 143

Улугбек мирза, сын Мухаммад Султан мирзы (Улуг мирза) 36, 76, 79, 87, 88, 89, 97, 107, 109, 139, 270

Улугбек Мухаммад Тарагай, сын Шахруха (1394–1449) 104, 276, 277, 281

Улуг мирза, внук Мухаммад Султана 282

Улуг бек, сын Халхал султана 200

Умар Шейх мирза, см. Омар Шейх мирза

Умид Агаче 253, 279

Устад Азиз Систани, Руми-хан 226, 306

Устад Шах Мухаммад 51

Устад Юсуф Маудуд 51

Фагхали, маулана 230

Фазиль бек 103, 104, 109

Фазайл бек 79

Фарид Шер-хан (Шер-шах) **Сур** (прав. 1540–1545) 7, 8, 28, 29, 30, 33, 188, 202, 204–205, 249, 250, 264, 267, 298, 310, 311

Фаридун (Траэтона) 12

Фаридун-хан 140, 288

Фаррух Фал 222

Фарханг-хан 292

Фархат-хан, см. Михтар Сакаи

Фатах Уллах бек 130

Фатима, дочь Мухаммада 321

Фатима бегим Урду Беги 276

Фатх Шах Афган 187

Фахри Джахан бегим, тетка Бабура (Фахир Джахан, Фахр Джахан) 293

Фахри Ниса, дочь Хумаюна 301

Фирдоуси 6, 12

Фиришта, историк 249, 250, 251, 252, 263, 269, 278, 285, 288, 294, 306, 316

Фируз-хан, сын Салим-хана Сура 203

Фируз шах Туглак 249

Хабиба, дочь мирзы Камрана 272, 294

Хабил-хан 206, 212

Хаджи бегим (Бега бегим), жена Хумаюна 311

Хаджи Мухаммад Асас 278

Хаджи Мухаммад Кока (Коки), сын Баба Кашки (Кушки) 43, 59, 60, 61, 64, 73, 87, 88, 91, 101, 111, 112, 113, 119, 126, 127, 128, 129, 131, 133, 134, 139–141, 144, 146, 152, 154, 155, 160–162, 165, 166, 168–171, 246, 271, 280, 283, 298, 301, 305

Хаджи Мухаммад Систани 200, 240, 301

Хаджи Юсуф 189, 195, 299

Хадиджа 321

Хадиджа Султан бегим, тетка Бабура 284

Хайбат-хан Ниязи 202

Хайдар мирза, сын Султан Хусейна мирзы 266

Мухаммад **Хайдар Гурган мирза** Дуглат, сын Хусейн Гургана (?–1551) 28, 31, 32–35, 36, 138, 251, 252, 269, 284, 287, 289, 303, 306, 316

Хайдар Дост Могал (Мугал) **Канджи** 125, 164, 293

Хайдар Касим бек Кохбар 152

Хайдар Кули бек Шамлу 213

Хайдар Мухаммад Ахтабеги (Хайдар Мухаммад-хан ахтабеги) 66, 89, 101, 136, 146, 172, 198, 209, 221, 224, 267, 290, 291, 305

Хайдар Мухаммад Чули 128

Хайдар султан Шайбани 60, 73, 74, 75, 88, 90, 91, 264, 269, 280

Хаким Санаи 308

Хаким Хакани (ок. 1121–1199) 287

Халадж (мир Халадж) 72

Халдин Дост Сахари 146, 177, 290

Халик Барди 124

Халифа, см. Али Халифа

Халхал султан 200

Хамдам Кока 300

Хамида Бану бегим, мать Акбара 12, 13, 24, 42, 61, 62, 64, 65, 67, 89, 95, 128, 276, 296, 321, 332

Хамид-хан Лоди, Хасанхайль, Сарангхани 249

Ханджар бек 195, 210

Ханзада бегим, дочь Омар Шейха, сестра Бабура 69, 76, 77, 79, 81, 82, 89, 272

Хан Заман, см. Али Кули

Хан-мирза, см. Ваис мирза

Ханум бегим, жена Камран мирзы 82

Ханум, дочь Сулейман мирзы 167

Харам (Хуррам) **бегим**, жена Сулейман мирзы 83, 271, 294

Хасан Абдал 28, 85, 248

Хасан Ахта 157, 163

Хасан мирза 171

Хасан Али Ишик Ака 65, 66, 267

Хасан Али Харас 296

Хасан бек Таклу 256

Хасан Даулат султан, см. Ак султан

Хасан Кока (Хасан бек) 43, 59, 64

Хасан Кули Ака 119

Хасан Кули султан Мухрдар 134–135, 141, 286, 287, 288

- Хасан султан Шамлу** 60, 265
Хасан-хан Сарвани 33
Хати Каккар 249, 298
Хафиз 123, 207, 255, 281, 303
Хафиз Дост Мухаммад Хафи 51, 258
Хафиз Максуд 120
Хафиз Мухри 136
Хафиз Сабир Как 51, 54, 258
Хафиз Султан Мухаммад Рахна (Рухна) 67, 136, 268
Хафи-хан 250, 271
Хашим бек 39
Хему (Химу, раджа Викрамадитья) 203–206, 302, 311
Хизр-хан Сур, сын Мухаммад-хана 112, 206
Хизр-хан Хазара 68, 69, 80, 107, 114, 209, 211, 213, 236, 272, 279
Хизр Ходжа-хан (Хизр-хан, Султан) 80, 112, 114, 135, 146, 166, 171, 198, 209, 236, 270, 272, 283, 290, 294
Абу-н-насир Мухаммад Хиндал мирза, сын Бабура (1519–1551) 7, 28, 37, 38, 76, 83, 90–92, 97, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 118, 120, 121, 126, 129–131, 135, 137, 140, 141, 144, 146–149, 154, 156, 160, 162, 166, 171, 172–175, 176–177, 185, 272, 274, 280, 283, 288, 290, 296
Джалал-ад-дин Хиндубек Кучин (Каучин, Амир Хиндубек) 230
Хирад Заргар, мулла 129
Хисам-ад-дин, сын Мир Халифы 107, 108
Ходжа Абд-ал-лах, см. Абд-ал-лах, маулана
Ходжа Абд-ал-лах Ансари 55
Ходжа Абд-ал-Маджид 210
Ходжа Абд-ал-Мулк 231
Ходжа Абд-ал-Халик 91
Ходжа Абд-ас-Самад, см. Абд-ас-Самад
Ходжа Абд-ул-бари 210
Ходжа Абд-ул-гани 56
Ходжа Абу-л Касим 210
Ходжа Абу-л Макарим 285
Ходжа Амбар Назир 24, 67, 88, 216
Ходжа Амин-ад-дин Махмуд 65, 211, 267
Ходжа Ата-ул-лах 210
Ходжа Ахрар, см. Насир-ад-дин
Ходжа Абдаллах
Ходжа Баг 142
Ходжа Гази 65, 118, 125, 140, 141, 171, 199, 266, 281
Ходжа Джалал-ад-дин Махмуд 40, 88, 134, 139, 147, 152, 167, 169, 185, 191, 239, 253, 254, 271
Ходжа Джалал-ад-дин Мирза бек 231
Ходжа Джахан Амин 288
Ходжа Дост Хованд (Ходжа Камал-ад-дин Дост Хавенд, Хавинд) 79, 140
Ходжа Заин-ал-Абидин, см. Навиди
Ходжа Ибрахим Бадахши 174, 177
Ходжа Ихтияр 168
Ходжа Калан бек (Ходжа-и Калан, Ходжа Килан бек), сын мауланы Мухаммад Садр-ад-дина 32, 91
Ходжа Камал-ад-дин Хусейн 136
Ходжа Касим Буйутат (бийутат) 140, 158, 164, 281

Ходжа Касим Махди, см. Махди Касим-хан

Ходжа Касим Махлас (Мухлис) 143, 222

Ходжа Касим Тула 125, 281

Ходжа Латиф Уллах 231

Ходжа Максуд (Ходжа Максуд Али) 64, 140, 241, 267, 325, 326

Ходжа Мирза бек 140, 147, 288

Ходжа Муаззам (Муаззам султан), брат Хамиды Бану 24, 64, 73, 74, 75, 91, 93, 101, 103, 104, 109, 139, 199, 200, 209, 212, 218, 220, 226, 276, 304

Ходжа Муин 103, 276

Ходжа Мусафири, см. Баба Дост
Ходжа Хизр Мусафири

Ходжа Мухаммад Амин Канг 147

Ходжа Мухаммад Муман 193

Ходжа Насир-ад-дин Али 147

Ходжа Низам-ад-дин Али Халифа, см. Али Халифа

Ходжа Нур (Нура) 121, 303

Ходжа Падшах 210

Ходжа Султан Узбек 289

Ходжа Султан Али (Афзал-хан) 141, 147, 158, 288, 292

Ходжа Султан Мухаммад Рашиди 103, 104, 276

Ходжа Хаванд (Хонд) Махмуд (Ходжа Нур) 37, 91, 103, 276

Ходжа Хаджи 34, 35

Ходжа Халифа, см. Али Халифа

Ходжа Хасан Агтар 231

Ходжа Хиджри из Джама 313

Ходжа Хусейн 38, 194, 195, 198, 210, 236, 241, 253, 300, 313

Хонд-е Мир (Хондамир, Гияс-ад-дин бен Хумам-ад-дин Хондемир) (1475–1536) 228, 306, 307, 308, 316

Хос-хан 202, 302

Хосров (Хусрай) Дехлеви 301

Худа Дост 115

Хумаюн, Джаханбани Джаннат-ашияни 7, 8, 9, 12, 13, 14, 20, 21, 23–24, 25, 27, 28, 31, 32, 34, 36, 38–44, 45–67, 68, 71–73, 74–75, 77–83, 85, 86, 88–92, 94–99, 100–104, 106, 109, 110–115, 116–121, 122, 124–126, 127–138, 139–149, 150–159, 160–164, 165–167, 168–171, 172–175, 176–178, 180–181, 182–183, 185–186, 187, 191–197, 198–201, 206, 207–209, 211–212, 214–215, 216–224, 225–226, 227–233, 234–236, 238, 240–242, 246, 247, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 311, 312, 313

Хурд (Хурд Заргар), мулла, см. Мир Хурд 175

Хур Шах 254

Хусейн бек 102

Хусейн Кули мирза 42, 43, 264

Хусейн Кули султан (-хан), мухрдар, Хан Джахан 102, 131, 141, 145, 146, 157, 217, 141, 145, 146, 157, 217, 290, 292, 304

Хусейн Макри, сын Абд-ал-Макри 34

Хусейн Саид Бай 142

Хусейн-шах 250

Хусрав (Хосров, Кир) 58, 59

- Хусрау** 102, 276
- Хусру-шах** (Хусрау) **Туркестани, Кипчак** 110
- Чагатай-хан**, см. Сиди Али Реис
- Чакар-хан** (бек) 132, 137, 147–149, 287
- Чалма бек**, Кука, Хан Алам 43, 112, 195, 255, 279, 300, 311
- Чалмерс** 253, 294, 300
- Чалпи бек** 152
- Чандрагупта II Викрамадитья** 302
- Чингиз-хан** (1155(63)–1227) 7, 10
- Чули Бахадур** 42, 109, 254
- Чучак** (Джуджак) **бегим** 276
- Шад Бегим** 266
- Шаджаат-хан** (Саджавал-хан) 205
- Шайбак** (Шайбани)-хан,
см. Мухаммад Шейбани-хан
- Шайхам Ходжа Хизри** 125, 130, 283
- Шам** (библ. Сим) 10
- Шамс-ад-дин Али**, кази Кандагара 74
- Шамс-ад-дин Али султан** 56, 62
- Шамс-ад-дин Мухаммад-хан**
Атга (Атка-хан) 17, 24–27, 69, 82, 108, 109, 138, 185, 200, 218, 222, 239, 240, 245, 248, 313
- Шамс Сирадж Афиф** 249
- Шараф** 326
- Шараф-ад-дин Али-и Йезди**, маулана 315
- Шараф-ад-дин Хусейн** 268, 276, 293
- Шараф-уд-дин**, шейх 322, 323
- Шафан**, мулла 159
- Шах Абу-л-маали** 171, 198, 199, 209, 211, 215, 220, 225, 239, 240, 301, 305, 313
- Шах Барди-хан** (Шах Барди Бият) 91, 264, 272
- Шах Будаг-хан**, см. Бидаг-хан Каджар
- Шах Будаг султан** 288, 289
- Шах Валад** 24, 25
- Шах Вали Атка** 207, 221, 222, 305
- Шах Касим Тагай** 97, 274
- Шах Кули Наранджи** 73, 101, 111, 146, 152, 182, 183, 210, 279, 290
- Шах Кули Систани** 81
- Шах Кули султан** (Шах мирза Кандагари) 59, 118, 264, 280
- Шах Кули султан Афшар** 54, 60
- Шах Кули султан Истаджлу** 55
- Шах Мансур**, см. Мансур Юсуфзай
- Шах Мирза Султан** 88, 282, 290
- Шах Мухаммад** 139, 155, 170, 292
- Шах Мухаммад Султан Хисари** (Султан-и-Хисар) 143, 144, 284, 289
- Шах Хасан бек**, сын Шахбека Аргуна 107
- Мирза **Шах Хусейн бек**, сын Шахбека Аргуна, Кара Кули 22, 246, 253
- Шахам Али Джалаир** 72
- Шахам Хан бек Джалаир** (Шахам-хан Джалаир, Шахам бек) 81, 136, 146, 180
- Шахбаз-хан** 211
- Шах мирза**, сын Мухаммад Султан мирзы 139
- Шахр Бану бегим**, сестра Бабура 39, 253, 279
- Шахрух**, сын Тимура 276
- Шах Фахр-ад-дин** 210

- Шейх Али Барин** 90
- Шейх Хусейн** 326
- Шейх Юсуф Карарани** 183
- Шейхам Ходжа**, см. Шайхам Ходжа Хизри
- Шер Али бек** 110, 112, 113, 114, 120, 129, 137, 199, 280, 283, 301
- Шер Мухаммад Пакна**, см. Сайид Мухаммад Пакна
- Шерафкан**, см. Шир Афган
- Шер-хан Сур**, см. Фарид Шер-хан Сур
- Шир Афган** (Афкан), сын Кучбека (Шер-афкан бек, Шерафкан) 79, 88, 89, 91, 104, 106, 109, 111, 112, 277
- Шихаб-ад-дин Ахмад-хан** 210, 211, 224
- Шихаб-хан** 222
- Элиас Н.** 266, 316
- Эллиот Г.** 303, 306, 307, 316
- Эрскин В.** 260, 285, 291, 293, 298, 299, 300, 307
- Эте Г.** 313, 316
- Юнус Али** (?–1546) 93
- Юсуф афтабчи** 190
- Юсуф Мухаммад-хан**, брат Азиза Кокалташа 18
- Юсуф-хан** 294
- Юсуф-хан Чак** 299
- Юсуф Чули** (Юсуф Харкун) 66, 267
- Ядгар Мухаммад Насир мирза** 28, 38–39, 76, 83, 90, 96–98, 100, 107, 253, 270, 272, 274, 283
- Ядгар султан Мослу** 61
- Якуб** 65, 267
- Якуб мирза** 60
- Якут**, историк 259, 299, 316
- Яр Али султан Таклу** 60
- Ясин Даулат** 148, 152, 157, 158
- Яфис** (библ. Иафет, Алунджа-хан) 10
- Яфис Оглан**, см. Турк

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббурдан** (Оббурдон) 286
Абдара 110
Аб-Истада (Аби-Истада) 75, 270
Абхар (Эбхер) 57, 263
Агра 8, 30, 205, 206, 221, 227, 231, 232, 279, 293, 305, 308, 313, 328, 329, 330, 333
Аджмир (Аджмер) 30
Азербайджан 290
Айбак (Хиибак) 124, 141, 142, 147, 281, 290
Акабин 112, 113
Аланг Чалак 127, 140, 282
Аланджак 292
Алеппо (Халеб) 306
Алигар 166
Алишанг 166
Амаркот (Умаркот) 12
Амударья (Джейхун) 102, 275, 283, 286, 287
Андараб 37, 100, 101, 110, 128, 129, 130, 141, 156, 160, 183, 198, 224, 253, 275, 282, 283
Андархой 200, 301
Андеркат 33
Ар 292
Аргандаб 75, 82
Ардебиль (Ардабил) 61–63, 210, 265, 266, 273
Арканди 90, 91
Атток 248
Аубах (Обе) 253
Ауд (Аудх, Айодхья) 158, 162, 211, 215, 221, 340
Ауджан 290
Аулия Ханджан (Хинджан) 156, 292
Афганистан 7, 98, 163, 253, 258, 261, 266, 268–271, 275–277, 279, 281, 282, 286, 288–295, 297, 301, 305
Ахмадабад 333
Баба Кучкар (Баба Рам) 169
Баба Шаху 143
Багдад 62, 265, 279
Баг-и-вафа 298
Баг-и-сафа 183, 298
Баглан (Баклан) 253, 275, 286, 288
Бадамдарах 135
Бадахшан 37–38, 66, 82–83, 86, 96, 100–102, 107, 110, 118–121, 124–128, 130, 137, 140–141, 147–149, 154–156, 158, 160, 164, 167, 232, 253, 265, 271, 272, 275, 276, 278, 280, 286, 288, 308
Бадгис 289
Бадпадж 163, 171
Базарак (Паранди) 128, 283
Баламургаб 289
Балтистан 251
Балх 120, 121, 124, 136, 137, 140–142, 144–145, 147, 167, 285, 287–291, 301
Бамиан 104, 149, 152, 154, 277, 279, 292
Бан (Бин, Баин) 189, 299
Бангаш 127, 168, 171, 187, 298
Банги (Бунги) 130, 156, 283, 285, 292
Бандгаша (Бандкаша) 136
Банди-Амир 292

- Бараки-Барак** 295
Баран 151, 171
Барах 253
Бард 58
Барн 37, 253
Баст (Буст) 43, 72, 269
Бахада 301
Бахар 323
Бахарз 53, 260
Белуджистан 98, 246, 254, 274, 328
Бенарес (Варанаси) 313, 334
Бенгалия, Бенгал 30, 65, 205, 206, 250, 256, 334
Биана 8, 205, 221, 224, 282
Биас 239
Биджана 213
Бикрам (Беграм, Пешавар, Пешавур) 196, 208, 222
Бини Хисар (Бени Хиссар) 92, 272
Бистам 56, 262
Бихар 206, 249, 250, 267
Бихат, см. Джелам
Бихзади 169
Бихсуд (Бехсуд) 175, 177, 182, 183, 297
Будаон 223
Бурджнард (Беджнурд) 261
Бури 111
Бухара 289
Бхаккар 28, 39, 66–67, 107, 108, 291
Бхараидж (Бахраич) 331, 332
Бхира (Бхера) 29, 248
Вараск 102, 276
Вахш 287
Восточный Туркестан 277
Газаргах 262
Газни (Газна) 37, 69, 75, 90, 92, 97, 106–108, 114, 126, 139–140, 154, 155, 158, 166, 168, 169, 171–172, 176, 185–186, 188, 198, 200, 234, 270, 271, 275, 292, 298, 299, 308, 312
Газу-и-Шахидан 167
Ганг (Ганга) 206, 267, 329, 330
Гандамак 172, 295
Гардез (Гардиз) 91, 168, 187
Гармсир 40, 42, 63, 72
Гархи 247
Гаур 250, 299
Гах (Ках) 63, 266
Гвалинар (Гвалияр, Гвалиор) 30, 203, 249, 269, 312, 331
Герат 43–45, 48, 53–55, 60, 63–66, 142, 145, 199, 253, 255, 256, 259–262, 267, 270, 274, 282, 288, 290, 296, 326
Гери Руд (Герируд, Херируд) 261
Гидасп (Гидаспа), см. Джелам
Гильменд (Хелманд) 254, 266, 269, 271
Гиндукуш 275, 278, 282, 283
Гомаль 274
Горбанд (Горбенд, Гурбанд) 104, 121, 125, 146, 150, 152, 158, 277, 282, 292
Гори 110, 120, 129, 275, 280
Гошкан (Джошакан, Джошаган) 257, 328
Гуджарат 8, 65, 235, 236, 310, 333
Гузаргах 175
Гульбихар 121, 128, 282, 283
Гулькар 170, 294
Гунабад 57
Гур 301

- Гургаон**, см. Ревари
Гурнан (Гури) 53, 137
Давар Замин (Девори Замин, Замин Давар) 43, 79, 88, 90, 97, 107, 118, 139, 199, 200, 270, 301
Дака (Дакка) 170, 295
Дамаган 56, 262
Даман-и-кох 169, 218
Дандан Шикан 291
Данкот 36, 252
Дарагаз 144, 145
Дара Кибчак (Кипчак), Чардар 152, 291
Дара-юсаф 290
Даури (Джалка Даури) 90
Декан 8, 263
Дели (Дихли) 7, 18, 189, 212, 220, 221, 231, 234, 267, 296, 302, 308, 310, 311, 325, 326
Дех-Афганан 111
Джаджакту (Чичакту) 142
Джайпур (Дхундхар) 30, 250
Джалалабад (Джелалабад, Джуи Шахи) 37, 158, 168, 170, 171, 172, 175, 208, 240, 266, 292, 295, 297, 298
Джаландхар 212, 303
Джам 54, 55, 262, 269, 273
Джам (Джамруд) 53
Джамму 251, 190, 299
Джамна (Джумна, Ямуна) 66, 221, 231, 307, 311, 329
Джампур 227
Джаприар (Чаприхар) 172, 295
Джаунпур 274
Джелам (Бихат) 188, 248
Джирм (Джурм) 148
Джун 22
Динкут (Динкот), см. Данкот
Динпанах 311
Дипалпур 211
Дих-и-Мамура 291
Дих-и-сабз 166
Дихли, см. Дели
Дука (Дуки) 98, 274
Дхундира, см. Джайпур
Европа 46, 58, 334
Египет (араб. Миср) 14
Екка Ауланг, см. Яка Уланг
Забуль 271
Заваха 53
Замин Давар, см. Давар Замин
Заминдавар 75, 270
Замзама (Зама) 111, 156, 298
Занган 263
Зарадж 254
Зафар, см. Кила-и Зафар
Зерафшан 286
Зияратгах 54, 65
Зурабад 269
Зухак (Зуххак) 104, 120, 149, 152, 154
Зхоб 274
Инд 36, 170, 172, 188, 191, 194, 196, 206, 209
Индия 6, 7, 8, 9, 12, 13, 30, 66, 138, 139–140, 142, 145, 155, 158, 161, 182, 183, 187–191, 193, 196, 198, 202–208, 211–212, 216–217, 219–221, 224–225, 227, 255, 257, 264, 268, 270, 272, 292, 293, 299, 300, 303, 305, 306, 311, 312, 320, 323, 334, 336
Ирак 40, 43, 54, 155, 247

Иран (Персия, Фарс) 6, 7, 8, 20, 23–24, 41–43, 54, 64, 66, 68, 72, 109, 139, 147, 199, 200, 247, 254, 256, 258, 263, 265, 267, 268, 270, 276, 277, 301, 303, 320, 326, 328

Исламабад 137

Испахан (Исфахан) 328

Исталиф 120, 141, 275

Исфараин 54, 261, 309

Ишкамиш 102, 136, 137, 224, 275, 286

Ишкашим 275, 286

Йезд 46, 49, 58, 326

Кабалхак 272

Кабул 14, 23, 28, 34, 36–39, 62–63, 66, 68–69, 72, 75, 79, 81–83, 85–87, 89–93, 96, 100–101, 103–112, 116, 119, 121, 124–125, 127–129, 136–138, 140, 143–151, 154, 156–158, 160–162, 164–165, 169, 171, 175, 177, 182–184, 186–187, 190–191, 194, 196, 198, 200, 207–208, 216, 221–222, 224–225, 228, 236, 252, 253, 258, 265, 266, 268, 275, 277, 279, 282, 283, 287, 291, 300, 304, 313, 326, 328

Кабул, река 277, 282, 295, 297, 298

Кавказ 274

Каган 249

Казвин 44, 56, 255, 256, 263, 267

Кайсар 289

Калаи Зафар, см. Кила-и Зафар

Каланур 211, 240

Калаоган (Калаган) 102, 276

Калат-и Гилзай 69, 271

Калинджар 30

Калькутта 330

Кампанир 274

Канар 170

Канаудж (Каннаудж) 250, 227, 273

Кандагар 20–23, 25–28, 37–39, 43, 61–62, 68–69, 72–75, 77–78, 81–82, 85–90, 95–96, 106–107, 111, 118, 126, 147, 154, 161–162, 169, 171, 198–200, 228, 246, 248, 253, 264, 266, 269, 273, 275, 280, 298, 301

Канди 278

Кант Гола (Канто Гола) 223, 305

Кара Баг 100, 125, 127, 146, 151, 169, 275

Каратигин (Каратегин) 137, 287

Каршу 53

Касба-и-Систан 254

Кахлур 190

Кахм 277

Кахмард (Кахмерд) 104, 110, 137, 155, 156, 277

Кашан 58, 257, 265, 266, 328

Кашгар (Каши) 33, 139, 146, 197, 251

Кашмир 28, 32–35, 93, 138, 140, 193, 194, 249, 251, 252, 287, 294, 298, 299, 331

Кветта 246

Кербала 54

Керман (Кирман, Кармания) 60, 328

Кибчак (Дашти-Кипчак) 162, 164, 291, 293

Кила-и Зафар (Калаи-Зафар) 37, 82, 102, 104, 124, 128, 130, 137, 148, 283

Килат (Калат) 108, 271

Килат (Келат-и-Гилзай), см. Калат-и Гилзай

Китай 258

Кишм 102, 124, 125, 130, 134, 276, 286, 288

Кокча 103, 277

- Котал Минар** (Кутал-и-Минар) 125, 169
- Кулаб** (Кулоб, Куляб) 102, 124, 132, 137, 140, 147–49, 153, 157, 275, 281, 287
- Кундуз** (Кандуз) 100, 102, 110, 129, 137, 147, 148, 171, 177, 275, 277, 281, 286, 288
- Кунер** (Кунар, Канур) 294
- Курдистан** 279
- Кутал-и-Минар**, см. Котал Минар
- Кухи Баба** 282
- Кызылсу** 275
- Кызылдузен** 265
- Лаки** (Лахи, Лаху) 63, 88, 266, 271
- Лакхнау** (Лакнау) 308
- Лаландар** 169
- Ламган** 169
- Лар** 33
- Лахор** 12, 29, 65, 210, 214, 220, 225, 227, 239, 276, 292, 310, 328, 329, 333
- Лохгар** (Логар, Лахугар) 165, 171, 294, 295
- Лудхияна** 303
- Лухри** (Лохри, Рухри, Рохри) 39
- Маадин** 262
- Мавераннахр** 7, 142, 144, 145, 200, 277
- Мазари-Шариф** 289
- Маймане** (Меймене) 142
- Малва** 205
- Малый Кабул** 282
- Мамура** 83, 146
- Мандраур** 166, 183
- Манду** 227, 252
- Манкот** 190, 203, 240
- Мари** 253
- Мастанг** (Мастунг, Маштанг) 22–24, 98, 246
- Матча** (Масиха, Масикха) 286
- Мачивара** (Мачхивара) 190, 213, 214, 217, 303
- Меват** 203, 221
- Медина** (Мадинат-ан-Наби) 299
- Мекка** (Умм аль-Кура) 132, 167, 196, 236, 247, 248, 253, 280, 281, 285, 287, 299, 300, 311
- Мерв** 7, 37–38, 194–195, 198, 210, 236, 261, 309
- Мешхед** 42, 47–49, 53, 55–56, 62–63, 66, 256, 261, 262, 266, 273, 294, 328
- Мианкаль** 299
- Мидия** 40, 58
- Минар**, см. Пай Минар
- Мират** 223
- Михрджан** 261, 309
- Мияна** (Миана, Миане) 61, 265
- Мосул** 60, 265
- Мугулистан** (Моголистан) 102
- Мук** (Муксу) 137, 297
- Мульта́н** (Мултан) 36
- Мунаир** 323
- Мури** 162
- Мухаввалат** 53
- Нагз** 91
- Нагор** 30
- Нари** (Нарин, Нахрайн) 102, 136, 137, 141, 275, 286, 287
- Нарнад** (Надияд) 253
- Наушахр** 32, 251
- Нехнихал** (Негархар, Нангархар, Некнихар) 173, 266, 295, 297
- Нилаб** 170, 172, 208, 298

- Нильбар** 141
Нимлах 331
Нишапур 56, 213, 256, 260–262, 309
Нургил (Нургал, Наргил) 170, 294
Обихингоу 287
Пагман 90
Пай Минар 83, 111, 112
Пайен 111
Пакистан 246, 248, 249, 253, 268, 274, 295
Пакти 34
Палам 18, 245
Панджху 292
Панджшир (Панджшер) 125, 127, 128, 138, 141, 253, 279, 282, 283, 288
Панипат 7
Пануч 251
Панхан 329
Парван 277, 279, 291
Париан (Парйан) 137, 253, 288
Пенджаб (Панджаб) 189, 193, 202, 205, 206, 214, 218, 220, 225–227, 234, 239, 248, 303, 305, 329, 330
Персия, см. Иран
Пешавар (Беграм, Бикрам) 312
Пяндж 275, 281
Равалпинди 248
Раджаур (Раджаури, Раджаори) 34, 331
Райсин (Райсен) 30
Рантханбхур 30
Ревари 203, 302
Регак (Котал Рекак) 110, 279
Рей 56, 263
Ротас 249
Рохилканд 305
Рохтак 222
Рохтас 30, 202, 208, 209, 249
Ругни 75
Рум (Малая Азия) 265
Рустак 124, 149
Рухри, см. Лухри
Сабзвар (Сабзавар, Себзевар) 46, 56, 62, 79, 155, 256, 261, 267, 328
Савук Булак 59
Сал Ауланг (Саулах-Ауланг) 152, 156, 292
Салимгарх 221
Самана 220, 221
Саманган 281, 289
Самарканд 7, 276, 277, 286, 299
Самнан 56, 262
Санбал (Самбал, Самбхал) 221, 223, 282
Санджад Дара 120
Сарай Фархад 53
Саранг 32, 249
Сарахас (Серахс) 54, 261
Сар-чашма 22
Сатладж (Сатледж) 213, 303
Сафид (Сафед) Кох 297
Сафид (Сафед) Санг 180, 297
Саханд 61
Сахара 40
Сейистан (Систан) 42, 55, 60, 63, 254, 255, 261, 264
Сиалкот 299
Сиби (Сиви) 22, 246
Сивалик 202
Сикандарпур (Сикандар) 313

- Синд** 21, 37, 65, 98, 107, 208, 246, 274, 299, 303, 305
Сирия (Шам) 167, 256
Систан, см. Сейистан
Сихринд (Сирхинд, Сахринд) 9, 67, 146, 212, 214, 220–223, 226, 239, 303, 304, 311
Сиях-аб 172, 295
Сиях Санг 76, 169, 270, 282
Соляной хребет 249, 299
Сорун 329
Спингхар 297
Средиземноморье 274
Средняя Азия 6, 7, 274, 289
Сринагар 35
Сулеймановы горы 274
Султания (Султанийе) 56–57, 59, 255, 263
Султанпур 239
Сунак-Курган 282
Сурлик 56, 61
Сурхаб 295
Сурхаб (Сурх-руд) 295
Суфиябад 56, 262
Сухан 299
Табас Килаки (Тебес) 43, 255, 260
Табриз (Тебриз) 61–62, 65–66, 265, 267
Тактия Химар (Камар) 91, 272
Таликан (Талукан) 102, 110, 124, 128–130, 134, 137, 148, 149, 268, 276, 278, 283, 285, 286, 287
Тарам 62, 266
Тарк (Рават Тарк) 63, 266
Таршиз 53, 260
Татта 21–22, 39, 107, 108, 196, 246
Тахар 275, 276
Тахт-и Сулейман 264, 276
Тегеран 262, 263
Тереклитау 281
Термез (Термиз) 161, 171, 293
Тибет 34
Тирах 298
Тири (Тарин, Таринкет) 88, 89, 97, 107, 271, 272, 299
Торбете-Джам 266
Тун 302
Туран 104, 110, 118, 320, 328
Турбат (Турбат-и-Хайдари, Торбете-Хейдерие) 54, 261
Туркестан 200, 267, 277, 313
Турция 289
Тус 74, 257
Ук 43, 255, 260
Уланг 100
Уротеппа (Ура-тюбе, Уратипа) 286
Урта Баг 94, 112, 126, 164, 274
Уштар Карам (Грам) 138, 139, 161, 166
Фаранхуд 193
Фарах (Фаррах) 54, 60, 255, 261
Фарс, см. Иран
Фарсах 257
Фарьяб 289
Фатехпур-Сикри (Фатехпур, Фатхпур) 298, 320, 328, 329, 330, 333
Фергана 286
Фирузабад-и-Дихли, см. Дели
Фушандж (Бушанг) 53, 259
Хавак 279
Хазараджат 112, 114, 120, 301

- Хазратишох** 281
Хайбар (Хайбер) 189, 295
Хайрабад 283
Халхал 62
Хамадан (Экбатаны) 263
Хамалинкан (Хамаланган) 124
Хамун 254
Ханабад 275
Ханпур 35
Харазбил 62, 266
Хардвар 329
Хархана (Хариана) 211, 240
Хатлан, см. Кулаб
Хатхиапур (Хауз-и-Сулайман) 29
Хаф 49, 53, 66
Хашт Биҳишт, см. Чарбаг
Хиджаз 20, 24, 133, 138, 167, 194–195, 285, 299
Хинду Кох 121, 125, 126, 128, 160
Хирапур 35
Хирманд (Халманд, Хилманд) 42
Хисар (Гиссар) 221, 222, 225, 305, 306, 313
Хисар Фируза (Хисар) 226, 239, 331
Ходжа Рег Раван 97
Ходжа Риваз (Ходжа Раваш) 275
Ходжа Се Яран (Ходжа Сех Яран, Сийаран) 97, 110, 146, 274
Ходжа Пуште 111
Хорасан 7, 40, 44, 54, 67, 155, 200, 201, 256, 301, 328
Хорезм (Хваризм) 197
Хузистан 328
Хулм (Хульм, Ташкурган) 142, 143, 289
Хульбук, см. Кулаб
Хуст (Хост) 100, 102, 110, 128, 129, 137, 149, 275
Хутгалайн, см. Кулаб
Хушаб 29, 36, 248
Чалак, см. Аланг Чалак
Чандири 30
Чашпаргата 206
Чарбаг (Чар Баг, Хашт Биҳишт) 82, 94, 168, 298
Чарикаран (Чарикар) 111, 113, 151, 157, 164, 279, 291
Чарх 165, 295
Чауза (Джауза) 64, 273, 306
Чахар Баг 52–53, 75
Чахар Дара 78
Чахар Чашма (Четыре источника) 290
Чинаб (Ченаб) 299
Читор (Читтор) 30
Читрал 253
Шал, см. Кветта 22, 39, 88, 98, 246
Шам, см. Сирия
Шаммаси 62, 266
Шахдан 104
Шахджаханпур, см. Кант Гола
Шахристан 255
Шахрруд 262
Шашан 102, 275
Шибарту (Шибар) 110
Шорандам 198, 199
Юрат Чалак 100
Яйлак Билак 59, 263
Яка Уланг 155, 292
Яса 267

Список миниатюр

1. Акбар со змеей. XVII в. ГМБ, инв. № 204 II.
2. Рождение принца. Кон. XVI в. РНБ, Дорн 489, л. 9.
3. Школа. 1566–1567 гг. РНБ, ПНС 110, л. 90 об.
4. Носильщики в горах Кашмира. Ок. 1600 г. ГМБ, инв. № 1976 II.
5. Моголы посещают лагерь Садхус. Ок. 1565 и 1635 гг. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 47 а.
6. Женщина с нимбом. 1-я четв. XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 41 (г).
7. Бальчанд. Сцена борьбы акробатов. Кон. XVI — нач. XVII в. ГМБ, инв. № 587 II.
8. Купание. XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 37.
9. Портрет молодой женщины. 1-я четв. XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 41 (а).
10. Торжественная встреча. XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 43.
11. Юноша на коне. Кон. XVI — нач. XVII в. ГМБ, инв. № 1965 II.
12. Посещение рассказчицы. XVII в. ГМБ, инв. № 1571 II.
13. Юноша с учителями. Ок. 1635 г. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 59 а.
14. Шахский сын, раздающий милостыню. Сер. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 59 а.
15. Йогини и женщины. Кон. XVII — нач. XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 60 а.
16. Женщины, пришедшие к мудрецу. Кон. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 60 а.
17. Сражение в лагере. Кон. XVI — нач. XVII вв. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 54 а.
18. Саййид Хан Джахан Бхара в разгар битвы. Сер. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 55 а.
19. Чтение поэзии. Ок. 1630 г. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 70 а.
20. Празднество в саду. Ок. 1630 г. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 70 а.
21. Придворный в тёплой одежде. Сер. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 17 а.
22. Знатные дамы на террасе. Ок. 1700 г. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 65 а.
23. Животные. Ок. 1610 г. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 72 а.
24. Чтения у костра. Нач. XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 66 а.
25. Знатная дама, слушающая музыку. Нач. XVIII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 66 а.
26. Юноша-всадник. Нач. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 1 а.
27. Имад аль-Хасани. Образцы каллиграфии. 1594–1595 гг.; нач. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 6 б.
28. Вознесение Мухаммада на Бураке. 1598 г. РНБ, ПНС 276, л. 8 об.
29. Хумаюн и Акбар с приближёнными. Сер. XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 40 а.
30. Мавзолей Хумаюна в Дели. Сер. XVI в. Фотоагентство ИД «Агни».

Содержание

С.Н. ВОРОБЬЁВА. Детство Акбара. «Евангелие детства» от Абу-л Фазла	5
ГЛАВА 28. Необычайное проявление Его Величества, Царя Царей, на восьмой месяц после возвышенного момента его рождения (<i>шараф</i>), явившееся сияющей гранью чудес (<i>карамат</i>) и предзнаменованием успеха (<i>макамат</i> , букв. «стадии» или «этапы»)	17
ГЛАВА 29. Отбытие Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Кандагар с целью отправиться оттуда в Хиджаз и его решение посетить Персию	20
ГЛАВА 30. Краткое описание плачевно завершившегося жизненного пути Шер-хана	29
ГЛАВА 31. Краткий рассказ о мирзе Хайдаре	32
ГЛАВА 32. Краткий рассказ о жизни мирзы Камрана	36
ГЛАВА 33. Поход священного войска Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Хорасан и Мидию (Ирак) и рассказ о том, что произошло в пути	40
ГЛАВА 34. Возвращение Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Персии и прибытие Его Величества Шахиншаха из Кандагара в Кабул	68
ГЛАВА 35. Его Величество Шахиншах побеждает в поединке Ибрахим мирзу и радостно бьет в барабан славы	70
ГЛАВА 36. Прибытие армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Гармсир и взятие крепости Баст	72
ГЛАВА 37. Прибытие армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Кандагар, его осада и взятие	74
ГЛАВА 38. Завоевательный поход армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Кандагара в Кабул и покорение этой территории	85
ГЛАВА 39. Празднества по случаю обрезания шахиншаха, истолкования и чудеса, совершённые нежным цветком сада славы	94
ГЛАВА 40. Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни на Бадахшан, победа и другие события этого года	100

ГЛАВА 41.	Рассказ о том, как мятеж мирзы Камрана [способствовал] раскрытию тайн [Божественного] замысла, и о правлении [Камрана] Кабулом	105
ГЛАВА 42.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Бадахшана на Кабул и осада города	110
ГЛАВА 43.	Явление великих чудес Его Величеством Шахиншахом и взятие Кабула	116
ГЛАВА 44.	Определение Его Величества Шахиншаха в школу и другие события, произошедшие в это время	122
ГЛАВА 45.	Отбытие мирозавоевающей армии Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Бадахшан и ее победоносное возвращение в Кабул	127
ГЛАВА 46.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Кабула в Балх, его возвращение из-за вероломства мирзы Камрана и лицемерия военачальников	140
ГЛАВА 47.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Кабула, борьба с мирзой Камраном и другие поучительные происшествия	150
ГЛАВА 48.	Возвращение Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Бадахшана, сражение [Его Величества] с мирзой Камраном и вступление в Кабул после победы	160
ГЛАВА 49.	Его Величество Шахиншах получает во владение селение Чарх, предсказания прорицателей на сей счет	165
ГЛАВА 50.	Очередной поход Его Величества Джаханбани, направленный на тушение пламени бунта мирзы Камрана	168
ГЛАВА 51.	Следующий поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, целью которого было подавить поднятый мирзой Камраном мятеж, а также [рассказ] о мученичестве мирзы Хиндала	172
ГЛАВА 52.	Передача территории Газни Его Величеству Шахиншаху и возвышение некоторых избранных служением ему	176
ГЛАВА 53.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни из Бихсуда против афганских племен, с которыми замышлял мятеж мирза Камран, и бегство последнего в Индию	182

ГЛАВА 54.	Его Величество Шахиншах отправляется в Газни и возвеличивает это место своим пребыванием	185
ГЛАВА 55.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Бангаш и наказание мятежников; поднятие знамени похода в Индию; захват мирзы Камрана и возвращение в Кабул	187
ГЛАВА 56.	Поход Его Величества в Кандагар и возвращение оттуда	198
ГЛАВА 57.	Краткий рассказ о событиях и невзгодах, происшедших в Индостане в дни волнений	202
ГЛАВА 58.	Поход Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни в Индию и победа, одержанная им там благодаря удаче, сопутствующей Царю Царей (Акбару)	207
ГЛАВА 59.	Явление великих чудес, оглашение добрых вестей о Его Величестве Шахиншахе и другие благоприятные события	216
ГЛАВА 60.	Поход Его Величества Шахиншаха в Пенджаб по приказу Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни	225
ГЛАВА 61.	Краткий рассказ о Его Величестве Джаханбани Джаннат-ашияни и описание некоторых примечательных изобретений и нововведений	227
ГЛАВА 62.	Пророческое озарение о [скором] путешествии в мир святости, отразившееся на внутреннем зеркале Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, и уход в этот мир	234
ГЛАВА 63.	Об укрепляющих власть деяниях Его Величества Шахиншаха со времени его счастливого отправления в Пенджаб до его священного восшествия на престол	239
ПРИМЕЧАНИЯ		245
ПРИЛОЖЕНИЕ	Аин-и-Акбари. Избранные главы	317
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		337
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		356
СПИСОК МИНИАТЮР		364

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга вторая

Редактор *О.Н. Костина*
Технический редактор *Л.И. Введенская*
Компьютерная вёрстка *Н.И. Вдовенко*
Корректор *О.Н. Зызлаева*

Подписано в печать 27.07.2005. Формат 70 x 100/₁₆
Бумага офсетная и мелованная. Усл. печ. л. 29,9
Тираж 1500 экз. Заказ 1/0926

ООО «Издательский дом «Агни»
443110, Россия, Самара, ул. Мичурина, 23
Тел. (846) 270-32-87; тел/факс 270-23-85
Электронная почта: cdk@samara.ru. Интернет: www.agni.com.ru

Фотоагентство: тел. (846) 270-32-90
Электронная почта: bank@agnipphoto.com. Интернет: www.agnipphoto.com

Для заказов: тел.: (846) 270-23-77, 270-23-87; факс 270-23-77
Электронная почта: book@agniart.ru. Интернет-магазин: www.agniart.ru
Книга — почтой: 443110, Россия, Самара, а/я 10468

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Агни»
Тел/факс (846) 270-32-88